90 коп. Индекс 70145

НОВЫЕ КНИГИ

Аврех А. Я. **Масоны и революция.**— М.: Политиздат, 1990.— 350 с.— 90 к.

Бухарин: человек, политик, ученый.— М.: Политиздат, 1990.— 414 с.— 1 р. 10 к.

Иваненко В. И. **Выполняя свой долг.** Из записок дипломата.— М.: Политиздат, 1990.— 240 с.— 1 р.

Летописцы Победы.— М.: Политиздат, 1990.— 248 с.— 2 р. О военных журналистах, запечатлевших подвиг народа в 1941—1945 гг.

Раскольников Ф. Ф. **Кронштадт и Питер в 1917 г.**— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1990.— 320 с.— 1 р. 10 к.

Скрынников Р. Г. **Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев.**— 2-е изд., испр., доп.— Новосибирск: Наука, 1990.— 238 с.— 70 к.

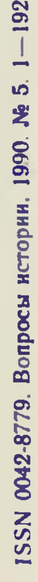
Черняк А. В. **Учиться у Ленина деловитости, принципиальности, гуманизму.**— М.: Политиздат, 1990.— 335 с.— 85 к.

Шишов А. В. **Минин и Пожарский.**— М.: Воениздат, 1990.— 160 с., ил.— 35 к.

Яковлев А. Н. **Реализм — земля перестройки.** Избранные выступления и статьи.— М.: Политиздат, 1990.— 544 с.— 1 р. 20 к.

Книги по истории можно приобрести или заказать в магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

В. О. «Союзкнига»

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

НОВЫЕ КНИГИ

Април 1876. Спомени. Сб. е посветен на 110-г. от Априлското въстание. Подбор и ред. Светла Гюрова и др. София. Бълг. писател. 1987. 801 с. (40) л. портр.

Българската нация през Възраждането. (Сб. от изследвания). Бълг. акад. на науките, Инст. по история. Ред. колегия: Хр. Христов (отг. ред.) и др. Т. I. 525 с. Т. 2. 327 с. София. Изд-во на БАН. 1980—1989.

ГОЦЕВ С. Националнореволюционни борби в Малешево и Пиянец, 1860—1912. София. Изд-во на Отечествения фронт. 1988. 269 с.

ГРЪБЧЕВА М. Закъснели отговори. 2. изд. София. Воен. изд-во. 1988. 203 с. (8) л. портр.

КАРАСИМЕОНОВ Г. Социалреформистките партии, обществено влияние и политическа роля. София. «Климент Охридски». 1988. 272 с.

КУЗМАНОВА А. От Ньой до Крайова. Въпросът за Южна Добруджа в междунар. отношения (1919—1940). София. Наука и изкуство. 1989. 306 с.

КУЗМАНОВ П. Войводата Цеко Петков. София. Воен. изд-во. 1989. 185 с.

МАРКОВ Г. България в Балканския съюз срещу Османската империя, 1912—1913. София. Наука и изкуство. 1989. 457 с.

МИЛЕВ С. В конспирацията. Спомени за нелегалната антифашистка дейност на моряците от Беломорския флот в гарнизона на гр. Кавала по време на Втората световна война. София. Партиздат. 1989. 395 с. (10) л. ил., портр.

СТОЯНОВ И. Либералната партия в княжество България, 1879—1886. София. Наука и изкуство. 1989. 240 с.

ЯВОРСКИ М. Книга за Левски. Пловдив. «Христо Г. Данов». 1987. 382 с.

BASKAI V. Városok és városi társadalom Magyarországon a XIX. századi elején. Budapest. Akad. kiadó. 1988. 231. old.

GERŐ A. Az elsöprő kisebbség. Népképviselet a Monarchia Magyarországán. Budapest. Gondolat. 1988. 293. old.

HAJNAL I. Az újkor története. Budapest. Akad. kiadó. 1988. VI, 620. old. (12) l. térk.

NÉMETH J. Értelmiség és konszolidáció. 1956—1962. Budapest. Kossuth. 1988. 196. old.

ELSNER L., LEHMANN J. Ausländische Arbeit unter dem deutschen Imperialismus, 1900 bis 1985. Berlin. Dietz. 1988. 411 S.

Europäische Gemeinschaften. Dok. Ausgew., bearb. u. eingel. von Beleslaus Zimmermann. Hrsg. Akad. für Staats- u. Rechtswiss. der DDR. Berlin. Staatsverl. der DDR. 1988. 236 S.

ROSENTRETER R. Blaujacken im Novembersturm. Rote Matrosen, 1918/1919. Berlin. Dietz. 1988. 267 S. (16) bl. Ill., Portr. Faks.

Studien zur Geschichte der Sozialistischen Internationale. Hrsg.-Kollektiv: J. Glasneck (Leiter) et al. Halle (Saale). Martin-Luther-Univ. Halle-Wittenberg. 1988. 130 S.

Чжунго шэхуэйчжуи чуцзи цзедуань цзецзи цзегоу яньцзю. Гао Гуан дэн чжубянь. Пекин. Чжунгун чжунъян данся чубаньшэ. 3, 6, 344 с.

BASZKIEWICZ J. Francuzi, 1789—1794. Studium świadomości rewolucyjne. Warszawa. KiW. 1989. 303 s. (32) k. il.

BIELECKI R. Z czerwoną różą przez Francję. Warszawa. KiW. 1988. 205 s.

CIMEK H. Legalne chłopskie partie rewolucyjne w Drugiej Rzeczypospolitej. Białystok. KAW. 1988. 157 s. (13) k. il., portr., tab.

ŁOJEK J. Ku naprawie Rzeczypospolitej, Konstytucja 3 Maja. Warszawa. Interpress. 1988. 213 s. (25) k. il., map., portr.

GHEORGHE C., DOGARU M. Revoluţia română din 1848 reflectată în documente de metal. Bucureşti. Ed. milit. 1988. 188 p.

STIRBAN M. Din istoria româniei, 1918—1921. Probleme ale vieţii polit., econ. şi sociale. Cluj-Napoca. Dacia. 1987. 328 p.

HÁJKOVÁ A., TOMÁŠEK D. XYZ: Poslední poprava v Terezíně. Dosl. nap. Robert Kvaček. Praha. Svoboda. Mladá fronta. 1988. 414 s.

MAHLER O., RYBECKÝ V. Světové drama, 1917—1987. Praha. Panorama. 1987. 279 s. (16) l. m., il.

GRLIČKOV A. Na putevima socijalizma. Zagreb. Školska knjiga. 1987. 222 s.

NOVAK V. Magnum tempus: Ilirizam i katoličko sveštenstvo. Ideje i ličnosti, 1830—1849. Beograd. Nova knjiga. 1987. 660 (6) s.

SIMEUNOVIĆ D. Teorijski koreni partije. Beograd. Grafostig. 1987. 163 s.

BROOK-SHEPHERD G. Monarchien im Abendrot. Europas Herrscherhäuser bis 1914 (Aus dem Engl. von Gunther Martin). Wien, Darmstadt, Zsolnay. 1988. 437 S. (8) Bl. Ill., Portr., K.

GRIESSER-PEČAR T. Die Mission Sixtus. Österreichs Friedensversuch im I. Weltkrieg. Wien. München. Amalthea. 1988. 414 S. (8) Bl. Ill. Portr.

LO BELLO N. Der Vatikan. Machtzentrum für mehr als 750 Millionen Gläubige. Ein aufschlussreicher Blick hinter die Tore des kleinsten Staates der Welt. Wien. Hpt-Verlagsges. 1988. 123 S.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 5 МАЙ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

Ежи Топольски

Методология истории имеет два источника. Первым является осознание самими историками того, каким образом ими проводятся исследования и пишутся тексты. В этой связи они порой делают наблюдения методологического характера, включаемые непосредственно в конкретно-исторические труды, а иногда посвящают им отдельные книги. Сказанное можно проиллюстрировать известной работой М. Блока «Апология истории, или ремесло историка», опубликованной в 1959 г., но написанной гораздо раньше (автор был расстрелян немцами в 1944 г.) [1]. Такого рода рефлексии не могли выйти за пределы обыденного сознания и поэтому относятся более к истории исторической науки, нежели к методологии истории в собственном значении этого слова. Они, однако, стимулировали интерес к проблемам методологии и создавали условия для его реализации.

Развитие собственно методологических изысканий могло начаться лишь тогда, когда под влиянием позитивизма, неопозитивизма, а затем аналитической философии сложилась общая методология наук, ставшая разделом философии, логики и математической логики. Только в то время, в первой половине XX столетия, появились современные исследования феномена науки, понимаемой как общественная практика и ее результаты. Таким образом возник второй, с тех пор главный, источник становления методологии истории, не сразу, впрочем, получивший признание историков, которые по-прежнему обходились без сознательно используемой методологии либо в общей форме размышляли над собственным научным творчеством. Философы-науковеды были в интересующей нас области более активными.

Первоначально излюбленным объектом рефлексии науковедов были самая развитая, как считалось, физика и некоторые другие естественные науки. Постепенно, однако, ситуация начинала меняться. Одним из первых проявлений новых веяний стал выдающийся труд К. Поппера «Логика исследования», увидевший свет в середине 30-х годов [2]. К этой же категории можно отнести «Методологию общественных наук» Ф. Ка-

---

ТОПОЛЬСКИ Ежи — профессор Познанского университета, действительный член Польской академии наук.

[1] Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М. 1973.
[2] Popper K. Logik der Forschung: zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft. Wien. 1935.

уфманна, «Проблему исторического знания» М. Мандельбаума[3] и др. И все же действительно поворотную роль в формировании методологии истории сыграло опубликованное в 1942 г. исследование К. Г. Гемпеля «Функция общих законов в истории»[4]. Гемпель поставил вопрос о том, допустима ли для истории и в какой мере та модель объяснения, которая получила развитие в позитивистской философии науки применительно к физике. Он утверждал, что историки, подобно представителям естественных наук, пользуются в своих интерпретациях дедуктивно-номологической моделью, в которой объяснение строится на двух посылках: сформулированных закономерностях и представлениях о конкретных причинах — так называемых исходных условиях. Поэтому историку, исследующему причинно-следственные связи, надлежит руководствоваться знанием конкретно-исторических результатов и законов исторического развития.

Идеи Гемпеля вызвали целый поток статей и книг, посвященных проблематике толкования исторических явлений. Одни поддержали его, другие — из их числа наиболее влиятельным оказался В. Дрей[5] — пытались и пытаются убедить, что историческое объяснение не строится в соответствии с моделью Гемпеля и не нуждается в апелляции к законам. С точки зрения критиков дедуктивно-номологической модели Гемпеля, историк должен объяснять действия людей, устанавливая смысл этих действий. Позднее появились попытки примирения обоих взглядов, среди которых прежде всего надо, бесспорно, назвать книгу Г. Райта «Объяснение и понимание»[6]. Сторонники синтеза не пришли к существенным результатам, так как в конечном счете тяготели либо к первой, либо ко второй точке зрения. Имели место также попытки подойти к дискуссии с марксистских позиций. К их числу относятся, в частности, работа И. С. Кона о философии истории XX в., немецкое издание которой, значительно дополняющее русский оригинал, было опубликовано в 1964 г.[7], а также «Теория исторического знания» Е. Топольского[8], предлагающая модель интегрального объяснения.

Постепенный отход от позитивизма привел не только к расширению тематики исследований, посвященных объяснению исторических явлений, но и существенным образом оживил изучение исторического повествования, к которому еще раньше проявляли интерес Б. Кроче и другие. В особенности же соответствующие изыскания получили развитие в двух направлениях. Это, с одной стороны, поиск в историческом повествовании определенных литературных образцов, под влиянием которых в той или иной мере сознательно оказывается историк, с другой — анализ истинности сделанных исследователями высказываний. Примером первого из обозначенных выше направлений являются работы Х. Уайта[9] и его учеников, а второго — книга Л. Дж. Голдстайна[10]. Этой же проблематике посвящен специальный выпуск международного журнала по методологии истории «History and Theory»[11], который позво-

[3] Kaufmann F. Methodology of the Social Sciences. Lnd. 1944; Mandelbaum M. The Problem of Historical Knowledge. An Answer to Relativism. N. Y.— Liveright. 1938.

[4] Hempel C. G. The Function of General Laws in History.— The Journal of Philosophy, 1942, vol. 39.

[5] Dray W. Laws and Explantation in History. Lnd. 1957.

[6] Wright G. H. von. Explantation and Understanding. Lnd. 1971.

[7] Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. 1959; Kon I. S. Die Geschichtsphilosophie des 20. Jahrhunderts. Brl. 1964.

[8] Topolski J. Teoria wiedzy historycznej. Poznań. 1983.

[9] White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore — Lnd. 1973; ejusd. Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism. Baltimore — Lnd. 1978.

[10] Goldstein L. J. Historical Knowing. Austin — Lnd. 1976.

[11] History and Theory. Beiheft 16, 1977, vol. XVI, № 4.

ляет ориентироваться в дискуссии об истине в историческом повествовании. Полемика в основном ведется между так называемыми реалистами, считающими категорию истины необходимой для историка, и так называемыми идеалистами, провозглашающими непознаваемость прошлого, а также утверждающими, что историк сам «конструирует» исторические факты.

Итак, проблемы исторического истолкования и исторического повествования стали самыми притягательными и дискуссионными областями методологии истории. Правда, наибольший интерес к ним попрежнему проявляют философы, занимающиеся вопросами науковедения. В то же время основание в 1960 г. уже упоминавшегося журнала «History and Theory» и его успех свидетельствуют о превращении методологии истории в полноправную и современную научную дисциплину, тесно связанную с бурно развивающейся философией науки.

До определения предметной области методологии истории еще далеко. По сей день не так уж много попыток более или менее целостного рассмотрения ее проблематики. Ими были, в частности, наши книги «Методология истории» (первое издание в 1968 г.) и «Теория исторического знания»[12], положения которых будут отправным пунктом для предлагаемых размышлений.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на введенное нами деление методологии исторической науки на прагматическую, непрагматическую и объективную. В определенной мере данная классификация утвердилась в литературе вопроса[13]. Прагматическая методология истории занимается методами изучения прошлого, непрагматическая — анализом результатов этого изучения, а объективная осмысливает предмет исторического исследования в контексте потребностей последнего. В дальнейшем мы в основном сосредоточимся именно на ней. Что же касается прагматической и непрагматической методологии, то они носят не столько практический, сколько аналитический характер. Это не каталоги практических советов из области так называемой техники исследования, а суждения, на основе которых такие рекомендации могут быть сформулированы. Методолог истории очень часто, хотя и в различной пропорции, соединяет обе точки зрения, и поэтому его рассуждения приобретают то более описательную, то более нормативную форму. Однако в каждом конкретном случае историк должен проделать большую работу, чтобы перенести извлеченное из теоретико-методологических текстов, в том числе сугубо нормативных, в плоскость своих непосредственных исследовательских потребностей.

В области прагматической методологии истории на передний план выдвигается проблематика исторического истолкования, в области непрагматической методологии — проблематика исторического повествования. В обеих присутствуют вопросы, решение которых необходимо для дальнейшего прогресса методологии истории, но которые находятся пока еще на начальной стадии разработки. К ним относится методологический анализ исторических источников и источникового знания, отличающийся, разумеется, от анализа источников с точки зрения архивистики; теория исторических моделей и методов установления исторических фактов, в том числе количественных методов в истории; проблемы верификации результатов исторического исследования; анализ факторов, оказывающих определяющее воздействие на исследовательскую деятельность историка и формулирование ее результатов.

Из этого перечня областей, которые входят или должны входить

[12] Topolski J. Metodologia historii. Warszawa. 1973; ejusd. Teoria wiedzy historyczney. Poznań. 1983.

[13] См Braembussche A. A. van den. Historical Explanation and Comparative Method. Towards a Theory of the History of Society.— History and Theory, 1989, № 1.

в проблематику методологии истории, самой существенной представляется до сих пор почти не изученная проблема внутренних и внешних факторов, детерминирующих труд историка и характер получаемых им результатов. Речь идет прежде всего о выяснении механизмов, обусловливающих именно такое, а не иное понимание историком задач своего исследования, выбор им именно такого, а не иного взгляда на мир и человека, роль науки вообще и исторических наук в особенности.

Любое научное исследование, в том числе целиком и полностью историческое, базируется на определенном видении исследователем мира и человека, иными словами, ведется в свете имеющегося знания о мире и человеке, а также определяемой ученым системы ценностей. Подобная организующая исследование система координат более или менее унифицирована воспринятой ученым идеологией, принадлежностью к научной школе и т. д. Правда, независимо от этого в конечном счете каждый исследователь привносит в работу свою индивидуальную точку зрения. Не может быть «чистого» исследования, которое бы никак не соотносилось с представлениями о мире и человеке, ценностными установками. Понимание этого стало общим завоеванием философии науки, в особенности неопозитивистской, порвавшей с крайними разновидностями позитивизма, но сохранившей его стремление к логической точности и высокую требовательность к умозаключениям.

В зависимости от того, какими «онтологическими пространствами» [14] оперирует историк, то есть от его мировоззрения, он использует те или иные методы отбора, систематизации и обобщения фактов. Так, историк, убежденный в правильности психоаналитической концепции человека, будет иначе подходить к истолкованию прошлого, нежели тот, кто убежден в истинности постулатов исторического материализма.

Знание, на которое, в разной степени отдавая себе в этом отчет, ориентируется в своем исследовании историк, носит либо более обыденный, либо более научный характер. И все же свою систему ценностей — идейные, политические, религиозные убеждения — историк может в определенной мере нейтрализовать. От характера знаний, которыми руководствуется историк, а также от степени этой нейтрализации зависит, принесут ли его усилия позитивные результаты. Указанные факторы определяют облик исследования — будет ли оно традиционным, идущим от идеологии, а не от теории, или современным, соответствующим тенденциям развития мировой исторической науки. В традиционной историографии влияющее на научное исследование знание не находится под контролем, оно может быть и обычно бывает насыщенным мифами и деформированным, а идеология прямо воздействует на содержание исторических трудов. В историографии же, которую мы назвали современной [15], в качестве системы координат выступает прошедшая верификацию теория истории. Она не допускает прямого вмешательства идейных убеждений в процесс исследования, как это имеет место в традиционной историографии, руководствующейся в основном обыденным опытом, а не теорией.

Конечно, сам выбор теории не лишен ценностной окраски, однако есть разница между непосредственным руководством идеологией и ситуацией, когда между идейными убеждениями историка, порой эклектическими, плохо осмысленными, и собственно исследованием находится отвечающая научным требованиям теория. Понятно, что как таковая она автоматически не гарантирует адекватных результатов исследования, но сам факт обращения к теории переносит историографическую дискуссию из плоскости фактографии на уровень более общих соображений.

[14] См. Topolski J. Rozumienie historii. Warszawa. 1978, s. 35—56.
[15] См. Topolski J. Teoria wiedzy historycznej, s. 22—26.

В свете сказанного становится понятной та роль, которую играет объективная методология истории для исторического исследования. Она должна снабжать историка информацией о существующих теориях исторического процесса, об их познавательных возможностях и способности интегрировать исторический материал с тем, чтобы он мог выбрать самую, по его мнению, оптимальную. Объективная методология истории, однако, не может быть лишь арсеналом теоретических концепций, ибо только это не оправдывало бы ее обособления. Теоретические постулаты нельзя непосредственно применять в исследованиях — их надлежит сначала трансформировать в методологические установки. Подобную трансформацию историк всегда производит неформальным образом. Например, положение «при феодальном строе общее движение цен обусловлено динамикой цен на продукты земледелия» нельзя ведь механически использовать при изучении причин общего повышения цен в данном месте (l) в какое-то определенное время (t). Историк должен прежде всего сформулировать методологическую установку следующего типа: «Если ты определяешь применительно к феодальному строю причины общего изменения цен, то выясни, что происходило с динамикой цен на продукты земледелия». Если окажется, что они не изменялись настолько, чтобы вызвать общее изменение цен, то данная установка открывает дорогу для поиска других факторов, которые могли повлиять на изучаемую динамику цен в месте l во время t.

Можно, конечно, теоретическое положение использовать более прямолинейно, задав категорическую установку: «Если ты изучаешь общее изменение цен в эпоху феодализма, то считай его причиной динамику цен на продукты земледелия». Такого рода понимание методологических директив является одним из источников догматизма. На почве марксизма подобная практика дает о себе знать в отождествлении теории и метода исторического материализма, что приводит к буквальному воспроизведению теоретических положений в конкретно-историческом исследовании.

Таким образом, объективная методология истории — это одновременно основа для формулирования методологических установок и, хотя бы в потенции, совокупность таких установок. Следовательно, методологию истории можно представить как некое целое, состоящее из двух частей: 1) прагматической и непрагматической методологии, то есть собрания формальных методов и суждений о результатах исследований (историческом тексте, историческом повествовании), а также 2) совокупности методологических установок, которые можно принимать во внимание в исследовании и которые уже непосредственно организуют его определенным образом. Если первую из частей можно считать методологией истории в узком смысле этого слова, то в соединении со второй частью она составляет методологию истории в широком его значении.

Основоположники исторического материализма не занимались методологией истории, понимаемой как прагматическая и непрагматическая. Следует, однако, признать, что общие принципы научной работы К. Маркса, особенно развитые им в «Капитале», применимы к историческому исследованию. В первую очередь к ним относятся принципы холизма и эсенциализма.

Принцип холизма утверждает приоритет целого по отношению к его составным частям, являясь выражением методологического антииндивидуализма. Это означает, что ведущая роль в исследовании должна принадлежать гипотезе, объясняющей целое, а не изолированной реконструкции отдельных элементов. Эсенциализм, выступающий у Маркса в единстве с холизмом, требует вскрывать в объекте исследования самые «существенные» связи, которые в наибольшей степени

определяют облик данного конкретного «целого». Понятно, что проникновение в суть вещей путем лежащих на поверхности явлений зависит от усвоенной историком системы ценностей, а также присущего ему видения мира и человека (в современной историографии — от воспринятой им теории исторического процесса). Сказанное, впрочем, касается лишь характера этой «сути». Разумеется, общий принцип холизма — эсенциализма сохраняет свою значимость по отношению к различным системам ценностей, мировоззрениям и теориям.

Принципы холизма и эсенциализма нашли у Маркса свое методологическое воплощение в методе абстрагирования или, иначе говоря, в характерной для научного творчества мыслителя процедуре идеализации [16]. Это своего рода эксперимент, в ходе которого, опираясь на знания и ценностные ориентации историка, осуществляется отбор как средств описания прошлого, так и его истолкования. В современной методологии науки указанная процедура имеет много общего с построением модели, облегчающей восприятие сложной реальности.

Вот что пишет Маркс в предисловии к первому изданию «Капитала» о применяемом им методе. Напомним, что этот вывод был сделан в связи с трактовкой важнейшей экономической категории «Капитала» — стоимости, которая выступает внешне в денежной форме, скрывающей главные внутренние взаимообусловленности. Маркс допускал, что, принимая во внимание новаторский характер его метода, понимание именно этой части рассуждений, которыми, как известно, открывается труд, будет самым нелегким. «Форма стоимости, получающая свой законченный вид в денежной форме, очень бессодержательна и проста. И, тем не менее, ум человеческий тщетно пытался постигнуть ее в течение более чем 2000 лет, между тем как, с другой стороны, ему удался, по крайней мере приблизительно, анализ гораздо более содержательных и сложных форм. Почему так? Потому что развитое тело легче изучать, чем клеточку тела. К тому же при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции... Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде» [17].

Поскольку «полное» воспроизведение какого-то фрагмента прошлого или перечисление «всех» причин данного исторического явления и процесса невозможны, исследователь, в том числе и историк, должен в первую очередь указывать на наиболее существенные элементы, «самые важные» причины и т. д. Понятно, что это будет все еще только гипотеза о целом и его «наиважнейших» частях, но вместе с тем явится шагом вперед в исследовании по сравнению с произвольным описанием событий или интерпретацией, апеллирующей к обыденному опыту. Сознательное построение «абстракции», иначе говоря, модели, невозможно без обращения к теории исторического процесса, содержащей исходные знания о мире и человеке.

Процедура идеализации в описании (разумеется, таком, которое делается с учетом принципов холизма и эсенциализма) использовалась Марксом многократно. На сегодняшний день наиболее детально изучена та, которую он произвел в «Капитале», исследуя процесс формирования стоимости и цен в условиях капитализма [18].

Что же касается прагматической и непрагматической методологии, то из марксова метода можно извлечь по крайней мере еще одну важную установку, относящуюся к историческому истолкованию. Мы назвали ее директивой интегрального объяснения.

---

[16] См. Topolski J. Dyrektywa formułowania praw idealizacyjnych. In: Elementy marksistowskiej metodologii humanistyki. Poznań. 1973, s. 23—41.
[17] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 5—6.
[18] См. Nowak L. U podstaw marksistowskiej metodologii nauk. Warszawa. 1971.

До сих пор практически не уделялось внимания рассмотрению — с методологической точки зрения — процедуры истолкования у Маркса. Много говорилось об отношении Маркса и исторического материализма к разного рода «факторам», обусловливающим исторический процесс, в особенности к экономическому фактору, что нередко приводило к приписыванию мыслителю экономического детерминизма. Подлинный анализ, однако, еще не произведен.

Прежде чем мы покажем, как Маркс понимал процедуру исторического истолкования, напомним, что автору «Капитала» было присуще не инструментальное, а реалистическое отношение к методологии. Следовательно, для него методологические директивы — не только вытекающие из теории (вторая часть методологии истории) — в этом случае все достаточно очевидно,— но также и директивы, названные нами формальными (первая часть методологии истории),— связаны с тем, как понимает историк действительность. Таким образом, директивы, касающиеся истолкования в истории, и в особенности ответ на вопрос, ориентироваться ли на дедуктивно-номологическую или мотивировочную (рациональную) модель, которая принимает во внимание действия людей, тоже уходят своими корнями в «онтологические пространства» историка.

Одним из поучительных примеров исторического истолкования является трактовка Марксом государственного переворота Наполеона III, содержащаяся в работе «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852 г.). Как известно, все свои рассуждения в ней Маркс направил на объяснение того, почему переворот удался Наполеону III. Собственную версию он противопоставил двум другим моделям интерпретации событий, предложенным В. Гюго и П. Ж. Прудоном.

Для Гюго успех переворота был результатом «личной инициативы» и «насилия» личности, для Прудона — результатом предшествующего исторического развития. Концепция Гюго, как легко заметить, ориентирована на анализ действий человека. В принципе она воссоздает картину, раскрывая мотивы поступков людей, хотя модель этого типа у Гюго выступает еще в зачаточном виде, не являясь итогом последовательного проведения какой-либо исследовательской линии. Это, впрочем, относится и к концепции Прудона. Последний помещает на авансцену исторический процесс, считая деятельность людей его пассивным элементом, неким неизбежным следствием. Модель Гюго пренебрегает условиями деятельности, тем, что без соответствующих объективных условий усилия Наполеона III оказались бы тщетными. В свою очередь, в модели Прудона не остается места для учета созидательной роли человеческой деятельности — как самого Наполеона, так и французского общества. В прудоновской трактовке присутствует историческая «необходимость», сходная с природными явлениями, и нет «созидания истории» людьми.

Между тем, критикуя Гюго и Прудона, Маркс рассматривает государственный переворот Наполеона III как пример исторической деятельности людей, он трактует его не как «естественный» продукт предшествующего развития и не как дело одной личности, зависящее лишь от ее волеизъявления, но как общий итог разнонаправленных действий людей в определенных объективных условиях. Степень влияния этих действий на конечный результат была, естественно, различной. В частности, Маркс показывает, что решающий вклад в успех Наполеона III внесло французское крестьянство, поднявшееся на защиту своих наделов и опиравшееся в этой борьбе на свой исторический опыт, породивший в массовом сознании чрезвычайно притягательный наполеоновский миф.

В своей трактовке государственного переворота Маркс, таким образом, прибегает к мотивировочному (рациональному) истолкованию, требующему раскрывать цели и обстоятельства действий, ценностные ориентации тех субъектов, поступки которых подвергаются анализу. Однако в соответствии с директивой интегрального истолкования Маркс расширяет данную модель, обращаясь к объективной стороне исторического процесса. Он не только говорит о том, что Наполеон одержал победу благодаря поддержке французских крестьян (в чем, приступая к подготовке переворота, будущий император мог и не отдавать себе отчета), но и объясняет генезис соответствующих аспектов их общественного сознания, а значит, занимается изучением исторических процессов, которые определили действия людей. Маркс показывает, что данное состояние общественного сознания сформировано, с одной стороны, «исторической традицией» (суеверным убеждением французских крестьян в том, что все утраченные ими блага вернет человек по имени Наполеон), а с другой — повседневным жизненным опытом.

Директивы холизма и эсенциализма, а также интегрального объяснения непосредственно вытекают из марксовой теории исторического процесса, то есть исторического материализма, выступающего в роли теории. Исторический материализм таким образом может для многих историков выполнять функцию объективной методологии истории — теоретической системы координат для проведения исследования, которая постоянно подвергается проверке на достоверность и обогащается. Однако спор о правильном понимании исторического материализма продолжается.

По нашему мнению, адекватная интерпретация исторического материализма, очень существенная для тех исследователей, которые руководствуются данной теорией, не может носить ни фатального, ни волюнтаристского характера. Маркс рассматривает исторический процесс одновременно с двух точек зрения: с одной стороны, как созидание истории людьми (классами, социальными группами, индивидуумами, институциями и т. д.), с другой — как глобальные результаты этого созидания. Указанные ракурсы предполагают использование в одном случае категорий деятельности и ее мотиваций, в другом — категорий объективных процессов, при изучении которых не принимается в расчет субъект, наделенный сознанием и преследующий свои цели. В самом деле, можно, например, в одно и то же время искать ответы на вопрос о причинах возникновения капитализма и вопрос, почему люди поступали таким образом, что их действия привели к становлению капитализма. Маркс рассматривает человеческий труд в равной степени как сознательную и целеполагающую деятельность, а также как производство ценностей, изначально не входивших в намерения их создателей. Поразительно, что многие теоретики не замечали этого двойственного подхода к историческому процессу и в результате находили в теории исторического материализма некое внутреннее противоречие. В самом деле, взятые изолированно те или иные положения Маркса и Энгельса могут казаться противоречащими друг другу, но, будучи помещенными в общий контекст марксовой теории исторического материализма, они утрачивают эту кажущуюся противоречивость. Так, положение «Манифеста Коммунистической партии» 1848 г. о решающей роли классовой борьбы в истории не противоречит положению о примате производительных сил, сформулированному в предисловии «К критике политической экономии». Каждое из них касается разных аспектов или сторон исторического процесса, и оба они вносят свой вклад в целостное видение этого процесса. Другое дело, что, подчеркивая значение классовой борьбы, Маркс недооценил многие другие факторы, оказывающие на него влияние, особенно национальную идею[19]. Это, однако, не уменьшает заслуги Маркса, состоящей в дифференциации объективной и субъективной сторон исторического процесса, которая является одним из краеугольных камней теории исторического материализма.

Согласно Марксу, в истории не «действуют» никакие обезличенные «факторы». Действуют только люди, и именно они приводят в движение эти факторы. Производительные силы, как и так называемый экономический фактор, не действуют помимо людей. Все это так или иначе заключено в человеческой активности. В условиях существования сознательной и целеполагающей деятельности людей нельзя жестко детерминировать все неэкономические явления явлениями экономическими. Такое было бы возможно лишь в случае принятия модели homo oeconomicus, при которой человек автоматически, без участия сознания, реагировал бы на внешние импульсы. Если Маркс применительно к историческому процессу в целом определенно и справедливо констатирует, что человек для своего существования должен прежде всего питаться, одеваться, иметь жилье, чтобы на данной основе осуществлять иную деятельность,— это вовсе не означает, что в каждом своем действии он руководствуется вышеперечисленными мотивами. Экономический фактор, производительные силы делают возможными действия людей, но лишь в малой части определяют эти действия.

Таким образом, следует различать категорию общей обусловленности и категорию созидания истории. Историю творят люди, стремящиеся осуществить свои цели, но в то же время она детерминируется глобальными результатами человеческой деятельности, в значительной степени непредвиденными, среди которых на первое место выдвигаются материальные элементы. «Люди сами делают свою историю,— писал Маркс,— но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»[20]. Итак, люди творят историю, но не произвольным образом: они связаны обстоятельствами, доставшимися в наследство от прошлого, то есть суммарными результатами собственной деятельности. Объективная сторона истории обусловливает сторону субъективную, но не определяет ее полностью. Она создает только определенные условия для действий людей, которые им приходится принимать во внимание для осуществления своих намерений. Маркс исходит из концепции человека, действующего сознательно и целеустремленно, и придает основополагающее значение принципу рациональности человеческой деятельности. Упомянутые объективные условия не определяют какой-то одной линии истории. Они лишь очерчивают некоторую сферу возможностей для действия, причем возможностей, имеющих неодинаковые шансы воплощения в действительность. А значит, появляется известный простор для альтернативных действий.

Далее встает вопрос о механизме реализации альтернатив, обращающий нас к проблеме сознания и его роли в историческом процессе. Ответ на данный вопрос позволит понять марксово положение, что бытие определяет сознание, а не наоборот. В самом деле, как следует понимать этот тезис, если очевидно, что историческое творчество людей начинается с созиания? Сознание управляет деятельностью людей, но равносильно ли это тому, что сознание однозначно управляет историческим процессом в целом? Возможно, когда-нибудь люди научатся сознательно управлять историческим процессом; пока они лишь сознательно действуют (для простоты мы не касаемся бессознательных действий), определяя свои цели, опираясь на свои знания об условиях

---

[19] См. Szporluk R. Communism and Nationalism. Karl Marx versus Friedrich List. N. Y.— Oxford. 1988.

[20] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 119.

действий и поступая при этом в соответствии с исповедуемой системой ценностей. Процесс созидания истории является равнодействующей сознательных действий людей, обычно ими полностью либо частично непредвиденной и объективной, то есть в значительной степени независимой от целей индивидуумов. Отсюда следует, что сознание не управляет историческим процессом как таковым, оно только руководит человеческой деятельностью. Более того, даже если допустить, что исторический процесс, изменив свой природный характер на гуманистический, формируется людьми сознательно, всегда будет сохраняться его обусловленность объективными факторами, зависимость сознания от бытия.

Таким образом, констатацию того, что историческое творчество людей начинается с сознания, недопустимо распространять на исторический процесс в целом: ведь у него есть две стороны — субъективная и объективная. Бытие первично по отношению к сознанию, но, согласно Марксу, взаимодействие между сознанием и объективной реальностью носит диалектический характер. Содержание человеческого сознания, о котором идет речь, формируется в процессе деятельности, одновременно делая возможной эту деятельность, поскольку без сознания она немыслима. Материалистический характер марксовой онтологии заключен в признании существования материального мира независимо от того, познается он человеком или нет, а значит, независимо от сознания, хотя сам этот мир, разумеется, складывался не без участия сознания людей. Окружающая человечество объективная реальность в равной степени не может формироваться без существования материального внешнего мира и человеческой деятельности (практики), необходимым и одним из достаточных условий которой она является.

В рамках исторического процесса происходит извечная игра свободы и принуждения. Данная проблема потребует еще многих исследований, необычайно важных для историка и являющихся, по нашему мнению, самой существенной частью объективной методологии истории. В позитивистской интерпретации марксизма остается только принуждение, заключенное в самой истории, в ее якобы неумолимых «законах». Нечто подобное присуще и психоаналитической концепции истории, видящей решающий фактор в психических механизмах, которыми человек не способен управлять, а также и структуралистским построениям типа К. Леви-Строса [21]. В концепции исторического материализма в том виде, в каком его понимал Маркс, соединены, как нам кажется, и принуждение, и свобода исторического творчества. Объективная реальность, окружающая субъектов, создает условия для действий человека и вместе с тем ограничивает их, очерчивая границы возможного. Свобода действия располагается именно в этом определенном объективными условиями пространстве. Проявления свободы — всякого рода альтернативные действия, которых может быть большее или меньшее число. Уже сам человек открывает либо закрывает альтернативные пути своего поведения. Исторический процесс состоит в постоянном выборе альтернативных возможностей. То, какой путь предпочтет человек в данных условиях, зависит прежде всего от его сознания — представлений об условиях деятельности и системы ценностных ориентаций. В одинаковых объективных условиях люди предпринимают различные действия, ибо неодинаково их сознание, индивидуально мировосприятие, различны намерения.

Теория исторического материализма как один из возможных вариантов объективной методологии истории открывает широкий простор для развития теоретико-концептуальной историографии, которую мы

[21] См. Topolski J. Lévi-Straus and Marx on History.— History and Theory, 1973, Vol. 12, № 2.

предлагаем называть современной. Данная теория может играть в историческом исследовании следующую роль: 1) дать общую картину изучаемой действительности (определенную концепцию мира и человека), способную стать исходным пунктом исследования, общей исходной гипотезой, направляющей исследование и постоянно уточняемой по мере его продвижения вперед; 2) нести знание о роли различных элементов этой общей картины, являющееся основой как для конкретизации теоретических положений, так и для формулирования методологических установок относительно описания и истолкования исторических фактов; 3) предоставлять категориальный аппарат, необходимый для целостной трактовки действительности.

Мы уже говорили о наиболее общих методологических директивах, вытекающих из теории исторического материализма, таких, как холизм — эсенциализм, позволяющих использовать метод моделирования, и интегральное объяснение. Хотелось бы несколько более подробно рассмотреть последнюю методологическую установку. Как уже отмечалось, она вытекает из характерного для исторического материализма разделения субъективной и объективной сторон исторического процесса. Интересующую нас установку можно представить в виде более конкретных алгоритмов:

1) Желая истолковать индивидуальную или коллективную человеческую деятельность, стремись реконструировать мотивы ее субъектов (преследуемая цель, знание людей об условиях деятельности, системы ценностных ориентаций, психические факторы), одновременно принимая во внимание также внешние условия исследуемой деятельности.

2) Выясняя мотивы, прежде всего проверь, не доминирует ли в их системе экономическая цель, выраженная в классовом интересе. Если ответ будет отрицательным, обратись к другим вероятным мотивам, по мере возможности стараясь указывать их связи с экономическим фактором.

3) Задавшись целью объяснить явления и процессы, не поддающиеся интерпретации в категориях человеческой деятельности (например, складывание капитализма и любых других объективных условий человеческой деятельности), обратись к объективным закономерностям — относительно устойчивым взаимосвязям между составляющими исторического процесса, помня при этом, что для более полного ответа необходимо учесть и то, следствием каких действий и их мотивов были данные явления и процессы.

4) Анализируя явления и процессы, не поддающиеся выражению в категориях человеческой деятельности, проверь в первую очередь, не сыграл ли в ряду обусловивших их факторов главную роль фактор экономический; если нет — выясни его место и отношение к нему тех, которые в данной конкретной ситуации были определяющими.

Если мы далее спустимся на несколько более низкий уровень обобщения в теории исторического материализма, обратившись к теории общественно-экономических формаций, то в этой связи можно было бы предложить следующие методологические установки:

1) Рассматривая в историческом исследовании факты или процессы, которые не выражаются в категориях человеческой деятельности, стремись прежде всего выявить противоречия между основополагающими элементами исторического процесса — производительными силами и производственными отношениями, а также производственными отношениями и надстройкой. При этом следует определить, в какой связи с названными противоречиями находятся исследуемые факты и процессы. Например, насколько переход от феодализма к капитализму был проявлением противоречия между производительными силами и производственными отношениями.

2) Каждый изучаемый факт или исторический процесс старайся не только соотносить с хронологической шкалой, но определять также его место в общественно-экономической формации и конкретной стадии ее развития.

3) Не разрывай генетических рядов и структур, помни, что исторический процесс немыслим без деятельности людей.

Мы не уверены, что все обращающиеся к теории исторического материализма найдут в ней призыв к соединению трех важнейших элементов любого исторического исследования: хронологической — генетической, причинно-следственной — последовательности, синхронных взаимосвязей структур и человеческой деятельности. Во всяком случае, такие возможности в данной теории, на наш взгляд, заложены. Конечно, это не значит, что историк, формируя собственные «онтологические пространства» направляющего исследования знания, должен ограничивать свои интересы лишь одной теорией. Ни одну из теорий нельзя считать «единственно верной». В процессе исследования историк должен сопоставлять и использовать различные теории исторического процесса и разнообразные подходы к своему предмету.

Для примера хотелось бы сослаться на сложившиеся в известной оппозиции по отношению к исторической концепции Маркса теорию и метод Макса Вебера. При ближайшем рассмотрении обеих теорий можно констатировать, что в данном случае мы имеем дело не со взаимоисключающими воззрениями, а с концепциями, в определенной степени друг друга дополняющими. Действительно, оказывается, что Маркс уделял большее внимание объективной стороне исторического процесса, в то время как Вебер более углубленно анализировал его субъективную сторону. Ярким примером являются веберовские исследования генезиса капитализма. Марксисты неоднократно отмечали, что связывание Вебером генезиса капитализма в новое время с распространением протестантского менталитета, прежде всего пуританизма, выражавшегося в рациональном стремлении к обогащению, бережливости и т. п., противоречит учению марксизма, которому якобы не свойственно объяснение исторических процессов переменами в мировоззренческой сфере. В свете того, что мы говорили о субъективной и объективной сторонах исторического процесса, эта критика представляется необоснованной, так как она приписывает Веберу попытку установить причинно-следственную связь, относящуюся к объективной стороне исторического процесса. Вебер же не устанавливал закономерности, подобной умозаключению: если налицо «дух капитализма», то, значит, мы имеем дело с капитализмом. В своих рассуждениях он вообще не апеллировал к законам и закономерностям, существование которых в сфере общественного бытия им отрицалось. Вебер доказывал, что если произойдет соединение элементов с тем, что он называл «духом капитализма», то тогда есть вероятность распространения капиталистической системы как неосознанного последствия индивидуальных действий людей, руководствующихся своим мировоззрением. Так, собственно, и произошло в Европе XVI—XVII веков. В интерпретации Вебера индивидуальные действия людей, направляемые определенным типом сознания, в силу распространения этого сознания (в данном случае «духа капитализма») становятся групповыми действиями. Последние, в свою очередь, «производят» определенный общий результат, определенную общественно-экономическую реальность, каковой является капитализм. Концепций Вебера можно не принимать, однако их нельзя игнорировать, как и другие теории. Историк должен отличаться открытостью и вместе с тем глубоким скептицизмом. Он никому и ничему не может верить на слово. Он должен все проверять и на каждой стадии исследования стремиться нейтрализовать свои вненаучные воззрения.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ IX—XIII веков

И. В. Дубов

В настоящее время отечественной наукой накоплен значительный фонд источников по истории Северо-Восточной Руси в домонгольское время. Каждый год выявляются все новые и новые археологические материалы. Однако многие проблемы истории Северо-Восточной Руси, в большинстве поставленные еще в прошлом столетии, остаются дискуссионными. Сложность и запутанность проблем этнической истории связаны с тем, что соответствующие письменные источники крайне скупы, а археологические комплексы далеко не всегда можно идентифицировать этнически.

Для этнических процессов в Северо-Восточной Руси переломным явился период раннего средневековья, IX—XI вв., когда в Волго-Окском междуречье на базе нескольких компонентов формировалась новая этническая общность — древнерусская.

Более ста лет назад, в 1887 г., на VII Археологическом съезде (Ярославль) были затронуты проблемы, касающиеся судьбы дославянского финно-угорского населения Залесского края — мери. Этому кругу вопросов была посвящена работа Т. С. Семенова, не утратившая своей актуальности и сейчас. Автор, опираясь на разнообразные источники, включавшие данные топо- и гидронимии, языка, археологии, пришел к выводу, что «черемиси (мари, мар) не только близко родственны с мерянами, но они не суть ли даже прямые потомки мерян» [1]. Спустя более полвека П. Н. Третьяков заявил, что «таинственная меря Начальной летописи, породившая столько гипотез и споров в русской историографии» [2], отличается как от мордовско-муромских, так и марийских племен. Вопрос и сейчас еще не решен.

Неясны также время, направления и характер славянского заселения Волго-Окского междуречья. До сих пор актуальны слова И. А. Тихомирова, отражающие всю спорность данной проблемы: «Итак, кривичи, кривичи, кривичи — одни и всюду. Они наполняют и свою собственную землю. Они же заселяют и всю средину России. Удивительная плодовитость! Но куда же делись остальные — словене новгородские, чудь, весь, меря и другие?» [3].

ДУБОВ Игорь Васильевич — доктор исторических наук, профессор, директор Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград).

[1] Семенов Т. С. К вопросу о родстве мери с черемисами. В кн.: Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Т. 2. М. 1891.

[2] Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.— Материалы и исследования по археологии (далее — МИА), 1941, № 5, с. 37.

[3] Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии. В кн.: Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914, с. 135.

И, наконец, третья проблема, которую мы рассмотрим, это так называемый варяжский вопрос в условиях Северо-Восточной Руси.

Итак, финно-угорская этническая группировка меря. Ее изучение началось с середины прошлого столетия, когда А. С. Уваров провел обширные раскопки в Суздальском Ополье. До этого времени меря была известна лишь по скудным данным письменных источников да местным легендам и преданиям. Впервые упомянутая в сочинении историка VI в. Иордана [4], меря затем неоднократно фигурирует в русских летописях как народ, населяющий берега озер Ростовского (Неро) и Клещино (Плещеево). Под 859 г. о мере говорится как о племени, с которого берут дань варяги. Отмечено ее участие в важнейших политических событиях русской истории. Так, в 882 г. меря участвует в походе князя Олега, когда устанавливается его власть в Киеве, а в 907 г.— в экспедиции русских дружин в Византию. Значительный интерес представляют известия о восстаниях в Суздальской земле 1024 и 1071 годов.

В житиях святых, других источниках сообщается о существовании в Ростове Великом вплоть до XII в. Чудского конца. «Заблудящая чудь» убила в 70-х годах XI в. епископа Леонтия Ростовского, объявленного затем святым. В XV—XVI вв. в Ярославском Поволжье не только помнили о каком-то чудском населении (мере), жившем здесь еще до прихода славян, но и следовали различным финно-угорским обычаям: боготворили «хозяина» — медведя, в утке видели прародительницу мира, поклонялись камням, например, «синему» камню, лежащему на берегу Плещеева озера. Эти «бесовские наущения» жестоко преследовались православной церковью, но далеко не всегда церковники были в силах преодолеть влияние старых языческих традиций.

Особенно отчетливо местные финно-угорские корни прослеживаются в «Сказании о построении града Ярославля» — источнике позднем (XVIII в.), но имеющем древнюю подоснову [5]. В «Сказании», в частности, говорится: «И се бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганыя веры — языцы зли суще... Идол ему же кланястасе сии, бысть Волос, сиречь скотий бог» [6]. Идол Волоса стоял среди Волосовой логовины, где находилось святилище, горел жертвенный огонь, совершались обряды и жертвоприношения. У жителей особым почетом и уважением пользовался волхв, отправлявший все эти обряды. Затем описывается борьба князя Ярослава с обитателями Медвежьего угла. Сначала «люди сии клятвою у Волоса обеща князю жити в согласии и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися». Это сообщение, несомненно, свидетельствует об упорном сопротивлении христианизации края в XI веке. Когда Ярослав является в Медвежий угол крестить язычников, происходит следующее: «Но егда входи в сие селище, людии его испустити от клети некоего люта зверя и псов, да растешут князя и сущих с ним. Но Господь сохранил Благоверного князя; сей секирою своею победи зверя».

Этот «некий зверь», очевидно, был медведь, которому поклонялось мерянское население Верхнего Поволжья [7]. Содержался он в клети на селище. В связи с этим следует вспомнить, как выкармливали медведя с тем, чтобы совершить его ритуальное убийство во время медвежьего праздника. Судя по «Сказанию», культ медведя здесь сочетался с поклонением Велесу (Волосу) — «скотьему богу» новгородских словен [8], которые заселили Верхнее Поволжье в IX—XI веках.

---

[4] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960, с. 115.

[5] Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах. В кн.: Труды II Областного историко-археологического съезда во Владимире. Владимир. 1909, с. 35—36.

[6] Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль. 1877, с. 6.

[7] Воронин Н. Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в.— МИА, 1941, № 6.

[8] Лавров Н. Ф. Религия и церковь. В кн.: История культуры Древней Руси. Т. 2. М.-Л. 1951, с. 68.

Таким образом, в язычестве данного региона были представлены мерянские и славянские элементы духовной культуры. Последние письменные сообщения о мере относятся к концу XI в., затем это племя исчезает из поля зрения летописца, и исследователи должны искать иные пути. Созвучие названий мери и мари (черемисы), частое чередование букв «а», «е», корня мар-мер в наименованиях рек, озер, населенных пунктов Волго-Окского междуречья заставили их обратиться к данным топонимики и гидронимики. На основе лингвистических исследований была определена обширная территория, занимаемая мерей в эпоху раннего средневековья, и проведена прямая связь между летописной мерей и марийцами (черемисами) [9].

Существует точка зрения, что меря в качестве одного из компонентов принимала участие в формировании современных марийцев [10]. Видимо, меря и древние марийцы были народами родственными, и можно говорить о наличии в эпоху раннего средневековья какой-то финно-угорской общности здесь, на северо-востоке. Однако это не дает оснований для полного отождествления мери с современными марийцами [11], как это делал С. К. Кузнецов. Различие судеб этих двух этнических групп, видимо, состоит прежде всего в том, что одна из них (меря) была полностью ассимилирована славянами. В связи с этим она исчезла со страниц летописей (хотя и прослеживается археологически еще некоторое время), а другая (мари) сохранилась и уже позже оформилась в народность.

Археологические памятники мери делятся на два хронологических пласта. Первый охватывает VI—IX столетия и этнически является относительно «чистым», а второй датируется X—XIII вв. и входит в виде одного из субстратных компонентов в древнерусскую материальную и духовную культуру. Изучение обоих пластов имеет большое значение, так как, проводя их сравнение, можно раскрыть и механизм включения мери в состав древнерусской народности.

Предков летописной мери следует искать в культурах предшествующего времени. С середины I тыс. до н. э. и до середины I тыс. н. э. пространства между Волгой и Окой занимали так называемые дьяковские племена. Большинство исследователей связывают дьяковскую культуру с финно-угорской этнической общностью. Всесторонняя характеристика дьяковских памятников была дана в начале нашего века А. А. Спицыным [12]. В настоящее время определены хронологические рамки дьяковской культуры — VII—VI вв. до н. э.— V—VI вв. н. э. [13]. Однако обнаруженные материалы позволяют утверждать, что жизнь на дьяковских городищах продолжалась вплоть до IX в., то есть до начала заселения северо-восточных земель славянами [14]. На основании материалов таких хорошо известных памятников, как Дьяково городище под Москвой, По-

---

[9] Кузнецов С. К. Русская историческая география. Вып. I. М. 1910, с. 49.

[10] Генинг В. Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1967, с. 54; Горюнова Е. И. Меря и мари.— Там же, с. 78; Халиков А. Х. Об этнических основах марийского народа. В кн.: Археология и этнография марийского края. Вып. I. Йошкар-Ола. 1976, с. 24—25; Козлова К. И. Этническая история марийского народа. М. 1978.

[11] Попов А. И. Названия народов СССР. Л. 1973, с. 101.

[12] Спицын А. А. Городища дьякова типа.— Записки отдела русской и славянской археологии, 1903, т. 5, вып. 1, с. 111—113.

[13] Смирнов К. А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги). В кн.: Дьяковская культура. М. 1974, с. 76—77; Красинов Ю. А. О дате Березняковского городища.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР (далее — КСИА), 1980, вып. 162, с. 65.

[14] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 47; И. Г. Розенфельдт считает возможным установить верхнюю дату для дьяковского городища Березняки — X век (Розенфельдт И. Г. Еще раз о Березняковском городище.— КСИА, 1980, вып. 162, с. 58—59).

падьинское селище близ Ярославля, Березняковское и Дурасово городище в Ярославском и Костромском Поволжье, можно восстановить картину жизни людей, населявших эту территорию в I тыс. н. э.,— скотоводов и земледельцев, охотников и рыболовов. В слоях дьяковской культуры много остатков и следов литейного дела и ювелирного производства, ткачества и других ремесел. Дьяковские племена не были изолированы от внешнего мира и поддерживали связи, носившие, видимо, характер обмена, с северо-западом (балты) и Прикамьем (ананьинские племена).

Важны материалы, характеризующие духовную жизнь населения междуречья Волги и Оки и его религиозные представления в этот период. На первом плане находятся атрибуты культов различных животных (коня, птицы, медведя). Большое значение имеют находки необычных коллективных усыпальниц — «домиков мертвых» на городище Березняковском и у Звенигорода в Подмосковье [15]. Это те немногие материалы, которые дают сведения о погребальных обрядах дьяковцев. Немногочисленность известных нам мерянских могильников обусловлена характером погребального обряда (грунтовые или поверхностные захоронения). К числу некрополей аборигенного мерянского населения относятся Сарский, Хотимльский, Холуйский, Новленский, Сунгирьский могильники.

Грунтовые могильники продолжают использоваться до XI в. и в период интенсивного формирования древнерусской народности на северо-востоке, когда начинает преобладать новый обряд погребения: трупосожжение или трупоположение и последующее сооружение насыпного кургана. Судя по топографии грунтовых могильников и поселений VI—VIII вв., до начала древнерусской колонизации региона мерянское население жило небольшими островками или группами на обширной территории от Волги до Оки.

Наиболее затруднительно выявление этнических определителей мери, то есть вещей, которые могут быть своеобразными индикаторами в этногенетических исследованиях. В работах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой мерянскими этническими признаками считаются грунтовый обряд погребения, меридиональная ориентировка захоронений, наличие в могилах орудий труда. Инвентарь погребений, который признается мерянским, входит в состав комплексов XI—XII вв., когда это финно-угорское племя практически было ассимилировано славянами. Эти признаки не являются типичными для IX—X вв., когда только начинались контакты мери со славянскими переселенцами. Изучение этапов и путей ассимиляции мери славянами позволяет выделить ряд признаков, характерных для этого племени. В мерянские комплексы вещей входят не только традиционные, известные в более раннее время, но и новые, приобретенные в результате активизации межэтнических контактов и проникновений. А. Е. Леонтьев следующим образом представляет процесс ассимиляции мери славянами: «На протяжении полутораста—двухсот лет шло постоянное увеличение количества славянских поселений, вбиравших в число своих жителей и мерю» [16].

Реальные следы мери в период средневековья фиксируются данными полевых исследований. В массовом порядке, начиная с середины X в. (отдельные случаи относятся и к IX в.), в курганных могильниках появляются имитации «домиков мертвых», глиняные лапы и кольца, ряд других элементов убора и костюма. Своеобразна и керамика, имеющая финно-угорскую принадлежность, с округлым дном либо лепная плоскодон-

---

[15] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 59—60; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. «Домик мертвых» на городище дьяковского типа. В кн.: Археологические открытия 1966 года. М. 1967, с. 34—36.

[16] Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса).— Советская археология, 1980, № 2; Леонтьев А. Е. Поселения мери и славян на оз. Неро.— КСИА, 1984, вып. 179, с. 31.

ная с насечкой по венчику. Первый тип керамики, возможно, заимствован из Прикамья, а второй восходит к материалам более раннего времени — дьяковского периода. Наличие на поселениях и в курганах Волго-Окского междуречья шумящих украшений в виде коньков, птичек, бутылочек, амулетов из клыков медведя и других животных, подвесок, а иногда и целых ожерелий из костей бобра, многочисленных костяных поделок, инструментов, предметов вооружения из кости и рога, ножей с горбатой спинкой также отражает вклад мери в древнерусскую культуру.

Такой элемент, как подкурганные «домики мертвых», наиболее ярко выявлен в могильниках Ярославского Поволжья. «Домики мертвых», как отмечено выше, известны по археологическим данным на городищах дьяковского времени (Березняки и под Звенигородом). Можно говорить и о перенесении идеи, и о внедрении ее в качественно новую среду, и о переработке в соответствии с иными требованиями погребального ритуала. Считается, что «домик мертвых» символизирует жилище, существовавшее в реальной жизни [17]. Размеры «домиков мертвых» и кострищ на Березняках и под Звенигородом, использованные породы дерева примерно совпадают с этими же показателями захоронений ярославских курганов [18].

Березняковский «домик» имеет и другие черты, сближающие его с подкурганными сооружениями изучаемых памятников. Третьяков, описывая сооружение в Березняковском городище, отмечает, что внутри постройки, по всей ее площади были рассыпаны зола, уголь и мелкие обломки кальцинированных человеческих костей. Ситуация почти полностью аналогична тому, что мы имеем в курганах под Ярославлем. В большинстве случаев в курганах деревянным обгоревшим плахам сопутствуют камни. В комплексе на городище под Звенигородом также по периметру углубления лежали крупные валуны. По своей конструкции этот памятник органически входит в круг построек, известных вплоть до XIX в. в различных областях финно-угорского мира [19].

С IX в. на всей территории Волго-Окского междуречья стремительно идет ассимиляция мери славяно-русскими переселенцами, продвигающимися сюда из северо-западных земель, что привело к исчезновению мерянского этнокультурного массива в начале XII века. Не везде данный процесс шел одинаково полно и быстро. В стороне от магистральных путей вплоть до XII—XIII вв. сохранялись старые традиции и многие местные черты. Примером может служить Зубаревский могильник вблизи впадения Шексны в Волгу (сейчас это место находится под водами Рыбинского водохранилища). Здесь и в погребальном обряде и в инвентаре хорошо фиксируются финно-угорские мерянские элементы [20].

Поэтапность процесса ассимиляции обусловила наличие нескольких археологических групп мери [21]. Каждая из них соответствует определенному периоду в освоении рассматриваемого района славяно-русским населением. Элементы ярославской, владимирской и костромской мери выявлены в древнерусских могильниках и отражают процессы ее ассимиляции. Ярославские памятники с финно-угорскими элементами относятся главным образом к IX—X вв., владимирские — к X—XI вв., а кост-

---

[17] Назаренко В. А. О курганах с ритуальными очагами в Приладожье. В кн.: Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л. 1972, с. 39—40.

[18] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 60; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Ук. соч., с. 34; Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе Ярославского Поволжья в IX—X ст.— МИА, 1941, № 6.

[19] Третьяков П. Н. Ук. соч., с. 60; Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа». В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. 1978.

[20] Горюнова Е. И. Мерянский могильник на Рыбинском море.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1954, вып. 54, с. 160—161.

[21] Две из них подробно рассмотрены: Рябинин Е. А. Чудские племена Древней Руси по археологическим данным. В кн.: Финно-угры и славяне. Л. 1979.

ромские — к XI—XII векам. Финно-угорские элементы значительно представлены в таком ключевом центре Ярославского Поволжья, как Тимерево[22]. Однако точные этнические определения в большинстве случаев затруднительны. Это говорит в пользу того, что данный регион — окраина земли мери — в первую очередь был затронут передвижением населения из Новгородской земли, и местные жители вошли в состав нового населения, довольно быстро растворились в его среде. Пришлое население, хотя основной костяк его составляли словене новгородские, было смешанным, что подтверждается результатами изучения керамического материла Тимеревского комплекса[23].

Владимирская меря — это «классическая» меря, и именно о ней прежде всего сообщают русские летописи. Для курганных некрополей на Владимирской земле, располагающихся главным образом по основным речным путям, характерно смешение славянских и финно-угорских (мерянских) элементов. Многоярусное расположение кальцинированных костей человека, вещи гнездовского типа и в то же время находки финно-угорских шумящих украшений (глиняные лапы и кольца, вещи и амулеты, связанные с культами животных и птиц, проволочные височные кольца с замками в виде круглого щитка) позволяют усматривать в комплексах различные этнические традиции. Владимирские курганы находятся в районе, где процесс обрусения мери проходил наиболее активно.

В Костромском Поволжье только в XI—XIII вв. древнерусское население[24] сформировалось в результате смешения местного мерянского населения с переселенцами сюда из Ярославского Поволжья и непосредственно из Новгородских земель. Процесс включения Костромского Поволжья в состав Древней Руси заканчивается, как известно, лишь в середине XII столетия[25].

В целом в IX—XIII вв. в культуре русского населения Северо-Востока наблюдается определенное возрождение старых традиций, археологически выявляемое на материалах могильников, поселений (орудия труда, предметы быта, амулеты, украшения). Это связано с тем, что изолированность различных групп разноэтничного населения, характерная для первого этапа славяно-русской колонизации региона, сменяется активными контактами, взаимопроникновением культур. Мерянские элементы органично усваиваются новой формирующейся общностью и должны рассматриваться как неотъемлемая часть сплава разноэтнических традиций в древнерусской культуре с ведущим славянским компонентом. Комплексное изучение источников позволяет делать вывод, что обрусевшая финно-угорская группировка мери как важная составная часть русского населения Волго-Окского междуречья во многом определила своеобразие его языка и этнического типа.

Вторая дискуссионная проблема — заселение славянами Залесской земли. В дореволюционной историографии понятие формирования древнерусского, а затем и великорусского этноса в Верхнем Поволжье подменялось, а точнее, сводилось к процессу заселения данной территории славянами, что было принято обозначать термином «колонизация». В работах М. П. Погодина, С. М. Соловьева, М. С. Грушевского и других историков процесс сложения древнерусской народности на Северо-Востоке представлен как непрерывная колонизация этого района словенами и кривичами. В. О. Ключевский отмечал, что «переселенцы из разных областей старой Киевской Руси, поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, однородную,.. ту массу, которая послужила зерном великорусского племени». Как писал Соловьев, «славянские племена... получают над финскими племенами материальное и духовное преимущество, пред которым те и должны были преклониться»[26]. Многие историки и краеведы полагали, что местные финно-угры были быстро ассимилированы пришлым славянским населением. Этот процесс, как они полагали, носил по преимуществу мирный характер[27].

Однако бытовали и другие представления, согласно которым «водворение славянских пришельцев, или вернее — это ославянение финского племени под напором новгородского влияния — не обошлось без кровопролитий»[28]. Подобные взгляды были представлены в трудах и археологов, и ведущих историков прошлого столетия.

Еще в дореволюционное время были определены хронология и основные направления заселения славянами Верхнего Поволжья, и началом этого процесса считался IX век[29]. По-разному определялся исходный очаг: А. А. Спицын указывал на Смоленское Поднепровье, И. А. Тихомиров — на Новгородскую землю. Наиболее близкая к современным воззрениям позиция была изложена в работе Н. Н. Овсянникова, который разделил колонизацию на два этапа: IX—X и XII—XIII века. На первом — заселение шло преимущественно с северо-запада, а на втором — из Поднепровья[30].

В наше время к этим проблемам неоднократно обращались археологи. Исследователь ярославских курганов Я. В. Станкевич относит начало заселения к VIII в. и связывает древнейшие трупосожжения ярославских могильников со славянами. Она отмечает, что здесь отражается «факт некоторого смешения славянского и мерянского населения»[31]. Позже утвердилась точка зрения Е. И. Горюновой, которая отнесла начало массового заселения Волго-Окского междуречья славянами к концу X в., а вторая его волна пришлась уже на XI—XII века[32]. Эти заключения были полностью приняты М. В. Фехнер, которая полагает, что

---

[22] Фехнер М. В. Тимеревский могильник. В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М. 1963, с. 17; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника.— Советская археология, 1985, № 2; их же. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря.— Там же, 1987, № 2.

[23] Смирнова Л. И. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции.— Советская археология, 1987, № 2.

[24] Анучин Д. К. О культуре костромских курганов. В кн.: Материалы по археологии восточных губерний. Т. 3. М. 1899; Нефедов Ф. Д. Раскопки курганов в Костромской губернии. Там же; Третьяков П. Н. Костромские курганы.— Известия Академии истории материальной культуры, 1931, т. 10, вып. 6—7; Глазов В. П. О курганах Костромского Поволжья.— КСИА, вып. 150; Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л. 1986, с. 97—105.

[25] Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л. 1970, с. 134.

[26] Ключевский В. О. Соч. Т. 1. М. 1956, с. 65; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1. М. 1959, с. 117.

[27] Серебренников С. Памятники древних обитателей Ярославской губернии до Рюрика.— Ярославские губернские ведомости, 1859, №№ 6—11, 28; Лествицын В. Исторические заметки.— Там же, 1868, № 27; Головщиков К. Д. История города Ярославля. Ярославль. 1889, с. 5—7; Барщевский И. Исторический очерк города Ярославля.— Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, 1900, вып. 4; Верховой Н. Ярославль. Рыбинск. 1903, с. 3—4; Критский П. А. Наш край. Ярославль. 1907, с. 48; Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, 1914, кн. 4, вып. 1, с. 124—125; Ключевский В. О. Ук. соч., с. 295; Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях.— Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 11—12, с. 41.

[28] Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. В кн.: Труды I Археологического съезда. Т. 2. М. 1871, с. 683.

[29] Спицын А. А. Владимирские курганы.— Известия Археологической комиссии, 1905, вып. 15, с. 167; его же. К истории заселения Верхнего Поволжья русскими. В кн.: Труды II Областного Тверского археологического съезда. Тверь. 1906, с. 1—7; Тихомиров И. А. Славянские городища. В кн.: Труды IV Областного историко-археологического съезда в Костроме. Кострома, 1914, с. 229; его же. Славянское заселение Ярославской губернии.— Там же, с. 25.

[30] Овсянников Н. Н. О колонизации в Суздальском крае с точки зрения археологии. В кн.: Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир. 1909, с. 2—9.

[31] Станкевич Я. В. Ук. соч., с. 83.

[32] Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья, с. 36—37; ее же. К истории городов Северо-Восточной Руси.— МИА, 1955, вып. 59, с. 11—18.

славянская колонизация Залесского края начинается не ранее середины X века [33].

Наиболее полно проблема славянского заселения Волго-Окского междуречья освещена Третьяковым. Первоначально он полностью разделял концепцию Спицына и писал, что «во второй половине первого тысячелетия н. э. Верхнее Поволжье было окраиной славянских земель. Область племени кривичей в то время охватывала все верхнее течение Днепра, верховья Западной Двины и Валдайскую возвышенность. По Волге поселения кривичей... спускались до устья Которосли, около которого позднее возник Ярославль. Здесь область кривичей клином входила в территорию, занятую иноплеменниками» [34]. В дальнейшем Третьяков учитывал и северо-западное направление славянского заселения Ярославского Поволжья, хотя основным для него все же оставался юго-западный кривичский очаг [35]. Массовое расселение славян в мерянских землях происходило с конца VIII — начала IX в., причем на первом этапе, по его мнению, колонизационные потоки шли из Новгородских земель по крупнейшим водным путям [36].

Таким образом, в советской археологии сейчас представлены главным образом две точки зрения по вопросу о времени начала заселения славянами Северо-Востока. Это позиция Спицына — Третьякова (IX в.) и точка зрения Горюновой — Фехнер (X в.). Вопрос этот имеет принципиальное значение, ибо славянское заселение Залесской земли означало не просто передвижение населения. Ведь именно с началом освоения славянами этого района следует связывать и начало процесса феодализации, становления здесь государственности и формирования древнерусской народности.

В IX в. на территории Волго-Окского междуречья, слабо заселенной финно-ограми, появляются славяне, которые либо создают новые поселения, либо оседают на уже обжитых местах. Основными путями продвижения славян были реки, входящие в систему Волжского пути, и начиная с этого времени он из внутреннего водного пути финно-угорских племен превращается в торную дорогу новгородских словен в их движении в Залесскую землю. Первоначально новое население обосновывается в небольшом регионе, по крайней мере только здесь, в Волго-Окском междуречье, известны славяно-русские древности IX в.,— от места впадения реки Которосли в Волгу до Плещеева озера.

Историко-археологические наблюдения совпадают с заключениями лингвистов. Выяснено, что поток переселенцев из новгородских земель был неоднороден по своему этническому составу. Они расселялись в основном в левобережье Волги, «но некоторые группы их проникали и оседали в отдельных районах по правую сторону Волги, особенно на территории нынешних Ярославской и отчасти Ивановской областей» [37]. Переселенцы принесли с собой много нового. Во-первых, стало распространяться пашенное земледелие, что вызвало своего рода революцию в экономике. Славяне и пришедшие с ними скаидинавы включили данный регион в сферу международной торговли. Новым населением был создан

[33] Фехиер М. В. Ук. соч., с. 15.

[34] Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль. 1939, с. 51.

[35] Третьяков П. Н. Археологические памятники древиерусских племен.— Ученые записки ЛГУ, 1949, № 85, вып. 13, с. 272, 276, 281; его же. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— Советская археология, 1957, № 2.

[36] Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе, с. 67; его же. Финно-угры, балты н славяне на Днепре и Волге. М.-Л. 1966, с. 290; его же. У истоков древнерусской народности.

[37] Мельниченко Г. Г. К вопросу об этническом составе русского населения на территории Владимиро-Суздальского княжества XII — начала XIII в.— Вопросы языкознания, 1970, № 5, с. 40—41.

ряд торгово-ремесленных центров, прообразов раннефеодальных древнерусских городов. Изменения происходили и в духовной культуре, идеологии. Появился новый погребальный обряд — курган. Наконец, главным материалом становится не кость, а железо.

В X в. славяне расселяются из этого района по всему Суздальскому ополью вплоть до реки Клязьмы. В это же время прослеживается движение из Ярославского Поволжья в Белозерский край. Конечно, данная схема не исключает прямого проникновения переселенцев из Новгородской земли в Белозерье и в южные районы Волго-Окского междуречья из Верхнего и Среднего Поднепровья. Г. Г. Мельниченко, рассмотрев ареал распространения слова «пеун» и некоторых других слов, предполагает, что в заселении и Ярославского Поволжья, и Белозерья принимало участие одно и то же в этническом отношении население из Новгородской земли. Автор соотносит свои заключения с XII—XIII веками. Однако археологические материалы позволяют уточнить датировки; речь должна идти о IX—XII веках. Летописные источники ничего не сообщают о том, когда и откуда впервые появляются славяне в Волго-Окском междуречье. Однако тот факт, что северные славянские группы (словене и кривичи) фигурируют в общерусских событиях IX в. наряду с весью и мерей, позволяет предполагать, что первые волны славянских переселенцев двигаются на Северо-Восток именно в IX столетии. Попадают они сюда из регионов обитания вышеназванных славянских племен.

В XI—XII вв. в Волго-Окское междуречье усилился приток населения с юго-запада Руси, а северо-западное направление отходило на второй план, хотя традиционные связи сохранялись вплоть до XVII века [38].

Расселение славян в Залесской земле на разных этапах имело и различный социально-экономический характер. Это, безусловно, отражалось на этногенетических процессах. Так, на первом этапе в IX в. появление здесь славян обусловливалось, видимо, прежде всего торгово-ремесленными причинами. При этом новое население появляется поначалу либо в центрах, занимавших важное ключевое положение на Волжском пути, либо создает таковые на местах, имевших аналогичное значение. Новые поселенцы — славяне — появляются в старых мерянских племенных центрах типа Сарского городища или Клещина. И поскольку в это время уже далеко зашел процесс разложения родоплеменной структуры в финно-угорской среде, славяне, обладая более высокой материальной и духовной культурой, довольно быстро занимают здесь главенствующее положение. Феномен формирования древнерусской народности чрезвычайно сложен и многогранен. Здесь налицо и расселение славян, и ассимиляция ими местных финно-угров, и аккультурация. Безусловно, нельзя сводить это сложнейшее явление к какой-нибудь одной из этих сторон.

Актуальной проблемой этнической истории Залесья является роль скандинавских элементов в жизни этого региона в период раннего средневековья. Скандинавские комплексы и отдельные находки известны в большом числе погребений владимирских и ярославских могильников, на сельских и торгово-ремесленных поселениях и в городах.

Наиболее глубоко скандинавские древности изучены на примере Тимеревского комплекса, где они широко представлены и погребениями по скандинавскому обряду, и отдельными вещами северного происхождения в могильнике, и типами построек и находок на поселении; элемен-

[28] На основе изучения сельских поселений XV — XVII вв. установлено, что «сельское расселенне в районах Верхнего Поволжья (Тверском, Угличском, Костромском и др. уездах) развивалось в осиовном тем же путем, что на Северо-Западе» (Дегтярев А. Я. Сельское расселение в Русском государстве XV—XVII вв. Автореф. докт. дисс. Л. 1981, с. 20—21). Ведущим способом расселения, по миению Дегтярева, было прежде всего создание новых поселений, то есть «починковая» колонизацня. Для рассматриваемого нами периода данное понятие вряд ли прнменимо.

ты норманнской культуры обнаруживаются также в виде клада куфических монет.

Один из первых исследователей Ярославских некрополей, Тихомиров, указывал, что основная масса погребений Тимеревского и Михайловского могильников под Ярославлем принадлежит варягам, да и сама курганная традиция принесена в Ярославское Поволжье норманнами[39]. В развернутом виде взгляды на Волжский путь как исконно варяжский и Ярославское Поволжье как скандинавскую колонию были изложены в исследованиях шведского археолога Т. Арне[40].

В исследованиях Ю. В. Готье и П. П. Смирнова комплексы под Ярославлем трактуются как исключительно торговые центры на Волжском пути, причем их возникновение они тоже связывали с появлением в Верхнем Поволжье скандинавов[41]. Готье полагал, что «поселение под Ярославлем было славянским,.. но внутри него была норманнская колония, являвшаяся опорным перевалочным пунктом на середине пути из варяг на Восток»; И. Брендстед считает, что «скандинавскую колонию» под Ярославлем основали выходцы из Норвегии[42].

Наиболее осторожная оценка скандинавских древностей в Ярославском Поволжье принадлежит В. В. Седову. Он полагает, что окрестности Ярославля являлись одним из «двух крупных регионов концентрации курганов с захоронениями воинов-дружинников на северо-восточной окраине восточнославянской территории того времени. Оба региона находятся в узловых пунктах Балтийско-Волжского водного пути, связывающего страны Северной и Западной Европы с Востоком». Он отмечает, что в захоронениях ярославских могильников несомненен и скандинавский этнический компонент. Вещи североевропейского происхождения встречаются и в культурном слое Тимеревского поселения[43].

Детальный анализ скандинавских древностей в Тимеревском комплексе представлен в работах М. В. Фехнер. Она выступила против определения Ярославских некрополей как могильников скандинавских торговых факторий, указав, что «ничтожное число скандинавских погребений данного некрополя свидетельствует о том, что осевшие в X веке в Ярославском Поволжье незначительные группы норманнов, в XI, по-видимому, уже ассимилировались местным населением»[44]. Особой группой в Тимеревском могильнике являются курганы с кольцевидными каменными выкладками в основании насыпи, иногда с перекрещивающимися линиями камней в центре круга. Вся эта серия курганов определяется как скандинавская[45]. Кроме них, скандинавскими являются курганы с камерными гробницами, выявленные в последнее время, а также еще ряд комплексов.

Фехнер называет следующее процентное соотношение этнически определенных погребальных комплексов для Тимеревского могильника: 4% скандинавских, 30% финских, 15% славянских; 43% комплексов этнически не определимы. Такие подсчеты были взяты под сомнение и сделан новый количественный анализ погребений, причем неопределимые

[39] Тихомиров И. А. Кто насыпал Ярославские курганы? В кн.: Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир. 1909, с. 90; его же. Ярославское зодчество. В кн.: Ярославль в его прошлом и настоящем. Ярославль. 1919, с. 50—51.

[40] Arne T. J. La Suéde et l'Orient. Uppsala. 1914, pp. 37, 52—54, 222.

[41] Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. В кн.: Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. 4. М. 1929, с. 140; Смирнов П. П. Волзькиї шлях у стародавнеї Русі. Київ. 1929, с. 223.

[42] Brønsted J. Vikingerne. København. 1960, pp. 68—69.

[43] Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М. 1982, с. 255.

[44] Фехнер М. В. Ук. соч., с. 17.

[45] Там же, с. 15; Скандинавский сборник XXII. Таллинн. 1977.

(43%) отброшены[46]. В итоге получилось, что в X в. фиксируется 13% скандинавских комплексов, 75% — финских, 12% — славянских, а в начале XI в.— 3,5% скандинавских, 72,5% финских, 24% славянских.

В настоящее время в Тимереве насчитывается свыше 30 погребальных комплексов, скандинавскую этническую принадлежность которых можно определить с большой долей вероятности, что составляет примерно 5% общего количества раскопанных курганов, сооруженных за два столетия. Этот процент вовсе не отражает реального числа бывавших здесь скандинавов, для многих из которых пребывание в Тимереве было временным. Кроме того, под частью курганов могли быть погребены жены скандинавов, имевшие иное этническое происхождение.

Практически в каждом десятом погребении (50 комплексов) обнаружены фибулы, в основном скандинавского происхождения. Всего в Тимеревском могильнике найдено около 40 овальных скорлупообразных фибул, изготовленных в Скандинавии. В сводном описании фибул 20 лет назад числилось свыше 150 овальных фибул, найденных на территории Древней Руси[47]. Таким образом, примерно четверть таких фибул происходит из курганов Тимеревского некрополя. (Конечно, сейчас количество таких находок возросло, но серьезно не изменило статистики и топографии находок в целом.) Это соотношение отражает ту роль, которую играл Тимеревский торгово-ремесленный центр на Великом Волжском пути.

В целом создается следующая картина. В IX в., когда начиналось движение славянского населения из Новгородских земель на Верхнюю Волгу, вместе с ним сюда пришли и группы скандинавов с их еще устойчивым обрядом погребения (курганы с кольцевидными каменными выкладками). В X в. сохраняется скандинавская погребальная традиция — захоронения в камерных гробницах. Значительно увеличивается доля вещей северного происхождения. Последнее связано с усилением роли Волжского пути как трансъевропейской торговой артерии.

Северные традиции зафиксированы и в домостроительстве Тимеревского поселения. Основание к такому выводу дает анализ комплекса сооружений, включающего характерный для скандинавского севера «амбар на столбе»[48].

Ряд типов керамики, обнаруженной на Тимеревском поселении, также своими корнями уходит в Скандинавию или имеет там аналогии. Это прежде всего лепные сосуды с загнутым внутрь венчиком[49]. Кроме того, на поселении обнаружен ряд вещей, имеющих северное происхождение или, возможно, выполненных по таким образцам. Это несколько костяных гребней с орнаментом в виде плетенки и меандра, иглы от скорлупообразных фибул, серебряная подвеска с изображением сегнерова колеса, аналогии которым известны в кладах Готланда и Швеции, бронзовый перстень с изображением на щитке сокола или ворона, стилистически восходящего к северным сюжетам, фрагмент бронзовой позолочен-

[46] Фехнер М. В. Ук. соч., с. 17: Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—X вв. Л. 1970, с. 246.

[47] Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа.— Труды Государственного исторического музея, 1967, вып. 43.

[48] Томсинский С. В. О двух типах построек Тимеревского поселения. В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. 1982, с. 121—122; его же. Постройки Тимеревского поселения. В кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь, с. 190.

[49] Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения. В кн.: Северная Русь и ее соседи, с. 116, рис. 6—7; его же. Керамика Тимеревского поселения. В кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь, с. 194, рис. 9—17; его же. К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья. В кн.: Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985, с. 71, рис. 1—5.

ной фибулы, бронзовая деталь упряжи или портупеи «звериного стиля», бронзовая ажурная подвеска, аналогии которой также имеются на севере, и ряд других. Однако вещи скандинавского происхождения составляют мизерный процент общего числа находок, и устойчивого характерного норманнского комплекса на поселении пока не найдено [50].

Завязавшись в IX в., достигнув своего апогея в следующем столетии, русско-скандинавские связи свертываются в XI веке. Находки северного происхождения из культурных слоев XI в. являются единичными и не говорят о широком присутствии скандинавов в русских землях. Так, значительный интерес вызвал комплекс скандинавских вещей, обнаруженный в одной из усадеб в Суздале. По заключению М. В. Седовой, эта усадьба могла принадлежать одному из наемных воинов-варягов. Седова так оценивает эту находку: «В Суздале мы застаем финальный этап русско-скандинавских отношений, когда на смену наемничеству приходят политические и матримониальные связи и скандинавская верхушка растворяется в славянской среде» [51].

Новейшие достижения отечественной и зарубежной археологической науки в области русско-скандинавских отношений суммированы и проанализированы в ряде опубликованных в последнее время работ [52]. Недавно опубликована статья Д. А. Авдусина по данной проблеме [53]. Прежде всего автор практически игнорирует скандинавские древности, найденные в Верхнем Поволжье. Он лишь вскользь упоминает о материалах Ярославских могильников, скандинавские компоненты, которые проанализированы выше. Вне поля зрения Авдусина оказались обнаруженные недавно скандинавские камерные погребения Тимеревского могильника, находки северного происхождения в постройках и культурном слое поселения, наконец, рунические граффити из клада куфических монет. Он не использовал и суммированные результаты работ М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивиной о Тимеревском некрополе. Сейчас совершенно ясно, что нельзя рассматривать вопросы русско-скандинавских отношений без учета материалов Тимеревского комплекса.

Авдусин полагает, что он исправляет «перекос», который, по его мнению, допущен археологами, якобы преувеличивающими роль скандинавов на Руси и удревняющими скандинавские находки. Обратим внимание, однако, на ту работу, на которую ссылается Авдусин: «Судя по имеющимся источникам,— говорится в ней,— славяно-варяжские отношения в IX—X вв. были значительно более сложными и охватывали различные стороны жизни восточно-европейских племен» [54]. Речь шла и идет не о какой-то исключительной роли скандинавов на Руси или искусственном завышении их значения в исторических процессах, протекавших здесь в эпоху раннего средневековья. Нет, речь идет о «плодотворном и взаимообогащающем русско-скандинавском взаимодействии» [55]. Второй упрек Авдусина тоже нельзя принять, ибо никто не пытался удревнить скандинавские находки в русских памятниках. Ясно доказано, что эти материалы синхронны аналогичным находкам в самой Скандинавии. Это

[50] Особое значение имеет обнаружение в 1973 г. на четырех серебряных монетах из Тимеревского клада рунических граффити (Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах.— Труды Государственного Эрмитажа, 1981, вып. XXI, с. 57—59).

[51] Седова М. В. Славяно-скандинавский усадебный комплекс XI в. из Суздаля. В кн.: X Всесоюзная конференция по изучению истории экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. М. 1986, с. 177.

[52] Славяне и скандинавы. М. 1986; Булкин В. А. и др. Русь и варяги: новый этап изучения.— Вестник ЛГУ, 1987, вып. 3.

[53] Авдусин Д. А. Современный антинорманизм.— Вопросы истории, 1988, № 7.

[54] Клейн Л. С. и др. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения, с. 251.

[55] Кирпичников А. Н. и др. Русь и варяги. В кн.: Славяне и скандинавы, с. 274.

касается прежде всего таких датирующих вещей, как фибулы, гривны с молоточками Тора, мечи.

Ранние скандинавские комплексы выявлены в последние годы на ряде памятников, и прежде всего в Тимереве. Видимо, это все еще не укладывается в концепцию Авдусина, хотя его взгляды существенно изменились за последние годы, что признает и он сам [56].

Согласно утверждению Авдусина, присутствие скандинавов в древнерусских городских центрах «объясняется не их градостроительной миссией, а участием в экономической и политической жизни Древнерусского государства» [57]. Тем самым автор рассчитывает показать, что варяги не имели никакого отношения к процессу возникновения и развития древнерусского города. Но в его утверждении есть внутреннее противоречие, так как возникновение городов на Руси является результатом экономического и политического развития. Если в этих процессах принимали участие скандинавы, значит, они играли определенную роль и в становлении раннегородских центров. Это видно на многих примерах, в том числе и Тимерева, которое возникло в результате освоения славянами Волжского пути. Наряду с ними на раннем этапе в начале IX в. здесь появились и скандинавы, а уже затем в X в. в составе населения этого важного торгово-ремесленного центра появились и местные финно-угры — меря. Конечно, неверно утверждать, что скандинавы были основателями городов на Руси, но нельзя и отрицать полностью, как это делает Авдусин, их участие в процессах градообразования в IX—X столетиях.

Авдусин отмечает неправомерность прямолинейного отождествления древнерусских протогородов со скандинавскими виками. Однако в одной из первых работ по данной проблеме, где сравниваются Гнездово и Бирка, отмечалось, что «наряду со сходными чертами существуют и значительные отличия Гнездова» [58]. Этого утверждения также не заметил Авдусин. Аналогичные выводы делались и в отношении Тимерева при сравнении его с Гнездовом [59].

По мнению Авдусина, скандинавы участвовали лишь в трансконтинентальной торговле. «Значительная же часть торговой деятельности на Руси протекала помимо скандинавов, без их участия»,— пишет он [60]. Видимо, при этом имеются в виду те районы, где скандинавов, собственно, и не было. Сейчас ясно, что либо прямо из рук скандинавских торговцев, либо через посредников их товары проникали и в средневековую «глубинку». В пользу этого говорят находки скандинавских вещей на обширной древнерусской территории. Это хорошо видно на примере Верхнего Поволжья.

Рассмотренные проблемы этнической истории Северо-Востока эпохи раннего средневековья далеки от окончательного разрешения. Однако в общих чертах выяснена роль двух основных этнических компонентов — славянского и финно-угорского — процессе формирования древнерусской народности. Определены характер и доля вклада в материальную и духовную культуру скандинавов. Дальнейшие исследования, несомненно, углубят и конкретизируют наши представления о сложнейших процессах развития этого края в домонгольское время.

[56] Авдусин Д. А. Ук. соч., с. 30.

[57] Там же, с. 32.

[58] Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города). В кн.: Культура средневековой Руси. Л. 1977, с. 17

[59] Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово. В кн.: Из истории феодальной России. Л. 1978.

[60] Авдусин Д. А. Ук. соч., с. 33.

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

ВОЙНА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

(К ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1939—1940 ГГ.)

А. Г. Донгаров

Война зимы 1939—1940 гг. остается у нас почти неизвестной. Все, что советским людям было «положено» знать о ней, им сообщили уже полвека тому назад в соответствующих выступлениях В. М. Молотова на сессиях Верховного Совета СССР. С того времени наша историческая наука хотя и продвинулась вперед в изучении этой темы, продолжает оставаться должником советского читателя [1].

Цель публикуемой статьи, которая вводит в научный оборот ряд советских внешнеполитических документов,— более полно осветить политическую и дипломатическую стороны «финской войны».

* * *

С того времени как на берегах Невы возникла новая столица России, международное положение Финляндии изменилось коренным образом. «Перенести царский трон из Москвы в Петербург,— писал К. Маркс,— значило поставить его в такие условия, в которых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не будет покорено все побережье от Либавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием Финляндии» [2]. Постепенно стала складываться система защиты города от нападения со стороны моря. Основной принцип этой системы состоял в том, чтобы в случае необходимости перекрыть довольно узкий Финский залив встречным артиллерийским огнем батарей фортов, расположенных напротив друг друга на северном и южном побережье залива. Построенная таким образом оборона могла быть эффективной только в том случае, если действовала как система. Потеря огневых возможностей на одном из берегов залива означала, что вражеские суда могли беспрепятственно проходить вдоль него, оставаясь вне досягаемости огня с противоположного берега.

Относительно обороны Петербурга с суши долгое время считалось, что достаточная гарантия его безопасности — непроходимость финских лесов и болот. Конечно, когда в 1811 г. Александр I подарил Великому княжеству Финляндскому Выборгскую губернию и до русско-финской границы от столицы осталось всего 32 километра, у многих российских государственных деятелей возникло ощущение дискомфорта. Тогдашние статс-секретарь Финляндии граф Ребиндер и член правительства Маннергейм, прадед будущего президента и маршала Финляндии, также считали, что граница проходит слишком близко от столицы России [3]. Правда, пока Финляндия оставалась частью империи, на это можно было закрывать глаза.

Вся эта система развалилась с выходом Финляндии из состава России в декабре 1917 года. Столица РСФСР превратилась в приграничный город, фактически не защищенный ни с моря, ни с суши. Об этом свидетельствуют такие факты: в мае 1918 г. германские войска высадились на финском побережье и беспрепятственно продвинулись к Петрограду на расстояние 35 км, кроме того, они заняли острова Сурсари и Лавансари в восточной части Финского залива, остров Валаам на Ладожском озере, в форте Ино установили артиллерию, радиостанцию и наблюдательный пункт, которые позволили, по выражению командира германского экспедиционного корпуса в Финляндии генерала фон дер Гольца, «держать в узде русский флот, находящийся в Кронштадте». Маршал Людендорф так оценивал создавшееся положение: «Мы имели теперь позиции на Нарве и в Выборге, которые позволяли нам в любое время предпринять наступление на Петербург, чтобы свергнуть там большевистское господство» (это, кстати, и вынудило тогда Советское правительство перенести столицу из Петрограда в Москву). Позже отряд английских военных кораблей через финские территориальные воды вышел чуть ли не на внешний рейд Петроградского порта и вел бои у Кронштадта [4].

Сказанное, разумеется, отнюдь не означало, что в силу географического положения на Финляндии лежало «проклятье» быть обреченной на унию с Россией. Необходимо было только найти компромисс, примиряющий законное право финнов на независимость и самостоятельность с законным правом русских обеспечить безопасность своей столицы и северо-западного региона страны — одного из важнейших в политическом, военном и экономическом отношениях. Вне этого компромисса отношениям между двумя странами была предначертана нестабильность.

Действительно долговременным решением могло быть возвращение России юго-восточных районов Выборгской губернии. Это означало бы, что за Россией остается форт Ино, а граница отодвигается от Петрограда. Уже в начале 60-х годов прошлого века идеолог финского национального движения Ю. В. Снельман предостерегал, что в случае отделения от России Финляндии придется поступиться некоторыми территориями, так как Россия никогда не допустит прохождения границы в двух десятках верст от Петербурга [5].

Зимой 1918 г. между представителями РСФСР и финляндской революционной власти начались переговоры по конкретным вопросам, возникшим в связи с тем, что Финляндия стала независимым государством. В. И. Ленин дал советской делегации строжайшее указание идти навстречу финляндским пожеланиям, но не в вопросе о форте Ино. В § 16 договора, подписанного 1 марта 1918 г., сказано, что Финляндия «немедленно отчуждает в полную собственность РСФСР территорию форта Ино... и обеспечивает необходимый транзит к этому форту» [6]. Тогда же

ДОНГАРОВ Александр Герасимович — сотрудник Историко-дипломатического управления МИД СССР.

[1] Сказанное меньше всего может быть расценено как упрек видным нашим авторам, пишущим о войне 1939—1940 гг. (напр., В. В. Похлебкин, Н. Н. Барышников, В. Г. Федоров). Если бы все зависело только от них, эта глава отечественной истории, надо полагать, была бы написана.

[2] Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века.— Вопросы истории, 1989, № 4, с. 12.

[3] Mannerheim K. G. Les Mémoires du Maréchal Mannerheim. 1882—1946. P. 1952, p. 193.

[4] Холодковский В. М. Революция в Финляндии и германская интервенция. М. 1967. с. 335; Всемирная история. Т. 8. М. 1961, с. 256.

[5] См. Линия Паасикиви. Статьи и речи Ю. К. Паасикиви. 1944—1956. М. 1958, с. 73.

[6] Правда, 10.III.1918.

Ленин высказывал мысль о том, что советско-финляндскую границу на Карельском перешейке необходимо отодвинуть от Петрограда на 50—60 км как минимум и оставить за Россией всю систему ближней береговой обороны столицы [7].

Вследствие поражения революции в Финляндии возникла необходимость вернуться к обсуждению пограничных вопросов с представителями новой власти, но переговоры о нормализации отношений, состоявшиеся в июле 1918 г. в Берлине (по предложению Финляндии, Германия взяла на себя функцию посредника), вскоре были прерваны. Военный путь урегулирования разногласий с Советской Россией в первые годы ее существования не принес Финляндии успеха, и 14 октября 1920 г. в Тарту (тогда Юрьев) был заключен мирный договор. Финляндия настояла на сохранении на Карельском перешейке стратегически опасной для России границы, установленной в 1811 году. В 1946 г. президент Финляндии Ю. К. Паасикиви, бывший в 1920 г. главой финляндской делегации в Тарту, согласился с одним из финских политиков, назвавшим этот «успех» финской дипломатии «роковым» для своей страны [8].

Близость границы к Петрограду требовала от государственных деятелей Финляндии особого такта по отношению к Стране Советов, чтобы рассеять ее опасения за свою безопасность.

На деле, однако, финляндская политика в отношении РСФСР (а затем СССР) нередко принимала враждебный, а подчас и воинственный характер. Уже в 1921 г. была предпринята неудачная попытка вооруженным путем «пересмотреть» те статьи Юрьевского договора, которые признавали исконное право России на Восточную (Русскую) Карелию. В 1921—1923 гг. финляндское правительство апеллировало к Лиге наций и Международному суду в Гааге, пытаясь добиться благоприятного для себя решения «карельского вопроса», но безуспешно.

Недружественная по отношению к СССР политика официального Хельсинки объективно поощряла экстремистскую деятельность националистов. В 1922 г. было образовано так называемое Карельское академическое общество (АКС), целью которого было создание «Суур-Суоми» («Великой Финляндии») путем аннексии ряда советских территорий. На рубеже 20—30-х годов в Финляндии возникло и стало стремительно набирать силу так называемое лапуасское движение, бывшее по своей сути финской вариацией фашизма, которое сразу же возвели в ранг «народного». В 1932 г. лапуасцы, стремясь продемонстрировать свою силу, организовали путч в г. Мянтсяля. Вследствие этого движение было запрещено, однако знамя крайнего шовинизма и антисоветизма подхватили другие откровенно фашистские слои.

Конечно, к середине 30-х годов соотношение сил СССР и Финляндии было далеко не таким, как в 1918—1920 гг., и изменилось оно не в пользу последней. В вероятность нападения Финляндии и военного столкновения с ней один на один в СССР никто не верил. Однако финляндское правительство дало основание совершенно серьезно считать, что оно не прочь «поживиться за счет СССР в случае нападения на него со стороны Японии или в случае интервенции против него вообще» [9]. Это мнение было высказано в секретном письме Народного комиссариата иностранных дел полпредству СССР в Хельсинки от 5 июня 1934 г. и не может быть отнесено к разряду пропагандистских уловок. То, что такие расчеты существовали, подтверждается письмом министра иностранных дел Финляндии В. А. Таннера шведскому премьер-министру П. А. Ханссону от 26 октября 1939 года. «Раньше,— сообщал Таннер,— когда мы думали о возможности нашего вовлечения в войну с Советским Союзом, мы всегда считали, что это произойдет при других обстоятельствах — что Россия будет воевать где-нибудь еще» [10].

С середины 30-х годов все более вероятным в Москве считали вариант использования потенциальными противниками Советского Союза территории Финляндии для нападения на него. Настойчивым напоминанием об этой геополитической возможности стало появление на политической карте Европы в 1933 г. «нового» государства — фашистской Германии. Это заставляло Советское правительство с особым вниманием присматриваться к своим непосредственным соседям по западной границе. Самыми неутешительными были результаты анализа финляндской ситуации. Она характеризовалась наличием территориальных претензий к СССР, лишь слегка прикрытых ширмой не- и полуофициальности; развитием тесных отношений Финляндии с Германией и ростом профашистских и шовинистических настроений внутри страны; активными выступлениями против попыток Советского Союза и Франции создать систему коллективной безопасности в Восточной Европе.

Правда, в 1932 г. между СССР и Финляндией был подписан пакт о ненападении, но первоначально — по требованию финской стороны — только на три года. В результате настойчивости советской дипломатии в 1934 г. он был продлен на 10 лет, однако неприятный осадок остался, недоверие усилилось. Выше уже было приведено мнение НКИД, что Финляндия лишь выжидала момент, чтобы напасть на СССР в союзе с другими потенциальными агрессорами. Напомним дату письма НКИД — 1934 год.

В 1935 г. Финляндия была провозглашена нейтральным государством, но у ее нейтралитета сразу же обнаружился сильный прогерманский привкус. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести высказывания ведущих финских государственных деятелей того времени. Президент Финляндии П. Э. Свинхувуд: «Россия — единственный постоянный враг Финляндии; «Гитлер с финляндской точки зрения лучше, чем Штреземан»; «любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». Министр иностранных дел Финляндии А. Ханцелль заверял германского посланника в Хельсинки В. фон Блюхера, что его страна «будет следовать по антирусскому курсу». Высоко ценил заслуги Гитлера «в искоренении коммунизма» маршал К. Г. Маннергейм [11]. Финская пресса, особенно правая, приветствовала желание Германии найти себе жизненное пространство в Восточной Европе, а с СССР разговаривала преимущественно языком оскорблений и угроз. 27 февраля 1935 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов был вынужден обратить на это внимание финляндского посланника в Москве А. С. Ириё-Коскинена: «Ни в одной стране пресса не ведет так систематически враждебной нам кампании, как в Финляндии. Ни в одной стране не ведется такая открытая пропаганда за нападение на СССР и отторжение его территории, как в Финляндии» [12].

С тревогой Советское правительство воспринимало тесное сотрудничество между финскими и германскими военными, получившее наибольшее развитие уже после провозглашения Финляндией нейтралитета: визиты в Берлин маршала Маннергейма, командующего армией генерала Х. Эстермана, начальника генерального штаба генерала Х. Эквиста, руководителя шюцкора генерала Л. Малмберга и многих высших офицеров финской армии. Сотрудничество с Германией по военной линии не только не скрывалось, но и всячески афишировалось. Визитам

[7] См. Похлебкин В. В. СССР — Финляндия: 260 лет отношений (1713—1973). М. 1975, с. 240.

[8] Линия Паасикиви, с. 72.

[9] Документы внешней политики СССР. Т. 17. М. 1971, с. 373.

[10] Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939—1940. Stanford (Cal.). 1957, p. 46.

[11] Blücher W. Suomen Kohtalonaikoja. Porvoo. 1950, ss. 37, 59—60, 69—70; Mannerhelm K. G. Op. cit., p. 176.

[12] Документы внешней политики СССР. Т. 18. М. 1973, с. 143.

германских военных в Финляндию придавался характер демонстрации «братства по оружию».

«Братание» с Германией и почти нулевая отметка в советско-финских отношениях. Достаточно сказать, что первый и единственный в межвоенный период визит министра иностранных дел Финляндии в Москву состоялся только в 1937 году. Усилиями финских правых этому визиту был придан чисто протокольный характер. В беседе с германским посланником Свинхувуд заверил его, что визит в Москву — это «формальность», «ничто не может изменить внешнеполитическую ориентацию Финляндии»[13].

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить себе, как в Москве после всего этого могли относиться к финляндской декларации о нейтралитете. Не в восторге от такого нейтралитета были и скандинавские соседи Финляндии. В Швеции, например, утвердилось представление, что «Финляндия готовится к войне против Советского Союза», о чем шведский король Густав V заявил тогдашним финским руководителям[14].

Между тем из ответа на вопрос, можно ли полагаться на нейтралитет Финляндии, для Советского Союза вытекали самые серьезные военно-политические последствия. Как много раз, и совершенно справедливо, отмечал президент У. К. Кекконен, мало, чтобы страна провозгласила свой нейтралитет, надо еще, чтобы в него поверили другие. Многие факторы политической жизни довоенной Финляндии вызывали у Советского правительства сомнения в подлинности финляндского нейтралитета. Еще меньше правительство СССР могло на него полагаться в своих стратегических расчетах после того, как в марте 1938 г. Германия поглотила Австрию. Схема ликвидации австрийского суверенитета, включавшая организацию фашистского путча и последующий ввод германских войск, могла быть, как считали в Москве, испробована и в Финляндии.

Особую тревогу советского руководства вызывали германофильские настроения в среде финских военных. По свидетельству Блюхера, ряд генералов финляндского Генерального штаба откровенно выражали одобрение захвату Австрии и восхищение военной стороной этой операции. В случае войны, сообщал германский посланник в Финляндии в МИД Германии, «симпатии финляндских военных, финляндского шюцкора и финляндских правых кругов будут на стороне Германии... Между офицерским корпусом Финляндии и германской армией существуют столь хорошие товарищеские отношения, что правительству придется учитывать это обстоятельство в своих решениях»[15]. Все это не могло игнорироваться и Москвой. Ведь аншлюс Австрии означал, что Германия приступила к реализации своих внешнеполитических планов, едва ли не главной целью которых было уничтожение СССР. Вот почему месяц спустя после австрийских событий Советское правительство сочло необходимым обратиться к правительству Финляндии с предложением обсудить проблемы безопасности, поставленные угрозой германской агрессии. Обращение носило конфиденциальный характер и было сделано через второго секретаря полпредства СССР в Хельсинки Б. Н. Ярцева.

По свидетельству Таннера, оставившего наиболее обстоятельный отчет об этих переговорах, Советское правительство выражало готовность и дальше уважать суверенитет и территориальную целостность Финляндии, однако было убеждено, что Германия планирует широкое

[13] См.: Похлебкин В. В. Ук. соч., с. 285; Suomi J. Talvisodan tausta. Helsinki. 1973, ss. 48—49.

[14] Kivimäki T. M. Suomalaisen politikon muistelmat. Porvoo — Helsinki. 1965, s. 92.

[15] Цит. по: Lundin C. L. Finland in the Second World War. Bloomington. 1957, p. 37. Шюцкор — добровольческие военизированные формирования, существовавшие в 1917—1944 годах.

наступление на СССР, а левое крыло германской армии при этом может попытаться высадиться в Финляндии и оттуда продолжить движение в направлении Ленинграда. В этом случае СССР не станет пассивно ожидать выхода войск на государственную границу, проходящую всего в трех десятках километров от города, и двинет свои войска навстречу германским войскам; Финляндия превратится в поле боя. Если же финское правительство окажет сопротивление германской агрессии, СССР предоставит ему военную и экономическую помощь и примет обязательство вывести свои войска из Финляндии после окончания войны. Ситуация, по мнению Советского правительства, осложнялась тем, что, если бы Финляндия решила защищаться, финские фашисты могли попытаться осуществить прогерманский переворот внутри страны. В СССР не были уверены в том, что даже если переворота не произойдет, финнам удастся выстоять в войне с Германией[16].

Участие Финляндии в войне против СССР (возможно, даже вопреки желанию правительства) представлялось вероятным не только в Москве, но и в Хельсинки. Так, весной 1939 г. одна из правящих партий, социал-демократическая, признала такую возможность, заявив, что будет бороться против планов определенных кругов в вооруженных силах страны «начать при благоприятных международных условиях агрессивную войну»[17]. Что случилось бы, однако, если бы все силы финского общества высказались за сохранение нейтралитета? В этом случае, считал президент Паасикиви, страна была бы, вероятнее всего, оккупирована немцами, как Норвегия или Голландия[18].

Исходя из такого анализа ситуации, Советское правительство и предложило Финляндии в апреле 1938 г. совместно решать проблему обеспечения безопасности в регионе. Одним из возможных решений, по его мнению, было заключение военного соглашения, которое, чтобы не компрометировать объявленный Финляндией в 1935 г. нейтралитет, вступало бы в силу только в случае германской агрессии против Финляндии[19].

Поскольку довольно скоро обнаружилось нежелание Хельсинки подписывать военное соглашение с СССР, было внесено новое предложение финскому правительству: подписать обязательство оказать сопротивление германской агрессии. СССР был готов оказать Финляндии помощь в форме поставок вооружений и прикрытия ее с моря силами своего военно-морского флота. Для поддержки его действий было запрошено согласие финского правительства на создание на о. Гогланд (Сур-Сари) в Финском заливе военно-морской и военно-воздушной базы СССР[20]. Предложение было отклонено. Ссылались на то, что его осуществление нарушило бы финляндский суверенитет и нейтралитет.

В начале октября 1938 г. советское предложение было несколько изменено: финны осуществляют строительство базы собственными силами, лишь согласуя его с СССР; задача обороны острова осуществляется Финляндией и переходит к Советскому Союзу только в том случае, если Финляндия не справится с ней. Но в Хельсинки отвергли и это предложение.

В сентябре 1938 г. в Мюнхене Германия добилась от Франции и Великобритании согласия на расчленение Чехословакии. Для СССР это означало потерю единственного союзника из числа западных соседей и фактический выход Германии на советскую границу. Таковы были ближайшие последствия мюнхенского сговора, однако его значение выходило далеко за эти рамки. С точки зрения Советского правительства, Мюнхен был рубежом двух эпох. Надежды на политическое решение

[16] Tanner V. Op. cit., pp. 4, 6, 12.

[17] Lundin C. L. Op. cit., p. 38.

[18] Линия Паасикиви, с. 75.

[19] Tanner V. Op. cit., p. 8.

[20] Ibid., pp. 8—9.

вопросов безопасности, вера в международное право, характерные для домюнхенской Европы, были убиты сентябрьским соглашением с Гитлером. После Мюнхена наступила эпоха торжества грубой силы и национального эгоизма. Фактически европейским странам был дан сигнал: спасайтесь, как можете. «Надвигавшаяся буря,— писал об этим времени У. Черчилль,— была готова вот-вот разразиться. Россия должна была позаботиться о себе» [21].

Именно это заставляло Советское правительство проявлять настойчивость в отношениях с Финляндией. 5 марта 1939 г. Литвинов через Ириё-Коскинена внес предложение: сдать Советскому Союзу в аренду на 30 лет четыре острова в Финском заливе. Подчеркивалось, что на этот раз речь идет не о создании военной базы, а об использовании островов в качестве наблюдательных пунктов на пути к Ленинграду. Однако уже 8 марта последовал отказ. Новое советское предложение — обменять эти четыре острова на любую приграничную советскую территорию севернее оз. Ладога — также было отклонено, вновь со ссылками на финляндский суверенитет и нейтралитет [22].

Во время встречи с Ириё-Коскиненом 11 марта Литвинов заметил, что «Советское правительство не ожидало такого ответа», что его предложение было сделано «именно потому, что Финляндия суверенно владеет островами и может ими распоряжаться, а следовательно, и переуступать и сдавать в аренду, нисколько не нарушая своей политики нейтралитета» [23]. Это мнение разделял Маннергейм, в патриотизме которого вряд ли кто мог усомниться. Когда в Хельсинки для продолжения переговоров на основе последнего предложения прибыл неофициальный представитель Советского правительства Б. Е. Штейн, Маннергейм советовал финляндским руководителям пойти ему навстречу. «Я изложил им свою точку зрения,— писал маршал.— Эти острова не представляли для страны никакой ценности, и у нас не было возможности защитить их, т. к. они были демилитаризованы. Я не думал также, что престиж Финляндии пострадал бы, если бы мы согласились на такой обмен». Маннергейм, кроме того, считал выгодным для Финляндии перенос границы на Карельском перешейке подальше от Ленинграда в случае компенсации за счет советских территорий [24].

Действительно, наряду с вопросом об островах Штейн привез и такое предложение: перенос границы к западу на определенное расстояние, которое предстояло согласовать в ходе переговоров, взамен большей по площади советской территории и денежной компенсации расходов по переселению финских граждан, проживавших на уступаемой Советскому Союзу территории [25]. Однако 6 апреля Штейн возвратился в Москву с пустыми руками.

Упорное нежелание финляндского правительства содействовать на почетных и приемлемых для себя условиях укреплению безопасности СССР вызывало уже не просто непонимание, но и глубокое недоверие. 11 марта 1939 г. в беседе с посланником Швеции в Москве О. В. Винтером Литвинов пояснил всю серьезность положения: «Мы не можем быть уверены в том, что Германия, решившись на какую-нибудь авантюру, не потребует от Финляндии хотя бы временной передачи ей островов, а та, либо добровольно, либо под угрозами, может быть, заранее согласованными, уступит такому требованию» [26].

Какое впечатление очередная неудача договориться с Финляндией произвела в Москве, можно судить по воспоминаниям командующего

[21] Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. М. 1955, с. 334.
[22] Архив внешней политики (далее АВП) СССР, ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 183, лл. 80—82.
[23] Там же, п. 18, д. 198, л. 6.
[24] Mannerheim K. G. Op. cit., pp. 192—193.
[25] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 17, д. 183, лл. 61—65.
[26] Там же, п. 18, д. 198, л. 8.

Ленинградским военным округом К. А. Мерецкова, в которых он воспроизвел содержание беседы, для которой в конце июня он был вызван к Сталину. По мнению Сталина, «Германия готова ринуться на своих соседей в любую сторону, в том числе на Польшу и СССР. Финляндия легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазно-империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской. Не исключено, что они вообще начнут сговариваться о совместном выступлении против СССР, а Финляндия может оказаться здесь разменной монетой в чужой игре, превратившись в науськиваемого на нас застрельщика большой войны» [27].

Третий и последний тур советско-финляндских переговоров начался 12 октября 1939 г. в еще более сложной обстановке, когда в Европе уже разразилась большая война. Эта новая реальность, однако, практически никак не отразилась на позиции Финляндии. Инструкции, которыми должен был руководствоваться Паасикиви — глава делегации, прибывшей в Москву для новых переговоров, гласили: нет — договору о взаимопомощи, нет — переносу границы на Карельском перешейке, нет — советской военной базе. И только в одном вопросе — о некоторых островах в восточной части Финского залива — правительство А. Каяндера готово было пойти навстречу возможным советским предложениям на условиях компенсации [28].

Еще одной новой реальностью был советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., секретный протокол к которому относил Финляндию к сфере советских государственных интересов. По ряду соображений Советское правительство не спешило использовать все возможности, открываемые этим соглашением, и все же последнее оказало развращающее воздействие на советскую дипломатию, создавая у нее ощущение вседозволенности. Не являлись ли превышающими минимально необходимые Советскому Союзу условия для государственной безопасности предложения, изложенные в ходе переговоров с Финляндией? Как отразилось на ходе переговоров то обстоятельство, что, приступая к ним, Советское правительство уже знало — оно может воспользоваться и более сильными средствами? Повторим, однако, что в тот момент оно все же стремилось к мирному разрешению проблем с Финляндией и в установленных им самим для себя рамках переговоров действовало достаточно гибко.

Переговоры в Москве начались с варианта заключения договора о взаимопомощи, но, руководствуясь инструкциями, финляндская делегация отказалась обсуждать этот вопрос [29]. 14 октября Финляндии было предложено сдать СССР в аренду на 30 лет порт Ханко для устройства там военной базы, а также передать СССР несколько островов в восточной части Финского залива, часть Карельского перешейка и часть полуострова Рыбачий — всего 2761 кв. км в обмен на 5529 кв. км советских территорий в Восточной Карелии [30].

23 октября был получен меморандум финляндского правительства. В нем говорилось, что для Финляндии неприемлема сама мысль о постоянном или долгосрочном размещении на ее территории вооруженных сил другого государства. Соглашаясь на пересмотр отдельных участков границы на Карельском перешейке, правительство Каяндера вместе с тем заявило, что оно «не сможет обсуждать вопрос о перенесении границы так далеко, как это предлагалось в советском предложении». Конкретно финляндское правительство было согласно выправить границу лишь на участке в районе Куоккала, где она вдавалась в советскую тер-

[27] Мерецков К. А. На службе народу. М. 1983, с. 165.
[28] Tanner V. Op. cit., p. 26.
[29] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 193, л. 4.
[30] Там же, лл. 1—2.

риторию[31]. Это означало бы увеличение расстояния от Ленинграда до границы с 32 до 45 километров.

В ходе дальнейших переговоров выяснилось, что центральным был вопрос о Ханко и сооружении там советской военной базы. От решения его зависел успех всех переговоров. Учитывая это, советская сторона стремилась придать гибкость своей позиции. Так, был снижен срок аренды порта с 30 лет до момента окончания войны в Европе, сокращена численность советского персонала базы с 5 до 4 тыс. человек. Поскольку финляндское правительство считало неприемлемым сдать в аренду под иностранную военную базу часть своей территории, ему было предложено продать или обменять ее. Затем, учитывая, что идея размещения советских войск на материковой части Финляндии вызывала неприятие финской стороны, были выдвинуты альтернативные варианты — сооружение базы на трех близлежащих к Ханко островах, а затем, после получения очередного отказа, на о. Юссаре. Судя по воспоминаниям Маннергейма и Таннера, последний вариант они рассматривали как вполне допустимый[32], но и он был отвергнут. Нерешенными остались также вопросы о границе на Карельском перешейке и об островах в восточной части залива. 13 ноября делегация Финляндии сообщила советской стороне, что она сочла «целесообразным вернуться в Хельсинки», и прервала переговоры. Ни одна из проблем, относившихся к обороне советского северо-запада и Ленинграда, решена не была. В этих условиях на Военном совете Сталин сказал: «Нам придется воевать с Финляндией».

После отъезда финской делегации по обе стороны границы усилились военные приготовления, одно за другим следовали нарушения пограничного режима. И все же ничего из ряда вон выходящего не случалось. Экстраординарные события начались 26 ноября 1939 года. В районе границы у дер. Майнила возник инцидент с артиллерийским обстрелом красноармейских позиций, в результате которого, по официальному сообщению штаба ЛВО, распространенному ТАСС, несколько советских бойцов было убито и ранено. В тот же день Советское правительство направило финляндской стороне ноту протеста и потребовало в целях предотвращения в дальнейшем подобных инцидентов отвести ее войска от линии границы на 20—25 километров[33].

В ответной ноте правительство Финляндии отрицало причастность финских войск к обстрелу Майнилы и предложило создать совместную комиссию по расследованию происшествия, а также «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы»[34].

У историков до сих пор нет документов, содержащих ответ на вопрос, кем была дана 26 ноября команда «Огонь!». Однако сегодняшние знания о намерениях сторон позволяют с уверенностью предположить, что прозвучала она с советской стороны границы.

Какую цель могло преследовать Советское правительство, организуя майнильский инцидент? Получить повод к началу войны, как считают практически все зарубежные исследователи? Почему же тогда советская нота протеста была весьма умеренной, как отмечал Паасикиви?[35] Если все было предрешено, тогда зачем надо было предоставлять финляндскому правительству шанс выправить положение?

Ситуацию проясняет докладная записка полпреда СССР в Хельсинки В. К. Деревянского Молотову от 17 ноября. Полпред рекомендует

[31] Там же, лл. 3—6.
[32] Mannerheim K. G. Op. cit., p. 208; Tanner V. Op. cit., p. 73.
[33] Правда, 27.XI.1939.
[34] Правда, 29.XI.1939.
[35] Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa. 1939—1941. Porvoo. 1958, s. 104.

принять ряд мер для оказания давления на финнов с целью склонить их на уступки: создать обостренно-напряженную обстановку на советско-финляндской границе, начать антифинляндскую кампанию в советской печати, организовать митинги и демонстрации под соответствующими лозунгами, а в качестве последнего шага — пойти на денонсацию пакта о ненападении[36]. Нам представляется, что выстрелы в Майниле и шквал пропагандистского огня были последней попыткой дать понять Финляндии: положение СССР в условиях европейской войны становится критическим, так как в системе его обороны на одном из самых важных направлений зияет огромная брешь, и правительство обязано ее заделать; попыткой реализовать, хотя и не самым достойным способом, последний шанс мирного решения конфликта. Фактически Майнила означала предъявление ультиматума: либо правительство Финляндии, чтобы разрядить напряженность, дает знак о готовности пойти навстречу советским предложениям, либо инцидент будет использован в качестве предлога к войне.

Однако в Хельсинки еще полагали, что Москва блефует. Требование финляндской ноты от 27 ноября об абсолютной симметрии отвода войск при явной асимметрии в стратегическом положении сторон означало, с точки зрения Советского правительства, продолжение старой линии в отношении СССР. В ноте Советского правительства от 28 ноября ответ финской стороны квалифицировался как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами». При оценке майнильского инцидента Советское правительство продолжало настаивать, что он был организован финляндской стороной и являлся нарушением пакта о ненападении, и в данной связи (это стало кульминацией ноты от 28 ноября) заявило, что «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении»[37].

Только тогда в Хельсинки поняли, что события заходят слишком далеко. Об этом свидетельствует финляндская нота от 29 ноября, которая была реакцией на уведомление о денонсации пакта. В ноте указывалось, что, учитывая озабоченность советской стороны безопасностью Ленинграда, финляндское правительство готово договориться об отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города»[38]. Таким образом, выполнялось единственное требование советской ноты от 26 ноября.

Нота была получена миссией Финляндии в Москве в 16 часов 29 ноября. Однако, ожидая дополнительных инструкций, посланник не успел передать ее советским адресатам. Вечером того же дня Ириё-Коскинен был приглашен в НКИД, где заместитель наркома В. П. Потемкин вручил ему новую ноту. В ней говорилось, что «ввиду сложившейся обстановки... правительство СССР не может больше поддерживать нормальных отношений с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии советских политических и хозяйственных представителей»[39]. Это означало разрыв дипломатических отношений между СССР и Финляндией, но посланник все же переслал ноту своего правительства в НКИД.

Готовность правительства Финляндии на отвод своих войск не давала, конечно, гарантий удовлетворительного, с советской точки зрения, разрешения других проблем, но определенные возможности нота от-

[36] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 194, лл. 18—19.
[37] Правда, 29.XI.1939.
[38] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 188, лл. 22—23.
[39] Там же, л. 26.

крывала. Они остались неиспользованными: формально — потому что она была вручена спустя несколько часов после разрыва дипломатических отношений, фактически — потому что в Москве уже была сделана ставка на более сильные средства.

На следующий день был сделан последний шаг, разделяющий состояние мира и состояние войны. Как говорилось в сообщении ТАСС, «по приказу Главного Командования Красной армии, ввиду новых вооруженных провокаций[40] со стороны финской военщины, войска Ленинградского военного округа в 8 часов утра 30 ноября перешли границу Финляндии на Карельском перешейке и ряде других районов»[41]. Так началась советско-финляндская война.

В первые дни ее, однако, главные события разворачивались не на фронте, а за политическими кулисами. 30 ноября ЦК Компартии Финляндии выступил с обращением к народу страны, в котором давался анализ причин, приведших к возникновению советско-финского вооруженного конфликта, а также содержался призыв к созданию правительства левых сил, внутриполитической программой которого могла бы стать демократизация финляндского государства. В области внешней политики выдвигалась задача скорейшего установления мирных и дружественных отношений с СССР на основе учета его законных интересов и отказа от прежней линии на конфронтацию[42]. 1 декабря в занятом советскими войсками финляндском местечке Терийоки было создано альтернативное правительство во главе с финским коммунистом, секретарем Коминтерна О. В. Куусиненом. В тот же день оно провозгласило себя временным народным правительством Финляндской Демократической Республики (ФДР) и обратилось к народу с декларацией о целях своей деятельности, в которой конкретизировались политические лозунги, выдвинутые в обращении ЦК КПФ[43].

В Москве, как сообщала советская пресса того времени, об этих событиях стало известно якобы из радиоперехватов. 1 декабря, в день создания «правительства Куусинена», оно было признано Советским правительством, а с Финляндской Демократической Республикой установлены дипломатические отношения. 2 декабря между ними был подписан Договор о взаимопомощи и дружбе[44]. Разумеется, версия о радиоперехватах не выдерживает никакой критики. Достаточно сказать, что в архиве МИД СССР имеются проекты обращения ЦК КПФ, декларации «правительства Куусинена» и договора о взаимопомощи и дружбе, написанные на русском языке и правленные рукой Молотова[45].

Эпизод с «терийокским правительством» невозможно понять, если не знать о представлениях Сталина и Молотова о характере грядущего конфликта с Финляндией. Они исходили в своих расчетах из того, что через две недели после начала военных действий советские войска будут в Хельсинки. Предполагаемый военно-политический разгром Финляндии неизбежно рождал проблему послевоенного устройства страны. Устанавливать в Финляндии оккупационный режим не входило в планы Сталина и Молотова. В то же время правительство Финляндии и все

[40] Упоминались якобы имевшие место в ночь с 29 на 30 ноября три нападения небольших подразделений финляндских войск на пограничные заставы СССР.

[41] Правда, 1.XII.1939.

[42] Там же.

[43] Правда, 2.XII.1939.

[44] Правда, 3.XII.1939.

[45] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 18, д. 192. Подробнее см.: Донгаров А. Г. Правительство Куусинена — эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов.— Вестник МИД СССР, 1989, № 22 (56). Вместе с тем остаются открытыми вопросы: кто выступил с инициативой такого обращения и образования альтернативного правительства — ЦК КПФ или советское руководство? Можно ли считать это обращение документом ЦК КПФ, если абсолютное большинство его членов к тому времени либо были репрессированы Сталиным, либо находились в глубоком подполье в Финляндии?

государственные деятели, так или иначе солидаризировавшиеся с его политикой в отношении СССР, должны были уйти в отставку. Для Сталина и Молотова оставался единственный выход: содействовать формированию правительства, которое было бы готово договориться с СССР и тем самым сделать возможным вывод его войск из Финляндии.

Эта задача и решалась договором о взаимопомощи и дружбе от 2 декабря: СССР уступал Финляндии территории в Восточной Карелии с преобладающим родственным финнам карельским населением — всего площадью 70 тыс. кв. км; в свою очередь, ФДР соглашалась: а) перенести границу на Карельском перешейке в северном направлении от Ленинграда с уступкой Советскому Союзу территории площадью 3970 кв. км; б) сдать СССР в аренду на 30 лет Ханко для создания там военно-морской базы; в) продать СССР пять островов в восточной части Финского залива, а также принадлежавшие Финляндии части полуостровов Рыбачий и Средний на побережье Северного Ледовитого океана за 200 млн. финских марок. Стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае нападения или угрозы нападения на Финляндию или через ее территорию на СССР[46].

Однако создание правительства Куусинена было многоцелевым мероприятием. Еще одна из целей состояла в том, чтобы действия СССР представить мировой и советской общественности в возможно более выгодном свете. В декабре 1939 г. Молотов, ссылаясь на факт существования терийокского правительства и договора с ним, уверял Лигу наций, что Советский Союз не воюет с Финляндией, а оказывает признаваемому им финляндскому правительству помощь в освобождении страны от засилья антинародной клики[47]. Эта же линия велась и во внутрисоюзной пропаганде. В день наступления бойцам ЛВО была зачитана директива начальника политуправления округа, в которой, в частности, говорилось, что «мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа... Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское, подлинно народное правительство»[48].

Имелось также в виду продемонстрировать финляндскому народу, что военные цели СССР ограничены и ни в коем случае не состоят в завоевании Финляндии и присоединении ее к СССР. Об этом развернуто говорилось и в обращении ЦК КПФ, и в декларации «терийокского правительства». Об этом должен был свидетельствовать также подписанный с ФДР договор. После этих разъяснений, рассчитывали в Москве, часть финляндского общества перейдет на сторону правительства Куусинена, что облегчило бы Красной Армии выполнение поставленной перед ней задачи. Для внесения раскола в армию Финляндии при «правительстве Куусинена» на территории ЛВО был создан корпус «Финской народной армии». Его личный состав носил специальную национальную форму и к началу декабря 1939 г. насчитывал около 13 500 человек, которые, однако, так и не приняли участия в вооруженной борьбе[49]. И все же, независимо от того, какие цели преследовались созданием «терийокского правительства», этот шаг СССР был ошибочным как в политическом плане, так и с тактической точки зрения. Это правительство надолго заблокировало канал дипломатического общения между Москвой и Хельсинки и оставило законной власти Финляндии единственный способ доказать свое право на существование — войну. Финские авторы свидетельствуют также, что сообщение

[46] Правда, 3.XII.1939.

[47] Правда, 5.XII.1939.

[48] Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 25888, оп. 14, д. 2, л. 20.

[49] Там же, ф. 33987, оп. 3, д. 1380, л. 3; ф. 25888, оп. 13, д. 76, л. 1.

о создании этого «правительства», соответствующим образом истолкованное органами пропаганды, возбудило в финском народе самые серьезные опасения за независимость своей страны и лишь воодушевило его на сопротивление.

Начало боевых действий означало поражение довоенной внешнеполитической стратегии финляндского руководства, пренебрегшего правилом, сформулированным еще Маккиавели: не следует искать врагов близко, а друзей далеко. «Далекие друзья» Финляндии сделали в 1939 г. немало для того, чтобы убедить ее быть демонстративно неуступчивой в отношении советских предложений. Министр иностранных дел Эркко так напутствовал Таннера, выезжавшего в Москву на заключительный тур переговоров осенью 1939 г.: «Все великие державы без исключения предостерегают нас. Нам надо стоять непоколебимо»[50]. Однако «далекие друзья» заботились лишь о своих интересах и использовали Финляндию в своей большой игре.

Правительства Франции и Великобритании после заключения советско-германского пакта о ненападении рассматривали СССР как едва ли не союзника Берлина и, следовательно, своего противника. В то же время они надеялись на переключение в дальнейшем германской агрессии в восточном направлении. В случае затягивания советско-финляндской войны, рассчитывали они, отношения между СССР и Германией начнут обостряться, что в конечном счете «вполне может привести к созданию единого фронта против Советского Союза»[51].

Однако после начала «зимней войны» Германия заявила о своем нейтралитете и довольно строго придерживалась его в сфере дипломатии. Она исходила из обязательства, данного в секретном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г., уважать государственные интересы СССР в районах, сопредельных его западной границе, в том числе в Финляндии. Кроме того, в Берлине считали выгодным для Германии обострение отношений СССР с Францией и Великобританией в связи с финляндским вопросом, так как оно затрудняло возможность их сближения в обозримом будущем.

В январе 1940 г. в англо-французских военно-политических кругах родился новый план использования событий в Финляндии — известный проект посылки туда англо-французского экспедиционного корпуса: под предлогом помощи Финляндии намечалось оккупировать всю Скандинавию или значительную ее часть. Военный кабинет Великобритании был заинтересован прежде всего в прекращении экспорта шведской руды в Германию, за счет которого она удовлетворяла около половины своих потребностей в этом сырье. Французское правительство также учитывало это обстоятельство, однако еще больше стремилось к созданию в Скандинавии нового фронта против Германии. В Париже рассчитывали, что, поставив под угрозу ее снабжение стратегически важным сырьем, можно будет спровоцировать ожидавшееся весеннее наступление вермахта именно на скандинавском фронте и таким образом отвести угрозу германского наступления на Францию[52].

Нацистское руководство не желало решающей победы Советского Союза, поскольку она означала бы отстранение от власти в Финляндии как раз тех людей, на которых полагался Берлин. Не возражая поэтому против помощи правительству Финляндии с какой угодно стороны, Германия все же решительно выступала против спасения его силами англо-французского десанта. В основе германской позиции лежали те же соображения, по которым в Лондоне и Париже возлагали на этот десант немалые надежды. 24 марта 1940 г. германское агентство новостей

[50] Tanner V. Op. cit., p. 57.
[51] New York Post, 30.XII.1939.
[52] Lundin C. L. Op. cit., pp. 69—71.

ДНБ кратко суммировало эти соображения так: «Правительства западных держав стремились втянуть Скандинавию в войну с целью нанести ущерб экономическим связям Германии с этими странами и, кроме того, отвести на них угрозу с фронтов во Франции и на Британских островах... Оба государства (Швеция и Норвегия.— *А. Д.*) знали, что Германия была полна решимости немедленно реагировать на это»[53].

Действительно, в самом трудном положении оказались скандинавские соседи Финляндии. Над Швецией и Норвегией нависла реальная угроза стать полем боя иностранных держав. В Стокгольме и Христиании (теперь Осло) прекрасно понимали, что их отказ пропускать иностранные войска мало что изменит. Насколько они были правы, можно судить по тому, что в конечном счете британский кабинет принял предложение Черчилля не связывать начало операции в Скандинавии с получением согласия нейтральных Швеции и Норвегии на присутствие англо-французских войск на их территории[54]. Вот почему шведская, а отчасти и норвежская дипломатия взяли на себя тяжкий труд быть посредником между Москвой и Хельсинки. Другой их целью было сохранение статус-кво в Скандинавии путем спасения Финляндии от военно-политического разгрома.

4 декабря 1939 г. посланник Швеции в СССР О. В. Винтер сообщил Молотову о желании правительства Финляндии приступить к новым переговорам, чтобы «прийти к мирному разрешению конфликта». Однако Молотов ответил, что СССР признает только правительство Куусинена и что «в этих условиях нет оснований для обсуждения затронутого в заявлении посланника вопроса»[55].

Днем раньше, 3 декабря, финляндское правительство начало действовать через Лигу наций. Постоянный делегат Финляндии при этой организации передал официальное письмо, в котором СССР обвинялся во внезапном и неспровоцированном нападении на его страну. 12 декабря специальный комитет Ассамблеи Лиги наций по финляндскому вопросу обратился к обеим воюющим сторонам с призывом прекратить боевые действия и немедленно приступить к переговорам при посредничестве Ассамблеи. Финляндия приняла это предложение. Советское правительство отклонило его, сославшись на аргументы, уже высказанные в его предыдущем письме на имя генерального секретаря Лиги наций от 4 декабря. В нем утверждалось, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финляндскому народу», поскольку «находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря с. г. им заключен договор о взаимопомощи и дружбе» и по просьбе которого оказывает ему своими военными силами содействие, для того чтобы «совместными усилиями возможно скорее ликвидировать опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правительствами»[56]. Однако на Лигу наций эта словесная эквилибристика не произвела впечатления, и 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из ее членов.

Неудача с посредничеством Лиги наций вновь выдвигала на первый план усилия шведской и норвежской дипломатии. Нити дипломатической деятельности Швеции и Норвегии в пользу скорейшего прекращения войны сходились к советскому полпреду в Стокгольме А. М. Коллонтай. Уже с 20-х чисел декабря официальные и неофициальные представители шведского и норвежского правительств через нее доводили до сведения советского руководства свою обеспокоенность сложившейся в регионе обстановкой, а также мнение, что финляндское руководство не против их посредничества в изыскании возможностей для начала

[53] Цит. по: ibid., p. 72.
[54] Черчилль У. Ук. соч., с. 499.
[55] АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, лл. 88—90.
[56] Правда, 5.XII.1939.

мирных переговоров с СССР. 10 января 1940 г. из Хельсинки в Стокгольм для встречи с Коллонтай выехала известная финская писательница и общественный деятель Хейла Вуолийоки. 15 января полпред сообщила в НКИД о своей встрече с Вуолийоки, которая заявила, что «сейчас финский сейм готов на все уступки» ради установления мира [57]. После ряда встреч финляндской неофициальной представительницы со специально вылетевшими в Стокгольм для продолжения бесед с нею представителями СССР Ярцевым и Грауэром контакт с законным правительством Финляндии был восстановлен. 28 января Молотов направил Коллонтай для передачи шведам и дальше — финнам следующее сообщение: «Вообще говоря, принципиально мы не исключаем возможность компромисса с правительством Рюти — Таннера. Что касается фактического решения вопроса, необходимо знать меру уступок правительства Рюти, без чего не стоит и разговаривать о компромиссе». Правительство Финляндии предупреждалось, что теперь советские требования пойдут дальше тех, что выдвигались на переговорах в Москве [58].

Почему Москва, долгое время игнорировавшая мирные сигналы из Хельсинки, в конце января 1940 г. вдруг изменила свою позицию в этом вопросе? Думается, что почти двухмесячный отказ от переговоров был связан с неуспехом первого советского наступления. Начинать переговоры при тогдашнем положении на фронте означало расписаться в своем бессилии, что в условиях мировой войны было крайне опасно. По воспоминаниям Мерецкова, Сталин говорил ему: «Авторитет Красной Армии — это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов» [59].

Так оно и произошло. Продемонстрированная Красной Армией слабость придавала Англии и Франции решимость выступить против СССР как партнера своего врага — Германии, в частности планировался десант на севере, а на южном фланге союзное командование высказывалось за «бомбардировку Баку — района добычи нефти, чтобы вызвать серьезный государственный кризис в России» [60]. Необходимо было упредить подобное развитие событий.

Учитывая осложнение международной обстановки, Советское правительство, продолжая готовить новое наступление, в то же время сообщило в Хельсинки 28 января о своей готовности вступить в мирные переговоры. Благодаря этому шагу были ослаблены позиции наиболее воинственного крыла финляндского руководства, которое видело в продолжении войны и англо-французском десанте единственное спасение, указывая при этом на категорический отказ Москвы от каких-либо переговоров. Одновременно получила дополнительный стимул миротворческая политика правительств Швеции и Норвегии. Достаточно сказать, что во время встречи с Таннером 27 февраля шведский премьер-министр, стремясь склонить Финляндию к скорейшему достижению теперь уже возможного мира с СССР, предупредил, что его страна и Норвегия не разрешат транзита англо-французского десанта; если же их мнением пренебрегут, то Швеция вступит в войну против Финляндии на стороне Советского Союза [61].

2 февраля был получен ответ Хельсинки. В нем предлагалось возобновление переговоров. Их исходной точкой должен был стать результат, достигнутый в Москве осенью 1939 г.: допускалась возможность уступки определенных территорий на Карельском перешейке на условии обмена. Однако ответ на самый сложный вопрос о советской базе на по-

[57] АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 33.
[58] Там же, п. 332, д. 2278, лл. 26—27.
[59] Мерецков К. А. Ук. соч., с. 172.
[60] Public Record Office. Cab. 80/104, pp. 66, 80.
[61] Таппег V. Op. cit., p. 183.

луострове Ханко обходился молчанием. В качестве альтернативы было предложено гарантировать безопасность Ленинграда с моря путем нейтрализации Финского залива при помощи международной конвенции [62]. Еще в конце января министр иностранных дел Норвегии X. Кут выдвинул эту идею в личном письме на имя Молотова. Суть ее он сформулировал так: «Три страны — Советский Союз, Финляндия и Эстония — заключают пакт о закрытии Финского залива для иностранных судов и устанавливают военную взаимопомощь по обороне залива» [63].

3 февраля Таннер сообщил Коллонтай, что предложения не следует считать окончательными и что за ними последует «новое дополнительное предложение». 4 февраля Молотов кратко ответил: «Это не база для переговоров, предложение Кута также считаем неприемлемым» [64]. Во время встречи с Коллонтай 6 февраля Таннер сделал обещанное предложение: вместо Ханко Советскому Союзу предлагался остров, расположенный в районе Ханко, в обмен на часть советской территории. В тот же день Молотов ответил, что это предложение «нас не устраивает и тем самым, к сожалению, не является базой для переговоров» [65]. Узнав 7 февраля о содержании советского ответа, Таннер, по словам Коллонтай, «был удручен» и просил передать, что новых предложений сделать не может, но ждет, что Москва сообщит свои предложения [66].

Такие предложения последовали в форме ответа Молотова Куту на личное письмо последнего. Нарком соглашался с идеей Кута о трехсторонней конвенции по защите Финского залива, но при условии предварительной передачи Советскому Союзу Ханко и близлежащих островов, без чего «защита Финского залива со стороны СССР является пустой фразой». Советское руководство требовало также передачи СССР всего Карельского полуострова и северного побережья Ладожского озера. Письмо заканчивалось следующими словами: «Если нынешнее правительство Финляндии не считает возможным пойти на необходимые уступки, то, конечно, было бы лучше заменить его другим, способным пойти на компромисс» [67].

В течение 12 дней эти предложения оставались без ответа. 5 февраля Великобритания и Франция приняли решение об оказании Финляндии помощи посылкой войск. Перед ее правительством встал сложный вопрос о выборе дальнейшего пути. По словам Таннера, он выглядел следующим образом: 1) заключить мир; 2) в случае продолжения войны вести ее с помощью скандинавских соседей; 3) если эта помощь окажется недостаточной, обратиться за помощью к западным державам [68]. Финляндское правительство в спешном порядке изучало преимущества и недостатки каждого из вариантов, выясняло действительную готовность и способность скандинавских и западных стран оказать эффективную помощь. В конце концов не в последнюю очередь под влиянием Швеции, а также Норвегии был сделан выбор — продолжение переговоров.

22 февраля новый посланник Швеции в СССР П. В. Г. Ассарссон сообщил, что Финляндия стремится к мирному урегулированию конфликта и предлагает Советскому Союзу направить своих представителей в Стокгольм для встречи с финляндской делегацией. В своем ответе Молотов повторил советские условия, названные в письме Куту и заявил, что переговоры могут начаться только после того, как финны выразят свое согласие на эти условия [69]. В тот же день министр иностранных дел

[62] АВП СССР, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, лл. 61а—61в.
[63] Там же, л. 61г.
[64] Там же, л. 61д; п. 332, д. 2278, лл. 39—40.
[65] Там же, п. 332, д. 2278, л. 45.
[66] Там же, п. 331, д. 2276, л. 63в.
[67] Там же, п. 332, д. 2278, лл. 48—49.
[68] Таппег V. Op. cit., p. 144.
[69] АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, лл. 25—28.

Швеции пригласил Коллонтай и подтвердил, что финны согласны считать советские условия базой для переговоров [70].

27 февраля в Стокгольме по инициативе Таннера состоялся второй тур его переговоров с Коллонтай. Он интересовался, являются ли советские условия ультимативными, возражал против уступок Советскому Союзу Выборга. На прощание он попросил дать срок в несколько дней для изучения вопроса [71]. На это Молотов 28 февраля телеграфировал: «В случае затяжки ответа наши требования будут повышаться» [72]. Позицию Молотова трудно понять, если не иметь в виду тот фон, на котором происходили стокгольмские дипломатические контакты. Финляндскому правительству эти несколько дней были нужны для того, чтобы не только обсудить советские условия, но и выяснить возможности продолжения войны. Так, в ходе этой же поездки в Стокгольм Таннер пытался склонить шведское правительство оказать Финляндии помощь посылкой войск. В случае отказа, предупреждал Таннер, правительство его страны будет вынуждено обратиться за аналогичной помощью к западным державам [73].

Положение обострилось до предела к началу марта. Шведское правительство делало все возможное, чтобы поддержать жизнь в застывших переговорах. 4 марта во время встречи с Ассарссоном Молотов заявил: «Только из уважения к миролюбивой политике шведского правительства я могу подождать еще несколько дней с тем, чтобы шведское правительство смогло довести свое посредничество до конца. В дальнейшем, если война затянется, условия, выдвигаемые Советским Союзом, могут быть только более жесткими».

В заключение беседы Молотов сказал, что в случае упорства финнов СССР «пойдет на окончательное соглашение с финляндским Народным правительством Куусинена» [74].

Прорыв на дипломатическом фронте произошел 5 марта. В этот день шведский министр иностранных дел сообщил Коллонтай, что правительство Финляндии безоговорочно согласно на советские требования и ждет от правительства СССР сообщения, где и когда могут начаться переговоры. На время их проведения предлагалось заключить перемирие на базе статус-кво [75]. 6 марта Ассарссону была передана Памятная записка Советского правительства, в которой говорилось, что поскольку правительство Финляндии приняло все предложения правительства СССР (далее шел их перечень), СССР согласен начать в Москве переговоры о заключении мирного договора и прекращении военных действий [76].

7 марта в Москву прибыла делегация Финляндии в составе премьер-министра Рюти, членов кабинета Войонмаа, Паасикиви, Хаккарайнена и чиновников МИД Нюкопа и Сарио. 8 марта в ходе первого заседания Молотов назвал советские условия мира: Финляндия уступает СССР весь Карельский перешеек, включая г. Выборг и Выборгский залив; все побережье Ладожского озера, включая г. Сортавала; сдает СССР в аренду на длительный срок полуостров Ханко и прилегающие к нему острова для создания там военно-морских баз СССР; осуществляет удаление границы в районе Куолаярви от Мурманской железной дороги на 130—150 км; к СССР полностью переходят полуострова Средний и Рыбачий на побережье Баренцева моря. Район Петсамо и залив как переданные ранее Финляндии она оставляет за собой [77].

---

[70] Там же, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, л. 93а.
[71] Там же, л. 99а.
[72] Там же, п. 332, д. 2278, л. 66.
[73] Tanner V. Op. cit., p. 158.
[74] АВП СССР, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 32.
[75] Там же, ф. 059, оп. 1, п. 331, д. 2276, лл. 109а—109б.
[76] Там же, ф. 06, оп. 2, п. 25, д. 318, л. 37.
[77] Там же, д. 319, лл. 3—5.

Финляндская делегация согласилась со всеми предложениями, за исключением пункта, относящегося к Выборгу. Об этом было сообщено на заседании 10 марта. В ответ Молотов заявил, что если переговоры затянутся, то советские требования могут быть увеличены [78]. 11 марта финляндская делегация просила прекратить военные действия, но ей было сообщено, что они прекратятся «только одновременно с подписанием мирного договора» [79].

Оставляя в стороне вопрос о глобальных последствиях столь жесткой позиции правительства СССР, отметим, что с точки зрения политического момента она была не такой уж неоправданной. 11 марта МИД Финляндии запросил правительства Швеции и Норвегии, разрешат ли они проход англо-французских войск через свои территории, то есть финляндское правительство было готово сделать ставку на продолжение войны. 12 марта оба скандинавских правительства ответили отказом. В тот же день британские посланники в Осло и Стокгольме по просьбе финляндского правительства обратились к соответствующим правительствам с официальным запросом о разрешении на транзитный проход, однако, как сообщил в выступлении по радио с информацией об этих событиях Кут, официальный запрос западных держав поступил «так поздно, что не было надобности в даче ответа, потому что в эту ночь был подписан мир между Финляндией и Советским Союзом» [80]. Добавим, подписан на советских условиях.

Так закончилась 105-дневная война между Финляндией и СССР.

* * *

Советские люди обычно называют эту войну «финской», финны — «зимней». А. Т. Твардовский окрестил ее емко, но точно: «незнаменитая». И все же, на наш взгляд, правомерно еще одно определение: война, которой могло не быть.

Этой войны могло не быть потому, что ее истинные, фундаментальные причины лежали за рамками отношений между двумя странами. Взятые сами по себе, пусть далеко не идеальные, советско-финские отношения не подразумевали неизбежности вооруженного конфликта. При всей их сложности в межвоенный период отсутствовали достаточно веские причины для того, чтобы та или другая сторона сочла возможным нарушить мир, установленный между ними в 1920 году.

Все резко переменилось с того момента, когда в Европе угроза всеобщей войны стала реальностью. В обстановке растущей нервозности и взаимного подозрения запас прочности советско-финских отношений оказался недостаточным для того, чтобы пройти такое испытание, как мировая война. Поэтому к главным виновникам советско-финского конфликта следует отнести и тех, кто развязал мировую войну, и тех, кто, «умиротворяя» агрессора, потворствовал ему.

Конечно, признание этого факта не снимает ни с финской, ни с советской стороны ответственности за то, что 30 ноября 1939 г. события приняли трагический оборот. Даже если обе стороны отстаивали национальные интересы (насколько правильно они были поняты, это другой вопрос), для их защиты нельзя было найти худшего средства, чем война.

Таковы причины и история войны, которой могло не быть. К счастью для наших народов, в 1948 г. они сумели подняться выше сведения старых счетов, выше былых обид и подозрений, сумели поставить свои жизненные интересы над сиюминутным политическим расчетом, амбициями отдельных политиков и идеологическими предрассудками.

---

[78] Там же, д. 315, лл. 9—18.
[79] Там же, лл. 22—25.
[80] Там же, ф. 13а, оп. 2, п. 5, д. 49, л. 7.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Снова на Украине

1938 год. Вызывает меня Сталин и говорит: «Мы хотим послать Вас на Украину, чтобы Вы возглавили там партийную организацию. Косиор перейдет в Москву к Молотову первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров и председателем Комиссии советского контроля». Я стал отказываться, так как знал Украину и считал, что не справлюсь: слишком велика шапка, не по мне она. Я просил не посылать меня, потому что не подготовлен к тому, чтобы занять такой пост. Сталин начал меня подбадривать. Тогда я ответил: «Кроме того, существует и национальный вопрос. Я человек русский; хотя и понимаю украинский язык, но не так, как нужно руководителю. Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже имеет большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня очень холодно, и я бы не хотел ставить себя в такое положение». Сталин: «Нет, что Вы! Косиор — вообще поляк. Почему поляк для украинцев лучше, чем русский?». Я ответил: «Косиор — поляк, но он знает украинский язык и может выступать на украинском языке, а я не могу. Кроме того, у Косиора больше опыта». Однако Сталин уже принял решение и твердо сказал, что я должен работать на Украине. «Хорошо,— ответил я,— постараюсь все сделать, чтобы оправдать доверие».

Было назначено время моего отъезда. Я попросил Маленкова подобрать мне нескольких украинцев из московской партийной организации (там их было много) или из аппарата Центрального Комитета партии. Это было необходимо, потому что мне сказали, что на Украине сейчас нет ни одного председателя облисполкома и даже председателя Совета Народных Комиссаров (есть его первый заместитель), нет заведующих отделами обкомов и горкомов партии, а в ЦК КП(б)У — ни одного заведующего отделом. Стали подбирать второго секретаря. Вторым секретарем Маленков назвал товарища Бурмистенко. Бурмистенко являлся заместителем Маленкова, который руководил тогда кадрами ЦК ВКП(б). Бурмистенко я знал мало. Познакомился. Он произвел на меня очень хорошее впечатление, и мы сошлись с ним характерами.

Я дал Бурмистенко поручение подобрать людей, которых можно было бы взять с собой, человек 15—20. Он подобрал, кажется, человек 10 из отделов ЦК и из Московской парторганизации. Из последней взяли Сердюка и еще кое-кого. Сердюк работал тогда первым или вторым секретарем Советского райкома столицы. Сам он коренной украинец, отлично говорил на украинском языке.

Приехали на Украину, к Косиору. Он проинформировал нас о сложившейся обстановке и познакомил с кадрами, которые сохранились. Провели республиканский партийный Пленум. Косиор представил Пленуму ЦК КП(б)У меня и Бурмистенко. Нас кооптировали в состав Пленума, избрали в состав членов Политбюро и секретарями ЦК. Косиора освободили. Григорий Иванович Петровский очень переживал все события на Украине, но вел себя по-стариковски пассивно, хотя был тогда еще не таким уж старым.

Начали мы знакомиться с делом. По Украине будто Мамай прошел. Не было, как я уже говорил, ни секретарей обкомов партии в республике, ни председателей облисполкомов. Даже секретаря Киевского горкома не имелось. Секретарем Киевского обкома КП(б)У был Евтушенко. Сталин к нему относился хорошо. Евтушенко я знал слабо, только по встречам в Кремле, но считал, что Евтушенко вполне на своем месте. Он нравился мне. Вдруг из Москвы звонок: «Евтушенко арестовали». Я и сейчас не могу сказать, какие, собственно, были причины для его ареста. Тогда объяснения были стандартными — враг народа; через некоторое время человек уже сознавался, а еще через какое-то время собственноручно давал показания, которые рассылались, кому следует, и создавалось впечатление обоснованности ареста.

Сталин вызвал тогда меня в Москву и предложил, чтобы я принял на себя посты, помимо секретаря ЦК КП(б)У, еще и секретаря областного и городского комитетов партии. Это просто немыслимо. Но Сталин сказал: «Подберите себе людей в помощь». Я согласился, но моего согласия и не требовалось. Имелось предложение ЦК, и я должен был согласиться с ним. Вторым секретарем горкома партии был избран Сердюк, а секретарем областного партийного комитета — Шевченко. Шевченко был крестьянским парнем, он удовлетворял требованиям, которые тогда предъявлялись такому секретарю. Мы начали работать. Наркомом внутренних дел Украины был Успенский. Успенского я узнал, работая секретарем Московского комитета партии. Он являлся уполномоченным наркомата внутренних дел по Московской области, и я часто с ним общался. Он докладывал мне о положении дел и производил на меня тогда хорошее впечатление. Потом он был назначен комендантом Кремля, откуда его и послали наркомом внутренних дел Украины. Я полагал, что он будет правильно информировать меня и помогать мне.

Успенский развил кипучую деятельность. Как выяснилось после смерти Сталина, он буквально завалил ЦК докладными записками о «врагах народа». Аресты продолжались. Помню, Успенский поставил вопрос об аресте Рыльского. Я возразил: «Что вы? Рыльский — видный поэт. Его обвиняют в национализме, а какой он националист? Он просто украинец и отражает национальные украинские настроения. Нельзя каждого украинца, который говорит на украинском языке, считать националистом. Вы же на Украине!» Но Успенский проявлял настойчивость. Я убеждал его: «Поймите, Рыльский написал стихотворение о Сталине, которое стало словами песни. Эту песню поет вся Украина. А Вы хотите его арестовать? Этого никто не поймет».

Лично Рыльского я тогда не знал. Знал его как украинского поэта (нельзя его было не знать), да и только. Это был человек с характером, который защищал национальные интересы Украины, язык украинского народа, активно выступал, смело высказывался по различным вопросам. Это и дало повод обвинить его в национализме и возвести в ранг «врага народа».

Спустя какое-то время приходят ко мне Паторжинский и Литвиненко-Вольгемут. Паторжинского я знал, да и у Сталина он был на хорошем счету как певец и как человек. Они рассказали, что в тюрьме сидит композитор, который написал музыку на стихи Рыльского о Сталине. Вся Украина поет эту песню, а он сидит в тюрьме как националист. Я приказал Успенскому доложить мне, на каком основании арестован композитор. Он принес документы. Посмотрел я их и увидел, что оснований содержать его в тюрьме нет. Я ему сказал, что он поторопился с

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, №№ 2—4.

арестом. Считаю, что его нужно освободить. Не помню, освободили его по моему указанию или же я докладывал Сталину. Одним словом, его освободили из тюрьмы, и он продолжал свою деятельность. Впоследствии он был председателем Союза композиторов Украины (после войны он скончался). К каждому дню 1 Мая и к Октябрьским торжествам получал я потом от его жены и дочери поздравления. Я понимал это как благодарность за освобождение его из тюрьмы и от петли, потому что кончилось бы именно этим. Вот какая была тогда обстановка.

Людей тогда на Украине просто «тянули» во «враги». Заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров на Украине был прекрасный человек Тягнибеда. Я знал его, еще когда он работал штейгером в Донбассе и учился на курсах инженеров при горном техникуме в Юзовке. Потом, когда я работал секретарем Петрово-Марьинского райкома партии, он какое-то время трудился одновременно со мной управляющим Карповскими рудниками (теперь Петровские шахты) в Вознесенске-Донецком. Одним словом, это был прямой, хороший человек, который даже воевал в рядах Красной Армии. Это большая редкость, что техник-штейгер был заодно с большевиками и участвовал в гражданской войне на стороне красных. Вдруг потребовали его ареста и представили «обоснование».

Когда арестовали первого зама, Совет Народных Комиссаров Украины стал «чистым»: не было председателя Совнаркома, не было и заместителей. Я поставил вопрос перед Сталиным, что надо найти человека на пост председателя Совнаркома. Еще раньше Сталин сам сказал мне, что в Днепропетровске тоже нет секретаря обкома партии. Днепропетровская область тогда была огромной. Занимала она чуть ли не треть Украины. В нее входили современные Днепропетровская, Запорожская и даже часть Николаевской области. Сталин, видимо, беспокоился о состоянии дел в Днепропетровске, боялся, чтобы не пошатнулась металлургия. Раньше секретарем обкома партии был там Хатаевич, но он был арестован еще до моего приезда. Сталин предложил: «Может быть, туда послать Коротченко?» Коротченко был тогда секретарем Смоленского обкома партии. Я, конечно, сразу согласился: «Давайте Коротченко!

Мы сформировали там обком и горком партии. Я разъезжал по заводам, беседовал с активом, знакомился с людьми, изучал обстановку. Поехал в Запорожье, в Днепродзержинск. В Днепродзержинске познакомился с группой партийных работников и инженеров, в том числе с Брежневым. Мы стали выдвигать последних на партийную работу, формировать партруководство. Тогда же был выдвинут Корниец. Он был секретарем какого-то сельского райкома на Днепропетровщине. Помимо Брежнева из Днепродзержинска выдвинули еще одного человека, секретаря обкома партии по пропаганде.

В Донбассе секретарем обкома партии был Прамнэк, латыш по национальности. До Донбасса он работал, кажется, в Горьковской области и считался хорошим секретарем. Вдруг мне позвонил Сталин и сообщил, что нужно выехать в Сталино, потому что арестовали Прамнэка. Я его уже не застал. Выдвинули туда Щербакова, который в то время был секретарем Московского Комитета партии. Еще об обстановке той поры. Просится ко мне на прием неизвестный человек. Я его принял. Такой молодой, здоровый, красивый парень. Он представился, рассказал, что он учитель, был арестован, сидел в тюрьме, только вышел из нее, пришел прямо ко мне и хочет сообщить, что его били и истязали, вымогая показания, что Коротченко — агент румынского королевского двора и является здесь главой центра шпионов, который ведет работу против Советской власти в пользу Румынии. Поблагодарил я его за сообщение и сказал, что это клевета, вражеская работа. Разберемся с этим делом, идите спокойно. Об этом посещении я сообщил запиской Сталину, он

возмутился. А когда меня вызвали в Москву по какому-то вопросу, то и об этом тоже состоялся обмен мнениями. Сразу же был послан следователь по особо важным делам (по-моему, товарищ Шейнин, теперь уже покойный) разобраться в сути события. Оказалось, что замешаны в этом деле были три или пять человек. Они-то и состряпали такое обвинение против Коротченко. Кончилось тем, что их арестовали и расстреляли.

Сталин — жестокий человек, он уничтожал кадры, а с другой стороны — смотрите, какую проявил заботу! Заботу, правда, проявлял он тоже драконовскими методами, но все-таки это была забота о сохранении кадров. Не пощадил он тех чекистов. Это тоже способствовало росту моего расположения к Сталину. Его жестокость и несправедливость, которую мы сейчас видим, тогда нам не была видна. Наоборот, его поступки расценивались как решительность и непреклонность в борьбе за Советское государство, за укрепление его против врагов, кто бы ими ни оказался и в каких бы формах эта вражеская деятельность ни проявлялась. Впоследствии Сталин очень часто возвращался к случаю с Коротченко. В непринужденной обстановке, когда за столом уже было проведено несколько часов, он опять и опять вспоминал: «Ну, как там самуяр?». Он называл его не Коротченко, а самуяром. На XVIII съезде партии выступали делегаты и порою заканчивали свои речи угрозами против Японии: вот, мол, такие-сякие самураи, мы их! Коротченко был неряшлив в словах. Он забывал фамилии даже ближайших людей, многое путал. Самураи для него слово нескладное, и поэтому он свое выступление закончил так: «Мы этим самуярам зададим перцу!». Так и остался «самуяром». Сталин его иначе и не называл, вплоть до смерти.

Обращается Сталин ко мне: «Ну, как там самуяр?». Я ответил: «Вот, связался самуяр с румынским королем». Сталин пошутил: «Или с королевой? Сколько лет этой королеве?». Отвечаю: «Король там несовершеннолетний, а есть мать-королева. Он, должно быть, связан с королевой-матерью». Это вызвало еще больше шуток. Конечно, то был смех сквозь слезы, если припомнить существовавшую тогда обстановку. Ведь те, кто обвиняли Коротченко, если разобраться, были очень простые люди, но они были морально подготовлены к поиску врагов народа. Вот они и промышляли, желая отличиться, искали, за кого взяться. Почему упоминался контакт с Румынией? Район, в котором зародилась провокация, находился в Винницкой области и граничил с Бессарабией. Наши чекисты работали против румынской агентуры. У них-то и родилась идея привязать человека к такой агентуре и сделать главой агентов — кого же? Председателя Совета Народных Комиссаров Украины Коротченко. Полагаю, что только то обстоятельство, что Сталин лично знал Коротченко и знал, что тот не способен на предательство, спасло его. Если бы этого не было, то результат для Коротченко был бы плачевным.

На Украине была уничтожена тогда вся верхушка руководящих работников в несколько этажей. Несколько раз сменялись кадры и вновь подвергались арестам и уничтожению. Украинская интеллигенция, особенно писатели, композиторы, артисты и врачи, тоже были под наблюдением, подвергались арестам и расправе. Даже такой замечательный поэт и государственный деятель, как Микола Платонович Бажан, который потом стал членом партии, честный и очень приятный человек, преданный Советскому государству и Коммунистической партии, подвергался нападкам, и требовалось особо аргументировать, чтобы не допустить его ареста. А Петро Панч? (тоже крупный украинский писатель). Не знаю, как он сохранился. За ним следили и больше всего доносили писатели, вместе с которыми он работал. К сожалению, довольно часто он выпивал. Эти лица провоцировали его на какие-то разговоры, а потом все это передавалось, стряпалось дело, и вот уже документы готовы к аресту.

Некоторые лица были просто шарлатанами, которые избрали для себя профессией разоблачение врагов народа. Они терроризировали всех, бесцеремонно заявляя в глаза: «Вот этот — враг народа». Прикипало к человеку это обвинение, привлекало внимание, органы НКВД начинали разбираться. Следствие, конечно, велось тайно, к человеку приставляли агентуру, а потом доказывали, что это — действительно враг народа. Помню, был такой нахал (я забыл сейчас его фамилию), начальник «Киевпаливо» (Киевский комитет по топливу), который ходил повсюду и обвинял буквально всех по очереди; так перед ним все буквально дрожали. На заседании бюро горкома партии он бросил обвинение Сердюку, второму секретарю горкома. На следующем заседании я вынужден был сам председательствовать и разбирать это обвинение. Никаких данных к обвинениям, которые он выдвигал против честных людей, не существовало. Но он утверждал, что и тут сидят враги народа. А тогда не требовалось каких-то фактов, каких-то доказательств. Было достаточно лишь нахальства и наглости.

Мне рассказали еще об одном характерном случае. Был на Украине такой деятель, врач Медведь. После войны он работал в Министерстве иностранных дел, входил в состав украинской делегации, которую возглавлял Дмитро Захарович Мануильский в Организации Объединенных Наций. Он хорошо представлял там Украину, досаждал нашим врагам. О нем говорили: «Ревет, ревет украинский медведь». Он, действительно, и голос имел «медвежий», и характер пробивной. Рассказывают, что (а был он раньше, кажется, заместителем начальника областного отдела здравоохранения то ли в Киеве, то ли в Харькове) на партийном собрании какая-то женщина выступает и говорит, указывая пальцем на Медведя: «Я этого человека не знаю, но по глазам его вижу, что он враг народа». Можете себе представить? Но Медведь (как говорится, на то он и медведь) не растерялся и сейчас же парировал: «Я эту женщину, которая сейчас выступила против меня, в первый раз вижу и не знаю ее, но по глазам вижу, что она проститутка». Только употребил он слово более выразительное. Потом это стало анекдотом на всю Украину, передавали из уст в уста. Это и спасло Медведя. Если бы Медведь стал доказывать, что он не верблюд, не враг народа, а честный человек, то навлек бы на себя подозрение. Нашлось бы подтверждение заявлению этой сумасшедшей, сознававшей, однако, что она не несет никакой ответственности за сказанное, а наоборот, будет поощрена. Такая была тогда ужасная обстановка.

Возвращаюсь к моему приезду на Украину. Уехал Косиор. Проводили его довольно сухо. Не так, конечно, надо было провожать с Украины Косиора, проработавшего столько лет в ее партийной организации и столько сделавшего для создания партийной организации Украины. Каганович рассказывал мне еще до моего отъезда на Украину, что его приобщал к партийной работе как раз Косиор, читая лекции по политэкономии на Владимирской горке в Киеве: «Мы ходили, гуляли, наслаждались прекрасным видом на левый берег Днепра, и я слушал его. Фактически это были учебные курсы. Косиор читал во время этих прогулок лекции по политэкономии».

Григорий Иванович Петровский морально чувствовал себя в то время на Украине очень плохо. Я много наслышался о Петровском еще до революции. Ведь Петровский был избран в Государственную думу от Екатеринославской губернии. За него голосовали рабочие Донбасса и Екатеринослава. Однажды до революции я был приглашен на собрание — воскресную сходку в степной балке; там должен был выступать Петровский. Я пошел, но сходка не состоялась. Полиция пронюхала о ней, и сочли, что не следует собираться. В Донбассе очень многое было связано с именем Петровского. Рудники, на которых я был секретарем райкома партии в 1925—1926 годах, назывались Петровскими. Они и

сейчас так называются. Как раз в районе этих шахт тогда намечалась в степи сходка... Приближалось 60-летие Григория Ивановича. Но о нем сложилось мнение, что он не твердо стоит на позициях генеральной линии партии, поэтому к нему было отношение настороженное, да и у меня была такая настороженность. Шла она от Сталина. Я сказал Сталину, что приближается 60-летие Григория Ивановича и надо бы его отметить, поэтому хочу спросить, как это сделать? Он посмотрел на меня: «60 лет? Хорошо. Устройте в его честь обед у себя. Пригласите его с женой и членов его семьи, а больше никого». Так я и сделал. К тому времени у Григория Ивановича сложилось в семье очень тяжелое положение: его сына арестовали. Я знал его сына. Он командовал московской Пролетарской дивизией. Когда я работал в Москве, то выезжал на праздник этой дивизии в летние лагеря. Леонид Петровский считался тогда хорошим командиром. Зять Григория Ивановича (сын Коцюбинского) был арестован и расстрелян. Дочь Петровского (жена Коцюбинского) жила у Григория Ивановича. Можно себе представить, какая обстановка сложилась в его семье, какое было самочувствие у Григория Ивановича и какое отношение к нему: сын сидит в тюрьме, зять расстрелян.

Мною был устроен обед на даче. Пригласили Григория Ивановича. Расселись: моя семья, его семья; посидели, выпили по рюмочке за его здоровье. Григорий Иванович, конечно, выглядел очень кислым, да и я не был веселым. Все прошло довольно формально, натянуто, Григорий Иванович очень быстро распрощался и ушел. Дачи наши находились рядом, в пяти минутах ходьбы одна от другой.

Позднее Сталин сообщил, что Григория Ивановича отзывают в Москву. Проводы были не такими, какие нужны были бы согласно положению. Формальные состоялись проводы. Мне потом рассказывали чекисты, что он всю дорогу очень волновался, особенно подъезжая к Москве; видимо, ожидал ареста. А это могло случиться. Сталин все мог тогда сделать!

Выдвинули мы теперь других людей. Но эти, выдвинутые нами люди были уже без дореволюционного прошлого, как бы без рода и племени, если говорить о революционной деятельности. Просто товарищи из партактива, почти что рядовые. Впрочем, тогда всех так выдвигали.

Еще скажу о Киевской парторганизации. Вторым секретарем Киевского обкома партии был тогда Костенко. При мне он был очень мало, его вскоре арестовали. Я удивлялся: простой человек, из крестьян-колхозников, зачем ему лезть в дружбу с врагами Советского Союза? Никак не мог я этого понять и решил с ним побеседовать. Поехал в НКВД. Привели его из камеры. Я его спрашивал, а он все подтверждал: «Вот такой-то и такой-то сотрудничали со мной в этом деле». Я ему: «А еще кто был с вами?» «Больше никого не было». Ну, и хорошо, я уже обрадовался, что где-то виден конец. Что он действительно враг народа, у меня не было уже сомнений, потому что он лично и в довольно спокойном состоянии подтвердил это. Нарком внутренних дел сказал, что он будет осужден к расстрелу.

В то время были случаи, когда перед расстрелом люди вдруг начинали давать показания на других лиц, и таким образом создавалась непрерывная цепь врагов. Я сказал: «Если Костенко станет еще на кого-то показывать, то прошу тогда его не расстреливать, а сохранить для того, чтобы разобраться в этом деле». Прошло какое-то время, и Успенский мне доложил, что Костенко расстрелян, но перед смертью упомянул Черепина, уже работавшего на месте второго секретаря Киевского областного комитета партии. Хороший такой человек, умница, прекрасно знал свое дело, да и сельское хозяйство, умел подойти к крестьянам. Впрочем, ему и приспосабливаться не надо было, потому что он сам был из крестьян. «Почему же,— спрашиваю,— Вы так сделали? Я же просил

вас сохранить его, чтобы можно было обстоятельно с ним побеседовать. Сомневаюсь, что Черепин может состоять в каком-то заговоре. А теперь я не смогу ничего узнать, потому что того, кто показывал на него, нет в живых. Как же можно проверить?». Позвонил я Маленкову: «Товарищ Маленков, дают показания на Черепина, а я не верю, этого не может быть». «Ну, что же, не веришь, так пусть и работает».

Тогда это была большая поддержка со стороны ЦК в лице Маленкова: он «сидел на кадрах». Прошло день-два, и он звонит мне: «Знаешь, а все-таки, может быть, лучше всего передвинуть этого Черепина куда-нибудь? Кто его знает? Все может быть... Возможно, он действительно был завербован?». Ну, что же делать? Пришлось его передвинуть. Я выдвинул его заместителем наркома сельского хозяйства по животноводству, и он работал хорошо, честно, преданно. Прошло еще какое-то время. Понадобился нам секретарь нового обкома партии. Я предложил сделать на Украине больше областей, но чтобы по объему они стали меньше — для лучшего охвата дел при руководстве. Выделили Сумскую область. Я позвонил Маленкову: «Все-таки сомневаюсь, что мы правильно поступили с Черепиным, он честный человек. Предлагаю Черепина выдвинуть секретарем обкома партии Сумской области». Маленков согласился, и тот работал там до самой войны. Когда началась война, от нас потребовались кадры для выдвижения членами военных советов соединений. Я назвал Черепина членом одного Военного совета для соединения, действовавшего в районе Одессы.

Война началась для Красной Армии плохо. Я узнал, что Черепин погиб при отступлении. Командующий был убит или застрелился, а Черепин пропал без вести. Считаю, что он тоже был убит. Генерал, командующий, был в военной форме, и немцы знали, что он командующий. Для поднятия духа своей армии они хоронили тогда с почестями своих врагов — наших генералов. Тот генерал тоже был похоронен с почестями, Черепин же исчез бесследно. Он закончил свою жизнь как преданный, верный сын Коммунистической партии, верный сын своего народа, своей Родины. А сколько таких людей было? Тысячи и тысячи!

Да, именно тысячи невинных людей были в те годы арестованы: и члены партии, и кандидаты в члены партии, и комсомольцы. Собственно говоря, вся руководящая верхушка страны. Думаю, что она была арестована и погибла в составе трех поколений руководителей, если не больше! Партийные органы были совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было выдвинуть без апробации со стороны НКВД. Если НКВД давал положительную оценку тому или другому человеку, который намечался к выдвижению, только тот и выдвигался. Но и апробация со стороны НКВД никаких гарантий не давала. Имели место случаи, когда назначали человека, и буквально через несколько дней его уже не оказывалось на свободе, он арестовывался. Здесь тоже находились свои объяснения: появились дополнительные допросы такого-то врага народа, тот дал более обширные показания и показал на этого человека, который хорошо замаскировался и не был своевременно разоблачен, был выдвинут в руководство. Потом оказывалось, что он состоит в заговоре и тоже является врагом народа. Конечно, это стандартное объяснение, но оно имело свою логику, потому что, действительно, какой-то арестованный давал показания. А на дававшего показания тоже кто-то раньше дал показания. И таким образом создавалась замкнутая цепь порочной практики руководства, которое становилось тем самым на путь как бы самоистребления. Так оно и было. Сегодня представитель какой-то партийной организации выступает и разоблачает арестованных ранее, а завтра и его самого уже нет, что тоже находило объяснение, дескать, он ретиво разоблачал, потому что сам был замешан и чтобы скрыть правду. Вот вам и объяснение!

Наиболее наглядным примером может послужить Фурер. Фурер работал на Украине в 1920 году. Тогда я его еще не знал, потому что он человек столичный, городской, работал не то в Киеве, не то в Одессе, не то в Харькове, сейчас даже не знаю точно. Но это была громкая фамилия. А прогремела эта фамилия, когда я работал уже в Москве 1930-х годов. Он был очень хорошим организатором, хорошим пропагандистом и хорошим рекламщиком, умел подать материал, сделать хорошую рекламу. Так, он «обставил» и подготовил выдвижение Никиты Изотова. Я бы сказал, что и Изотова, и Стаханова «родил» Фурер. Он организовал и собственноручно «обставил» выход ударника Изотова из шахты, встречу его общественностью с цветами, организовал печать и кино. Одним словом, сделал большую рекламу, и Изотов действительно стал героем. Отсюда, собственно, и пошла особая пропаганда таких достижений. Так появились и другие последователи Изотова.

Как-то, помню, Каганович спросил меня: «Вы знаете Фурера?» «Знаю по газетам, а в жизни его не встречал». «Я знаю, что это очень способный человек. Вот бы заполучить его к нам, в Москву». «Мне неизвестно, как его заполучить, но если можно, то пожалуйста. Это был бы полезный человек для работы в Московской партийной организации». Каганович был тогда секретарем ЦК партии, так что для него желаемого добиться было нетрудно. Не знаю, почему он со мной тогда советовался. Видимо, хотел подготовить, чтобы я правильно понял намеченное назначение. И Фурер перешел работать в Москву. Он заведовал агитмассовым отделом, хорошо развернулся, а я был доволен. Его авторитет в городской партийной организации и в ЦК был высок. Вспоминаю, позвонил мне Молотов и спросил: «Как вы смотрите, если мы у вас возьмем Фурера? Мы хотим его назначить руководителем радиовещания». Отвечаю: «Конечно, Фурер будет, видимо, для такой работы хорош, только я очень просил бы его не забирать, потому что и у нас он работает на интересном, живом деле. Для Московской парторганизации это была бы исключительная потеря».

Молотов прекратил разговор, но я подумал, что он со мной не согласился. Ведь фактически я подкрепил его мнение, что если появляется хороший работник с периферии, то его надо выдвигать выше, на освобождающееся место. Так люди и должны продвигаться... Готовились мы к какому-то совещанию. Фурер попросил дать ему два или три дня для подготовки. Он хотел уехать за город, в дом отдыха в районе Химкинского водохранилища. Поработал он там; все было, как надо. Сталина и Молотова в то время в Москве не было, они отдыхали в Сочи. В Москве находились Каганович и Серго Орджоникидзе. Я точно знаю это, потому что когда заходил к Кагановичу, то часто встречал у него Серго. Они нередко совещались по различным вопросам, готовили доклады Сталину. Во время процесса не то над Зиновьевым, не то над Рыковым, не то еще над какой-то группой я зашел к Кагановичу. У него был Серго, и я решил переждать в приемной вместе с Демьяном Бедным. Каганович узнал, что я пришел, сразу же сам вышел и предложил зайти в кабинет. Захожу. Демьяна Бедного тоже вызвали при мне. Ему было поручено выступить против этой антипартийной группы с басней или стихотворением, высмеивающим и осуждающим ее. Задание было дано раньше. Он приносил один вариант, затем второй, но все они оказались неприемлемыми. И тот вариант, с которым он пришел при мне, тоже не был приемлем, по мнению Кагановича и Серго. Его стали деликатно критиковать. Демьян, огромный, тучный человек, начал объяснять, почему басня не получается: «Не могу, ну, не могу. Старался я, сколько силился, но не могу, у меня вроде как половое бессилие, когда я начинаю о них думать. Нет у меня творческого подъема».

Я был поражен такой откровенностью. Демьян Бедный ушел. Я не помню сейчас, как реагировали Каганович и Серго, но, кажется, плохо

на такое откровенное признание, что он чувствует бессилие и сравнил это бессилие с половым. Это значит, что у него существовало какое-то сочувствие к тем, кто находился на скамье подсудимых. Естественно, я тогда был не на стороне Демьяна Бедного, потому что верил в безгрешность ЦК партии и Сталина.

Возвращусь к Фуреру. Вдруг мне сообщают, что он застрелился. Я был удивлен. Как такой жизнерадостный, активный человек, молодой, здоровый, задорный, и вдруг окончил жизнь самоубийством? Сразу же забрали его тело и документы, которые он должен был подготовить. Нашли очень пространное письмо, адресованное Сталину и другим членам Политбюро. Его самоубийству предшествовал арест Лившица. Лившиц был заместителем наркома путей сообщения. Это был очень активный человек, чекист во время гражданской войны. Я его по той поре не знал, но, говорят, он слыл очень активным работником. Когда-то он поддерживал Троцкого, но в годы, когда он являлся заместителем наркома, стоял, как считалось, на партийных позициях. Вопрос о троцкизме сошел со сцены и не являлся предметом диспута, это вообще был пройденный этап в жизни Лившица, осужденный и сброшенный со счетов. Но этот факт висел над Лившицем, а они были с Фурером большие друзья. Потом еще кого-то арестовали, тоже из группы, близкой к Фуреру и Лившицу.

Письмо Фурера было посвящено, главным образом, реабилитации Лившица. Видимо, этот документ сохранился в архиве. Автор очень расхваливал Лившица, что это честный человек, твердо стоит на партийных позициях, он не троцкист. Одним словом, в вежливой форме, не оскорбительной (потому что Сталину пишет) он хотел подействовать на Сталина, чтобы тот изменил свою точку зрения и прекратил массовые аресты. Фурер считал, что арестовывают честных людей. Автор заканчивал тем, что решается на самоубийство, так как не может примириться с арестами и казнями невинных людей. О Сталине он говорил там тепло. Вообще в письме он давал всем членам Политбюро довольно-таки лестную характеристику. Я привез это письмо Кагановичу. Каганович зачитал его при мне вслух. Он плакал, просто рыдал, читая. Прочел и долго не мог успокоиться. Как это так, Фурер застрелился? Видимо, он действительно очень уважал Фурера. Тут же Каганович сказал мне: «Вы напишите маленькое письмецо Сталину и разошлите его всем членам Политбюро». Я так и сделал. Несмотря на то, что при самоубийствах партийные организации отстранялись от похорон, Фурера хоронили именно мы, партийная организация, то есть Московский комитет.

Прошло какое-то время, приближалась осень. Сталин возвратился из отпуска в Москву. Меня вызвали к нему. Я пришел, совершенно ни о чем не подозревая. Сталин сказал: «Фурер застрелился, этот негодный человек». Я был поражен и огорошен, потому что считал, что Каганович в какой-то степени отражал оценку Сталина. Каганович буквально ревел навзрыд при чтении письма, и вдруг — такой оборот. «Он взял на себя смелость давать характеристики членам Политбюро, написал всякие лестные слова в адрес членов Политбюро. Это ведь он маскировался. Он троцкист и единомышленник Лившица. Я вас вызвал, чтобы сказать об этом. Он нечестный человек, и жалеть о нем не следует». Я очень переживал потом, что оказался глупцом, поверил ему и считал, что это искреннее письмо, что человек исповедался перед смертью. Он не сказал ничего плохого о партии, о ее руководстве, а написал только, что Лившиц и другие, кого он знал,— честные люди. Он своей смертью хотел приковать внимание партии к фактам гибели честных и преданных людей. Для меня это было большим ударом. Каганович же позднее не возвращался при разговорах к Фуреру. Он был стерт из памяти. Каганович, видимо, просто боялся, что я мог как-то проговориться Сталину, как он плакал. Собственно говоря, он-то мне и подсказал разослать этот документ членам Политбюро и Сталину.

Теперь скажу несколько слов об открытых процессах над Рыковым, Бухариным, Ягодой, Зиновьевым, Каменевым. Они сохранились в моей памяти крайне нетвердо. Я на этих заседаниях бывал всего раз или два. Один из процессов проходил в небольшом зале Дома Союзов. Обвинителем был прокурор Вышинский. Не знаю, кто конкретно были защитниками, но они имелись. Там находились и представители братских партий и даже, кажется, представители прессы буржуазных стран, но не утверждаю. Да это для моих воспоминаний и не столь важно, потому что все это было описано и в нашей печати, и в зарубежной. Я слушал допросы обвиняемых, был поражен и возмущен, что такие крупные люди, вожди, члены Политбюро, большевики с дореволюционным стажем, оказались связаны с иностранными разведками и позволяли себе действовать во вред нашему государству. Я хочу рассказать, как сам я воспринимал признания обвиняемых в то время. Когда Ягоду обвиняли в том, что он предпринимал шаги, чтобы Максима Горького поскорее привести к смерти, доводы были такие: Горький любил сидеть у костра, приезжал к Ягоде и тот приезжал к Горькому, поскольку они дружили. Ягода разводил большие костры с целью простудить Горького, тем самым вызвать заболевание и укоротить его жизнь. Это было немного непонятно для меня. Я тоже люблю костры и вообще не знаю таких, кто их не любит. Здоровый человек просто сам регулирует костер. Горького ведь нельзя привязать к костру и поджаривать. Говорилось, что добились смерти Максима Пешкова, сына Горького, а потом и Горький умер, а Ягода играл здесь какую-то роль.

Мне по существу дела трудно было что-либо сказать. Я лишь жалел о смерти Горького и воспринимал приводимый довод несколько критически. Ягода же соглашался, что он преследовал такую цель, разжигая сильные костры. Помню, как прокурор задал Ягоде вопрос: «В каких отношениях были Вы с женою сына Горького?». Ягода спокойно ответил: «Я попросил бы таких вопросов не задавать и не хотел бы трепать имя этой женщины». Прокурор не настаивал на ответе, после чего с этим вопросом было покончено.

Ясно, чем завершились все эти процессы,— страшными приговорами. Все эти люди были казнены, были уничтожены как враги народа. Так они и остались доныне врагами народа. Остались потому, что уже после XX съезда партии мы реабилитировали почти всех невинных, но тех, кто проходил по открытым процессам, мы не реабилитировали, но не потому, что существовали доказательства вины. Тут имелись соображения другого характера. Мы спрашивали тогда прокурора: «Были ли реальные доказательства их вины для суда?» Никаких доказательств нет! А судя по тем материалам, которые фигурировали в деле этих людей, собственно говоря, они не заслуживали не только обвинения, но даже ареста. Прокурор Руденко так и докладывал членам Президиума ЦК партии в 50-е годы.

Почему же их тогда не реабилитировали? Лишь потому, что после XX съезда партии, когда мы реабилитировали многих несправедливо арестованных, на это бурно реагировали люди и внутри нашей страны, и за границей. Руководители братских компартий были обеспокоены, потому что это событие потрясло их партии. Особенно бурно проходили эти процессы в Итальянской и Французской компартиях. На тех судебных процессах, по-моему, присутствовали Морис Торез, Пальмиро Тольятти и другие руководители компартий. Они сами слышали, сами видели, сами, как говорится, «щупали» и были абсолютно уверены в основательности обвинений. Обвиняемые признали себя виновными, дело было доказано, и они возвратились к себе домой убежденными, хотя тог-

да на Западе, да и в Советском Союзе эти процессы очень бурно обсуждались. Наши враги использовали их в агитации против компартий, против нашей идеологии, против нашей советской системы. Компартии защищались, доказывали нашу правоту, основательность этих процессов, писали, что все обосновано, все доказано фактами и признаниями самих подсудимых.

К нам обратились Тольятти (Итальянская компартия) и Торез (Французская компартия) с заявлением, что если будут реабилитированы и обвиняемые на тех процессах, которые проводились открыто, то создадутся невероятные условия для братских компартий, особенно для тех, представители которых присутствовали в зале заседаний. Как очевидцы они потом докладывали своим партиям и доказывали, что процессы были проведены на основе твердых доказательств и юридически обоснованы. Мы договорились, что сейчас не будем их реабилитировать, но подготовим все необходимое для этого. Пусть даст заключение прокурор, и мы вынесем закрытое решение, что эти люди тоже являлись жертвами произвола. Мы не опубликовали свое решение по тем соображениям, которые я уже излагал, взяли, как говорится, грех на душу в интересах нашей партии, нашей идеологии, нашего общего рабочего дела. Ведь тех не вернешь к жизни! Мы не хотели фактом признания несостоятельности этих процессов вооружить своих врагов против братских компартий, против таких их руководителей, как Морис Торез, Пальмиро Тольятти, и других, которые душой и телом преданы рабочему делу, настоящие марксисты-ленинцы.

Троцким и вопросом о его гибели мы не занимались. Мы не поднимали занавеса и даже не хотели этого. Мы вели с Троцким идеологическую борьбу, судили его, были и остались противниками его идеологии, его концепции. Он нанес немалый вред революционному движению, а тем более и погиб не на территории СССР, погиб без суда и следствия.

Я говорю здесь только о зиновьевцах, бухаринцах, рыковцах, о Ломинадзе и других. Ломинадзе кончил жизнь самоубийством. Огромное количество людей с дореволюционным партстажем тогда тоже погибло, почти все партийное руководство. Мне могут сказать: «Что ты, мол, говоришь, что взяли грех на душу и не опубликовали того факта, что открытые процессы тоже были несостоятельными, потому что в материалах не было доказательств? А как вообще обстояло дело с ними?» Считаю, что борьба с ними была правильной, потому что имелись идеологические расхождения, существовали разные точки зрения насчет практики строительства социализма, расхождения с зиновьевцами и с правыми. Полагаю, что мы, то есть ЦК партии и Сталин, который был нашим вождем, вели борьбу правильно и что проводилась она партийными методами, путем дискуссий, путем обсуждения вопроса, голосованием в партийных организациях. Тут мы пользовались именно партийными, ленинскими методами. Может быть, и с той, и с другой стороны были допущены какие-то неточности и перегибы, это я допускаю. Но в основном борьба велась правильно и на демократической основе. А вот судить их не было нужды, да и не за что. Тут был прямой произвол, злоупотребление властью. Все это подтверждало предположение Ленина, что Сталин способен злоупотребить властью и поэтому нельзя держать его на посту генерального секретаря. Это доказало правоту Ленина, верность предвидения Ленина.

С другой стороны, если бы мы опубликовали правдивые материалы об открытых процессах, то это уже оказалось бы, пожалуй, абстрактной истиной: конечно, раз это случилось, то надо сказать правду безотносительно к тому, какой след оставит сказанное и какой вред будет нанесен коммунистическому движению. Ведь сделанного уже не воротить. Если же говорить, кому это было бы выгодно, то только нашим врагам, врагам социализма, врагам рабочего класса. А мы этого не хотели, по-

тому и не поступили так. Основные же вопросы мы не побоялись поставить на XX съезде партии, опубликовали главное решение и сказали своему народу, своей партии и братским компартиям все, что нужно было сказать, чтобы восстановить честь и реабилитировать невинно загубленных по вине Сталина.

Да, мы не хотели, не думая о последствиях, сделать это в такой форме, когда материалы могли бы быть обращены против революционного движения, против нашей советской системы, против нашей партии, против рабочего движения. Считаю, что мы правильно рассуждали. Мы полагали, что пройдет какое-то время, когда все жившие отойдут, как говорится, в мир иной, и вот тогда такие документы могут быть опубликованы и должны быть реабилитированы все эти люди, потому что это были честные люди, преданные и очень ценные для СССР, но просто имевшие какие-то другие взгляды. О многих из них Ленин отзывался очень лестно, хотя порой и критиковал их. Чтобы доказать правоту расправы над ними, кое-кем делается сейчас акцент на критике, которая была со стороны Ленина в адрес того или другого деятеля, и совершенно замалчиваются их добрые дела и лестные отзывы Ленина о них. Если взять, например, Бухарина — это был действительно любимец партии. Мое поколение воспитывалось на «Азбуке коммунизма», написанной Бухариным по поручению Центрального Комитета партии. Это был почти официальный документ, по которому рабочие в кружках обучались реальной азбуке коммунизма. Книга так и называлась. Я уж не говорю, что в течение скольких-то лет Бухарин являлся редактором «Правды». Это был действительно редактор, это был идеолог. Его выступления: и устные доклады, и лекции, и выступления в печати против троцкистов и других врагов партии внесли очень большую лепту в нашу внутрипартийную победу. А потом из него вдруг стали делать какого-то шпиона, доказывать, что он продавал территорию СССР. Сейчас это выглядит просто сказкой для малолетних, а в принципе — несостоятельная клевета.

Из этого-то я и исходил, когда мы договаривались в Президиуме ЦК партии о способе разбора упомянутых дел. Я, конечно, жалею, что мне не удалось завершить до конца разбор этих дел и сбор всех необходимых материалов. Мне докладывали о них, но в годы моего участия в руководстве страной мне не удалось завершить это. Ну, что ж, то, чего не сделал один, сделают потом другие. А если не другие, то третьи, потому что правое дело никогда не пропадает. Я считаю, что свой долг члена партии честно выполнил и в этом вопросе, насколько мог, сделал все, чтобы реабилитировать тех, кто невинно сложили головы, а на деле были безупречными членами партии и сами сделали для страны очень многое и во времена подпольной деятельности, и во время гражданской войны, в самое тяжелое время после победы Великого Октября, и при строительстве социализма, восстановлении народного хозяйства, строительстве нашего пролетарского государства.

Хочу продолжить теперь рассказ о других фактах, чтобы показать механику подхода и мышление Сталина эпохи неудержимого реакционного разгула, культа его личности. Я хотел бы (это тоже очень доказательный случай) напомнить здесь о товарище Задионченко (сейчас он больной человек). Я знал его по Бауманскому району столицы. Когда я в 1931 г. был избран секретарем этого районного партийного комитета, он заведовал, по-моему, отделом культуры в райсовете. Вроде бы существовала тогда такая организация, сейчас нетвердо помню. Одним словом, я его знал, причем знал с хорошей стороны. Когда мы разукрупнили районы, то сделали их больше по численности, чем прежде, и он стал секретарем одного из райкомов партии в Москве, потом работал председателем Совета Народных Комиссаров Российской Федерации и

работал там опять же хорошо. Туда он был выдвинут, когда меня уже не было в Москве.

Когда было решено взять Коротченко из Днепропетровска и выдвинуть его председателем Совета Народных Комиссаров Украины, встал вопрос, кого же послать в Днепропетровск? Сталин считал, что туда нужен верный человек и крупный работник, потому что Днепропетровску всегда принадлежало высокое политическое и экономическое положение в стране. Кроме того, секретарем обкома партии там долгое время был Хатаевич, хороший организатор и умный человек. Мы тогда предложили: «Хорош был бы туда председатель Совнаркома Российской Федерации товарищ Задионченко». Сталин знал Задионченко и согласился: «А что? Он станет неплохим секретарем обкома, давайте его возьмем». Послали его в Днепропетровск. Я считал, что он на своем месте, но думал, что он доволен таким выдвижением по линии партийной работы. Но я ошибся: он переживал это событие, видимо, уже привык к более спокойной жизни. Не знаю, чем конкретно он занимался в Совнаркоме РСФСР. Наверное, легче перечислить, чем не занимался. Фактически всеми делами РСФСР занимался Совнарком СССР, а Задионченко лишь повторял его решения, тут его права незаслуженно обкорнали. Но это уже другой вопрос.

Тем не менее Задионченко работал в Днепропетровске хорошо, справлялся с делом. Он умный человек, хороший организатор, непоседа, не кабинетный по складу человек. Однажды произошел непредвиденный случай. В Одессе проходила партийная конференция ЦК КП(б)У. В Одессу поехал Коротченко. Закончилась конференция, возвращается он и рассказывает, что к нему во время перерыва подошел какой-то товарищ, делегат конференции и спрашивает: «Как поживает мой дядя?» Я его спрашиваю: «Какой дядя?». «Задионченко»,— говорит. Посмотрел я на него, вроде бы внешне похож на еврея. Задионченко же — украинец. Какое же может быть кровное родство? «Задионченко — это мой дядя, передайте ему привет». Фамилия того человека была Зайончик, кажется. Коротченко, вернувшись в Киев, рассказал мне об этом случае. В то время происходило бурное разыскивание всяческих родословных, чтобы не быть обманутыми, чтобы не затесались в наши ряды какие-то враги. Я и сказал: «Лучше всего спросить самого Задионченко» — и попросил о том Бурмистенко (он старый знакомый Задионченко). Поговорит с ним и скажет, что мы просим его откровенно обо всем рассказать. Это будет самое лучшее для него.

Бурмистенко его вызвал и провел с ним беседу. Бурмистенко был очень хороший товарищ, умел проявить деликатность в таких случаях. Затем пришел ко мне и говорит: «Настаивает, что он именно Задионченко». Тогда мы посчитали своим долгом выяснить, чтобы не оказаться в дураках. Мы вовсе не считали, что это какая-то клевета. Ведь Зайончик гордился своим дядей и передавал ему привет. Не имелось подозрений, что тут какой-то подвох для Задионченко, который, дескать, скрывает свою национальность и тот факт, что когда-то он взял другую фамилию, чтобы спрятаться за ней. К этому вопросу подключили Наркомат внутренних дел. Впрочем, думаю, что тот раньше нас сам подключился, потому что тогда партийные работники больше зависели от органов НКВД, чем они от нас. Собственно говоря, не мы ими руководили, а они навязывали нам свою волю, хотя внешне соблюдалась вся субординация. Фактически своими материалами, документами и действиями они направляли нас туда и так, как хотели. Мы же, согласно сложившейся практике, обязаны были во всем доверять их документам, которые представлялись в партийные органы.

Для НКВД новое дело не требовало больших усилий. Вскоре мы уже знали, что Задионченко родился в местечке Ржищев Киевской губернии, около Канева. Отец его — кустарь-жестянщик, мать работала

табачницей в Кременчуге, зарабатывала немного и была женщиной нестрогого поведения. Отец умер, потом мать заболела туберкулезом и тоже умерла. Задионченко (тогда еще Зайончик) остался сиротой, его приютил какой-то ремесленник. Он воспитывался улицей, кормился у добрых людей. Так он рос. Тут грянули революция, гражданская война. Дальше уже сам Задионченко рассказывал, что мимо проходил какой-то кавалерийский отряд, и он увязался вслед. Красноармейцы одели его, обули, накормили и дали ему фамилию уже не Зайончик, а Задионченко. Так ли это было, не знаю, не в этом суть. Одним словом, мы обо всем этом узнали.

Я несколько забежал вперед и сказал про то, что мы узнали от самого Задионченко. Вызвал я его и говорю: «Товарищ Задионченко! Товарищ Бурмистенко с вами беседовал, вы все отрицали, а теперь мы все узнали. Зачем вы сами себе вредите? Знаем, что вы родились в городе Ржищеве (он стал уже городом), знаем про вашего отца и вашу мать, кто они и как кончили. Главное же, нет никакой нужды скрывать, что вы Зайончик, что ваш отец — ремесленник, а мать — рабочая». Он заплакал, начал просто рыдать: «Да, я не имел мужества рассказать сразу. Все это правда. А теперь не знаю, что со мной будет. Я раскаиваюсь, что скрыл это, но никакого злого умысла не имел. Скрыл же потому, что уже много лет живу как Задионченко и привык к этой фамилии, оторвался от фамилии Зайончик. Теперь я Задионченко, и даже моя жена не знает, что я еврей. Это удар для моей семьи, и я не знаю, как сейчас быть и что произойдет».

Я его успокоил: «Давно бы сказали, и ничего бы не случилось, а сейчас, конечно, дело сложнее потому, что подключился НКВД, и мы получили оттуда документы. Ступайте, возвращайтесь в Днепропетровск, работайте, никому ничего не говорите об этом, даже своей жене, ведите себя, как прежде, а я доложу в ЦК партии». Он был опытным человеком, кажется, уже тогда являлся членом ЦК партии и понимал ситуацию. Я сразу же позвонил Маленкову: этот вопрос кадровый и прежде всего касался Маленкова. Рассказал ему. Маленков очень хорошо знал Задионченко и с уважением относился к нему. «Это,—говорит,— надо будет рассказать Сталину. Когда появишься в Москве, сам это и сделай». Отвечаю: «Ладно».

Приехал в Москву. Маленков ничего не рассказал Сталину, но не удержался и сообщил Ежову (а может быть, Ежов узнал через Успенского, наркома внутренних дел Украины?). Одним словом, когда я приехал, Маленков меня предупредил: «Имей в виду, что Задионченко потвоему — еврей, а Ежов говорит, что Задионченко — поляк». Тогда как раз было время «охоты» на поляков, в каждом человеке польской национальности усматривали агента Пилсудского или провокатора. Отвечаю: «Ну как же можно так говорить? Я точно знаю, что он еврей. Мы знаем даже синагогу, где совершался еврейский обряд при рождении мальчика». Я побывал у Сталина, рассказал ему. Он воспринял все довольно спокойно. Меня это ободрило. «Дурак,— сказал он по-отечески,— надо было самому сообщить, ничего бы не случилось. Вы не сомневаетесь в его честности?» Отвечаю: «Конечно, не сомневаюсь, это абсолютно честный человек, преданный партии. Теперь из него «делают» поляка». «Пошлите их к черту,— говорит,— по рукам им надо дать, защищайте его». Отвечаю: «Буду защищать с Вашей поддержкой»... Из-за такой невинной смены фамилии чуть не произошла беда с преданным партийцем. Не знаю, зачем он менял фамилию? Может быть, красноармейцы подшучивали над ним, как над еврейским мальчиком, а он хотел избавиться от этих неприятных шуток?

Иной раз действительно допускались неприятные шутки в отношении евреев как среди русских, так и среди украинцев. Среди украинцев

чаще случалось, но не потому, что украинцы — бо́льшие антисемиты, а потому, что рядом с украинцами жило евреев больше. Евреи чаще других занимались мелкой торговлей или ремеслом. Они чаще соприкасались с украинским трудовым людом, встречались на почве взаимного расчета, работали же рядом редко. В моей деревне еврея видели только тогда, когда тот ездил за пухом и перьями, выменивая их на конфеты, колечки, какие-то блестящие серьги. Одним словом, Задионченко сменил фамилию без всякой задней мысли, а тут уже сделали из него поляка. Ведь как с еврея с него ничего не возьмешь: известно, кто его отец и кто мать. Из него надо было «сделать» не еврея, а поляка; поляк — это иностранный агент, засланный Пилсудским. И уже протянулись руки за душой Задионченко. Я так пространно об этом рассказываю, чтобы люди поняли то время, в котором мы жили, и поняли наше положение, живших в то время, ту обстановку, которая сложилась. И вот в такой обстановке мы жили и трудились. Мы не только боролись с «врагами народа», но боролись и за выполнение планов, а планы выполнялись все (за исключением одного года из всех довоенных пятилеток). То был самый тяжелый, самый черный год для нашей партии, наших кадров, и именно в этот год план не был выполнен: 1937 год.

Посылая меня на Украину, Сталин предупредил: «Знаю вашу слабость к городскому хозяйству и промышленности. Хотел бы предупредить вас, особенно не увлекайтесь Донбассом, поскольку вы сами из Донбасса, а больше внимания обратите на сельское хозяйство потому что для Советского Союза сельское хозяйство Украины имеет очень большое значение. Село у нас организовано плохо, а в промышленности кадры организованы лучше, и там, видимо, для вас не возникнет особых затруднений». Такой линии я и придерживался, хотя мне это было нелегко, потому что я чувствовал тягу к промышленности, а особенно к углю, машиностроению и металлургии. Но раз Сталин сказал про сельское хозяйство, то я стал больше заниматься сельским хозяйством, деревней, ездить по Украине, искать передовых людей, слушать их и учиться у них.

Мы выдвинули новые кадры, заполнили обкомы, облисполкомы и республиканские органы. В колхозах эти вопросы решались легче, хотя и колхозные кадры сильно поредели.

Прибыли мы с Бурмистенко на Украину в январе или феврале; пора готовиться к весеннему севу. На юге иной раз случаются такие ранние весны, когда полевые работы начинаются в феврале, а уж в марте — обязательно. Стали мы готовиться к посевной кампании и вдруг столкнулись с таким явлением: в западных областях (Каменец-Подольский, Винница, Проскуров, Шепетовка), граничащих с Польшей, налицо массовая гибель лошадей. Я послушал, что говорят в Наркомате земледелия, выехал на место, послушал тамошних жителей, долго разбирался, но ничего толком нельзя было понять. Лошади заболевали, быстро хирели и дохли. По какой причине, нельзя было определить. Определить невозможно было потому, что когда комиссии с привлечением ученых, которые могли что-то сделать, разворачивали работу, их сразу арестовывали и уничтожали как вредителей, как виновников гибели лошадей.

Вспоминаю про такой случай в Винницкой области. Приехал я в какой-то колхоз, где погибло очень много лошадей, и стал спрашивать конюха, который, как мне сказали, сам видел, как «враги» травили лошадей. Он мне и говорит: «Я видел, как вот этот сыпал какое-то зелье, какие-то яды. Поймали его. Кем же он оказался? Ветеринарным врачом». Объясняли все это так. Эти области граничат с Польшей, и немцы через Польшу, да и сами поляки делают все, чтобы подорвать наше колхозное хозяйство и лишить нас рабочего скота.

Действительно, немцы вовсю готовились к войне. В какой-то степени было логично лишить нас лошадей — ударить по экономике, по сельскому хозяйству и по военным возможностям, потому что лошадь в те времена — то же, что сейчас танки и авиация. Это был подвижной род войск. Мы еще жили событиями гражданской войны и лошадям отводили большую роль в будущей войне. Тут и кавалерия, тут и обоз, без которого армия воевать не может. Поэтому объяснение гибели лошадей актом вредительства со стороны внешних врагов, которые сомкнулись с внутренним врагом, находило понимание в людях. Но я не мог до конца согласиться с таким объяснением. Почему же коровы и овцы не дохнут, а дохнут только лошади? Мне хотелось послушать ученых, ветеринарных врачей, зоотехников, но их ряды, особенно тех, кто занимался лошадьми, сильно поредели.

Спросил я наркома внутренних дел Успенского: «Есть ли у вас заключенные, которые обвиняются в травле лошадей?». «Да, есть». «Кто они такие?». Он назвал фамилии профессора Харьковского ветеринарного института и директора Харьковского зоотехнического института. Второй — украинец, первый — еврей. Я предупредил: «Я к вам приеду. Вы их вызовете к себе в кабинет. Не хочу в тюрьму к ним ехать, побеседую с ними у вас». «Они,— отвечают,— сознались, могут вам про все рассказать». А перед этим я наркому сказал: «Если профессор травил лошадей, то пусть он нам скажет, каким ядом травил, и напишет химическую формулу яда». Я хотел потом на этой формуле составить яд и поставить контрольный опыт. Профессор дал такую формулу, и я приказал приготовить снадобье. Приготовили, положили лошадям в корм, они съели, но не пали и даже не заболели. Вот тогда-то у меня и зародилось желание лично поговорить с тем профессором.

Условились, и я приехал. Вызвали арестованных (по-одному, конечно), первым — профессора, человека лет 50-ти, седого. Спрашиваю: «Что вы можете сказать по этому поводу?». Он: «Я уже дал два показания и могу только подтвердить, что действительно мы немецкие агенты, имели задание травить лошадей и делали это». «Как же так? Вы говорите, что травили лошадей, я попросил, и вы дали химическую формулу яда. Мы составили яд по этой формуле и дали животным, но они не погибли и даже не заболели». «Да,— говорит,— это возможно, потому что к яду, который мы сами составляли, мы еще получали готовую добавку. Из каких компонентов она состояла и какова формула добавки, мы не знаем. Мы получали ее прямо из Германии». И человек это сам говорил! Знает, что я секретарь ЦК КП(б)У, видит, что я интересуюсь и даже как бы подсказываю, что его признания, с моей точки зрения, несостоятельны, потому что животные не погибают, а он не только не воспользовался этим, но все сделал для того, чтобы подтвердить показания и доказать правоту своих мучителей-чекистов, которые вынудили его дать ложные показания.

Я был просто поражен: сколько же развелось врагов! Но немыслимое дело: немцы — такие антисемиты, и вдруг еврей работает на антисемитов. Все это объяснялось классовой борьбой. Я закончил допрос. Следующим пригласили директора. Он тоже подтверждал, хотя и не так твердо, но подтверждал. Я понимал, что сознаваться в таких вещах — не шутка, и объяснял это тем, что они стараются найти возможность както облегчить свою судьбу раскаяньем, чистосердечным признанием... Уехал я в Центральный Комитет, но меня не оставляла мысль, что чтото здесь все-таки неладно. Решил обратиться к Богомольцу.

Я с большим уважением относился к президенту АН УССР, покойному ныне, Богомольцу. Очень интересная личность и крупный ученый. Как-то он мне рассказывал любопытный случай. Заполняя анкету, отвечал на вопросы: «Где родился?». Написал: «В Лукьяновской тюрьме». Потом рассказывал: «Моя мать и отец — народники, как раз были тогда арестованы и сидели в Лукьяновской тюрьме. Мать была беременной, я

там и родился». Человек он был умный и очень хороший; беспартийный, но это только формальность, а вообще человек он был советский, прогрессивных взглядов. Вот его я и попросил: «Товарищ Богомолец, вы знаете, что гибнут лошади? Надо что-то предпринимать. Считаю, что нужно создать комиссию из ученых, чтобы они взялись за это дело и определили, в чем причина. Не может же быть, чтобы наука была бессильна и не могла определить причину гибели лошадей. Это же немыслимо в наш век. Я хочу, чтобы вы возглавили эту комиссию, потому что здесь во главе такой комиссии должен стоять доверенный человек, которому верили бы и на Украине, и в Москве. Вы как раз такой человек. Вам надо взять специалистов — зоологов и ветеринаров, которые могли бы работать на местах, выезжая в области, в колхозы, а вы должны председательствовать».

Я знал, что несколько комиссий уже было создано, но эти комиссии арестовывались и люди гибли. Теперь все боялись входить в комиссии, потому что это предрешало судьбу людей. Богомолец согласился, но без энтузиазма. Я сказал ему: «Так как арестовывали комиссии, то люди боятся их, но если вы, президент Академии наук, будете председателем, специалисты пойдут охотнее. Я обещаю вам, что на все пленарные заседания буду приходить и сам слушать доклады ученых. Нарком внутренних дел Успенский тоже будет приходить, чтобы отрезать возможность обвинить в чем-либо членов этой комиссии». Он согласился. Я предложил: «Давайте составим две комиссии, которые будут работать параллельно. Если одной не удастся разобраться, то другая найдет».

Я преследовал цель выяснить, действительно ли действуют вредители? Поэтому если вредители и попадут в одну комиссию, то в другой окажутся честные люди. Кроме того, две комиссии, два вывода, два мнения. Нам, руководителям, легче будет разобраться в сложном специальном вопросе. Во главе одной комиссии поставили, кажется, профессора Добротько. Кто возглавил вторую, сейчас не помню. Объединял всю работу Богомолец. Согласовывали состав комиссии с Наркоматом земледелия СССР. Тогда, по-моему, наркомом был Бенедиктов. Его я хорошо знал. Когда я работал в Москве, Бенедиктов являлся директором Московского овощного треста, а до того был директором Серпуховского совхоза, находился на высоком счету как организатор и как специалист-агроном. Я был одним из тех, кто способствовал его выдвижению на пост наркома земледелия. Наркомат предложил создать еще и третью комиссию, из московских ученых. Я ответил: «Пожалуйста, будем рады». Третью комиссию возглавил профессор Вертинский.

Все комиссии выехали в западные области Украины и развернули работу. Прошло некоторое время, и Добротько обратился к Богомольцу с просьбой вызвать их в Киев для доклада. Эта комиссия быстро закончила свою деятельность, потому что Добротько нащупал правильный путь и определил причину гибели лошадей. Он доложил, что вопрос сейчас совершенно ясен: лошадей никто не травит, а гибнут они в результате бесхозяйственности. В колхозах несвоевременно убирают солому из-под комбайнов, она остается на полях, попадает под осенние дожди, мокнет. Потом ее убирают сырой, в соломе от сырости развивается грибок, известный науке (насколько помню, называется он «стахиботрис»). Обычно в природе он рассеян и попадает в желудок животных в малой концентрации, так что они даже не болеют. При благоприятных же условиях — сырость, тепло — он размножается в больших количествах и начинает выделять смертельный яд. Лошадь, съев прелую солому, получает большое количество грибка и гибнет. На коров и волов грибок не действует. Закончил Добротько так: «Когда я пришел к такому выводу, то заразил себя этим грибком. У меня началась болезнь, похожая на лошадиную. Для меня вопрос теперь совершенно ясен».

Профессор Вертинский не подтверждал этого и считал, что изучение не закончено, что надо продолжить работу. Вертинский — московский профессор, Добротько — украинец. Это имело некоторое значение. Чтобы не сталкивать их, я предложил продолжить работу: «Разъезжайтесь опять и когда сочтете, что вопрос уже окончательно выяснен, скажете. Мы вас тогда опять вызовем и послушаем». Разъехались. Прошло немного времени, и Вертинский сообщил, что он согласен с выводами профессора Добротько, что можно на этом закончить работу на местах и собраться на пленарное заседание. Собрались в Киеве, доложили. Вертинский полностью согласился с выводами Добротько. Добротько торжествовал. Он расшифровал причины гибели лошадей. Способ борьбы оказался очень простым — надо вовремя убирать солому, чтобы она не самосогревалась в сыром виде и исчезло главное условие для разрастания грибка. Мы проверили, все подтвердилось. Затем составили строгую инструкцию, как убирать солому, хранить ее и как скармливать скоту. Гибель животных прекратилась.

Сталину было известно, что на Украине идет травля лошадей, и республика может остаться без рабочего скота. Поэтому, когда я приехал в Москву и доложил о результатах работы комиссий, он был очень доволен. Я предложил наградить людей. Профессора Добротько наградили орденом Трудового Красного Знамени. Он заслуживал и ордена Ленина, но в те времена орден Ленина давали очень скупо. Другим дали орден «Знак Почета» и медали. Я предложил и Вертинского (хотя он играл только роль катализатора: сам-то ничего не сделал, а лишь подтвердил выводы Добротько) тоже наградить орденом «Знак Почета». Ведь тогда еще имело значение, кто разобрался: Москва или Киев, украинцы или русские. И я считал, что москвичей обижать не надо.

Это была не только хозяйственная победа — сохранение животных, но и политическая, моральная победа. Сколько председателей колхозов, животноводов, агрономов, зоотехников, ученых сложили головы как «польско-немецкие агенты», сколько их погибло! Я вспоминал потом о харьковском профессоре, о директоре института, которые тоже были расстреляны, и думал: «Как же так? Как же это могло быть? Люди, теперь всем ясно, не виноваты, а сознались?». Видимо, я тогда нашел этому какое-то объяснение, не помню, какое. Я не мог тогда и предположить, что это был враждебный акт со стороны органов НКВД, я и мысли такой не допускал. Небрежность? Да, небрежность могла быть. Органы эти считались безупречными, назывались революционным мечом, направленным против врагов.

Правда, когда Успенский был арестован, кое-что приоткрылось, но все это мы опять увязывали лишь с отдельными персонами и их злоупотреблением властью. Дело Успенского началось так. Однажды мне звонит по телефону Сталин и говорит, что имеются данные, согласно которым надо арестовать Успенского. Слышно было плохо, и мне послышалось не Успенского, а Усенко. Усенко был первым секретарем ЦК ЛКСМУ, на него имелись показания, и над ним уже висел дамоклов меч ареста. «Вы можете,— спросил Сталин,— арестовать его?». Отвечаю: «Можем». «Но это вы сами должны сделать»,— и повторяет мне фамилию. Тут я понял, что надо арестовать не Усенко, а наркома Успенского. Вскоре Сталин звонит опять: «Мы вот посоветовались и решили, чтобы вы Успенского не арестовывали. Мы вызовем его в Москву и арестуем здесь. Не вмешивайтесь в эти дела».

Началась подготовка к посевной, а я еще раньше наметил поездку в Днепропетровск. Поехал я к Задионченко, а перед отъездом сказал одному лишь Коротченко, что Успенский оказался врагом народа и его хотят арестовать. «Я уезжаю, а ты остаешься здесь, в Киеве. Время от времени находи какой-нибудь вопрос, но сугубо деловой, чтобы тебя не заподозрили, и позванивай Успенскому». Утром приехал в Днепропет-

ровск, пошел в обком партии, и вдруг — звонок из Москвы, у телефона Берия. Берия в то время уже был заместителем наркома Ежова. «Ну, ты, вот, в Днепропетровске,— с упреком сказал он,— а Успенский сбежал». «Как сбежал?» «Сделай все, чтобы не ушел за границу!». «Хорошо. Все, что можно сделать, сейчас сделаем. Закроем границу, предупрежу погранвойска, чтобы они усилили охрану сухопутной и морской границ». В ту ночь у нас стоял густой туман. Я сказал: «Ночь у нас была с густым туманом, поэтому машиной сейчас доехать из Киева до границы совершенно невозможно. Он туда не мог проехать». «Тебе, видимо, надо вернуться в Киев»,— посоветовал Берия. Я возвратился в Киев, поднял всех на ноги. Водолазы сетями и крючьями облазили весь Днепр и речной берег, потому что Успенский оставил записку с намеками, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр. Нашли утонувшую свинью, а Успенского не оказалось. У него остались жена и сын-подросток, но они ничего не смогли нам сказать. Видимо, сами не знали, куда подевался муж и отец. Мы продолжали искать бывшего наркома. Не помню, сколько прошло времени — месяц, два или три, и мне сказали, что поймали Успенского в Воронеже. Оказывается, он прямо из Киева отправился поездом на Урал, а с Урала приехал в Воронеж. Там он попытался где-то устроиться (или даже устроился), но был арестован.

Когда после бегства Успенского я приехал в Москву, Сталин так объяснял мне, почему сбежал нарком: «Я с вами говорил по телефону, а он подслушал. Хотя мы говорили по ВЧ и нам даже объясняют, что подслушать ВЧ нельзя, видимо, чекисты все же могут подслушивать, и он подслушал. Поэтому он и сбежал». Это одна версия. Вторая такова. Ее тоже выдвигали Сталин и Берия. Ежов по телефону вызвал Успенского в Москву и, видимо, намекнул ему, что тот будет арестован. Тогда уже самого Ежова подозревали, что и он враг народа. Невероятные вещи: враг народа — Ежов! «Ежовые рукавицы»! «Ежевика», как называл его Сталин. Из Ежова сделали народного героя, острый меч революции... И вдруг Ежов — тоже враг народа? Но в то время он еще работал.

Тут же начались аресты чекистов. На Украине арестовали почти всех чекистов, которые работали с Ежовым. Вот тогда мне кое-что и стало понятно в деле с лошадьми. По этому вопросу какой-то следователь по особо важным делам приезжал тогда из Москвы в Киев, вел следствие. Я видел этого человека, когда я беседовал с профессорами: здоровый молодой человек лет 35-ти, сильный, большого роста. Он присутствовал, когда я вел эту беседу. Я сидел в конце стола сбоку. Успенский, как хозяин, уселся прямо в створе стола, профессор — напротив меня, а следователь — позади меня. Я потом сделал вывод, что, когда я беседовал, тот, наверное, кулаком жестикулировал профессору и «подбадривал» его подтвердить свои показания. Так он и сделал.

Потом этого следователя тоже арестовали и расстреляли. Таким-то образом, истязаниями и вымогательствами, вынудили честного человека сознаться в преступлениях, которых не было. Я уже говорил, что и самого преступления-то не было, потому что это был не акт со стороны наших врагов. Враги, конечно, делали все, что возможно, против нас, но тут как раз оказались ни при чем. Это был результат нашей расхлябанности в колхозах, простого невежества. Вот такая была обстановка. Сколько же тогда людей погибло! Успенский заваливал меня бумагами, и что ни бумага, то там враги, враги, враги. Он посылал мне копии, а оригиналы докладов писал сразу Ежову в Москву. Ежов докладывал Сталину, а я осуществлял вроде бы партийный контроль. Какой же тут контроль, когда партийные органы сами попали под контроль тех, кого они должны контролировать? Было растоптано святое звание коммуниста, его роль, его общественное положение. Над партией встала ЧК.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ЛЕВ ДАВИДОВИЧ ТРОЦКИЙ

А. В. Панцов

Об этом человеке писать крайне трудно. Его личность сложна, многогранна, противоречива. Его творческое наследие огромно. Уже в 1924—1927 гг. оно, далеко не полное, составило 12 томов (14 книг) [1]. В настоящее время в ФРГ готовится к изданию 80—100-томное собрание его сочинений. Библиография посвященных ему работ, подготовленных и опубликованных главным образом за рубежом, также насчитывает десятки книг и статей. Но это только одна сторона проблемы. Другая же связана с тем, что, не будучи знакомыми с этим обильным материалом, многие у нас тем не менее пребывают в уверенности, будто им давно все известно об этом деятеле. Разумеется, в том вина не читателя, а тех, кто, начиная с конца 20-х годов, кормил его псевдотеоретическим суррогатом, предпочитая консолидировать общество не на выстраданном в ходе дискуссий свободном единомыслии соратников, а, по сути дела, на идеях бакунинских изданий общества «Народная расправа», в которых, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, мысль и наука решительно запрещались молодежи «как мирские занятия, способные внушить ей сомнение во все разрушающей ортодоксии» [2].

Перестройка и гласность существенно ограничили сферу господства воинствующего догматизма. Однако предубеждения, усваивавшиеся десятилетиями, все еще дают о себе знать. Ведь механическое усвоение нескольких постулатов создает у массы людей иллюзию полного овладения серьезной наукой. А с иллюзиями расставаться непросто. В особенности, если они замешены на сочетании лжи с полуправдой и правдой. И главное, живя иллюзиями, можно совершенно не утруждать себя необходимостью понимать. Вполне достаточно «знать».

«Знать», например, что Л. Д. Троцкий являлся якобы злейшим врагом ленинизма, всю свою жизнь активно боровшимся против большевиков по всем вопросам теории и практики революционного движения. «Параметры» схемы, заданные уже кратким курсом «Истории ВКП(б)», до самого последнего времени полностью выдерживались в нашей литературе. Еще в сентябре 1987 г. этот тезис активно отстаивал в «Советской России» В. М. Иванов, который под флагом борьбы с так называемым перекрашиванием Иудушки фактически выступил против любых попыток серьезного, объективного осмысления политической биографии Троцкого.

ПАНЦОВ Александр Вадимович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

[1] Автор планировал издать 23 тома в 27 книгах.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18, с. 398.

В наши дни, с расширением процессов гласности старая концепция начала размываться. Уже в сентябре 1988 г. «Правда» поместила статью Д. А. Волкогонова, в которой был сформулирован (хотя и в весьма осторожной форме) вывод, что Троцкий «в годы его активной деятельности» в партии большевиков «не был врагом революции и социализма». В январе 1989 г. в журнале «Знамя» была перепечатана первая часть труда о сталинизме Р. А. Медведева, показавшего, в частности, что и в последующие годы, в том числе и после высылки из СССР, у Троцкого отсутствовали какие бы то ни было контрреволюционные намерения[3]. Из полдюжины статей в «Литературной газете», «Московских новостях», «Неве», «Советском Крыме» в СССР стали широко известны обстоятельства убийства Троцкого, организованного НКВД. Новыми шагами по пути восстановления правды явились публикации В. И. Биллика, В. П. Данилова, Ю. И. Кораблева, М. А. Молодцыгина, А. М. Подщеколдина, Л. М. Спирина и В. И. Старцева[4], в которых весьма объективно характеризуется политическое поведение Троцкого в различные периоды его жизни.

Вместе с тем в современных статьях по истории большевизма, хлынувших на страницы газет и журналов, в том числе в многочисленных работах Д. А. Волкогонова и Н. А. Васецкого, Троцкий чаще всего предстает неким «злым гением», любившим себя в революции больше, чем самое революцию. То положительное, что было им сделано, если и отмечается, то, как правило, вскользь, на фоне общего негатива, по-прежнему переполняющего статьи такого рода, чтобы подкрепить представление об исключительной беспринципности этого человека. Особенно настойчивы многие авторы в обосновании тезиса о необыкновенной жестокости Троцкого, проявлявшейся в послеоктябрьские годы.

Читая такие статьи, как-то невольно вспоминаешь булгаковского Турбина. «Война нами проиграна! — восклицает он, обращаясь к друзьям.— У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем все на свете. У нас — Троцкий»[5]. Действительно, что может быть хуже? Ведь мы-то по большинству нынешних публикаций лучше героев М. А. Булгакова знаем, что может нести Троцкий — только насилие, кровь и слезы. И совсем теряется ощущение того, что для Турбина и его товарищей Троцкий — лишь символ политического и военного противника.

И все же что-то не сходится в изложенной схеме. Особенно когда вспоминаются слова: «Тов. Троцкий,.. пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК». Как же так? Неужели В. И. Ленин был столь близорук? Почему же, так часто полемизируя с Троцким, в фактически предсмертном письме он дал ему столь блестящую характеристику? Почему, обратив внимание на негативные личные качества Троцкого («чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»), напомнив о его небольшевизме, то есть длительном пребывании вне партии большевиков в доктябрь-

---

[3] См. также предисловие того же автора к переводу заключительной главы из книги И. Дойчера «Пророк в изгнании» (Иностраиная литература, 1989, № 3, с. 172).

[4] См. Биллик В. Троцкий. На путн к правде о нем.— Собеседник, 1989, № 33; Данилов В. П. Мы начннаем познавать Троцкого.— ЭКО, 1990, № 1; Кораблев Ю. «Почему Троцкий?» — Политическое образование, 1989, № 2; Молодцыгин М. А. 120 дней наркомвоена. Из истории перехода к строительству массовой регулярной Красной Армии.— Военно-исторический журнал, 1989, №№ 8, 10; Подщеколдин А. «Новый курс»: пролог трагедии.— Молодой коммунист, 1989, № 8; Спирин Л. М. Из истории РКП(б) в годы гражданской войны и интервенции.— Вопросы истории КПСС, 1989, № 3; Старцев В. И. Л. Д. Троцкий (страницы политической биографии). М. 1989

[5] Булгаков М. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. М. 1975, с. 44.

ский период, специально подчеркнул, что этот небольшевизм «мало может быть ставим» Троцкому «в вину лично»?[6].

Почему в октябре 1917 г., накануне взятия власти, обдумывая правомерность выдвижения кандидатами РСДРП(б) в Учредительное собрание в числе других членов партии тех, кто примкнул к ней совсем недавно, в июле—августе, и решительно отвергая кандидатуры Ю. Ларина, М. Н. Покровского и других вновь вступивших, Ленин горячо поддерживал выдвижение Троцкого?[7]

Почему в конце ноября 1922 г. счел необходимым послать ему телефонограмму, в которой, в частности, сообщил: «Прочел Ваши тезисы относительно нэпа и нахожу их в общем очень хорошими, а отдельные формулировки чрезвычайно удачными, но небольшая часть пунктов мне показалась спорной. Я бы советовал напечатать их пока в газетах, а затем непременно переиздать брошюрой. С некоторыми комментариями они будут особенно удачны для ознакомления иностранной публики с нашей новой экономической политикой»[8]? И ведь это направлено Троцкому, который в нашем сознании прочно олицетворяет политику «милитаристского социализма»! И речь идет о понимании сущности нэпа, крайне трудно дававшемся огромной массе партийцев.

Почему, наиболее остро ощутив к концу жизни опасность бюрократического перерождения власти (особенно в связи с известным «грузинским делом»), Ленин обратился за поддержкой (а фактически с предложением вступить с ним в блок) не к кому-нибудь, а именно к Троцкому?[9] Ведь для нас Троцкий — «патриарх» административно-бюрократической системы!

Так кто же он был, Лев Давидович Троцкий — человек, без которого решительно невозможно понять целую полосу в истории нашей страны? Постараемся осмыслить хотя бы некоторые, наиболее важные, запутанные и соответственно наименее изученные страницы его политической биографии.

Лев Троцкий (Бронштейн) родился 26 октября (7 ноября) 1879 г. на Украине, в селении Яновка Херсонской губернии. Подобно многим другим представителям передовой молодежи России конца прошлого века он довольно рано — 17-летним юношей — начал знакомство с марксистской литературой. Полевению взглядов молодого интеллигента — переходу от «горячего либерализма» к социал-демократизму — в огромной мере способствовало и его непосредственное участие в рабочем движении. В 1897 г. вместе с несколькими единомышленниками он организовал в Николаеве «Южно-русский рабочий союз», который развернул революционную пропаганду в ряде городов Украины. В январе 1898 г. союз был разгромлен полицией, а его руководители арестованы.

Годы тюрем и сибирской ссылки (1898—1902) стали для Троцкого периодом углубленного изучения марксизма. В Сибири он установил связи с местными и ссыльными социал-демократами (особенно тесные — с М. С. Урицким и Ф. Э. Дзержинским), вступил в организованный весной 1901 г. Сибирский социал-демократический союз, вел полемику с народниками и анархистами. Тогда же под псевдонимом «Антид Ото» начал публиковать статьи в иркутском журнале «Восточное обозрение», являвшемся трибуной политических ссыльных в Сибири.

В те годы социал-демократическое движение, как известно, переживало период идейного и организационного разобщения. Собирание и объединение партийных сил возглавила группа газеты «Искра». Один из самых горячих ее сторонников, Троцкий стремился как можно более дея-

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 345.

[7] Там же. Т. 34, с. 345.

[8] Там же. Т. 54, с. 314.

[9] Там же, с. 329.

тельно участвовать в ее работе и, бежав осенью 1902 г. из ссылки, стал сотрудничать в самарском искровском центре (группе агентов газеты).

Деятельность Троцкого и в особенности его публицистические статьи принесли ему определенную известность в среде социал-демократов (его партийная кличка того времени — Перо). Руководитель самарского центра Г. М. Кржижановский, по некоторым данным, по личной рекомендации Ленина помог Троцкому эмигрировать, и в конце 1902 г. в Лондоне он впервые встретился с Лениным, который оценил его как «очень энергичного и способного товарища» [10]. В Лондоне Троцкий включился в работу по подготовке II съезда РСДРП, по рекомендации В. И. Ленина, Ю. О. Мартова и В. И. Засулич участвовал в заседаниях редколлегии «Искры». Наиболее сильное влияние на него в тот период оказал Мартов.

В работе II съезда РСДРП (июль — август 1903 г.) Троцкий принял участие как один из двух делегатов Сибирского союза. Судя по протоколам съезда, расхождения между ним и Лениным проявились только по двум принципиальным пунктам повестки дня: по § 1 Устава и по выборам центральных партийных органов. Это явствует и из «Дневника заседаний II съезда РСДРП», который вел Ленин [11]. Вместе они отстаивали идею строительства партии на принципах автономии ее организаций, а не на базе федерализма. Никаких разногласий между ними не было и по вопросу о партийной программе. В ходе бурной полемики с лидером «экономистов» В. П. Акимовым, оспаривавшим правомерность внесения в программу партии пункта о диктатуре пролетариата, Троцкий, правда, высказал мысль о том, что диктатура пролетариата станет возможна лишь тогда, когда «социал-демократическая партия и рабочий класс... будут наиболее близки к отождествлению» и когда рабочий класс составит большинство нации [12]. Но это не вызвало возражений Ленина или кого-либо из его сторонников. Да и строить на основе этой полемической оговорки какую-либо теорию Троцкий никогда не пытался. Наоборот, менее чем через три года, доказывая неизбежность социалистической революции в России, он подчеркивал. «Само собой разумеется, что рост политического сознания опирается на рост численности пролетариата, причем пролетарская диктатура предполагает, что пролетариат достиг такой численности, что может преодолеть сопротивление буржуазной контрреволюции. Это вовсе не значит, однако, что «подавляющее большинство» населения должно состоять из пролетариев, а «подавляющее большинство» пролетариата — из сознательных социалистов» [13].

Особенно активно Троцкий защищал ленинские принципы аграрной части программы. Возражая тем, кто не верил в революционные потен-

---

[10] Там же. Т. 46, с. 241. Сразу заметим, что хотя впоследствии Ленину в пылу полемики не раз приходилось давать Троцкому крайне нелестные характеристики, его первое впечатление о нем как об очень энергичном и способном работнике, похоже, сохранилось на всю жизнь. Об этом свидетельствует не только ленинское «Письмо к съезду», но и письмо к Троцкому Крупской, написанное через несколько дней после кончины Ленина, 29 января 1924 года. Копия письма, в свое время лично Троцким сверенная с оригиналом недавно опубликована в США Ю. Г. Фельштинским (Стэнфордский университет). Приводим его целиком: «Дорогой Лев Давыдович. Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам. И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В. И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю. Н. Крупская» (Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Из архива Льва Троцкого. В 4-х тт. Бэнсон. 1988. Т. 1, с. 89).

[11] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 403—421.

[12] Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М. 1959, с. 136.

[13] Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы. Движущие силы революции. М. 1919, с. 56.

ции крестьян, он заявил: «На Западе, говорят нам, социал-демократия не имеет успеха в крестьянстве. Но на Западе партия пролетариата выступила тогда, когда революционное крестьянство уже закончило свою роль. У нас положение иное. В наступающий революционный период мы должны связать себя с крестьянством — как в интересах крестьянской бедноты, так и в интересах пролетариата». Выступление Троцкого было высоко оценено Лениным [14].

Дискуссия по § 1 Устава развернулась, как известно, вокруг двух формулировок — ленинской и мартовской. Ленин предлагал считать членом РСДРП всякого, кто, помимо прочего, поддерживает партию «личным участием» в одной из партийных организаций. Мартов настаивал на достаточности «личного содействия». Полемика, таким образом, шла вокруг самого понятия «партия», принципов ее организационного строительства. Центром разногласий фактически стал вопрос о соотношении внутрипартийной демократии и централизма. Мартов и его единомышленники, одним из которых был и Троцкий, ратовали за широкую, эластичную организацию, члены которой могли не связывать себя жесткой партийной дисциплиной. Ленин же, наоборот, отстаивал централизацию, специально подчеркивая необходимость оберегать твердость, выдержанность и чистоту партии. Создание крепкой централизованной организации во многом диктовалось условиями оппозиционной политической деятельности в тогдашней России, придавленной диктатурой царизма. Вместе с тем можно понять и позицию мартовцев. Ведь в сознании участников революционного демократического движения были еще живы образы Робеспьера, Ткачева, Нечаева и других революционеров-экстремистов, скомпрометировавших понятия «организационный централизм» и «революционная дисциплина». Именно поэтому на съезде, и особенно после него, Троцкий настойчиво повторял мысль о том, что организационное подчинение индивидуума партии приведет к перерождению последней в узкую радикально-заговорщическую организацию.

Наиболее резко Троцкий критиковал организационные планы Ленина в своей брошюре «Наши политические задачи», которая вышла через год после съезда, в августе 1904 года. Желая показать, к чему может привести чрезмерное увлечение централизмом, Троцкий нарисовал такую картину: «Партийная организация (то есть аппарат партии.— *А. П.*) «замещает» собою Партию, ЦК замещает партийную организацию, и, наконец, «диктатор» замещает собою ЦК... комитеты делают «направление» и отменяют его в то время, как «народ безмолвствует»... «организация профессиональных революционеров», точнее, ее верхушка, является центром социал-демократического сознания, а под этим центром — дисциплинированные исполнители технических функций» [15].

Больно сознавать, насколько точными оказались эти прогнозы. Однако сам Троцкий, вспоминая о них спустя много лет, писал, что в полемике прибег к «логическому доведению до абсурда» принципов ленинской организационной политики [16]. Он отвергал ту точку зрения, что методы сталинизма были заложены Лениным на II съезде РСДРП: «Прогноз в моей юношеской брошюре вовсе не отличается той исторической глубиной, какую ему неосновательно приписывают некоторые авторы... Собственная организационная политика [Ленина] вовсе не представляет одной прямой линии. Ему не раз пришлось давать отпор излишнему централизму партии и апеллировать к низам против верхов. В конце концов партия в условиях величайших трудностей, грандиозных сдвигов и потрясений, каковы бы ни были колебания в ту или иную сторону, сохраняла необходимое равновесие элементов демократии и централиз-

---

[14] Второй съезд РСДРП, с. 228; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8, с. 221—222.

[15] Троцкий Н. Наши политические задачи. Женева. 1904, с. 54, 62.

[16] Троцкий Л. Сталин. Т. 2. Бэнсон. 1985, с. 140.

ма»[17]. Следуя логике разногласий относительно устава, Троцкий встал в оппозицию Ленину и в вопросе о выборах центральных партийных органов. Голосование, как известно, принесло победу Ленину, Троцкий оказался в рядах меньшинства.

Его пребывание в меньшевистской фракции было недолгим. Уже в 1904 г. разногласия между ним и лидерами меньшевиков относительно возможностей гегемонии пролетариата в революции достигли такой степени, что в сентябре Троцкий объявил об отходе от меньшевиков. Но и к большевистской фракции он не примкнул.

Январские события 1905 г. в России побудили Троцкого вернуться на родину. Он принял активнейшее участие в революции, будучи заместителем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов Г. С. Хрусталева-Носаря, а после ареста последнего — главой Временного президиума исполкома Совета. В начале декабря 1905 г. был арестован и он и в январе 1907 г. во второй раз выслан в Сибирь.

Все это время Троцкий вел напряженную теоретическую и публицистическую деятельность, наибольшее внимание уделяя стратегическим проблемам революции, в том числе вопросу о ее непрерывности (перманентности) и связи с мировым революционным процессом в новую историческую эпоху. В 1906 г. в работе «Итоги и перспективы» он в систематическом виде изложил свою теорию перманентной революции, разработку которой начал за год до этого вместе с А. Л. Парвусом.

Схематически она может быть выражена следующим образом. Российская буржуазия не способна возглавить революционное движение, поэтому полная победа демократической революции в России мыслима не иначе, как в форме диктатуры пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только рабочее правительство, поддержанное крестьянством, в силах разрешить весь комплекс проблем, стоящих перед революцией. Ни буржуазная диктатура, ни даже революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства не в состоянии этого сделать. Пролетарская диктатура, которая неминуемо осуществит не только социалистические, но и, попутно, демократические задачи, даст в то же время могущественный толчок международной социалистической революции. Победа пролетариата на Западе оградит Россию от буржуазной реставрации и обеспечит ей торжество социализма.

Как видим, Троцкий никоим образом не отрицал революционной роли крестьянства как союзника пролетариата, его опоры. Скорее он ее в то время переоценивал, ибо, согласно его концепции (как она изложена в «Итогах и перспективах»), выходило, что крестьянство в России в 1905—1906 гг. уже было готово поддержать диктатуру пролетариата. Недооценивал же он, похоже, нечто совсем иное — способность определенных слоев крестьянства к политической самостоятельности. Поэтому он считал излишним, чтобы пролетариат даже временно, пока будут решаться демократические задачи революции, допустил влияние крестьянства (то есть соответствующих крестьянских партий) на свою правительственную политику. При этом он, однако, отнюдь не исключал, а наоборот, считал естественным вхождение в рабочее правительство революционных представителей непролетарских общественных групп. «Здравая политика заставит пролетариат приобщить к власти влиятельных вождей мещанства, интеллигенции или крестьянства,— писал он.— Весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство?.. Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетариата и крестьянства, диктатурой пролетариата, крестьянства и интеллигенции или, наконец, коалиционным правительством рабочего класса и мелкой буржуазии. Но все же останется вопрос: кому принадлежит гегемония в самом правительстве и через него в стране? И когда мы говорим о рабочем правительстве, то этим мы отвечаем, что гегемония будет принадлежать рабочему классу»[18].

Теория Троцкого, таким образом, представляла собой программу непосредственно социалистической революции в России. Задолго до Ленина он обосновывает идею не только возможности, но и неизбежности победы социалистической революции в одной стране, причем в стране отсталой в социально-экономическом и политическом отношениях, являвшейся наиболее слабым звеном мировой капиталистической системы. Вот что он писал по этому поводу: «В стране, экономически более отсталой, пролетариат может оказаться у власти раньше, чем в стране капиталистически передовой... Представление о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры от технических сил и средств страны — представляет собою предрассудок упрощенного до крайности «экономического» материализма. С марксизмом такой взгляд не имеет ничего общего. Русская революция создает, на наш взгляд, такие условия, при которых власть может (при победе революции *должна)* перейти в руки пролетариата»[19].

Концепция Ленина была в то время другой. Ее общий смысл, как известно, сводится к следующему: российская буржуазия по своему классовому положению действительно не способна довести свою собственную революцию до конца, однако в России не созрели еще условия для непосредственного социалистического переворота. Революционный процесс должен, следовательно, вначале все же пройти через этап буржуазно-демократической революции, но последняя примет форму народной революции при гегемонии пролетариата. Вместе с тем решительная победа революции над царизмом приведет не к пролетарской диктатуре, а к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, то есть к совместной власти этих двух классов. Рабоче-крестьянская диктатура очистит страну от средневековья для широкого и быстрого, европейского, а не азиатского, развития капитализма, укрепит пролетариат в городе и деревне и откроет возможности для перевода революции на социалистический этап. Победа буржуазно-демократической революции в России вызовет почти неминуемо сильнейший толчок к социалистической революции на Западе, а эта последняя не только оградит Россию от опасности реставрации, но и позволит русскому пролетариату в относительно короткий срок прийти к завоеванию власти.

Обе концепции коренным образом отличались от меньшевистского взгляда на революцию. С точки зрения меньшевиков, победа российской буржуазной революции была мыслима лишь под руководством либеральной буржуазии и должна была передать власть этой последней; буржуазно-демократический режим позволил бы российскому пролетариату с несравненно большими, чем прежде, шансами на успех вести борьбу за социализм.

Если мы забудем на минуту о той напряженной полемике, которая имела место в рассматриваемый период между сторонниками всех трех концепций, то увидим, что возможность реализации любой из них зависела от ряда конкретных условий, во многом определялась готовностью масс к революционному действию. Ленин, например, сам видоизменил свою точку зрения в марте 1917 г., выдвинув курс на социалистическую революцию, в ходе которой большевики «решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, как «побочный продукт»... главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы»[20]. Да, действительно, программа Троцкого была преждевременной, однако это отнюдь не свидетельствует о ее полной бес-

[17] Там же.

[18] Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы. с. 39—40.

[19] Там же, с. 34—35.

[20] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 147.

смысленности. Следует помнить, что в первые годы после Октябрьской революции работа Троцкого «Итоги и перспективы» неоднократно переиздавалась, в том числе на иностранных языках, как теоретическое истолкование Октября.

Весной 1907 г., вторично бежав из Сибири, Троцкий вновь прибыл в Лондон, где принял участие в работе V съезда РСДРП. Затем последовали долгие годы эмиграции, пропаганды теории перманентной революции. В то же время, оставаясь формально вне фракций, Троцкий прилагал немало усилий для примирения меньшевиков и большевиков. С этой целью летом 1912 г. в Вене он создал в рамках российской социал-демократии «августовский блок», на деле объединивший лишь сторонников Троцкого, а также часть бундовцев, меньшевиков и ликвидаторов. Точка зрения Троцкого по вопросу об объединении различных групп РСДРП не изменилась и с началом мировой войны, несмотря на то, что он сам занял решительные интернационалистские позиции и всю войну выступал с осуждением политики империализма под лозунгом «пролетарской революции».

Объединительная деятельность Троцкого объективно наносила вред российскому, да и международному социал-демократическому движению. Не случайно именно к этому времени относятся наиболее негативные характеристики Троцкого со стороны Ленина, в том числе и наиболее уничижительная из них — «Иудушка»[21]. Ничуть не оправдывая политической линии Троцкого тех лет, хотелось бы тем не менее подчеркнуть, что это прозвище-приговор, ставшее спустя два десятка лет знаменитым, сам Ленин в открытой полемике не употреблял. Оно было обнародовано лишь 21 января 1932 года. Именно в этот день «Правда» поместила написанную Лениным в январе 1911 г. и им самим ни тогда, ни позже не пущенную в печать черновую заметку «О краске стыда у Иудушки Троцкого». Что же касается большинства принципиальных ошибок, допущенных Троцким в период между двумя российскими революциями, то он и сам их не раз признавал. Приведем только одну цитату: «Автор,— писал он о себе в 1919 г.,— впадал... в ошибку в оценке боровшихся фракций социал-демократии... Стоя в эмиграции вне обеих фракций, автор недооценивал того капитальнейшего факта, что по линии разногласий между большевиками и меньшевиками фактически шла группировка несгибаемых революционеров, с одной стороны, и элементов, все больше и больше разъедавшихся оппортунизмом и приспособленчеством — с другой»[22].

Февральская революция застала Троцкого в США. Быстро осознав преходящий характер совершавшихся в России событий, он сразу же подверг в нескольких статьях резкой критике лидеров меньшевиков, призывавших к поддержке Временного правительства, вновь подчеркнул необходимость социалистической революции[23]. Позиции Троцкого по отношению к буржуазии, Временному правительству, войне, международной революции совпали с установками Ленина, сформулированными в посланных им из Швейцарии в Петроград, в редакцию «Правды» «Письмах из далека»[24]. Так независимо друг от друга и Ленин и Троцкий в марте 1917 г. пришли, по существу, к единым стратегическим выводам, вытекавшим из сложившегося в результате Февральской революции положения в России. Это следует подчеркнуть особо, тем более если иметь в виду, что в то же время Русское бюро ЦК РСДРП, которое возглавляли А. Г. Шляпников, М. И. Калинин, В. М. Молотов и некоторые другие старые большевики, а также редакция «Правды», руководимая Сталиным и Каменевым, не смогли дать ответа на ряд принципиальных вопросов, выдвинутых революцией. Подлинный переворот в головах значительного числа руководителей РСДРП(б) произвели ленинские «Апрельские тезисы», выступления Ленина на Петроградской общегородской и VII Всероссийской конференциях РСДРП(б) в апреле 1917 года.

[21] См. там же. Т. 20, с. 96.
[22] Троцкий Л. Д. Итоги и перспективы, с. 5.
[23] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 1. М. 1924, с. 3—23.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31.

Вернувшись в Петроград в начале мая, Троцкий сразу же присоединился к группировке, именовавшейся «Междурайонная организация объединенных социал-демократов». Многие члены этой организации были его старыми соратниками. Ко времени приезда Троцкого межрайонцы, ранее (с ноября 1913 г.) выступавшие за слияние различных фракций партии, уже отказались от примиренчества по отношению к оборонцам, в целом заняв позиции интернационалистов. 10 мая 1917 г. они провели конференцию, решения которой в принципе совпадали с постановлениями VII Всероссийской конференции большевиков. «Политические резолюции межрайонцев в основном взяли правильную линию разрыва с оборонцами»,— писал по этому поводу Ленин[25]. Все это заложило основу для объединения межрайонцев с большевиками. В конце мая 1917 г. на выборах в районные думы Петрограда они выступали вместе. Активная, по существу, пробольшевистская деятельность межрайонцев, в рядах которых, помимо Л. Д. Троцкого, находились и такие известные революционеры, как М. М. Володарский, А. А. Иоффе, Л. М. Карахан, А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий, К. К. Юренев, снискала многим из них уважение не только в среде петроградских рабочих, но и в РСДРП(б). Именно поэтому в дни июльского кризиса межрайонцы подверглись не менее жестокому, чем большевики, преследованию. 23 июля Троцкий был арестован и препровожден в «Кресты», откуда освобожден только 2 сентября[26].

Он еще находился в тюрьме, когда состоялся VI съезд РСДРП[27] (конец июля — начало августа 1917 г.), на котором был официально оформлен прием членов Междурайонной организации в состав партии большевиков. Признанием его личных заслуг перед российским революционным движением (никто тогда и не думал вспоминать о каких-то ошибках) явилось заочное избрание Троцкого вначале одним из почетных председателей съезда, а затем — членом ЦК. При выборах ЦК он наряду с Каменевым получил третий (после Ленина и Зиновьева) результат — 131 голос из 134, то есть был признан одним из четырех вождей партии. Кроме того, съезд решил выставить его кандидатуру (вместе с кандидатурами Ленина, Зиновьева, Коллонтай и Луначарского) на выборах в Учредительное собрание.

Сразу же после освобождения из тюрьмы Троцкий принял деятельное участие в организации отпора Корнилову, а затем в непосредственной подготовке вооруженного восстания против Временного правительства. Как и большинство других членов ЦК, главное внимание в тот период он уделял политическому и техническому обеспечению назревавшего переворота, всю свою энергию направляя на максимальное ускорение большевизации Советов, завоевание на сторону большевиков солдат Петроградского гарнизона, на вооружение рабочих. 24 сентября ЦК РСДРП(б) принял решение «проводить» Троцкого председателем Петроградского Совета[28]. Встав во главе него, Троцкий развернул работу по практической организации восстания. В середине октября он взял в свои руки руководство созданным при Совете Военно-революционным комитетом[29]. Незадолго до этого он был избран в первый состав Политбюро

[25] Там же. Т. 32, с. 113.
[26] См. Рабочий путь, 3.IX.1917.
[27] Самоназвание съезда, принятое делегатами на последнем заседании. В нашей современной литературе именуется VI съездом РСДРП(б).
[28] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М. 1958, с. 69.
[29] См. Коммунист, 1989, № 10, с. 102, 104.

ЦК. (Кроме Троцкого, членами Политбюро тогда стали Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Сокольников и Бубнов.)

В сентябре — октябре в ЦК шли споры о сроках и перспективах вооруженного выступления. Велика была ответственность, ложившаяся на плечи большевиков. Против восстания высказались Каменев и Зиновьев; их взгляды в основном разделял Луначарский. Диаметрально противоположную позицию отстаивал Ленин, уже с 10-х чисел сентября призывавший к немедленному захвату власти. Большинство же, признавая, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело»[30], считало, что к успешному выступлению партия еще недостаточно готова в силу ряда конкретных причин. Значительное число партийных работников предпочитало дождаться II Всероссийского съезда Советов и начать восстание, заручившись его поддержкой. Есть основания полагать, что такой позиции придерживался, в частности, Сталин. Об этом довольно красноречиво свидетельствует его речь на торжественном заседании, посвященном 50-летию Ленина, в апреле 1920 года. Вспоминая о подготовке Октябрьской революции, Сталин заявил: «У нас в ЦК было решение идти вперед по пути укрепления Советов, созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти. Ильич, который в то время скрывался, не соглашался... Несмотря на все требования, мы пошли дальше по пути укрепления [Советов] и предстали 25 октября перед картиной восстания»[31].

Но были и другие руководители партии, которые стремились использовать лозунг созыва съезда Советов лишь как легальное прикрытие для мобилизации масс и технического обеспечения выступления в любой подходящий момент, близкий к съезду Советов, но вовсе не обязательно после его созыва. Именно к этой группе принадлежал и Троцкий, доказательством чему является, в частности, его выступление на заседании Петроградского Совета 18 октября. Явно стремясь сбить с толку меньшевиков и правых эсеров, он в ответ на запрос ряда депутатов относительно возможности вооруженного выступления большевиков объявил, что оно не назначено, но «при первой попытке контрреволюции сорвать съезд,— мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца»[32]. Разумеется, Троцкий, решительный сторонник революционного переворота, не стал бы открыто говорить о вероятности вооруженного восстания в дни съезда, если бы связывал с последним все свои надежды на успех революции. Ленин отнесся к его выступлению с одобрением, фактически расценив процитированное заявление как обманный маневр. «Неужели трудно понять,— писал он 19 октября,— что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне назрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только «вину», но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого»[33].

Учитывая все это, будет правильным констатировать, что Троцкий сыграл в подготовке Октябрьской революции выдающуюся роль. В первые годы Советской власти это ни у кого, в том числе у врагов Троцкого, не вызывало сомнений.

В первом Советском правительстве он занял пост народного комиссара по иностранным делам. К сожалению, протоколы совещания, решавшего вопрос о составе первого Совнаркома, отсутствуют (их попросту не вели), вследствие чего нельзя с достаточной достоверностью утверждать, как проходило назначение на правительственные посты. По воспоминаниям самого Троцкого, его назначению предшествовала полемика: Ленин первоначально назвал его кандидатуру на пост председателя Совета народных комиссаров, аргументируя это тем, что Троцкий стоял «во главе петроградского Совета, который взял власть». По предложению Троцкого такой вариант был отвергнут без прений. Тогда Ленин стал настаивать на назначении Троцкого наркомом внутренних дел, так как считал главной ближайшей задачей Советской власти борьбу с контрреволюцией. «Я возражал,— вспоминал Троцкий,— и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство? Ленин был почти возмущен: «У нас великая международная революция,— какое значение могут иметь такие пустяки?» На эту тему возникло у нас полушутливое препирательство. «Революция-то великая,— отвечал я,— но и дураков осталось еще не мало».— «Да разве ж мы по дуракам равняемся?» — «Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?» Троцкий завоевал на свою сторону Я. М. Свердлова и некоторых других членов ЦК. «Льва Давыдовича надо противопоставить Европе, пусть берет иностранные дела»,— заявил Свердлов[34]. Ленин согласился.

29 ноября (12 декабря) 1917 г. Троцкий как один из наиболее авторитетных руководителей большевистской партии вошел наряду с Лениным, Свердловым и Сталиным в специальное узкое бюро ЦК, которому ввиду трудностей собирать в той чрезвычайной обстановке заседания Центрального Комитета было предоставлено право решать все экстренные дела «с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном»[35].

Важнейшим для новой власти вопросом было заключение всеобщего демократического мира, и Троцкий принялся за его разрешение. Однако убедить державы Антанты в необходимости прекратить войну не удалось, и Советское правительство начало в Брест-Литовске сепаратные переговоры о мире с Германией и ее союзниками.

Ко времени брестских переговоров относятся, по-видимому, первые в послеоктябрьский период, довольно кратковременные разногласия Троцкого с Лениным. Чтобы понять тогдашнюю точку зрения Троцкого, надо прежде всего иметь в виду следующее: Троцкий не хуже других понимал неспособность России вести военные действия и не одобрял бухаринского лозунга немедленной «революционной войны». Вместе с тем он считал необходимым как можно дольше затягивать переговоры с тем, чтобы дать европейскому пролетариату время воспринять и сам факт советской революции, и проводимую ею политику всеобщего демократического мира. И в этом позиция Троцкого ничем не отличалась от ленинской. «Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна»,— указывал Ленин[36]. Их точки зрения разошлись лишь тогда, когда встал вопрос, до какого предела тянуть с подписанием грабительского мира. И если Ленин считал, что надо «держаться» до ультиматума немцев, то Троцкий был убежден: надо предоставить рабочим Европы бесспорное доказательство того, что мы лишь под штыками на время отказываемся от принципов демократического мира. В противном случае, по мысли Троцкого, империалисты могли изобразить переговоры как «комедию с искусно распределенными ролями» и тем самым ослабить влияние Октября на рабочие массы. Именно этим объяснялась формула: «войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем».

[30] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). с. 86.
[31] 50-летие В. И. Ульянова-Ленина. М. 1920. с. 27—28.
[32] Известия ЦИК и Петроградского Совета. 19.X.1917.
[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 423.

[34] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. Берлин. 1930. с. 61—63.
[35] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 155.
[36] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 30.

Конечно, сейчас, когда известно, как развивались события, этот лозунг может выглядеть авантюрным. Но в то время большинству руководителей партии он таковым не казался, они считали высшим своим долгом сделать все возможное, чтобы приблизить время мировой революции. Особые надежды многие коммунисты возлагали на победу социалистической революции именно в Германии. Подписание же Брестского договора позволяло немецким империалистам перебросить часть войск с фронта на подавление вероятных выступлений германского пролетариата. Кроме того, в тот момент еще не существовало ответа на вопрос: сможет или нет Германия наступать? Ведь вместо того, чтобы воевать, немцы сели за стол переговоров!

В позиции Троцкого были свои политические преимущества. Она лишала оснований обвинение большевиков в измене принципам всеобщего демократического мира и в то же время устраняла формальный повод для интервенции держав Антанты против нарушившей союзнический долг России. Наконец, тем самым значительно сглаживались расхождения во взглядах между «левыми коммунистами» и Лениным. Ведь по мере того как переговоры в Брест-Литовске близились к критической черте, «левое» течение в партии привлекало все больше сторонников, и в создавшихся условиях простое принятие немецкого ультиматума могло вызвать раскол в рядах большевиков.

Это, разумеется, не означает, что позиция Троцкого была неуязвимой для критики. Серьезные возражения против нее могли, по всей видимости, лежать в двух областях: во-первых, в случае быстрого продвижения противника в руки немцев могла попасть значительная часть артиллерии и иного военного имущества, а также бо́льшая территория, что еще более ослабило бы Советскую Россию. Во-вторых, создавалась опасность того, что немцы, успешно развивая наступление, вообще не пошли бы больше на разговор о мире с Советами. Опасность эта, впрочем, представлялась многим руководящим работникам партии эфемерной.

Формула Троцкого получила большинство голосов на заседании ЦК 11 (24) января 1918 г., а также на соединенном заседании Центральных комитетов большевиков и левых эсеров, состоявшемся на следующий день[37]. Так что, отвергая в Бресте немецкий ультиматум, Троцкий действовал в соответствии с решением ЦК обеих правящих партий. Да, действительно, между ним и Лениным существовала личная договоренность «держаться» до ультиматума немцев, а после ультиматума — сдать позиции[38]. Но нельзя не признать, что такая договоренность шла вразрез с постановлением ЦК. Никакой письменной директивы Ленина подписать мир Троцкий не имел. В ответ на свой запрос по поводу ультиматума он получил 28 января телеграмму (за подписями Ленина и Сталина), в которой говорилось: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время». Как можно было расценить данную телеграмму? Как приказ председателя Совнаркома подписать договор или как подтверждение решения ЦК? Скорее всего, последнее. Под телеграммой стояла подпись не только Ленина, но и Сталина, который ничего не мог знать о личной договоренности между Лениным и Троцким, а главное, в ней подчеркивалось, что достигнут успех в войне против Центральной Рады[39].

16 февраля германское командование заявило о прекращении перемирия и возобновлении с 12 часов дня 18 февраля военных действий. На состоявшемся 17 февраля вечером заседании ЦК Троцкий, естественно, голосовал против ленинского предложения немедленно послать

[37] См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 173, 283.

[38] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 30.

[39] Точка зрения, которая «Вам известна», укрепилась «за последнее время», поскольку, «повторяем еще раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они еще не признали его» (там же. Т. 35, с. 332).

Германии предложение вступить в новые переговоры для подписания мира, так как немцы пока не начинали боевых операций, и для всех, кто следил за развитием событий, их заявление могло означать не более, чем дипломатический маневр. В то же время, когда на голосование был поставлен вопрос: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» — он вместе с Лениным ответил положительно. И как только факт немецкого наступления стал совершенно очевиден (к вечеру 18 февраля), Троцкий проголосовал за обращение к немцам с предложением незамедлительного заключения мира[40], а уже 22 февраля он сделал официальное заявление о том, что снимает с себя звание наркома по иностранным делам, что должно было подчеркнуть поворот в политике Советского государства.

Разумеется, все сказанное не снимает с Троцкого ответственности за то, что нашей стране пришлось в итоге заключить мир на худших условиях, чем, вероятно, было возможно. Вместе с тем необходимо представлять крайнюю сложность и противоречивость той ситуации, в которой требовалось принять правильное решение.

В марте 1918 г. Троцкий был назначен наркомом по военным делам и председателем Высшего военного совета. В апреле того же года он стал одновременно и наркомом по морским делам, а в сентябре — председателем создаваемого Реввоенсовета Республики. Таким образом, он возглавил работу по строительству Красной Армии и ее мобилизации на разгром внутренних и внешних врагов. Следует при этом вспомнить, в какой обстановке и из какого социального материала приходилось ее формировать. Бывшая царская армия развалилась. Солдаты, в массе своей полуграмотные крестьяне, воевать не хотели — ни за царя, ни за Советы, и времени на создание новой армии практически не было. В этой ситуации от председателя РВСР требовались прежде всего железная воля и целеустремленность, энергия и самоотверженность. Всеми этими качествами Троцкий обладал в избытке. Не только и не столько на основе принуждения (введение смертной казни и т. п.) была в самые краткие сроки организована Красная Армия. Как и другие большевики, Троцкий сплачивал ее прежде всего на основе широкой пропаганды коммунистических идеалов, уделяя при этом, разумеется, неослабное внимание укреплению дисциплины. В его арсенале была не только «дубина гражданской войны», но и яркое революционное слово[41]. Да, он считал, что «нельзя строить армию без репрессий», однако в то же время был убежден, что «армии все же не создаются страхом». «Царская армия распалась не из-за недостатка репрессий,— писал он спустя несколько лет после гражданской войны.— Пытаясь спасти ее восстановлением смертной казни, Керенский только добил ее. На пепелище великой войны большевики создали новую армию... Сильнейшим цементом новой армии были идеи октябрьской революции»[42]. Преодолевая в красноармейских частях партизанщину, привлекая на службу бывших кадровых офицеров, он неизменно пользовался в этом ленинской поддержкой. Именно в союзе с Лениным Троцкий вел в те годы борьбу с деятелями так называемой «военной оппозиции» (И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. М. Смирнов и др.), сопротивлявшимися организации регулярных вооруженных сил.

В суровый час испытаний, в эпоху партизанщины и недисциплинированности жесткие методы были в основе своей необходимы. Шла открытая гражданская война, и Ленин в целом высоко оценивал деятельность Троцкого в те годы. В июле 1919 г., например, он по собственной

[40] См. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), с. 204.

[41] Подробнее см.: Молодцыгин М. А. Ук. соч.; Спирин Л. М. Ук. соч., с. 39.

[42] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2, с. 141.

инициативе даже вручил ему чистый бланк, своего рода мандат, выражавший высшую форму доверия и поддержки. В этот бланк Троцкий мог вписывать любое решение, которое считал нужным, а Ленин заранее утверждал его, о чем гласило обращение внизу бланка: «Товарищи! Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело. В. Ульянов (Ленин)»[43]. Конечно, имели место и разногласия, однако в основных направлениях политики Ленин и Троцкий были едины.

Как председатель РВСР Троцкий принимал непосредственное участие в разработке операций по разгрому Колчака, Деникина, Юденича, белополяков. За оборону Петрограда он был награжден орденом Красного Знамени. Возглавляя Красную Армию, состоявшую преимущественно из крестьян, Троцкий не мог не видеть и необходимости укрепления смычки крестьянства с рабочим классом, от чего в решающей степени зависела судьба Советской власти, и потому неизменно отстаивал принципиальное значение линии на союз с середняком, решительно осуждая проявлявшееся в те годы в партии недостаточно внимательное или поверхностное отношение к этому вопросу. «И при наличии победоносной пролетарской революции на Западе,— указывал он, например, в марте 1919 г. в докладной записке в ЦК с Волги,— нам в нашем социалистическом строительстве придется в огромной степени исходить из того же середняка, втягивая его в социалистическое хозяйство»[44].

Враги революции стремились посеять рознь среди ее вождей, распространяя, в частности, молву о «крупных разногласиях» между ними по вопросу о крестьянине-середняке. В феврале 1919 г. сначала Троцкий, а затем Ленин были вынуждены выступить в печати с опровержениями. «Товарищ Троцкий уже дал свой ответ... в «Известиях ЦИК» от 7 февраля,— писал Ленин.—...Слухи о разногласиях между мною и им самая чудовищная и бессовестная ложь, распространяемая помещиками и капиталистами, или их вольными и невольными пособниками. Я, с своей стороны, целиком подтверждаю заявление товарища Троцкого. Никаких разногласий у нас с ним не имеется»[45].

Вместе с тем практика «военного коммунизма», в частности продразверстка, все более подрывала доверие крестьян к Советам. Надо было менять политику, и именно Троцкий одним из первых в руководстве РКП(б) заговорил о необходимости коренных изменений в этой сфере. В феврале 1920 г., находясь на Урале, где он некоторое время руководил хозяйственной работой, Троцкий на практике начал убеждаться в том, что методы продразверстки исчерпали себя. Вернувшись в Москву, он 20 марта представил в ЦК на имя В. И. Ленина, Н. Н. Крестинского, Н. И. Бухарина и Л. Б. Каменева «черновой набросок соображений по продовольственной политике», в котором сформулировал идею замены продовольственной разверстки натуральным налогом. В этом документе, озаглавленном «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», говорилось: «Продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительной нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия 3-й коровы как излишней на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционирует в сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается основа

[43] The Trotsky Papers. 1917—1922. Vol. 1. The Hague—Paris. 1971, p. 588.
[44] Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 2. М. 1926, с. 540.
[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 478.

продовольственной политики, построенной на извлечении излишков... продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами: 1) заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду; 2) установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам... Во всяком случае очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны»[46].

Как видно, предложения Троцкого были довольно осторожными и, в частности, не затрагивали одну из наиболее существенных проблем экономики — развитие рынка. Кроме того, их внедрение должно было проходить дифференцированно: в основном в богатых земледельческих районах (Сибирь, Дон, Украина). В центральных же губерниях, по мысли автора, можно было дополнить «принудительную разверстку по ссыпке принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке», а также поставить «более широко, более правильно и деловито советские хозяйства». Нельзя забывать, однако, что дело происходило в самый разгар «военного коммунизма», за год до поворота к новой экономической политике. Весьма характерен своей осторожностью и текст сопроводительной записки: представленный материал «не есть проект тезисов для оглашения, а лишь черновой набросок для согласования в ЦК. Если таковое будет достигнуто, формулировка должна быть существенно иная»[47].

Предложения Троцкого были отвергнуты ЦК одиннадцатью голосами против четырех, не поддержал их и Ленин. Не будучи и сам еще окончательно уверенным в правильности своих выводов, Троцкий удовлетворился таким результатом обсуждения и активно продолжил (наряду с другими теоретиками партии, в том числе Бухариным) теоретический поиск непосредственного пути в социализм, используя общепризнанные в то время в партии методы: «трудовые армии», внеэкономическое принуждение и т. п. Так появилась и концепция «огосударствления профсоюзов» — безусловно ошибочная, если ее рассматривать применительно к обстановке нэпа, но совершенно неотвратимо вытекавшая из системы «военного коммунизма». Она была раскритикована Лениным в конце 1920 — начале 1921 г., то есть как раз в то время, когда и он ощутил необходимость перемен в экономической политике. Приняв нэп как крутой перелом в области методов организации социалистического хозяйства, от этой концепции отказался вскоре и Троцкий. «Поскольку новый курс экономической политики состоит в переводе на коммерческие начала значительного числа предприятий и в восстановлении, в известных пределах, свободного рынка,— писал он в августе 1921 г.,— эволюция профсоюзов в сторону огосударствления должна не только испытать задержку, но и получить толчок в обратном направлении»[48].

С 1921 г. Троцкий активно занимался разработкой теоретических и практических проблем нэпа, уделяя основное внимание вопросам соот-

[46] Троцкий Л. Соч. Т. 17, ч. 2, с. 543, 544.
[47] The Trotsky Papers. 1917—1922. Vol. 2, pp. 126, 128.
[48] Цит. по: Одиннадцатый съезд РКП(б). Март — апрель 1922 года. Стеногр. отч. М. 1961, с. 271.

ношения плана и рынка, повышения эффективности производства и снижения себестоимости промышленных товаров, насыщения рынка и укрепления государственного сектора экономики. Никогда более к идеям «военного коммунизма» он не возвращался. Наоборот, сдерживал тех, кто считал, что хозяйство можно поднять военно-коммунистическими методами. «Такие исключительные меры могут дать результат на сравнительно короткий период,— подчеркивал он в письме неизвестному адресату от 21 сентября 1926 г.,— когда масса чувствует, что другого выхода нет. Но в условиях длительного строительства социализма трудовая дисциплина должна все больше и больше опираться на самодеятельность и растущую заинтересованность рабочих в результатах их собственного труда... Общий курс должен идти не на зажим и «подвинчивание гаек», а на самодеятельность и заинтересованность трудящихся, на коллективный контроль их общественного мнения, на правильную организацию производства и проч.» [49].

Постепенно в его теоретическом анализе большее место начинают занимать вопросы демократизации внутрипартийной жизни, становившиеся все более актуальными по мере того, как усиливалась опасность бюрократического перерождения партийно-государственного аппарата. Труднее становилось оградить партию от проникновения слабо подготовленных — теоретически и политически — элементов. В годы гражданской войны зачастую приходилось принимать в партию каждого, кто самоотверженно боролся за Советскую власть. В 1922 г., согласно данным общепартийной переписи, 92,7% членов РКП(б) были фактически полуграмотными [50]. Члены партии, механически зазубрившие несколько марксистских фраз, были, разумеется, неспособны к творчеству. Ситуация еще более осложнилась после окончания войны. Ленин с тревогой отмечал настоящий напор со стороны тех, кого охватывал гигантский «соблазн вступления в правительственную партию» [51]. Обстановка усугублялась тем, что в России не сформировалось гражданское общество, подавляющее большинство населения составляло полупатриархальное крестьянство, лишенное каких бы то ни было демократических традиций. Слепая, полуграмотная, привыкшая подчиняться масса искала и нашла своего диктатора в лице партийно-советской бюрократии. Последняя же обрела своего лидера. Им стал Сталин.

Первым, кто в руководстве РКП(б) осознал реальную опасность бюрократического перерождения, был Ленин, о чем говорят его статьи и письма 1922—1923 годов. И он же явился первой жертвой рвавшейся к неограниченной власти бюрократии. Больной, он был заключен под домашний арест, мертвый — превращен в икону. Второй жертвой стал Троцкий, в котором Ленин увидел союзника в схватке с бюрократией.

Первым шагом в борьбе бюрократии против Троцкого стало тайное оформление блока трех других членов Политбюро — Зиновьева, Каменева и Сталина, каждый из которых в отдельности не мог конкурировать с Троцким ни по степени популярности, ни по уровню теоретической подготовки. Воспользовавшись болезнью Ленина, «тройка», стремившаяся к изоляции Троцкого, по существу, блокировала возможность демократического принятия решений в высших органах партии. Одновременно в РКП(б) и Коминтерне была начата (весьма осторожно и закамуфлированно) кампания по его дискредитации.

Столкнувшись с натиском «тройки» и ее фракции, Троцкий перешел в контратаку. Однако в отличие от своих оппонентов он на первых порах не концентрировал внимание на них лично. Он начал с того, что навязал им открытую дискуссию об угрозе бюрократического перерождения партийно-правительственного аппарата, выступив за расширение внутрипартийной демократии и ликвидацию явно складывавшейся системы «аппаратного террора». Этому были посвящены его письмо членам ЦК и ЦКК от 8 октября 1923 г., ряд статей в «Правде», брошюра «Новый курс», речь на XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.), другие выступления. «Тот режим, который в основном сложился уже до XII съезда (то есть уже до апреля 1923 г.— *А. П.*), а после него получил окончательное закрепление и оформление,— писал Троцкий 8 октября 1923 г.,— гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов «военного коммунизма». Бюрократизация партийного аппарата достигла неслыханного развития... Теперь нет и в помине... откровенного обмена мнений по вопросам, действительно волнующим партию... Секретарскому бюрократизму должен быть положен конец». Именно в бюрократизации аппарата Троцкий видел один из важнейших источников возникновения в партии и другого явления, грозившего подорвать ее изнутри,— фракционности. «Механический централизм дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность»,— указывал он в письме «К партийным совещаниям» от 8 декабря 1923 года [52]. Не фракционность, а широкая внутрипартийная демократия при неуклонном соблюдении принципов централизма — вот за что ратовал Троцкий, защищая право каждого члена партии на независимость суждений и мужественное их отстаивание [53].

В ответ на выступления Троцкого «тройка» пошла по пути расширения фракционной борьбы. В ходе августовского (1924 г.) Пленума ЦК состоялось совещание группы единомышленников (Сталин, Бухарин, Рудзутак, Рыков, Томский, Калинин, Каменев, Зиновьев, Ворошилов, Микоян, Каганович, Орджоникидзе, Петровский, Куйбышев, Угланов и некоторые другие), на котором был образован так называемый исполнительный орган — «семерка» в составе Зиновьева, Каменева, Сталина, Бухарина, Рыкова, Томского и Куйбышева. Кандидатами в этот внеуставный, откровенно фракционный орган стали Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, В. М. Молотов, Н. А. Угланов и М. В. Фрунзе. По сути дела, «семерка» узурпировала прерогативы высшего органа партии: она предварительно обсуждала те же вопросы, которые затем выносились на заседание Политбюро. Как пишет В. Надточеев, «все это делалось для того, чтобы, придя на заседание Политбюро, быть готовыми к единодушному отпору Троцкому и выступать с единым мнением по обсуждавшимся вопросам» [54]. Были усилены и публичные нападки на Троцкого, причем в вину ему все чаще начали ставить его прошлые, дооктябрьские ошибки.

Троцкий попытался разбить единство своих противников. Основной удар он сосредоточил на Каменеве и Зиновьеве. В октябре 1924 г. он опубликовал первую часть третьего тома своих сочинений, включив в нее работы 1917 года. Книге он предпослал введение, озаглавленное «Уроки Октября», в котором напомнил партии об ошибках этих двух политических деятелей в период подготовки и проведения Октябрьской революции. Сознательно ужесточив оценку их поведения (Троцкий писал, что они «сбивались на меньшевизм»), он, однако, ни словом не обмолвился о действительной позиции Сталина, которая также была достаточно противоречива в то время, особенно тогда, когда Сталин вместе с Каменевым возглавлял редакцию «Правды». По-видимому, Троцкий больше всего желал как-то прорвать свою изоляцию. Эскалации же борьбы он явно не хотел: даже с Каменевым и Зиновьевым он, похоже,

---

[49] Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 2, с. 76.
[50] Правда. 27.I.1923.
[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 19.

[52] Троцкий Л. Новый курс. М. 1924, с. 82.
[53] Там же.
[54] Надточеев В. «Тройка», «семерка», Сталин.— Неделя, 1989, № 1, с. 15.

не исключал возможности договориться. Своей статьей он скорее всего стремился показать, что в жизни каждого руководителя партии были моменты, когда он допускал те или иные ошибки, поэтому начинать разговор о дооктябрьских заблуждениях одного Троцкого бесперспективно и невыгодно самим же инициаторам дискуссии. Не случайно он неоднократно подчеркивал, что «было бы слишком мизерно пытаться сделать из них (прошлых разногласий.— *А. П.*) теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался... Изучение разногласий ни в коем случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику»[55].

Зиновьев и Каменев, однако, восприняв выступление Троцкого, по существу, как личное оскорбление, потребовали изгнать его из Политбюро и снять с поста председателя Реввоенсовета СССР. Добиваясь его полной политической дискредитации, они (в союзе со Сталиным, Бухариным и многими другими членами партийного руководства) развернули кампанию против так называемого троцкизма. Опираясь на цитаты, вырванные из работ Ленина и Троцкого дооктябрьского периода, то есть того времени, когда Ленин и Троцкий вели между собой полемику, они представляли Троцкого извечным противником ленинизма. Кампания была явно нечистоплотной. Формально начал ее Бухарин, опубликовавший 2 ноября 1924 г., спустя примерно три недели после выхода в свет книги Троцкого, в «Правде» редакционную статью «Как не нужно писать историю Октября. (По поводу книги т. Троцкого «1917»)»[56]. Совершенно очевидно, однако, что не он был инициатором кампании и не ему отводилась в ней главная роль. Основной удар по Троцкому был нанесен членами «тройки»: Каменевым, выступившим 18 ноября на собрании членов МК РКП(б) и городского партийного актива с обширным докладом «Ленинизм или троцкизм?» (этот доклад был затем им повторен 19 ноября на собрании коммунистической фракции ВЦСПС и 21-го — на совещании военных работников; 26 ноября он был опубликован в «Правде»), Сталиным, посвятившим критике Троцкого речь на собрании комфракции ВЦСПС 19 ноября (она была также напечатана в «Правде» 26 ноября), и Зиновьевым, опубликовавшим в «Правде» 30 ноября статью «Большевизм или троцкизм?». Указанные статьи и речи наряду с другими — Э. И. Квиринга, О. В. Куусинена, Г. Я. Сокольникова, а также совместной статьей ЦК, МК и ЛК РЛКСМ — вошли в спешно напечатанный сборник «Об «Уроках Октября»[57]. Выступления Каменева, Сталина, Зиновьева и Бухарина были перепечатаны тогда же и в нескольких других сборниках, как в Москве, так и в провинции[58]. Одновременно к печати был подготовлен сборник «Ленин о Троцком и троцкизме. Из истории РКП(б)». Он вышел в свет в начале 1925 г. и в том же году выдержал второе издание. В ответ в конце ноября 1924 г. Троцкий написал статью «Наши разногласия»[59], однако опубликована она не была, а сталинско-зиновьевский блок уже летом — осенью 1924 г. дал довольно глубокие трещины.

После «Уроков Октября» позиции Сталина, выступившего, по существу, арбитром в споре Троцкого с Зиновьевым и Каменевым, усилились. Взяв под свою защиту последних и резко выступив против «троцкизма», Сталин вместе с тем не допустил и расширения борьбы с Троц-

[55] Троцкий Л. Соч. Т. 3, ч. 1, с. XII, LXII.

[56] Каждый из томов собрания сочинений Троцкого имел отдельное название. Том 3 — «1917».

[57] Об «Уроках Октября». Л. 1924.

[58] См., напр., Ленинизм и троцкизм. Сб. статей и докладов. Тула. 1924; Ленинизм или троцкизм. Свердловск. 1924; и ряд других изданий со схожими названиями.

[59] Рукопись этой статьи хранится в архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета; опубликована в 1988 г. (Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1, с. 110—142).

ким. В январе 1925 г. Троцкий был снят с постов наркома по военным и морским делам и председателя РВС СССР. Однако во многом благодаря позиции Сталина, по всей видимости, оценившего соответствующий жест Троцкого в «Уроках Октября», он был оставлен в составе Политбюро. В резолюции январского (1925 г.) Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) была допущена, правда, оговорка, что «в случае новой попытки со стороны Троцкого нарушения или неисполнения партийных решений, ЦК будет вынужден, не дожидаясь съезда, признать невозможным дальнейшее пребывание Троцкого в составе Политбюро и поставить вопрос перед объединенным заседанием ЦК и ЦКК об его устранении от работы в ЦК»[60]. В мае, уже после распада «тройки», Троцкий получил назначение на третьестепенные посты председателя Главного концессионного комитета, начальника электротехнического управления и председателя научно-технического отдела ВСНХ.

Резолюция 17 января 1925 г. объявляла дискуссию вокруг «троцкизма» законченной, но в то же время предписывала продолжать и развивать работу по разъяснению как в партии, так и вне ее «антибольшевистского характера троцкизма», в том числе введя в программы политпреподавания специальную тему по разоблачению этого идейно-политического течения. Вместе с тем смещение Троцкого и завязавшаяся после этого борьба за власть между Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Сталиным, претендовавшим на роль теоретика партии (выдвижение им в конце 1924 г. теории «построения социализма в одной стране»),— с другой, на время отодвинули борьбу против «троцкизма». С новой силой она вспыхнула в 1926 г., когда Троцкий объединился с лидерами «новой оппозиции», признавшими, что в кампании против него они были неправы.

К блоку с Зиновьевым и Каменевым Троцкий пришел путем долгих раздумий. Внимательно анализируя разногласия между «новой» (или иначе — ленинградской[61]) оппозицией и большинством партийного руководства, с особой силой проявившиеся накануне и в период работы XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925 г.), Троцкий тщательно просчитывал все «за» и «против» такого союза. Участия во внутрипартийной дискуссии он не принимал, и о его отношении к ней мы можем судить лишь по его личным записям, преимущественно дневникового характера, а также по некоторым личным письмам, сохранившимся в архиве. Как видно из этих документов (часть из них носит весьма характерные названия — «Блок с Зиновьевым», «Анализ лозунгов и разногласий», «О ленинградской оппозиции»), Троцкий отдавал себе полный отчет в том, что Зиновьев и Каменев являются такими же «аппаратчиками», как и Сталин (если не хуже), и что их выступление представляет собой лишь «аппаратную оппозицию» большинству ЦК. Именно поэтому он признавал, «что ленинградские методы партийного и хозяйственного руководства, агитаторская крикливость, местническая заносчивость и прочее скопили в партии чрезвычайное недовольство ленинградской верхушкой; что к этому недовольству присоединяется острое возмущение ленинградским режимом со стороны многих и многих сотен работников, в разное время вышвырнутых из Ленинграда и рассеянных по всей стране,— эти факты совершенно неоспоримы, и значение их нельзя недооценивать. В этом смысле обновление ленинградской верхушки и усвоение ленинградской организацией менее комиссарского тона в отношении ко всей партии является бесспорно фактами положительного значения»[62]. Вместе с тем

[60] Резолюция о выступлении тов. Троцкого, принятая пленумами ЦК РКП и ЦКК 17 января 1925 года. В кн.: Ленинизм или троцкизм. Сборник статей и речей. Свердловск. 1925, с. 291.

[61] В оппозицию входило все руководство ленинградской партийной организации, которую возглавлял Г. Е. Зиновьев.

[62] Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1, с. 153, 155.

он понимал, что положение, сложившееся в ленинградской партийной организации, не являлось исключением. По словам Троцкого, «в Ленинграде только более ярко и уродливо нашли себе выражение те отрицательные черты, какие свойственны партии в целом». Осознавая это, он отвергал те чисто бюрократические методы подавления «новой оппозиции», к которым прибегла сталинско-бухаринская группировка. Троцкий был убежден, что «аппаратным подавлением аппаратного ленинградского режима» можно прийти лишь к созданию в Ленинграде режима еще худшего, так как аппаратная борьба с фракционными группировками неизбежно «усугубляет бюрократические тенденции в аппарате». Со своей стороны, он предлагал произвести оздоровление жизни во всех организациях ВКП(б) с «переходом от нынешнего партийного режима к более здоровому — без потрясений, без новых дискуссий, без борьбы за власть, без «троек», «четверок» и «девяток» — путем нормальной и полнокровной работы всех парторганизаций, начиная с самого верху, с Политбюро»[63].

Вслушиваясь в дискуссию, Троцкий, разумеется, не мог игнорировать и тот факт, что в центре полемики лежали не только и не столько проблемы «аппаратной борьбы», сколько коренные вопросы политики. К разрешению же этих вопросов и у Зиновьева, Каменева, и у него самого в конце 1925 — начале 1926 г. отчетливо выявились практически одинаковые подходы. Данное обстоятельство было решающим: Троцкий в итоге пришел к выводу, который сформулировал в совершенно естественной не только для него, но и для всех остальных деятелей тогдашнего коммунистического движения вульгарно-социологической манере: «Позиция, занятая ленинградскими верхами, является бюрократически извращенным выражением политической тревоги наиболее передовой части пролетариата за судьбу нашего хозяйственного развития в целом и за диктатуру пролетариата»[64]. Троцкий, Зиновьев и Каменев впервые открыто выступили с единых позиций на апрельском (1926 г.) Пленуме ЦК ВКП(б). Через три месяца, на июльском Пленуме, произошло их формальное объединение на общей платформе.

Осью дискуссии, которую повела объединенная оппозиция и которая не утихала на протяжении 1926—1927 гг., стал вопрос о возможности построения (победы) социализма в СССР в условиях капиталистического окружения. Сталин отвечал на него утвердительно. Троцкий же — отрицательно. В сжатом виде точка зрения Троцкого в этом вопросе может быть представлена следующим образом. Социализм возможен лишь по достижении страной, где победила революция, высочайшего уровня развития производительных сил (при наличии гарантий от реставрации капиталистических отношений извне), и такой уровень в общих чертах уже известен — это тот самый рубеж, к которому подошли передовые империалистические страны (ведь империализм, полагали большевики,— высшая и последняя стадия капитализма, канун социалистической революции!). Что же касается Советской России, то перед нею встает задача как можно быстрее преодолеть разрыв, отделяющий ее от наиболее развитых государств. Без победы пролетариата в основных странах Европы, указывал Троцкий, прийти к социализму нельзя, ибо, во-первых, мировая буржуазия будет постоянно стремиться к свержению Советской власти вооруженным путем, а во-вторых, мировое хозяйство «в последней инстанции... контролирует каждую из своих частей, даже если эта часть стоит под пролетарской диктатурой и строит

[63] Троцкий Л. К вопросу о «самокритике» (письмо Н. И. Бухарину от 9 января 1926 г.). В кн.: Троцкий Л. Портреты революционеров. Бэнсон. 1988, с. 147, 153, 155—157.

[64] Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 1, с. 154.

социалистическое хозяйство»[65]. Сказанное, разумеется, не означает, что Троцкий отвергал необходимость социалистического строительства в Советском Союзе. «Речь идет... не о том, можно ли и должно ли строить социализм в СССР,— писал он.— Такого рода вопрос равноценен вопросу о том, может ли и должен ли пролетариат бороться за власть в отдельной капиталистической стране... Наша работа над строительством социализма есть такая же составная часть мировой революционной борьбы, как организация стачки углекопов в Англии или строительство заводских ячеек в Германии... Каждый наш хозяйственный успех знаменует приближение европейской революции». Разумеется, концепция Троцкого не могла быть поддержана партийно-правительственной бюрократией, которая абстрактным интересам мировой революции предпочитала реальное укрепление своего господствующего положения в самое ближайшее время. Такую перспективу ей давала сталинская теория замкнутого экономического и политического развития, реализуя которую можно было, по словам Троцкого, «заранее назвать социализмом все, что происходит и будет происходить внутри Союза, независимо от того, что будет происходить за его пределами»[66].

Совершенно правильно поставив вопрос о теснейшей взаимосвязи экономических процессов в СССР с развитием мирового рынка, Троцкий вместе с тем допускал в своем анализе ошибку, считая, что современная ему капиталистическая система находится в состоянии прогрессирующего распада, который в ближайшие годы приведет к социалистическим революциям по крайней мере в крупнейших странах Европы. Возможность длительной стабилизации капитализма, а тем более нового бурного развития производительных сил при данном общественном строе он, хотя и предполагал чисто гипотетически, однако тут же категорически отвергал, полагая, что такая ситуация не вписывается в марксизм.

Крупномасштабные проблемы теории не отодвинули на второй план борьбу Троцкого против сталинской бюрократии. Наоборот, эта борьба нарастала. Об этом свидетельствуют его многочисленные письма в ЦК и ЦКК ВКП(б), различные выступления 1926—1927 гг., в том числе — на XV партконференции, июльско-августовском и октябрьском (1927 г.) объединенных Пленумах ЦК и ЦКК ВКП(б), рассматривавших вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК. Однако с яркими и гневными предостережениями об опасности бюрократического перерождения Советской власти он обращался главным образом к тому же самому аппарату, который все более бюрократизировался. Выступления Троцкого лишь озлобляли функционеров, не брезговавших никакими средствами, с тем чтобы его изолировать и окончательно дискредитировать. Они не останавливались и перед организацией заведомых провокаций. Одной из наиболее крупных таких провокаций и, как явствует из архивных документов, заранее спланированной и подготовленной, явилось инспирирование сталинскими сторонниками серии уличных столкновений с членами оппозиции во время праздничной демонстрации, посвященной 10-летней годовщине Октябрьской революции[67].

Вся вина за события 7 ноября 1927 г. была возложена на вождей оппозиции. Вскоре после этих событий Троцкий и Зиновьев были исключены из рядов ВКП(б). В январе 1928 г. Троцкого отправили в ссылку в Алма-Ату. Но и после этого он продолжал борьбу против системы бюрократической диктатуры. По подсчетам его сына, Л. Л. Седова, только за апрель — октябрь 1928 г. Троцкий отправил своим еди-

[65] Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум ИККИ. 22 ноября — 16 декабря 1926 г. Стеногр. отч. Т. 2. М.-Л. 1927, с. 102.

[66] Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. Т. 2, с. 142, 145, 146.

[67] См. там же. Т. 4, с. 250—266.

номышленникам 800 писем и свыше 500 телеграмм политического содержания[68]. Однако он был уже обречен на поражение. Стремительный процесс укрепления власти партийно-правительственной бюрократии остановить в то время было невозможно. В феврале 1929 г. Троцкий был выслан из СССР.

Его выслали в Турцию, однако прожил он там (на о. Принкипо на Мраморном море) недолго. Начались годы скитаний. За Турцией последовала Франция, затем Норвегия и, наконец, Мексика. В 1932 г., когда Троцкий еще находился в Турции, он был лишен советского гражданства.

Деятельность Троцкого в эмиграции заслуживает специального освещения. Единственное, что хотелось бы здесь подчеркнуть, это ярко выраженный антисталинский характер его политической линии в то время. Одну за другой он публикует работы, посвященные разоблачению сталинизма. Наиболее значительными из них явились: уже известная читателям «Вопросов истории» «Сталинская школа фальсификаций», а также «Что такое СССР и куда он идет?» В конце 30-х годов он приступил к работе над специальной книгой о Сталине. Антисталинская и антибюрократическая направленность присуща и другим книгам Троцкого, написанным за границей, в том числе крупнейшим из них: автобиографии «Моя жизнь» и двухтомной «Истории русской революции». Наряду с теоретической и публицистической деятельностью Троцкий прилагал большие усилия к образованию единой международной ассоциации своих сторонников, основной целью которой явилось бы свержение сталинской диктатуры. В апреле 1930 г. в Париже была создана первая такая организация — «Международная левая оппозиция», поставившая перед собой задачу «возрождения» Интернационала. Этот новый, IV Интернационал был образован в сентябре 1938 года.

Поведение Троцкого за границей оценивают по-разному. Существует мнение, что он стал антисоветчиком и злейшим врагом коммунистического движения. Это логично, если полагать, что культ личности Сталина не был связан с бюрократическим перерождением Советской власти и не оказал негативного влияния на мировое движение коммунистов. Мне этот вывод представляется необоснованным.

Л. Д. Троцкий боролся не против Страны Советов, а против сталинской бюрократии, узурпировавшей плоды Октября, не против народа, верившего в то, что он строит реальный социализм, а против тех, кто его обманывал. Вплоть до самой смерти он оставался верен призыву, которым завершил свою речь на июльско-августовском Пленуме ЦК и ЦКК в 1927 г.: «За социалистическое отечество? — Да! За сталинский курс? — Нет!»[69]. Решительно выступая за ниспровержение сталинской бюрократии, он, по словам крупнейшего его биографа И. Дойчера, «даже в пылу ожесточенной полемики... всегда подчеркивал, что при любых обстоятельствах он и его сторонники будут безоговорочно защищать СССР от всех внешних врагов»[70].

Борьба со Сталиным для Троцкого завершилась трагически. 20 августа 1940 г. в своей резиденции в окрестностях Мехико он был смертельно ранен испанским коммунистом Рамоном Меркадером, действовавшим по указанию НКВД. По всей видимости, первоначально ему в операции против Троцкого отводилась роль «дублера»: он стал центральной фигурой лишь после того, как в ночь на 24 мая 1940 г. неудачей закончилось покушение на Троцкого, совершенное группой лиц, одним из руководителей которых был известный художник, член компартии Мексики Давид Альфаро Сикейрос. 24 мая Меркадер впервые

[68] См. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2, с. 305.
[69] Цит. по: Троцкий Л. Портреты. Бэйсон. 1984, с. 87.
[70] Иностранная литература, 1989, № 3, с. 216.

побывал в доме Троцкого. В последующие три месяца он посещал его 12 раз, сумев расположить к себе не только хозяина, но и членов его семьи. Затем наступила кровавая развязка. Во время очередного визита, войдя в кабинет, Меркадер альпийской киркой нанес Троцкому сильнейший удар по голове. На следующий день Троцкий скончался. Убийца в секретном порядке был удостоен звания Героя Советского Союза.

Трибун революции, герой Октября, организатор Красной Армии, второй после Ленина человек в руководстве партии, пользовавшийся огромной популярностью в массах,— таким знали Троцкого в Советской России вплоть до середины 20-х годов. «Двурушник», «мелкобуржуазный капитулянт», «антисоветчик, прокравшийся в партию с единственной целью — навредить ей» — такой образ Троцкого навязывали народу сталинисты.

А он был и оставался революционером — практически единственным из ближайших соратников Ленина, кто до конца своих дней не склонил головы перед сталинской диктатурой. «Мне незачем здесь еще раз опровергать глупую и подлую клевету Сталина и его агентуры: на моей революционной чести нет ни одного пятна,— писал он за несколько месяцев до гибели в своем «Завещании».— Ни прямо, ни косвенно я никогда не входил ни в какие закулисные соглашения или хотя бы переговоры с врагами рабочего класса. Тысячи противников Сталина погибли жертвами подобных же ложных обвинений. Новые революционные поколения восстановят их политическую честь и воздадут палачам Кремля по заслугам...

Сорок три года своей сознательной жизни я оставался революционером, из них сорок два года я боролся под знаменем марксизма. Если б мне пришлось начать сначала, я постарался бы, разумеется, избежать тех или иных ошибок, но общее направление моей жизни осталось бы неизменным. Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом, и следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности...

Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят ее от зла, гнета, насилия и наслаждаются ею вполне»[71].

В его жизни было довольно много просчетов, порой существенных, но в итоге он всегда оставался верен главному, чему посвятил всю свою жизнь.

[71] Троцкий Л. Дневники и письма. Тенэфлай. 1986, с. 164, 165.

ПУБЛИКАЦИИ

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

№ 8 4/I—906

Заседание съезда[1] *к 1 час.*

1) Список приглашенных делегатов.

2) Публика приглашается по №№ с 300.

3) Бюро съезда (соединить оба к[омите]та в состав бюро съезда и избрать хоз[яйственную] к[омис]сию).

4) Сообщение Милюкова о протоколе разных партий о трауре. [Протоколы совещания]. 2 янв[аря] 906 г.[2]

Винавер предлагает П[етер]бургскому к[омите]ту избрать в бюро 5 ч[елове]к в помощь Ц.К[омите]ту для составления бюро сообща.

Программа съезда. Доклад о выборах П. Н. Милюков и И. В. Гессен. Доклад о платформе Ф. Ф. Кокошкин и В. М. Гессен (?).

Распределить обязанности различных органов партии при выборах и решить вопрос о кандидатур[ах] выборщиков и кандидатов. Доклад об этом берут Шаховской и В. Гессен.

Съезд д[олжен] выработать воззвание. Вопрос № 3. Избрать для рассмотрения этих замечаний к[омис]сию.

Секретариат съезда: В. А. Маклаков, И. Я. Соколин, М. И. Фридман.

Раздавать членам съезда: 1) Программу съезда. 2) Программу и устав партии. 3) Сведения о местных группах. 4) Тезисы докладов.

1) Открытие Корн[илов]. 2) Выбор предс[едателя]. 3) Доклад об условиях созыва съезда и о его составе. 4) Выбор аграрной к[омис]сии. 5) Выбор сметной к[омис]сии.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 37—37 об.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

№ 9. 11 января [1906 г.].

Чрезвычайное заседание Центр. Комитета. С.-Петербург.

1.1. Постоянное место пребывания Центрального Комитета пока остается в Москве.

2.2. Назначить два раза в месяц очередные полные заседания Комитета — один раз в Петербурге, другой раз в Москве.

3.3. Для разрешения текущих дел предоставить Московским членам Комитета устраивать чрезвычайные заседания.

4.4. Организацию секретариата поручить московским членам Комитета.

5.5. Организацию Петербургского секретариата Центрального Комитета предоставить Петербургским членам Комитета, которых просить устроить постоянное отделение в Петербурге.

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, № 2.

6.6. Председателем Центрального Комитета избран кн. Павел Дмитриевич Долгоруков, а товарищами его для Москвы — Н. В. Тесленко, для Петербурга — В. Д. Набоков.

7.7. Пополнен состав Центрального Комитета приглашением проф. А. С. Ломшакова и Д. Д. Протопопова (А. Н. Максимов признан избранным на съезде).

8.8. Уполномочить секретариат в случае надобности выдать 300 р. в уплату обязательств «Союза освобождения» в возврат денег, полученных из кассы «Союза» в сентябре мес[яце] 1905 г.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 1об.—2.

№ 10. 12 января [1906 г.].

С.-Петербург. Чрезвычайное заседание Центр. Комитета.

9.1. Составление и печатание стенографического отчета по 2-му съезду поручено И. В. Гессену (в 10 000 экз.).

10.2. Измененную программу напечатать в 100000 экз.

11.3. По образцу напечатанной после первого съезда брошюры с программой и уставом партии и более важными постановлениями съезда издать свод постановлений 2-го съезда, имеющих общее значение, программу в новой редакции и устав.

12.4. Поместить в № 6 Бюллетеней съезда оговорку о неофициальном характере этого издания и исправление к докладу Корнилова.

13.5. Начать сбор пожертвований в общепартийный фонд, поручив организацию этого дела по Москве кн. Павлу Дмитриевичу Долгорукову, по Петербургу — М. М. Винаверу. Кроме того, признано необходимым организовать это дело в Одессе, Киеве, в Поволжьи и Сибири.

14.6. Занять для покрытия расходов по деятельности партии 15000 руб. и просить подписать для этой цели вексель И. И. Петрункевича и кн. Павла Д. Долгорукова сроком на 1 июня 1906 года. Заботы по учету векселя принял на себя И. В. Гессен.

15.7 Организация аграрной Комиссии, учрежденной 2 съездом, поручена кн. Петру Д. Долгорукову.

16.8. Организация рабочей Комиссии, учрежденной 2 съездом, поручена П. Б. Струве, в составе членов Фридмана, Франка, Бужанского, Чупрова А. А., Дэна, Виноградова и Николаева.

17.9. Организация культурной Комиссии, учрежденной 2 съездом, поручена Кизеветтеру, в составе членов Вернадского, Котляревского, Ольденбурга Ф. Ф., Хмелева и Алферова.

18.10. Просить Струве и Шершеневича выработать и представить к заседанию 22 января проект соглашения с другими партиями для проведения некоторого числа представителей от рабочих в Госуд[арственную] Думу.

19.11. Просить Струве, Гессена В. М. и Милюкова составить к следующему заседанию проект воззвания (избирательного манифеста).

20.12. Поручить Д. И. Шаховскому немедленно подать заявление об издании им под своей редакцией в г. Петербурге «Еженедельника Конст. демократ. партии (партии Народной свободы)» с подписной платой по 3 руб. в год.

21.13. Назначить на 23 января и следующие дни в Москве ряд собраний с систематическим изложением программы партии для лиц, занимающихся агитацией в Москве и в провинции. Поручить секретариату известить об этом представителей тех городов, из которых могут прибыть на курсы, и в качестве лекторов пригласить В. М. Гессена, Милюкова, Струве, Шершеневича, Кокошкина, Герценштейна, Фридмана и Родичева.

22.14. Пригласить делегатов от местных групп для совместного совещания о плане избирательной кампании 6 или 20 февраля: окончательный срок наметить 22 января.

23.15. Предоставить право членам ЦК получать прогоны при поездках на заседания комитета по стоимости проезда в вагоне 2 класса в скором поезде.

24.16 Признать необходимым составить полную коллекцию переводов программ и воззваний партии на другие языки и озаботиться новыми переводами, если это представится необходимым[3]. Проект проф. Петражицкого собирать переводную литературу и представить свои соображения о желательных мероприятиях в этой области.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 1об.—4.

№ 11. 16 января [1906 г.].
Москва. Чрезвычайное заседание Центр. Комитета.

25.1. Выслушан и принят к сведению отчет о постановлениях съезда и центрального комитета 12 января.

26.2. Постараться приискать для секретариата квартиру больших размеров, с тем чтобы она могла служить и для надобностей Московского городского Комитета.

27.3. Выдать А. А. Евдокимову 50 руб. для передачи кружку рабочих, организующих профессиональное рабочее движение.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 3об.—4.

№ 12. 22 января [1906 г.].
Москва. Очередное заседание Центр. Комитета.

28.1. Редактированы постановления 2 съезда для издания их отдельной брошюрой, которую решено озаглавить «Кон. дем. партия (партия Народной свободы). Постановления 2 съезда 5—11 января 1906 г. и программа».

29.2. Рассмотрен вопрос об устраиваемом в Москве Клубе независимых. Признано было нежелательным делать какое-либо обязательное для членов Комитета или членов партии постановление по вопросу о вступлении в клуб. Но, большинство членов высказало, как свое личное мнение, что вступление в число членов Клуба в настоящее время не желательно.

30.3. По вопросу об исполнении постановлений 2 съезда относительно предоставления депутатских полномочий представителям от рабочих[4] войти с запросом в местные комитеты. Выработку этих вопросов поручить Н. Н. Черненкову и Д. И. Шаховскому.

31.4. Рассмотрен вопрос о содействии со стороны Комитета образованию местных групп и признано, что деятельность в этом направлении лежит на обязанности всех членов Комитета, причем оплата проездов в скорых поездах в вагоне 2 класса и 7 руб. суточных должна производиться из средств партии по статье сметы на агитационные поездки и получение указанного возмещения, за исключением лишь тех случаев, когда эти поездки соединяются с исполнением личных дел членов комитета, для них обязательно. При этом были намечены для ближайшего будущего следующие поездки: в Рязань и Пензу — Павел Долгоруков и Милюков, в Вильну — Винавер, в Минск — Петражицкий, в Псков — Ламшаков, в Киев и Одессу — И. В. Гессен и Набоков, в Калугу, Тулу и Орел — Маклаков, в Ростов-на-Дону — Тесленко, в Харьков и Курск — Родичев и Петр Долгоруков, в Крым — В. М. Гессен.

32.5. Сверх того, секретариат уполномочен пригласить специально для поездок нескольких лиц за жалование, по соображению с каждым отдельным случаем, не свыше 300 руб. каждому, и оплату проездов на одинаковых с членами Комитета условиях, для постоянных разъездов агитационного характера.

33.6. До сведения Комитета было доведено, что Милюков и Шершеневич взяли на себя труд составить комментарий и указатель литературных пособий к программе партии и ее тактическим постановлениям.

34.7. Сообщено об исполнении постановления Комитета от 12 января по организации в Москве 23—27 января бесед о программе партии, и изъявили свою готовность принять участие в занятиях Милюков, Родичев и В. М. Гессен. На оплату расходов по устройству бесед (стенографическая запись, освещение и прислуга, оплата проезда лекторов) назначено 300 руб. из статьи на агитационные поездки.

35.8. Секретариат уполномочен и впредь производить расходы в необходимых размерах на устройство подобных и также и более длительного характера курсов, где и когда это представится возможным.

36.9. Принятое на прошлом заседании Комитета постановление о выдаче стоимости билета членам Комитета при их поездках на очередные заседания Комитета отменено.

37.10. Ближайшее очередное заседание 5 февраля назначено в Петербурге, а следующее затем заседание 19 февраля — в Москве, с приглашением на него представителей от местных групп для обсуждения на нем плана избирательной кампании.

38.11. Выработка текста воззвания к избирателям отложена до следующего заседания.

39.12. По финансовым вопросам постановлено: а) сметный год начинать с 1 февраля, б) напомнить группам об исполнении ими обязательств за предшествовавший сметный период с указанием лишь, что поздно начавшие действовать группы могут ограничиться взносом за сметный период до 1 февраля 100 рублей.

40.13. Проредактированы все тезисы по докладу В. М. Гессена (напечатанные в № 3 бюллетеней съезда) и изменены §§ 6, 10, 17, 18, 21 и 22.

41.14. Подтвердить комитетам, отступающим от общей партийной программы, на недопустимость подобного образа действий.

42.15. Закупить для бесплатной рассылки по комитетам брошюры Кокошкина об автономии в количестве 10 000 экз.

43.16. При организации «Еженедельника» учредить при ней особое бюро для снабжения провинциальных партийных органов статьями выдающихся авторов с тем, чтобы статьи эти могли печататься одновременно в газетах, издаваемых в различных районах.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 3об.—6.

№ 13. 5 и 6 февраля [1906 г.].
С.-Петербург. II Очередное заседание Центрального Комитета.

44.1. Познакомившись из устных рассказов членов Комитета о положении дела в Самаре, Казани и Новгороде и по газетным и письменным сообщениям о положении дел в других местностях, с теми препятствиями, которые встречает деятельность партии со стороны администрации, решено обратиться к обществу и правительству с мотивированным заявлением о невозможности продолжать подобную политику притеснений, при которой вся выборная кампания сводится к недостойной игре.

45.2. Кроме того обо всех случаях административного произвола постановлено сообщать в газеты.

46.3. Обсудив в присутствии представителя мусульманского съезда г. Акчурина те пункты программы партии, которые встречают некоторые возражения со стороны мусульман, Комитет нашел, что возражения эти основаны на недоразумениях, которые могут быть устранены путем простого разъяснения программы, а именно:

1) из сопоставления ст. 12, 51 и 55 программы[5] с очевидностью вытекает, что партия стоит за полную свободу преподавания и в частности за преподавание в начальных училищах на родном языке. Поэтому, требование обязательного обучения нельзя понимать как требование обучения на русском языке и в школах, устраиваемых по указанию центрального правительства. Пункту программы об обязательном обучении в начальной школе соответствует и обучение в школе на родном языке местного населения и в школах, устраиваемых сообразно с особыми требованиями последнего.

2) Не считая возможным вводить в программу партии указания на устройство особых участков для подачи голосов женщинами-мусульманками, где бы они могли удостоверить свою личность в отсутствие мужчин, так как указание технических приемов не подлежит включению в программу, Комитет находит, что подобная организация подачи голосов не противоречит нисколько программе партии, а напротив, находится в полном соответствии с ней, так как облегчает для части населения подачу голосов и, таким образом, приближает выборы к началу всеобщности.

47.4. Принятые разъяснения программы признано необходимым сообщить заинтересованным в этом вопросе местным комитетам партии и мусульманским меджлисам.

48.5. Вместе с тем признано необходимым организовать постоянные сношения между представителями мусульман и центральными органами партии, а также и между местными партийными комитетами и комитетами мусульманскими для согласования действий в избирательной кампании, причем со стороны мусульман выражается готовность оказать поддержку кандидатам партии.

49.6. При обсуждении вопроса об организации мусульманских комитетов было констатировано, что членом Бакинского комитета состоит г. Топгибашев.

50.7. Признано необходимым на будущее время ранее приглашения в заседание Комитета представителей национальностей, партий и т. п. предварительно выяснять в среде членов комитета подлежащий совместному обсуждению вопрос.

51.8. Редакцию «Еженедельника» постановлено окончательно приурочить к Петербургу и возложить ведение дела [на] В. Д. Набокова (которого просить быть редактором-издателем) и И. В. Гессена, которым и поручено пригласить секретаря редакции. Издание постановлено начать немедленно и названные лица уполномочены, если это окажется удобным, занять помещение для редакции совместно с партийной газетой, предпринятой Гессеном и Милюковым [6].

52.9. П. Б. Струве сделал сообщение о занятиях рабочей Комиссии: ею почти закончено составление: а) воззвания к рабочим о необходимости принять участие в выборах, б) приглашения примыкать к партии и в) записки по рабочей программе партия. Постановлено уполномочить Петербургский отдел Комитета рассмотреть названные труды Комиссии и по одобрении их издать от имени Центрального Комитета.

53.10. Поручено М. М. Винаверу, проф. Петражицкому и Шершеневичу организовать издание брошюр, которые бы выясняли действия правительства, отношение к ним партии и способствовали бы организации общественного мнения.

54.11. Секретариату поручено войти в сношение с первым товариществом публикационного дела в России, согласно их предложения о помещении публикаций о партии на всех станциях железных дорог за плату 1000 руб.

55.12. Для обсуждения плана и приемов предстоящей избирательной кампании и для выяснения фактического положения на местах постановлено в следующее заседание Комитета в Москве 19 февраля пригласить представителей от местных комитетов. Заседание Комитета в составе одних его членов назначить на $10^1/_2$ час. утра, а второе заседание с представителями от местных групп — в 3 час. дня.

56.13. Тезисы к докладу В. М. Гессена постановлено немедленно отпечатать и разослать во все комитеты как материал для суждения 19 февраля.

57.14. В том же заседании постановлено утвердить избирательный манифест в краткой редакции, предложенной В. М. Гессеном, которому и поручено представить в заседании 19 февраля окончательно выработанный проект текста.

58.15. Рассмотрен предложенный П. Н. Милюковым составленный им согласно пункту 1 постановлений настоящего заседания проект протеста против действий администрации [7]. Петербургскому отделу Центр. Комитета поручено установить окончательную редакцию протеста, опубликовать его в газетах, а также в соответственно измененной редакции — [направить] в Совет Министров.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 6об.—8.

№ 14, 11 февраля [1906 г.].

Москва. Чрезвычайное заседание Центрального Комитета.

59.1. Одобрено предложение секретаря комитета о временном приглашения в секретариат комитета Н. М. Иорданского с жалованием по 200 р. в месяц.

60.2. Выслушано сообщение о новых случаях репрессий в провинции и постановлено сообщить о них в заседании Центр. Комитета 19 февраля.

61.3. Рассмотрен вопрос об организации совещания с представителями местных групп. Постановлено иметь в виду возможность двух заседаний 19 и 20 февраля.

62.4. На 21 февраля признано желательным устройство заседания аграрной комиссии с участием представителей от местных групп.

63.5. Сообщено об образовании новых групп в Благовещенске, Семипалатинске и в Дяткове Брянского уезда.

61.6. Выслушано сообщение Брянского уездного комитета о недоразумениях между ним, Орловским губернским и Дятковским районным комитетами [8]. Возникшие недоразумения постановлено выяснить путем личных переговоров с представителями всех трех комитетов.

65.7. Постановлено ассигновать двум секретарям городского комитета Угрюмову и Максимову по 100 руб. на раздачу партийной литературы обращающимся к ним иногородним лицам.

66.8. Сообщено об организации в Москве межпартийной организации Красного креста. В принципе признано вполне допустимым участие Кон. дем. партии в этой организации, причем осуществление этого участия должно лежать на Московском городском Комитете, от имени же Центрального Комитета уполномочен принять участие в этом деле А. Н. Максимов.

67.9. Выяснен вопрос о порядке участия в выборах малороссийских казаков, причем основанием их участия в том или другом разряде избирателей должен служить порядок взимания с них земского сбора, как с частных владельцев, так же как с крестьянских обществ.

68.10. Признано желательным войти в сношения с представителями старообрядцев до назначенного 22 февраля их съезда. Муромцеву и Шаховскому поручено выяснить этот вопрос с Кишкиным и Угрюмовым.

69.11. Постановлено ввиду того, что Московские члены Комитета поглощены агитационной деятельностью, не назначать постоянного дня для регулярных заседаний Московского отдела ЦК, а собираться лишь по мере надобности.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 8об.—10.

№ 15. 19 и 20 февраля [1906 г.].

Москва. Очередное заседание Центрального Комитета [9].

70.1. Разрешение вопроса об участии в выборах в Государств. Совет отложить до следующего очередного заседания ЦК, предварительно запросив от местных комитетов их мнения и соображения по существу вопроса; свои ответы комитеты просить сообщить немедленно по телеграфу.

71.2. По вопросу о взаимной поддержке и блоке с другими политическими партиями и группами, Комитет признал, что временное соглашение о взаимной поддержке на выборах возможно лишь с такими группами и партиями, которые требуют конституционного государственного устройства на основе всеобщего избирательного права. В случае невозможности проведения на выборах кандидата кон. дем. партии или кандидата, намеченного путем соглашения с другими партиями, желательно отдавать предпочтение на выборах лицам прогрессивного направления.

72.3. По вопросу о предоставлении депутатских полномочий в Государст. Думу представителям рабочего класса Комитет нашел, что поддержка со стороны кон. дем. партии при проведении на выборах кандидата от рабочих может быть оказана только при наличности в составе выборщиков от рабочих таких представителей, которые требуют конституционного государств. устройства на основе всеобщего избирательного права.

73.4. Вопрос о взимании 5 коп. с каждого члена партии в кассу ЦК поставить на обсуждение следующего делегатского съезда в виду крайне слабого поступления означенного взноса [10].

74.5. Сообщить во все местные комитеты о необходимости немедленно по телеграфу сообщать в Центральный Комитет обо всех случаях применения репрессивных мер к членам партии и о результатах выборов как состава выборщиков, так и членов Государст. Думы.

75.6. Наблюдение за кандидатурами в члены Государст. Думы, выставляемыми местными комитетами из лиц, не принадлежащих к партии, по § 21 тактической программы избирательной кампании, возлагается на Московский состав Центрального Комитета.

76.7. По заявлению А. А. Кизеветтера об отказе от председательствования в комиссии по народному образованию, комитетом предоставлено Кизеветтеру право передать председательствование лицу по его усмотрению и соглашению.

77.8. Постановлено очередное заседание ЦК 5 марта устроить в Москве.

78.9. В отмену ранее принятого постановления решено ввестя обязательную оплату расходов по поездкам членов ЦК на заседания ЦК (стоимость проезда по 2 классу).

79.10. В виду того, что издания фирмы «Народное Право» не имеют характера официальных изданий Кон. дем. партии, необходимо приступить к выпуску официаль-

ных партийных изданий от имени Центрального Комитета. В таком виде от ЦК издать брошюру со статьей Ф. Ф. Кокошкина «Кон. дем. партия пред судом Союза 17 октября», напеч[атанную] в №№ 45 и 46 «Рус[ских] Вед[омостей]».

80.11. По поводу статей в официозной газете «Русское Государство» за подписью «Кадет» найдено необходимым напечатать в «Рус[ских] Вед[омостях]» и «Еженедельнике» протест от ЦК по поводу приема дискредитирования кон. дем. партии, допущенного официозным органом [11]. Составление заявления от ЦК взял на себя А. А. Кизеветтер.

81.12. Обращение к рабочим от имени ЦК, прочитанное П. Б. Струве, одобрено, а воззвание об участии в выборах постановлено напечатать в виде издания «Народного Права».

82.13. Организована комиссия по вопросу об отношении церкви к государству под председательством кн. Павла Д. Долгорукова. В число членов постановлено пригласить А. Н. Максимова и А. А. Кизеветтера.

83.14. Постановлено в «Еженедельнике» печатать без подписи лишь такие статьи, которые будут одобрены Центральным Комитетом на очередных его заседаниях. По всем остальным вопросам, касающимся издания, Петербургское отделение Центрального Комитета уполномочено принимать необходимые не терпящие отлагательства решении по своему усмотрению [12].

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 9об.—12.

№ 16. 5 марта [1906 г.].
Москва. Очередное заседание Центрального Комитета.

84.1. Выслушав присланные местными комитетами мнения по вопросу об участии в выборах членов Государственного Совета, отрицательные — от Киевского, Ярославского, Орловского, Костромского и положительные — от Одесского, Владимирского и Ржевского [13], и мнения комитетов Московского и Петербургского против участия партии, как таковой, но с сохранением права участия за отдельными членами партии, комитет постановил разослать в местные комитеты телеграмму следующего содержания: «Относясь безусловно отрицательно к новому учреждению Государственного Совета и отказываясь от организованной партийной агитации по выборам в это учреждение, ЦК кон. дем. партии не считает, однако, возможным рекомендовать отдельным членам партии воздержание от участия в выборах, а равно от принятия звания члена Государств. Совета».

85.2. Третий делегатский съезд партии назначается на 21 апреля в С.-Петербурге. Секретариату поручено запросить все местные комитеты о вопросах, которые они желают внести на рассмотрение съезда, а также представить и доклады не позднее 5 апреля.

86.3. Доклад по вопросу о присяге членов Государст. Думы поручено изготовить кн. Павлу и Петру Долгоруковым.

87.4. Признано желательным иметь к съезду вполне разработанный проект избирательного закона, согласного с программой партии, и распределения избирательных округов и выработку их поручено [произвести] С. А. Муромцеву, А. Н. Максимову и Ф. Ф. Кокошкину.

88.5. Рассмотрев новые случаи стеснения предвыборной деятельности и заявление Совета Министров об его отношении к партийной деятельности, постановлено: 1) поручить И. В. Гессену, В. М. Гессену и В. Д. Набокову составить и опубликовать ответ на заявление Совета Министров с указанием фактов нарушении свободы выборов..., 2) поручить секретариату обратиться с циркуляром к местным группам с указанием на необходимость устраивать предвыборные собрания и указать порядок обжалования незаконных действий администрации, 3) поручить секретариату обо всех новых случаях стеснения свободы предвыборной агитации доводить до сведения Совета Министров [14].

89.6. В частности, по поводу полученного известия об аресте председателя Виленской группы партии доктора Ромма, постановлено обратиться с телеграммой в Совет Министров, к Виленскому губернатору и к Виленской Городской Думе.

90.7. По вопросу об «Еженедельнике» постановлено: 1) отводить весьма значительное место сообщениям о партийной деятельности во всех группах, не останавливаясь перепечаткой более интересных литературных произведений местных групп, а также сообщений из других периодических изданий о собраниях и т. д., 2) обратиться во все местные комитеты с телеграфным предложением сообщать о результатах выборов и обо всем ходе избирательной кампании немедленно в Цен. Комитет, 3) сообщать в каждом номере журнала справочные сведения о центральных органах партии.

91.8. По вопросу о финансах постановлено: 1) денежные отчеты о поступлениях взносов от группы пока в «Еженедельнике» не опубликовывать, а воспроизводить на гектографе и рассылать местным комитетам, 2) о более крупных пожертвованиях отдельных лиц публиковать в «Еженедельнике», 3) о движении сумм по кассе партии представлять к каждому заседанию ЦК отчет, 4) в раскладку, произведенную на 2 съезде на первое полугодие сметного 1906 года, в сумме всего 36900 руб., внести следующие изменении: а) исключить из нее Уральскую и Акмолинскую область и Уфимскую губ[ернию], всего на 500 руб., б) полугодовые взносы уменьшить по Тульской губ[ернии] с 500 р. до 300 руб. и для Тамбовской губ[ернии] с 1000 р.— до 500 руб., всего на 700 руб., в) вновь образованные группы обложить следующим образом: Бакинскую губ.— 500 р., Пензенскую и Тифлисскую губ.— по 300 руб., Могилевскую — 200 р., Ковенскую городскую, Пинскую уездную, Семипалатинскую областную и Грозненскую городскую группы — по 100 руб., а всего на 1700 руб., вследствие чего общая раскладка увеличивается на 500 р., г) согласно ходатайства Варшавской группы, признать ее обязательства по 1 февраля покрытыми за взносом ею 50 руб.

92.9. Поручить секретариату рассылать выборщикам из крестьян и корреспондентам секретариата непосредственно или через местные группы агитационную литературу и газету «Народное дело», не стесняясь суммой, из статьи сметы на агитационные поездки.

93.10. Постановлено утвердить предложенную редакцию плаката для железнодорожных станций [15].

94.11. Постановлено пополнить состав ЦК приглашением П. И. Новгородцева, приват-доц. Каминка и Н. М. Кишкина.

95.12. Установить, чтобы во всех официальных документах название партии выставлялось полностью: «Кон. дем. партия (партия Народной свободы)».

96.13. По поводу возбужденного некоторыми членами партии вопроса о выяснении физиономии партии в иностранной печати и об опубликовании в ней случаев административных стеснений, признано, что партия как таковая не должна обращаться к общественному мнению Западной Европы с целью подрывать при ее помощи престиж правительства.

97.14. Рассмотрев инструкцию министра внут. дел о порядке составления избирательных записок, комитет нашел, что в них не содержится обязательного требования подавать бюллетени на бланках, выданных управам.

98.15. Следующее очередное собрание ЦК назначено в Петербурге, причем в случае, если 19 марта в Москве будут происходить выборы, то заседание отсрочить на 1—2 дня.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 11об.—15.

№ 17. 19 марта [1906 г.].
С.-Петербург. Очередное заседание Центрального Комитета [16].

99.1. Доложены случаи непризнания действительными со стороны избирательных комиссий избирательных бюллетеней с печатными фамилиями кандидатов (Пенза, Тула, Вязники). Постановлено уведомить, что Сенат утвердил опубликованную мин. внут. дел 24 февраля инструкцию, которая прямо упоминает, что печатание фамилий допустимо; об этом сообщено в № «Русского Государства» от 13 марта. Конечно, бланки должны соответствовать во всем (формат, текст, шрифт, бумага) выработанному земской или городской управой образцу. Сверх того, признано весьма жела-

тельным добиться от Сената более определенного выяснения тех условий, которым должны соответствовать бюллетени с печатными фамилиями, и для выяснения способа получить такое разъяснение поручено войти в переговоры, с кем окажется нужным, С. А. Муромцеву и И. В. Гессену.

100.2. Просить П. Б. Струве и М. И. Фридмана сделать в Риге сообщение 22 марта.

101.3. В. Д. Набоков заявил, что он готов внести необходимую по смете, утвержденной съездом, сумму на издание «Еженедельника». Комитет выразил благодарность В. Д. Набокову за пожертвование. Некоторые вопросы, касающиеся издания «Еженедельника», постановлено обсудить при участии секретаря редакции А. Ю. Блох.

102.4. Ходатайствовать перед Министр. внут. дел о разрешении партийного съезда на 21 апреля в Петербурге поручено немедленно С. А. Муромцеву, И. И. Петрункевичу и И. В. Гессену. Распределение числа делегатов по отдельным группам предоставлено Московскому отделу ЦК. Помимо делегатов от групп решено пригласить на съезд всех членов партии, которые окажутся избранными в Госуд. Думу, причем ЦК должен пригласить их в качестве гостей, предоставление же им решающего голоса должно зависеть от самого съезда. (Вопрос решен большинством 7 против 6.)

103.5. Сообщено о ходе работ по подготовке намеченных в предыдущем заседании ЦК докладов (№№ 86 и 87 постановлений). I. По докладу о присяге в Гос. Думе признано необходимым, чтобы съезд, а также и парламентская группа партии заблаговременно до момента принесения присяги определили свое отношение к присяге и то, как они понимают ее текст. Содействовать обсуждению этого вопроса на собраниях и в печати в настоящее время признано нежелательным. II. По выработке текста избирательного закона выслушано заявление С. А. Муромцева о том, что им совместно с Ф. Ф. Кокошкиным пересмотрен и исправлен текст проекта, представлявшегося Ноябрьскому земскому съезду, разделение же по округам разрабатывается А. Н. Максимовым, у которого уже имеется свой собственный проект (по 1 члену Думы на 200000 жит[елей]) и все сделанные другими лицами работы (Водовозова, Чернышева, Михайловского, Фальборка, Лосицкого). Постановлено просить комиссию по выработке избирательного закона сообщить на места для отзыва различные проекты разделения данной губернии на избирательные округа и представить на съезд два проекта: по 1 депутату на 150 000 жителей и по 1 депутату на 200 000 жителей.

104.6. Помимо указанных в № 103 вопросов, в программу съезда включены еще следующие: III. Вопрос об отношениях между парламентской группой партии и центральными органами партии. Разработка этого вопроса поручена П. Б. Струве с тем, чтобы он представил тезисы доклада на рассмотрение следующего заседания ЦК. IV. Выработка плана действий в Государст. Думе членов партии. Разработка этого вопроса поручена М. М. Винаверу, И. И. Петрункевичу и В. М. Гессену.

105.7. По аграрному вопросу постановлено просить аграрную комиссию поторопиться с разработкой конкретного проекта реформы, по вопросу же о правах национальностей и в частности о пределах Польской автономии поручить разработку Ф. И. Родичеву как ответственному перед ЦК лицу, а сверх того Ф. Ф. Кокошкину и В. Д. Набокову. Указанным лицам предоставить, если встретится надобность, войти в личные переговоры с представителями национальностей.

106.8. Сообщено предложение Д. Д. Протопопова о посылке нескольких лиц за границу для изучения правил и обычаев представительных собраний Западной Европы. Предложение это признано нецелесообразным, а признано было желательным выработать проект наказа для Государст. Думы, а сверх того издать брошюру, которая знакомила [бы] с обиходом действующих представительных учреждений. Обе эти задачи поручены Комиссии из председателя С. А. Муромцева и членов П. Н. Милюкова и П. Б. Струве.

107.9. По вопросу о легализации партии в связи с новым законом об обществах 4 марта [17] признано необходимым: 1) принять меры против возможной приостановки действий органов партии по новому закону, 2) добиваться отсрочки подачи заявления, 3) поручить С. А. Муромцеву совместно с Петербургским отделом ЦК разработать проект устава партийной организации и принимать все меры, которые по их мнению окажутся необходимыми для обеспечения непрерывности деятельности органов партии, 4) специальное заседание по рассмотрению данного вопроса назначить на вторник 21 марта в $7^1/_2$ час. вечера в помещении Тенишевского училища и 5) с заявлением о существовании политического общества, преследующего цели партии, если такое заявление сочтено будет необходимым, обратиться к Петербургскому, а не Московскому Градоначальнику, 6) рассматривать органы партии как одно всероссийское политическое общество, а не как совокупность отдельных обществ губернских.

108.10. Местопребывания ЦК пока сохранить в Москве до времени съезда делегатов.

109.11. Начать хлопоты по устройству в Петербурге политического клуба, на что уполномочить особую комиссию под председательством В. Д. Набокова из кн. Бебутова, Е. И. Кедрина, М. В. Гессена [18] и М. П. Федорова, предоставив ей в случае надобности войти в сношение с Петербургским городским Комитетом.

110.12. Следующие два заседания Комитета назначить на 5 апреля в среду на Пасхе в Москве и 19 апреля в Петербурге.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 14об.— 18.

№ 18. 29 марта [1906 г.].
Москва. Чрезвычайное заседание Центрального Комитета.

111.1. С. А. Муромцев сообщил о ходе переговоров по вопросу о легализации и о посещении им для исходатайствования отсрочки, совместно с В. Д. Набоковым, мин[истра] внут[ренних] дел 22 марта. Доложена телеграмма И. В. Гессена о том, что мин[истр] внут[ренних] дел категорически отсрочил вопрос о легализации до третьего съезда партии 21 апреля. Поручено запросить петербургских членов, имеется ли письменное разрешение мин[истра] внут[ренних] дел и вместе с тем сообщить во все местные группы о продлении срока для заявления о партийной организации и предупредить группы, что все хлопоты по легализации органов партии, как всероссийского союза с отделениями, принимает на себя ЦК. Поэтому легализация отдельных местных комитетов излишня.

112.2. По предложению некоторых членов партии обсуждался вопрос, насколько закономерен и допустим предстоящий внешний заем до созвания Госуд. Думы, и не следует ли партии противодействовать его заключению [19]. ЦК, относясь вполне отрицательно к означенному займу и находя его крайне вредным для интересов страны, признал, однако, невозможным (единогласно) делать какие-либо шаги от имени партии для того, чтобы воспрепятствовать займу.

113.3. Продолжительное обсуждение вызвал вопрос о подготовке материалов по разработке аграрного законопроекта. М. Я. Герценштейн сообщил о деятельности аграрной комиссии [20]. Из обмена мнений выяснилось, что аграрный вопрос выдвинут по обстоятельствам времени на первый план и что от постановки аграрного вопроса в Государст. Думе будет зависеть дальнейшая судьба народного представительства. Необходимо возможно скорее определить основные тезисы аграрной реформы и разработать общие положения аграрного законопроекта для внесения его через членов партии на обсуждение Государст. Думы. Поэтому подготовка материалов, необходимых для разработки аграрного законопроекта, должна составить самое важное и неотложное дело как образованной при ЦК особой аграрной комиссии, так и местных партийных организаций. На местах необходимы не только возможно быстрое собирание необходимых для аграрной комиссии сведений и материалов, но и организация совещаний по земельному вопросу с группами местного населения, особенно с крестьянами. ЦК нашел необходимым по телеграфу обратиться во все местные комитеты с просьбой сообщить в аграрную комиссию все нужные материалы к 10 апреля, ранее третьего съезда партии [21] в Петербурге организовать в Москве совещание по аграрному вопросу [22] при участии делегатов от местных групп и комитетов, для ускорения получения аграрной комиссией нужных для нее сведений командировать на места особых лиц, которые бы организовали при местных комитетах особые аграрные комиссии.

114.4. Оживленный обмен мнений вызвал вопрос о характере дальнейшей партийной работы местных групп и комитетов в последующий послевыборный период. Нет никакого сомнения, что деятельность партийных организаций отнюдь не должна

ослабевать, а наоборот все более и более развиваться и захватывать наиболее широкие слои населения. Партия должна готовиться повсеместно к предстоящим в недалеком будущем новым выборам, в которых более активно будут участвовать все слои населения, крестьянство и трудящаяся масса. Особенное внимание поэтому в партийной работе должно быть обращено на эти классы населения и на те местности, где деятельность партии не была достаточно развита. Было высказано, что попрежнему крайне желательно в интересах партийной организации устройство публичных собраний, лекций, митингов, но что необходима также работа и в небольших кружках и группах. В этих целях необходима организационная работа по образованию профессиональных групп и союзов, образовательных обществ и т. д. Признано необходимым по указанному вопросу внести доклад на предстоящий съезд; разработка тезисов к докладу поручена Н. В. Тесленко, А. А. Кизеветтеру, Н. М. Кишкину и П. И. Новгородцеву.

115.5. ЦК обсуждал вопрос о стеснениях и репрессиях, коим подвергаются члены партии. В. Е. Якушкин сообщил, что г. Ширков, избранный членом Государст. Думы в Курском губернском избирательном собрании, находится под арестом и что таким образом в лице г. Ширкова нарушается неприкосновенность депутата. ЦК нашел необходимым немедленно сообщить Председателю Совета Министров об освобождении г. Ширкова, а также обратиться через местные комитеты ко всем избранным членам Государст. Думы, чтобы они в свою очередь потребовали освобождения г. Ширкова.

116.6. Было сообщено, что в Полтавской губернии арестован член партии Чижевский после его избрания уполномоченным от мелких землевладельцев. Арест Чижевского, по сообщению местного комитета, видимо, вызван только его избранием. В г. Сергаче арестован член партии Шурупов. В г. Малмыже администрация не считается с новым законом о собраниях, разгоняет из частных квартир собрания комитета и избирателей, в Нижнем Новгороде губернатор не разрешает партийных собраний, ссылаясь на нелегализированность партии. ЦК постановил сообщить об указанных репрессиях Председателю Совета Министров.

117.7. Было сообщено, что изготовленный плакат с объявлением о партии жандармской полицией не разрешено вывесить на железнодорожных станциях.

118.8. Московская цензура подвергла запрету брошюры Ф. Ф. Кокошкина «О правах национальностей» и «Кон. дем. партия перед судом партии Союза 17 октября», Г. Ф. Шершеневича «О народных представителях». Цензурные стеснения останавливают партийное издательство. ЦК постановил о стеснениях цензуры сообщить Председателю Совета Министров [23], мин[истру] внут[ренних] дел и начальнику Главного управления по делам печати, а также протестовать против стеснений в общей прессе.

119.9. Заседание ЦК переносится на 8 апреля в Петербург, а 5 апреля постановлено устроить лишь частное совещание из членов комитета Московского состава.

120.10. Состав третьего съезда партии определен в количестве 254 членов. Установлено число делегатов от каждой группы и комитета, причем секретариату предоставлено установить самостоятельно число делегатов для вновь образующихся групп.

121.11. По ходатайству Рижского комитета ему выдана ссуда в размере 500 руб.

122.12. Постановлено сообщить по телеграфу во все местные группы сведения о результатах выборов в Государств. Думу.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 17об.—21.

№ 19. 31 марта [1906 г.].

Москва. Чрезвычайное заседание Центрального Комитета.

123.1. Обсуждался вопрос о дне третьего партийного съезда в Петербурге в связи с вопросом о продлении срока заявления устава партии по закону 4 марта. Доложено сообщение директора департамента общих дел от 28 марта на имя С. А. Муромцева и телеграмма В. Д. Набокова о том, что министр внут[ренних] дел признал возможным продлить срок для заявления устава партии до шести недель со дня обнародования Указа от 4 марта и что при разрешении устройства партийного съезда министром поставлено условие, чтобы срок съезда был сообразован с указанным предельным сроком для заявления устава. Доложена также телеграмма И. В. Гессена, что Петербургский состав членов ЦК (единогласно) нашел необходимым оставить для созыва съезда ранее назначенный день 21 апреля, о чем и снестись с министерством, заявление же устава сделать ранее созыва съезда по уполномочию Центрального Комитета. Центральный Комитет, находя, что вопрос о легализации партии может быть предметом ведения одного Комитета, без рассмотрения его на партийном съезде, постановил заявление устава партии сделать по уполномочию одного ЦК до истечения срока продления, время для созыва третьего партийного съезда оставить ранее назначенное, т. е. 21 апреля.

124.2. По обсуждении вопроса о времени заседания ЦК решено остаться при прежнем постановлении, принятом в заседании 29 марта (постановление № 119).

125.3. Обсуждался вопрос о сотрудничестве членов ЦК в газете «Путь». Д. И. Шаховской сообщил желание одного из членов редакции газеты «Путь» Н. М. Жданова, чтобы члены ЦК сотрудничали в газете, что обеспечит газете выдержанное партийное направление. Признано крайне желательным, чтобы в Москве был если не официозный, то вполне приближающийся к партийной программе орган печати, подобный Петербургскому органу «Речь». Из всех Московских органов печати наибольшую услугу в период избирательной кампании оказала газета «Путь», которая поэтому скорее других может стать партийным органом, что может быть достигнуто посредством вступления в состав редакции лиц из состава ЦК. Для более обстоятельного выяснения вопроса поручено П. И. Новгородцеву и Н. М. Кишкину войти в сношение с редакцией газеты «Путь». Наиболее подходящим лицом для участия в редакции газеты указан А. А. Кизеветтер.

126.4. Доложено заявление от членов партии и выборщиков Иванова и Спанцова о необходимости предложить всем губернским комитетам сделать собрания выборщиков, на которых требовать немедленной амнистии всем политическим и уничтожения смертной казни. ЦК, находя, что такого рода требования, заявляемые на собраниях выборщиков, могут создать почву для аналогичных требований от имени партии через своих членов в Государст. Думе, признал необходимым обратиться к местным комитетам с указанным предложением. С. А. Муромцеву поручено выработать редакцию текста телеграфного обращения к комитетам.

127.5. Признавая, что рассылка телеграмм в комитеты о результатах выборов является уже запоздалой и только затруднит текущую работу, ЦК нашел возможным не приводить в исполнение постановление № 122, принятое в заседании 29 марта.

128.6. Доложено «открытое письмо», напечатанное в газете «Русский Дневник» № 13 от так называемой «Крестьянской партии». Постановлено, не отвечая прямо на это письмо, поместить в «Рус[ских] Ведомостях» и «Пути» сообщение секретариата, что никаких изменений в программе и тактике по вопросу об автономии Польши не произошло и не предполагается [24].

129.7. В виду заявления представителя Вологодской группы о бедственном положении массы ссыльных, пересылаемых через Вологду, и о том, что все местные источники помощи им исчерпаны, постановлено отпустить в распоряжение Вологодской группы для оказания помощи ссыльным до 300 руб.

130.8. В виду отъезда П. Д. Долгорукова и необходимости немедленно приступить к работам по церковному вопросу, постановлено просить принять на себя руководство и инициативу по организации Комиссии П. И. Новгородцева, пригласив в состав комиссии помимо избранных уже членов В. О. Ключевского, и о плане ближайших занятий доложить в заседании Комитета 5 апреля.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 20об.—23.

№ 20, 5 апреля [1906 г.].

Москва. Чрезвычайное заседание Центрального Комитета.

131.1. Обсуждался вопрос об оказании содействия членам Думы из крестьян по части ориентирования их в новом их положении и о способах привлечения их в партию. Предложено было устроить ряд лекций для них между 10 и 14 апреля, но это предположение признано было неудобным, а решено было вообще позаботиться об устройстве лекций для малоподготовленных членов Думы во все продолжение сессии

Госуд. Думы. Вместе с тем поручено секретарнату выяснить по возможности к 8 апреля физиономию крестьянских депутатов в губерниях 1-ой очереди. По вопросу о доставлении депутатам из крестьян возможных технических и хозяйственных удобств решено: а) уплату прогонов или ассигнование особых авансов Комитету брать на себя в виде общего правила не следует, б) Организовать в Петербурге особое бюро для подыскания удобных и дешевых квартир, для чего пригласить также особого человека, рекомендованного А. С. Медведевым, который и взял на себя приглашение этого человека, в) Признать необходимым скорейшее устройство партийного клуба в Петербурге на самых демократических основаниях и непременно с самой демократической обстановкой.

132.2. По предложению П. Д. Долгорукова признано желательным обеспечить особое помещение в Таврическом дворце для совещаний депутатов, принадлежащих к К. Д. партии.

133.3. Обсуждая, в виду поступивших в комитет заявлений, состав 3 партийного съезда, комитет признал в отмену прежнего своего решения, основанного лишь на букве устава, что съезд должен состоять как из делегатов, избранных комитетами согласно утвержденной уже разверстке, так и из всех членов Думы, принадлежащих к К. Д. партии. Членов Думы, не принадлежащих к партии, хотя бы и сочувствующих ей [25], в состав съезда не приглашать, а допуска[ть] их на съезд лишь в качестве гостей без права голоса.

134.4. По поводу газетных известий о представлениях, сделанных членами Парижской К. Д. группы французскому правительству по вопросу о займе, поручено секретариату напечатать в газетах опровержение в редакции, доложенной комитету Д. И. Шаховским, и текст этого опровержения сообщить по телефону в петербургские газеты, а в редакцию «Речи» передать его по телеграфу.

135.5. В виду телеграмм членов партии Янчевского и Ледницкого с просьбой поддержать в Вильне кандидатуру прис. пов. Врублевского, члена партии Народной свободы, поручено секретариату передать эту просьбу по телеграфу М. М. Винаверу.

136.6. Выслушав доклад С. И. Шаховского о положении дел в Красном Кресте (обществе для оказания пособий политическим ссыльным и высылаемым), Комитет постановил: уполномочить сверх С. И. Шаховского и А. Н. Максимова участвовать в междупартийном комитете Красного Креста в качестве запасных членов Л. В. Лепешкину и М. В. Сабашникова; на предстоящем партийном съезде предложить делегатам разных губерний передать губернским и другим местным комитетам о необходимости снабжать лиц, высылаемых с мест в Московскую пересыльную тюрьму, по возможности всем необходимым и о желательности доставлять в Центральный Комитет пожертвования на ту же цель.

137.7. Постановлено пригласить в число членов церковной комиссии князя Е. Н. Трубецкого.

138.8. В аграрное совещание, имеющее быть в Москве 17 и 18 апреля, предложить каждому губернскому комитету прислать одного или нескольких представителей, знакомых с положением аграрного вопроса и сельского хозяйства на местах, причем разъяснить, что на это совещание могут быть приглашаемы и другие сведущие лица, не принадлежащие к составу партии, но принимающие ее аграрную программу в общих чертах. Совещание это будет происходить в доме князей Павла и Петра Дм. Долгоруковых.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 22об.—25.

№ 21. 8/9 апреля [1906 г.].
Петербург. Очередное заседание Центрального Комитета.

139.1. Постановлено приглашать присутствовать на всех заседаниях Центрального Комитета секретаря «Еженедельника» К. Д. партии А. Ю. Блоха.

140.2. Постановлено все выборы на какие бы то ни было должности в Центральном Комитете производить закрытою баллотировкою.

141.3. Обсуждался вопрос о кандидатурах в члены Государственной Думы от г. Москвы кн. Павла Дм. Долгорукова и М. Я. Герценштейна. Признано было необходимым при оценке этих кандидатур принять во внимание те нападения, которым подвергался в последнее время в высших правительственных сферах кн. П. Д. Долгоруков по поводу слухов о сделанных им будто бы в Париже шагах против стараний правительства заключить невыгодный для России внешний заем накануне созыва Государственной Думы. В глазах большинства членов Центрального Комитета эти нападки и инсинуации служат лишним аргументом в пользу избрания кн. Павла Дм. Долгорукова несмотря на переданный от его имени отказ от кандидатуры в пользу М. Я. Герценштейна. После продолжительного и оживленного обмена мнений Центральным Комитетом постановлено: не вмешиваясь непосредственно в решение этого вопроса, входящего по уставу в компетенцию Московского Городского Комитета К. Д. партии, довести до сведения означенного комитета о тех слухах и фактах, которые сделались известными Центральному Комитету, а равно и о тех соображениях, которые высказаны были по этому поводу в заседании Центрального Комитета. Сообщить это Московскому Комитету взяли на себя Н. В. Тесленко и А. А. Кизеветтер.

142.4. Заслушан был словесный доклад М. М. Винавера на тему о том, какова должна быть деятельность членов К. Д. партии в Думе и какие из намеченных в докладе вопросов должны быть обсуждены на съезде партии, назначенном на 21 апреля. Затем к этому докладу сделаны были дополнительные разъяснения И. И. Петрункевичем и В. М. Гессеном, участвовавшими в предварительной разработке этого вопроса вместе с М. М. Винавером. После продолжительного обсуждения этого доклада Комитетом по большинству голосов было признано, что независимо от адреса в виде ответа на тронную речь, если таковая будет, или декларации, в которой должны быть отчетливо указаны те важнейшие неотложные вопросы, которыми Дума признает себя обязанною заняться прежде всего, необходимо предложить на обсуждение Думы от имени наших представителей ряд законопроектов, из числа которых разработаны уже в настоящее время: избирательный закон (на основах всеобщего избир[ательного] права, равного, прямого и тайного без различия пола, вероисповедания и национальности), законы о свободах, и будет разработан на аграрном совещании 17 и 18 апреля в Москве законопроект по аграрному вопросу. К числу вопросов, по которым могут и должны быть изготовлены от имени К. Д. партии особые законопроекты, комитет отнес: вопрос о преобразовании выборов в земские и городские учреждения (для чего избрана комиссия в составе И. И. Петрункевича, Ф. И. Родичева, Ф. Ф. Кокошкина, В. М. Гессена и Н. Н. Черненкова); вопрос об отмене сословных привилегий и об упразднении земских начальников (разработка законопроекта возложена на ту же комиссию с присоединением к ней А. А. Корнилова); вопрос об отмене смертной казни и об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям; вопрос об отмене исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране (в связи с законом о свободах); вопрос о некоторых неотложных изменениях в уголовном законодательстве о восстановлении в полной силе суда присяжных и отмене некоторых уголовных новелл; вопрос об основных правах граждан (покрывающий между прочим еврейский вопрос). Для разрешения вопросов четырех последних категорий выбрана комиссия в составе: С. А. Муромцева, В. Д. Набокова, М. М. Винавера, И. В. и В. М. Гессенов и А. И. Каминки. Ей же поручено окончательное редактирование законопроекта о свободах. Большие прения вызвал вопрос об амнистии в связи с вопросом о предании суду должностных лиц, виновных в различных злоупотреблениях властью. Оба эти вопроса переданы на заключение в особую комиссию в составе: В. Д. Набокова, И. В. Гессена, Л. И. Петражицкого.

Вопрос о национальном самоопределении и прочих правах национальностей признано было удобным обсудить по прибытии окраинных представителей с их участием.

В виду внесенного П. Б. Струве предложения об изменении нашей программы по рабочему вопросу признано неудобным обсуждать этот вопрос на предстоящем 3 съезде, так как съезд этот имеет специальное назначение, причем в распоряжении его будет весьма мало времени для рассмотрения неотложных вопросов, связанных с открытием Госуд. Думы. Вместе с тем признано желательным образование особой парламентской комиссии для исследования положения рабочих, вопроса о сокращении рабочего дня и т. п. Поставлены были вопросы: 1) о том, не следует ли определить,

при каких обстоятельствах и в какое время Дума должна будет признать свои полномочия исчерпанными и разойтись с требованием новых выборов на основе всеобщего избирательного права, и 2) что делать членам Думы в случае преждевременного роспуска Думы свыше. Обсуждение обоих этих вопросов признано преждевременным.

По вопросу о запросах правительству в первую же сессию Думы признано необходимым для разработки этих запросов избрать особую комиссию в составе: И. И. Петрункевича (председатель), Ф. И. Родичева, П. Н. Милюкова и И. В. Гессена.

По вопросу о том, какие из вышеизложенных вопросов следует обсудить на съезде, признано, что на съезде должны быть обсуждены только общие черты нашей тактики в Думе, не входя в частности. Доклад съезду по вопросам тактики поручено составить особой комиссии в составе: М. М. Винавера, П. Н. Милюкова, И. В. Гессена и Л. И. Петражицкого.

143.5. Заслушан был и одобрен для представления съезду с небольшими изменениями законопроект об избирательном законе, составленный С. А. Муромцевым и Ф. Ф. Кокошкиным.

144.6. Заслушан и обсужден доклад П. Б. Струве по вопросу о взаимных отношениях парламентской группы К. Д. партии и центральных органов партии. После оживленного обмена взглядов доклад этот поручено П. Б. Струве переработать в соответствии со сделанными на него замечаниями к следующему заседанию Центрального Комитета (19 апреля).

145.7. По вопросу об организации съезда постановлено опубликовать в газетах, что съезд состоится 21 апреля, что кроме делегатов, выбранных местными группами, к участию в нем с пр[ав]ом решающего голоса приглашаются все члены Думы, принадлежащие к составу К. Д. партии, и что лица, не успевшие формально записаться в партию, могут для записи их обратиться или в местные комитеты или в центральный комитет партии (в силу §[3] устава) [26]. Для технических и хозяйственных действий по организации съезда избрана комиссия в составе: Н. Н. Черненкова, А. С. Ломшакова, И. В. Гессена и А. И. Каминки.

146.8. А. И. Каминка доложил Комитету проект устава, составленный для предъявления министру внутренних дел согласно правилам 4 марта 1906 г. в целях легализации партийных организаций. После незначительных изменений проект одобрен был комитетом, который постановил о ходе легализации партии доложить съезду.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33в, лл. 24 об.—29.

№ 22. 19/IV 06.[27]

1). О [...] [28] (съезда и членов Думы).

2). Земская реформа

а) проведение всеобщ[его] избир[ательного] права теперь же со включением женщин; б) участие в выборах принимают лица, платящие в течение года налог в пользу земств или проживающие в течение года в данном месте; в) Примерно на 2000 жит[елей] одного гласного; г) Об участии городов в земских выборах; д) Об отмене нек[ото]рых статей о надзоре администрации и замене их прежними; е) о порядке разрешения экстрен[ных] собраний явочным порядком.

3). Об уничтожении земских начальников [29]. Составить особый проект о земск[их] нач[альни]ках с учрежд[ением] миров[ых] судей с оставл[ением] вол[остных] судов и апелляцией и с передачей части quasi администр[ативных] обязанностей мировым судьям, а хозяйств[енных] функций по принадлежности вол[остным] правлениям и земским учреждениям.

4) проект о собраниях одобрен с незначит[ельными] изменениями.

5). Проект закона об обществах одобрен с незначит[ельными] изменениями.

6). Об амнистии и смертной казни [30]. Эти два проекта разделить. Закон об отмене смертной казни дополнить указанием, чем она заменяется. Доклад об амнистии принять [31].

7). Доклад Корнилова провален и вместо него решено представить съезду тезисы.

8). Доклад Милюкова после горячих прений принят с изменениями, к[ото]рые П. Н. согласился внести.

9). Доклад Родичева о распространении мирских и волостных сборов на лиц всех сословий.

10). Доклады о законопроектах съезду не докладывать.

11). Доклад Струве принять в окончат[ельной] форме со сдел[анными] изменениями.

12). Вопрос об амнистии.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 41—43об.

№ 23. 22/IV. 906.

1). Вопрос о рассадке членов Думы в парламенте. Поручено озаботиться Г. Ф. Шершеневичу.

2). Заявление чл[ена] съезда Н. А. Дубровского о дополнении программы в смысле охраны труда торгово-пром[ышленных] служащих.

3). Вопрос о Центр. К[омите]те. О дополнении его представителями национ[альных] групп или территориальных. Отло[жено].

4). Предс[едатель] М. М. Винавер.

22/IV вечером.

1). Против пропорции местных представителей в чл[ены] Ц. К[омите]та. 2). Против выбора чл[енов] К[омите]та мест[ными] группами. 3). Предлагают ввести рекомендацию членов мест. группами. Отвергнуто. 4). Предложить съезду, в виду сделанных заявлений, переизбрать к[омите]т. 5). Если съезд это отвергнет, то предложить дополнить состав избранием 10 лиц вновь.

Черниг[овская] губ[ерния] присутствуют: чл[ены] Думы А. А. Муханов, А. А. Свечин, Н. Н. Миклаш[евский], П. И. Куриленко (крест[ьянин]), Я. А. Гужовский (крест[ьянин]).

Члены Государственной Думы от Симбирской губернии. Кн. Сергей Михайлович Баратаев, Николай Иванович Метальников, Василий Никитич Микишин, Иван Николаевич Пустошкин.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 44—46.

№ 24. 26/IV 1906 г.
Цент. К[омите]т.

1). Вопрос об образовании парлам[ентского] к[омите]та партии. К[омите]т парл[аментской] группы не должен совпадать с президиумом парламента. К[омите]т парл[аментской] группы из 15 ч[елове]к пока выбирают на 2 нед[ели]. Намечен в председатели к[омите]та И. И. Петрункевич, намечены в к[омите]т: Родичев, Шраг, Кокошкин, Медведев, Долженков, Френкель, Винавер, Муханов, Якушкин, кн. Львов, Комиссаров, Якушкин.

2). Вопрос об амнистии. Необходимо упомянуть в адресе и наряду с этим особое предложение монарху.

3). Головин, Изгоев, Акчурин, Гредескул, Васильев, Тыркова, Де Роберти, Чубинский, Щепкин, Ледницкий. Записок — 129. Признаны все 10 избранными [32].

26/IV 906.
ЦК. 2-ое засед[ание].

1). Обсуждение характера вечернего заседания с кр[естья]нами. Спикерами намечены по тактич[еским] вопросам П. Н. Милюков, по аграрн[ому] вопросу В. Е. Якушкин, по рабоч[ему] вопросу А. С. Ломшаков.

2). Якушкина считать по-прежнему членом ЦК-та.

Ив. И. Петрункевич — 68, Родичев — 64, Винавер — 63, Кокошкин — 56, Якушкин — 54, Муханов — 53, Медведев — 49, Шраг — 43, вышел, Долженков — 39, Френкель — 35 Захарий Григ.; кн. Львов — 21, Гредескул — 19, Щепкин — 16, Комиссаров — 12.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 53—54.

№ 25. *Центр. К-т. 30/IV 906. 11 утра.*

1). Издание постановлений 3 съезда.

2). Подготовление законопроектов для Думы.

3). Организация секретариата и распределение обязанностей между секрет[арями] ЦК и секретариатом фракции, а также между петербургскими секретарями и московским.

4). Устройство Московского отд. ЦК-та и определение его роли и компетенции.

5). Финансы ЦК-та. Выбор казначея.

6). Прием членов ЦК-том (особенно из состава Думы).

7). Назначение пленарного заседания.

8). Телеграммы: *Собещанского* из Ирк[утска], *Брюханова* из Тамб[ова], *Каура* из Киш[инева], *Сычева* из Бийска, из *Баку*, из *Томска*, о *Линтвареве* из Харькова.

9). Резолюция *Ромма* по моему передать фракции [33].

10). Вопрос о том, не следует ли поставить вопрос об амнистии, поставить раньше адреса и отдельно от него [33].

30/IV 906 [*Вечером*].

1). О репрессиях при выборах [—] передать фракция.

2). О Линтвареве и репрессиях вообще. М[иинст]ру юстиции и в...[34].

3). Баку — дело газет. Образовано бюро. Обращаться к Тырковой. Поручить секретариату организовать это дело.

4). Издание постановлений 3 съезда поручается секретариату + Авг. Ис. Каминка.

5). На 6 мая в 1 час дня пленарное заседание.

7) [33] О законопроектах. Образовать к[омис]сию о законопроектах в парламентской фракции, сделав ей доклад о положении этого дела в ЦК-те. Государственная типография к услугам для печатания законопроектов (?). На первый раз комиссию эту выбрать из 10 человек.

В виду отказа М. В. Сабашникова 8) казначеем выбран А. И. Каминка.

9). Вопрос о 2-ом редакторе Вест[ника] Народ. Своб. Избран А. И. Каминка [35].

10). Секретарем Моск. отд. ЦК пригласить Иорданского с жалованьем в 125 руб.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 57—60.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду 2-й съезд кадетской партии (см. Pearson R. (ed.) Второй Всероссийский Съезд конституционно-демократической партии. 5—11 января 1906 г. N. Y. 1986).

[2] Речь идет о подготовке к годовщине Кровавого воскресенья, которую предполагалось отметить забастовкой.

[3] Программа кадетской партии была переведена более чем на 10 языков, включая немецкий, еврейский, армянский, бурятский и монгольский.

[4] Во исполнение этого постановления ЦК 27 января в местные комитеты был направлен циркуляр с предложением высказаться по вопросу о проведении в депутаты представителей рабочей курии. Три губернских комитета кадетов (в Москве, Владимире и Костроме) согласились уступить по одному месту рабочим.

[5] Ст. 12 программы: «Русский язык должен быть языком центральных учреждений, армии и флота. Употребление наряду с общегосударственным местных языков в государственных и общественных установлениях и учебных заведениях, содержимых на средства государства или органов самоуправления, регулируется общими и местными законами, а в пределах их — самими установлениями. Населению каждой местности должно быть обеспечено получение начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке».

Ст. 51: «Уничтожение всех стеснений к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией».

Ст. 55: «Введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе. Передача начального образования в заведывание органов местного самоуправления. Организация органами самоуправления материальной помощи нуждающимся учащимся».

[6] Газета «Речь».

[7] Проект сохранился в фонде П. Н. Милюкова (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 644).

[8] Имеется в виду нежелание Дятьковского отдела партии согласовывать свою агитационную, в том числе и предвыборную деятельность с уездной (Брянской) и губернской (Орловской) партийными организациями, о чем еще в декабре 1905 г. в ЦК писал товарищ председателя бюро Брянского отдела С. С. Лебедев. Этот конфликт, вероятно, был улажен, поскольку член Дятьковской организации кадетов присяжный поверенный Ф. К. Бреденфельд был выдвинут Брянским комитетом в качестве одного из кандидатов в выборщики в I Думу (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 303, лл. 9—9 об., 35).

[9] Заседание пленарное с участием представителей губернских организаций. См.: Отчет ЦК к.-д. партии, с. 10.

[10] «Пятачковый взнос» — ежемесячный сбор в центральную партийную кассу с каждого члена партии — был установлен на I партийном съезде. Поскольку, по признанию ЦК, эти взносы «почти никем не платились», на II съезде местные партийные организации были обложены платежами в ЦК. Однако и это решение выполнялось плохо, и главным источником пополнения общепартийной кассы были частные пожертвования. Окончательно «пятачковый взнос» был отменен на II съезде партии.

[11] Статьи в газете «Русское государство», автор которых объяснял объявленный накануне запрет предвыборных собраний кадетов тем, что они были «омрачены безнаказанной политической разнузданностью» — выступлениями представителей революционных партий (см. Русское государство, 16.II.1906).

[12] Пункт 83.14. записан рукой Д. И. Шаховского.

[13] Отзывы с мест по вопросу об участии в выборах членов Государственного совета (ЦГАОР СССР, ф. 579, оп. 1, д. 683).

[14] Копии обращений кадетского ЦК в Совет министров по поводу репрессий местной администрации в отношении партийных организаций см.: там же, д. 602.

[15] См. постановление № 54.11.

[16] Машинописная копия постановлений, принятых на этом заседании, находится: ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 39—40 об.

[17] Имеются в виду «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. «Временными» эти правила были названы потому, что были введены в действие «впредь до издания, в соответствии с манифестом 17-го октября 1905 года, общего закона о союзах и обществах» (Правительственный вестник, 8.III.1906).

[18] Так в тексте.

[19] Подробнее см.: Каминка А. И. Заем и Партия Народной свободы.— Вестник партии Народной свободы, 1906, № 6, стб. 361—366.

[20] Отчет о деятельности аграрной комиссии см. там же, стб. 372—375.

[21] III съезд кадетской партии проходил 21—25 апреля 1906 года.

[22] Это совещание состоялось в Москве 17—19 апреля 1906 г. с участием членов аграрной комиссии, представителей местных партийных организаций и приглашенных специалистов по аграрному вопросу. Представленный аграрной комиссией проект основных положений земельной реформы на совещании был принят лишь в общих чертах и передан в ЦК для доклада на III партийном съезде.

[23] На полях рукой А. А. Корнилова приписка: «Исполнено».

[24] На полях приписка: «Исполнено 4/IV».

[25] На полях приписка: «И членов Госуд. Совета».

[26] В подлиннике цифра пропущена. Порядок приема в члены партии определялся § 3 устава.

[27] Продолжение протоколов заседаний ЦК кадетской партии. Заседание пленарное.

[28] Слово не разобрано.

[29] Сообщение было сделано Ф. И. Родичевым.

[30] Законопроект был составлен В. Д. Набоковым.

[31] В этом же деле на лл. 42—42об. находится не имеющий заглавия машинописный текст за подписью М. М. Винавера по вопросу об амнистии. Вероятно, это текст его доклада, сделанного на заседании ЦК 19 апреля 1906 г.: «В основе проекта об амнистии лежит мысль, что от наказания должны быть освобождены те, кто стремился к цели, признаваемой нами ныне справедливой. Сюда подходят как деяния, направленные к изменению политического, так и деяния, направленные к изменению экономического строя. Ничего общего не имеют с оправдываемыми, с нашей точки зрения, целями избиения и грабежи, производимые из побуждений религиозной и национальной вражды.

Оставление этой последней категории деяний без амнистии не явится вовсе «выделением» какой-либо части из целого, а обособлением совершенно разнородных — с точки зрения основного принципа нынешней амнистии — деяний. И обратно: распространение амнистии на лиц, учинивших погромы, явилось бы ничем не оправдываемым помилованием грабителей и насильников и — что главное — освобождением от кары их подстрекателей. А поскольку погромы являлись одним из средств борьбы правительства с освободительным движением, такая амнистия покрывала бы собою, вопреки принятому решению, противозаконные действия правительственных агентов.

С внешней стороны всякое предположение о «выделении» может быть устранено, если аграрные преступления будут особо и определенно поименованы в ст. 5 законопроекта рядом с преступлениями, совершенными по политическим побуждениям, а из 1 статьи будет вовсе исключено указание на 269 ст. Уложения.

Если бы еврейская масса действительно получила ныне равноправие, у нее, несомненно, хватило бы душевного подъема для того, чтобы забыть и простить все обиды прошлого. Но этого равноправия она еще не получает — вопрос о нем зависит еще и от отношения крестьян и от того, будет ли настроение Думы достаточно приподнято,— а между тем первым актом Думы явится освобождение от ответственности тех организованных правительством в 120 городах черты оседлости черносотенных отрядов, которые били и грабили евреев, в сущности даже не из религиозной и национальной вражды, а в отместку за участие евреев в революционном движении. Легко понять, какое впечатление этот первый шаг Государственной думы должен произвести на еврейское население. То же чувство, которое заставляет нас воздержаться от амнистии в пользу виновников расстрелов и казней, должно бы заставить воздержаться и от амнистии в пользу виновников погромов, причем безразлично, конечно, были ли эти погромы еврейские, погром школьников или погром интеллигенции. М. Винавер».

[32] На л. 63 настоящего дела рукой и за подписью Павла Долгорукова записка: «Головин — 106, Изгоев — 103, Акчурин — 90, Гредескул — 80, Васильев — 64, Тыркова — 62, Де Роберти — 60, Чубинский — 57, Щепкин — 54, Ледницкий — 53. 10 лиц, выбран[ных] 25/IV 06 г. в члены Центр. Комит. Кн. Пав. Долгорук[ов]».

[33] Так в тексте.

[34] Текст обрывается.

[35] Слева на полях приписка: «Сообщить за исключением п. 7 в Еженедельник» (то есть Вестник партии Народной свободы).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ И ЕГО ДНЕВНИК

Публикуемый фрагмент Дневника великого князя Константина Николаевича (1827—1892) за время подготовки реформы 1861 года — только часть обширного рукописного наследия брата Александра II и ближайшего его сотрудника на государственном поприще. Дневник охватывает время с 1836 г. (когда автору было 9 лет) до 1889 г., то есть почти до смерти; отсутствуют записи за отдельные годы[1]. Хранится он в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР, в фонде Мраморного дворца (ф. 722); за исключением отдельных отрывков, никогда не публиковался и потому был доступен и известен только узкому кругу специалистов. Между тем Дневник представляет ценность как источник по истории русской культуры и государственности.

Второй сын Николая I, на девять с половиной лет моложе первого, наследника, Константин был неординарной личностью. Предназначенный почти от рождения для морской службы (в 3 года получил почетное звание генерал-адмирала), великий князь был произведен семи лет в мичманы, шестнадцати — в капитаны и назначен командующим бригом, двадцати лет — в контр-адмиралы, 9 сентября 1853 г., в день рождения, двадцати шести лет стал адмиралом. В 1850 г. занял первый самостоятельный административный пост: Николай I назначил его председателем Временного комитета по морской артиллерии и председателем Комитета по пересмотру морских уставов[2]. Это стремительное производство в чины и должности было обычным явлением для представителя императорской фамилии. Необычным в данном случае был сам человек, разносторонне одаренный и уже в молодые годы имевший свои убеждения и прослывший реформатором.

Участник подавления революции в Венгрии в 1849 г., награжденный за это, он вернулся оттуда, как и многие молодые офицеры, разочарованным в парадности режима, политике своего отца. События 1848—1849 гг. оказались переломным временем, когда то, что раньше принималось без вопросов, стало предметом критических размышлений. Он убедился в необходимости для России реформ. Начав свою правительственную деятельность с морских уставов в 1850—1853 гг., великий князь Константин Николаевич при участии А. В. Головнина, который стал фактически его секретарем, наметил и применил собственный подход уже к этой реформе. Подготовка морских уставов была сознательно выведена за стены ведомственных кабинетов, их проекты широко обсуждались «внутри всего морского сословия», ведомственная секретность была вытеснена гласностью по инициативе «сверху». Только за пять месяцев 1851 г. великий князь получил 2 тыс. заметок от офицеров Балтийского и Черноморского флота, а всего за три года — «многие тысячи замечаний». Как отмечает Головнин в своих Записках,

[1] Нет записей за время с апреля 1852 по 7 октября 1858 г., за 1862 год. Их не могут заменить сохранившиеся отрывочные, фрагментарные записи в памятных книжках за 1857, 1858 годы.

[2] Формулярный список великого князя Константина Николаевича (Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1162, оп. 6, д. 469).

общественное мнение флота было ведущим в этом деле для Морского министерства. И с опубликованием морских уставов стало ясно, что они лишь выразили и закрепили это общественное мнение. К этому способу великий князь прибег, пишет Головнин, так как хотел дать морской устав, «соответствующий настоящим потребностям и сообразный состоянию науки мореплавания». Принципиальные правила, которых придерживался Константин Николаевич при пересмотре морских уставов, включали использование, с одной стороны, опыта прошлого, особенно Петра I, а также неузаконенных народных традиций, и с другой — опыта Европы (русским посланникам за границей было предложено постоянно сообщать сведения об иностранных флотах и присылать издаваемые постановления по морской части); ясность мысли и хороший русский язык объявлялись условием нового законодательного творчества [3]. «Пересмотр морских уставов означал рождение Константина Николаевича как реформатора» [4]. Эта концепция реализовывалась во время Крымской войны и после ее окончания, когда великий князь Константин Николаевич, возглавив морское ведомство, проводил реорганизацию и управления и флота.

Неординарность личности Константина Николаевича проявлялась в широте взглядов, в государственном, а не ведомственном подходе к задачам правительственной политики. Он рассматривал Морское министерство, которое современники называли «министерством прогресса», как кузницу кадров для разных отраслей государственного управления, посылал наиболее способных чиновников на стажировку (термин тех лет) в Европу и Америку, привлекал лучшие педагогические силы в «Морской сборник», который высоко ценил Н. Г. Чернышевский. Великий князь Константин Николаевич искал, находил и поддерживал сторонников реформ в различных министерствах и среди общественных деятелей. Этому способствовало его председательство в Русском географическом обществе, где с середины 40-х годов, с самого начала его основания, сосредоточились основные силы будущих реформаторов. Он воспринял идеи таких бюрократов-реформаторов, как Н. А. Милютин, А. В. Головнин, Н. Х. Рейтерн.

К тому переломному времени, когда в России наступила «оттепель» и крах николаевской системы стал очевиден, а Александр II понял неизбежность отмены крепостного права и других преобразований, великий князь Константин Николаевич уже зарекомендовал себя убежденным реформатором, сторонником либеральных взглядов в делах общегосударственной политики, далеко выходящей за рамки морского ведомства. В июле 1857 г. он был введен в Секретный комитет по крестьянскому делу. Как член Финансового комитета он занимался ключевыми для экономики вопросами о внешних и внутренних займах, банковском деле, бюджете и т. д. Еще при Николае I он начал выполнять дипломатические поручения во время своих многочисленных путешествий за границу, наряду с несколькими ближайшими сотрудниками Александра II участвовал в особых совещаниях по вопросу об окончании Крымской войны, а после Парижского мира помогал определению новой внешнеполитической ориентации России, сближению с Францией вместо распавшегося единства России, Австрии, Пруссии (некогда реакционного Священного Союза).

Осенью 1858 г., когда заполнялись публикуемые страницы Дневника, позиция великого князя Константина Николаевича в напряженной

---

[3] Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОР ГПБ), ф. 208, д. 2, лл. 73—75, 81, 82, 104—106, 116, 130, 149; Kipp J. The Grand Duke Konstantin Nikolaevich. The Making of a Tsarist Reformer, 1827—1853.— Jahrbuch für Geschichte Osteuropas, Wiesbaden, 1986, Bd. 34, Hf. 1, S. 3—18.

[4] Kipp J. Op. cit., S. 17.

внутриполитической жизни страны, в начавшемся процессе модернизации России на стороне либеральных сил уже проявилась столь определенно, что Александр II решил отправить его в длительное (на восемь месяцев, а вскоре затем еще на два) путешествие, подальше от острой борьбы в «верхах». В Главном комитете по крестьянскому делу предстоял радикальный пересмотр правительственной программы отмены крепостного права — признание выкупа крестьянами полевой земли в собственность, ставка в будущем на два типа хозяйства: не только крупное помещичье, но и мелкое крестьянское, что означало глубокие перемены в социальной структуре общества и неизбежность реформ в местном управлении, образовании, судопроизводстве, комплектовании армии и др. Отсылкой Константина Николаевича, всячески поддерживавшего это направление и слывшего покровителем либеральной «партии», Александр II хотел несколько успокоить озлобившихся крепостников. Об этом пишут и Головнин в своем «Жизнеописании вел. кн. Константина Николаевича», и Д. А. Милютин в воспоминаниях.

Д. Милютин, сопоставляя оценки политической ситуации в письмах своего брата Н. Милютина и Головнина, заключал: «Однако в течение описываемого 1858-го года оптимизм моего друга [Головнина] несколько поколебался и уступил место тревожным опасениям за успешный ход предпринятых реформ, когда злобные нападки реакционеров на всех усердных сподвижников великого дела, отмеченных кличкою «красных», обратились в особенности против брата царского — великого князя Константина Николаевича. Поднялись против него всякие интриги, наветы, сплетни, доходящие, конечно, до ушей царских. Чтобы положить им конец или по крайней мере заглушить их, решено было в семейном совете, чтобы великий князь удалился из Петербурга на продолжительное время, и придумано было для того морское плавание по Средиземному морю» [5].

Головнин говорит о том же, сообщая дополнительные подробности. Он пишет: «Значение, которое великий князь получил в последние годы в общих государственных делах, участие его во всех важнейших административных вопросах, направление, данное им многим распоряжениям, все это сделало отъезд его из России на столь продолжительное время весьма знаменательным и заметным». За границей, где тогда находился Головнин, великая княгиня Елена Павловна и русский посол в Париже граф П. Д. Киселев, оба сторонники преобразований и обновления России, были крайне удивлены и «весьма не одобряли» решение об отъезде великого князя. Вернувшись тогда же в Россию, Головнин специально беседовал со многими людьми, сопоставил их рассказы и убедился, что Александр II хочет этого путешествия и настаивает на нем. Пытаясь предотвратить отлучение великого князя Константина Николаевича от дел, Головнин решился на разговор с императором. В ответ он услышал от Александра II: «Я нахожу, что это путешествие будет для брата полезно и в моральном отношении, и в физическом, и для дела... Тебя обвиняют, что ты вовлек его в дела посторонние Морскому ведомству. Это несправедливо. Я виноват этому, потому что я назначил его в разные Комитеты. Он был слишком пылок в них и говорил лишнее перед людьми,.. и я часто замечал ему это» [6]. Отъезд Константина Николаевича с женой (великая княгиня Александра Иосифовна, в Дневнике и в семье — Санни) был решен, причем безотлагательно. И даже такая веская причина для отсрочки, как рождение сына, Константина (известного впоследствии в литературном мире под псев-

---

[5] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ), ф. 169, оп. 1, кар. 13, ед. хр. 3, л. 17.

[6] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 722, оп. 1, д. 936, лл. 142, 155—156.

донимом К. Р.), которого оставляли полуторамесячным, не была принята во внимание.

Итак, путешествие началось 8 октября 1858 г. на «Гремящем» из Кронштадта. Отправимся же и мы в путь... по страницам сохранившегося от того времени Дневника, источника в некотором роде уникального. Несмотря на то, что немало написано о внутренней политике самодержавия и бюрократии, о «кризисе верхов» и прочем, однако о самих людях, творивших эту политику и представлявших эти «верхи», их духовном мире, их мировоззрении и мироощущении, об этике поведения в семье, среди друзей, в официальных, служебных отношениях и т. п. мы многого не знаем.

Изо дня в день великий князь Константин Николаевич фиксирует в своем «журнале», как он называл Дневник, погоду, направление ветра, самочувствие — свое и жены, скорость движения «по чугунке», то есть железной дороге, или скорость движения судна, перечисляет исторические памятники, спектакли и концерты, которые посещает, книги, журналы и газеты, которые читает, людей, с которыми встречается, а их множество: русских и иностранцев, малоизвестных и знаменитых. И еще многое, многое другое: фермы, заводы, верфи, обсерватории, дворцы, зверинцы, вулканы, священные места... Пишет человек с разносторонними интересами и широким кругозором, молодой, но уже опытный в жизни и делах, только что отметивший свой 31 год, глава семьи, отец четырех детей, член царской фамилии, человек, находящийся в гуще политической жизни обновляющейся России, хорошо ориентирующийся в международной обстановке, «свой» в Европе. День начинается с раннего утра (привычка, воспитанная с детства и в нем и в Александре II), так что подъем в 9 час. всегда отмечался как нечто чрезвычайное. Расписание очень плотное.

Глава морского ведомства пристально, по-хозяйски вникает во все дела: с инженерами занимается чертежами (любимое занятие), спускается в машинные отделения, корабли русского флота узнает издали, по гудкам и контурам судна, разбирается в оснащении флота оружием, следит за новинками судостроения в Европе и Америке, посещает «корабельные магазины» и «угольные сараи», специальные морские учебные заведения за границей и у себя дома, следит за строительством в Петербурге Нового Адмиралтейства и изучает проект Балтийского порта и т. д. Это основательный, компетентный в своем деле хозяин, знающий людей и на флоте, и в министерстве. Всякий раз, когда он узнавал во время путешествия об успехах развития или очередных новинках западной цивилизации, запечатлевал свои чувства и наблюдения в дневнике: восхищение перед техническим прогрессом, сожаление об отсталости России, желание во что бы то ни стало внедрить у себя на родине все лучшее и современное. Престиж страны, ее возрождение к новой жизни — задача, неотступно преследующая, занимающая мысли и чувства автора Дневника.

Диапазон его деловых занятий широк. Здесь и отмена крепостного права, и финансовый вопрос, и присоединение Кавказа, и освоение Уссурийского края, оформление договоров России с Китаем и Японией, основание русского консульства в Иерусалиме, отношения с европейскими странами и многое другое. И во всем этом есть свой взгляд, своя позиция, общая линия поведения, вырисовывается концепция политики.

Постоянной потребностью автора Дневника являются чтение и занятия музыкой. Он читает «Историю Англии» и «Жизнь моря», «Собор Парижской богоматери» и только что вышедшие у Герцена Воспоминания Екатерины II, «Фауста» и «Ревизора». Играет на виолончели и на фортепьяно, один или в четыре руки, иногда с женой, играет Мендельсона, «Реквием» Моцарта, «Травиату» Верди, рисует, переписывает

для жены ноты, играет в шахматы, участвует в любительских спектаклях при дворе. Неутомимо посещает музеи, картинные галереи, исторические достопримечательности: история Древней Греции и Рима в ее археологических и архитектурных памятниках, иерусалимские святыни проходят чередой в записях Дневника. Он заботится о пополнении художественных ценностей Зимнего дворца и Эрмитажа, приобретает статую Венеры, знакомится с древними рукописями, привезенными с Востока немецким богословом Тишендорфом, экспедицию которого оплатило русское правительство.

Много пишет — родным, непременно матери («бесценной матушке»), детям, друзьям, сподвижникам: Головнину, если его нет рядом, Я. И. Ростовцеву по крестьянскому вопросу... Но особенно много брату, Александру II, эти письма органически дополняют и поясняют Дневник. На письма отводилось особое время, они были неотъемлемой частью культуры взаимоотношений между людьми. В большой императорской семье близкие, дружественные отношения. Семейные праздники и траурные даты строго соблюдают, хотя бы и находясь на чужбине. Корабль вообще воспринимается как кусочек родины, плавающий ее островок.

Дневник представляет интерес не только «человеческого документа» определенной среды — высших слоев общества — в переломную для России эпоху. Он имеет также и большую ценность как исторический источник в более узком смысле — содержит фактический материал, подчас неизвестный, позволяет заглянуть в тайники политики, недоступные историку в источниках иного жанра и характера.

Естественно, это в первую очередь относится к деятельности Морского ведомства, которое великий князь возглавлял, к истории морского флота, возрождавшегося после поражения в Крымской войне. Но далеко не только и главным образом не об этом разносторонние известия Дневника. В нем можно почерпнуть сведения по истории культуры и православия, внутренней и внешней политики, российской государственности.

Так, неоднократно повторяющиеся записи о «банковом кризисе», тяжелом, «страшном» состоянии финансов, о тревогах Александра II в этой связи, о горячих спорах на заседаниях Финансового комитета по-новому, с особой остротой оттеняют значение финансового вопроса накануне отмены крепостного права и его тесную сопряженность с историей подготовки крестьянской реформы 1861 года. И как неожиданно и ошеломляюще признание брата царя (запись 19 июня 1859 г.): «Наше положение страшное. Дай Бог, чтоб, наконец, глаза раскрылись и чтоб перестали действовать обыкновенной нашей манерой полумерами, mais qu'on tranche enfin dans le vif [а приняли, наконец, пусть болезненные, но решительные меры]». Ценный комментарий к истории реформ 60—70-х годов XIX в. вообще, проводимых сверху, самодержавной властью, одновременно характеризующий и самое власть, ее ограниченность и недальновидность.

И даже о таком достаточно известном вопросе, как крестьянский, Дневник сообщает интересные сведения и наблюдения. Особенно об отношении дворянства к готовящейся реформе, о его конфронтации с государственной властью осенью 1859 г. («дворянство почти везде оппозиционно»), о конституционных проектах олигархически настроенной аристократии. Весьма важны детали о консолидации либеральных сил в «верхах», о встречах Константина Николаевича — сразу же по возвращении из заграничного путешествия — с Н. Милютиным и Ростовцевым, лидерами крестьянского дела.

Или, например, короткая запись 19 августа 1859 г. во время пребывания в Лондоне, которая позволяет представить отношение Кон-

стантина Николаевича к конституции, к представительному правлению: «Во дворце парламента. Великолепие, достойное своего назначения». То, что это не случайная фраза, а выношенное, сложившееся убеждение, подтверждается другими, значительно более ранними записями, сделанными в дни революции 1848 года. «7 марта телеграмма из Вены: здесь были бунты и в результате вся Австрия получила конституцию. Итак, мы теперь остались одни в целом мире»,— заключает 20-летний в ту пору великий князь с явной тревогой. А уже 13 марта в связи с вестями из Пруссии, где король (его дядя, родной брат матери) дал свободу печати, сместил министров и пообещал конституцию[7], это тревожное ощущение обретает более конкретное выражение. Страхи о будущем посеяли сомнения в политике отца, который вверг страну в реакцию, расправляясь с заговорщиками, дав свободу действий III Отделению, ужесточив цензуру, закрывая университеты. Видимо, не случайно во время путешествия в октябре 1858 г. великого князя очень интересовало «новое министерство в Пруссии», которое в большинстве было за расширение конституционных прав ландтага.

Эти свидетельства Дневника существенно дополняют портрет реформатора. Политические взгляды и симпатии Константина Николаевича, очевидно, были шире той концепции реформ, к которой он пришел накануне отмены крепостного права; конституция еще оставалась тогда для либеральной бюрократии запретной зоной, но это не исключает, как мы видим, принципиального приятия конституционного режима.

Вместе с тем свидетельства Дневника по-новому освещают уже известные факты отношения Константина Николаевича к конституции в России. Его проект реформы Государственного совета 1866 г., допущения представителей земского и городского самоуправления к участию, хотя и крайне ограниченному, в общегосударственной законосовещательной деятельности воспринимается в свете этих фактов более органичным для мировоззрения великого князя. И его поддержка Конституции М. Т. Лорис-Меликова — это не только вынужденный обстоятельствами шаг, а и логическое завершение собственной программы, взглядов, позиции. Слова его речи: «Надо же сделать что-нибудь»[8],— на роковом заседании Совета министров 8 марта 1881 г., отвергшем эту конституцию, выдают отчаяние, страх перед будущим и одновременно признание поражения и собственной программы и той политики, которой он служил. Действительно, эти события означали конец его государственной деятельности в возрасте 53 лет.

Не меньше интересного и нового в Дневнике — о внешней политике и дипломатии после Крымской войны, о попытках преодоления ее тяжелых последствий, о поисках новых партнеров, установлении новых контактов, о стремлении укрепить престиж России на международной арене. И это не в интерпретации официальных документов, а в живом, очень непосредственном повествовании автора — умного и наблюдательного человека — о встречах с людьми, делавшими внешнюю политику, главами почти всех европейских государств и их министрами, послами, посланниками, консулами. Кого здесь только нет: Наполеон III со своей супругой, красавицей-испанкой императрицей Евгенией, Сардинский король Виктор-Эммануил, ставший в 1861 г. первым королем объединенной Италии (упоминание его сопровождается признанием «люблю короля»), и его первый министр знаменитый граф К. Б. Кавур, папа римский Пий IX, патриарх иерусалимский, монархи английские и греческие, турецкий султан, в знак особого почтения и гостеприимства пригласивший великого князя на завтрак («Это огромное происшествие, потому что он еще никогда ни с кем не ел»), король прусский, старый и больной, уступивший власть регенту, и, конечно, многочисленные немецкие короли и королевы, герцоги и герцогини, принцы и принцессы (вюртембергские, дармштадтские, саксен-веймар-эйзенахские и т. д.), которые почти все — родня (дочь Павла I — Мария Павловна, родная сестра самого Константина Николаевича, то есть и Александра II, Ольга Николаевна, близкие и дальние родственники царствующего в России дома по женской линии). Однако эти семейные связи, часто обременяющие своим обязательным ритуалом, бесконечными завтраками, обедами, встречами, не определяют дипломатических целей миссии великого князя и руководящих указаний дирижирующего ею из Петербурга Александра II. Внимание России сосредоточено на Франции. И хотя о сближении этих двух стран после Крымской войны достаточно написано, публикуемый Дневник в сочетании с комментариями из личной переписки двух братьев многим дополняет уже известную картину.

[7] Там же, д. 89/26, лл. 34—36.
[8] Из Дневника великого князя Константина Николаевича 8 и 9 марта 1881 г.— Красный архив, 1925, т. 8, с. 151.

8—10 декабря 1858 г. великий князь находился в столице Франции. Цель очевидна — посещение императора, хотя и с неофициальным визитом. Но прежде в Bellefontaine беседа с русским послом графом Киселевым, а затем «по чугунке в Париж и прямо в Тюильри,— записано 8 декабря.— Наполеон встретил в сенях и поцеловал. Довольно длинный разговор. Потом наверх к императрице. Так же мила, как всегда. Потом опять к императору, и он мне показывал своего сына. Прелестный ребенок. Потом в Palais Royal к принцу Жерому» (младшему брату Наполеона I, провозглашенному в 1852 г. наследником французского престола), затем к его детям принцу Наполеону и принцессе Матильде. На следующий день ответный визит французского императора брату русского монарха. Опять «длинный и интересный разговор с ним. Его план об Англии. Как к этому должна вести Итальянщина ради ослабления Австрии». Наконец, прощание, великий князь снова в Тюильри. Наполеон с императрицей принимают его, «очень милы», он дарит Константину Николаевичу сигарочницу, она — его жене «биарицкий гуляльный (прогулочный.— *Л. З.*) костюм». И снова у Киселева, «домашний обед», а потом отъезд.

Записи свидетельствуют о важности и деловом характере визита, хотя и неофициального. Контакты тесные, дружественные и теплые, все три дня пребывания великого князя в Париже — беседы длинные, однажды прямо упоминается острополитический предмет разговора. Запись, как всегда, лаконична, никаких подробностей. Однако... огорчаться не следует, дневник дает точные ориентиры для поиска: «Все утро писал письмо Саше», то есть Александру II,— накануне отъезда, по выполнении дипломатических поручений. Письмо должно быть отчетом, должно передать содержание «длинных бесед». Такое предположение вполне оправдывается.

Константин Николаевич в этом письме от 10(22) декабря 1858 г. из Парижа сообщает Александру II о переговорах с императором Франции, что в предстоящей войне с Австрией Наполеону III недостаточен нейтралитет России, а нужна «наша действительная помощь, наша война с Австрией в ту минуту, когда он с ней будет драться в Италии... По крестьянскому вопросу (о котором он расспрашивал с большим интересом), по состоянию наших финансов он ясно видит, что война для нас не только не желательна, но была бы для нас просто несчастьем... Англия крепко ему надоедает... Главным оружием в его мысли против Англии должна служить итальянская история. Мне кажется, что он в *первый раз* высказал весь этот обширный план, разумеется, с тем, чтоб он был передан тебе». Предложения Наполеона сводились к необходимости противопоставить Англии континент — единый и нераздельный, и

как средство к этому «уничтожить силу Австрии: чтобы материк состоял 1) из сильной России, 2) из сильной Франции по краям материка и 3) из полусильной Пруссии и слабой Немеччины посередине, которую мы вдвоем с Францией всегда можем заставить быть с нами заодно». Наполеон также заявил, что Франция и Россия должны стремиться освободиться от трактатов, которые их связывают: для Франции это договоры 1814 и 1815 годов, для России — Парижский трактат 1856 года[9]. Эти подробности характеризуют отношения двух стран, недавно еще враждебных, а теперь стремившихся к союзу накануне заключения тайного соглашения 3 марта 1859 г. и франко-австро-итальянской войны. Они интересны также для понимания общеевропейской международной обстановки и личности Наполеона III, который спустя 10 с небольшим лет бесславно сойдет со сцены, поверженный окрепшей Пруссией и собственным народом.

Аналогичны записи Дневника о встречах Константина Николаевича с сардинским королем Виктором-Эммануилом и Кавуром. Обсуждаются те же проблемы: предстоящая война вместе с Францией против Австрии, возможная позиция Англии и Пруссии; устанавливаются личные дружественные и теплые взаимоотношения. И обо всем докладывается в Петербург.

Сосредоточенность на отношениях с Францией и европейских делах не отвлекала внешнюю политику России от противоположного континента. 1858—1859 годы — время закрепления занятых на Дальнем Востоке позиций, оформления пограничных отношений. Великий князь и здесь не остается в стороне. Дневник фиксирует регулярные личные встречи и переписку с вице-адмиралом Е. В. Путятиным, известным дипломатом, приписанным к Главному морскому штабу, который принимал самое деятельное участие в подготовке и заключении договоров России с Китаем и Японией. Над «бумагами Путятина» автор Дневника сидит иной раз целый день. Диапазон информации широк: Путятин в Лондоне собирал сведения о новейших изобретениях по морскому делу в Англии и Франции, а также занимался вопросами образования по морскому ведомству. Такие же тесные и дружественные отношения поддерживал Константин Николаевич с Н. Н. Муравьевым-Амурским, часто защищая его перед разгневанным царем, которого раздражала чрезмерная самостоятельность популярного и могущественного генерал-губернатора Восточной Сибири.

По возвращении из путешествия великий князь вплотную занялся китайскими делами. В Дневнике (17 сентября 1859 г.) читаем: «Был у меня род Комитета по китайским делам. Горчаков, Сухозанет, Путятин и Ковалевский[10]. Решили de passer outre [идти дальше] и занимать на основании Тяньцзинского и Айгунского трактатов Уссури и Приморский край до Кореи». Интересная деталь из истории Пекинского договора 1860 г., которым завершились территориальные разграничения с Китаем.

Кстати, о Комитетах. Здесь речь идет об Амурском, в других записях Дневника — о Крестьянском, Финансовом, Сибирском, Кавказском и т. д. Эта множественность комитетов сама по себе интересна как показатель государственной структуры самодержавной монархии в последние десятилетия существования крепостного права, которая ответила на насущные потребности развития учреждением бюрократических органов, столь же неповоротливых, как и те, в помощь которым они создавались. Большинство из них сохранится и после отмены крепостного права, так как в серии крупных, радикальных преобразований политическая реформа не будет принята, и организация высших органов государственной власти останется архаичной, не измененной общим процессом модернизации.

[9] ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 189—192.
[10] А. М. Горчаков — министр иностранных дел, Н. О. Сухозанет — военный министр, Е. Г. Ковалевский — директор Азиатского департамента МИД.

В Дневнике затронуто много сюжетов. Через личность автора, его участие в делах, его восприятие, его отношения с людьми, официальные и дружеские, мы видим Россию накануне отмены крепостного права, переживающую кризис, ее внутреннюю и внешнюю политику в жизненном переплетении различных сторон, борющихся направлений, видим «верхи», управляющие ею. И это синхронно, в тесном соприкосновении и взаимодействии с европейскими странами. Конечно, описание не лишено субъективных оценок. Однако тем и интересен этот жанр повествования, что он раскрывает «историю в человеке».

Научная редакция публикации и вступительная статья Л. Г. ЗАХАРОВОЙ. В составлении комментария и подготовке текста принимали участие также Б. И. Каптелов, Л. И. Тютюнник. Ценную помощь в подготовке текста оказали кандидат филологических наук Е. В. Ясногородская, кандидат исторических наук М. А. Чепелкин, а также сотрудники Центрального государственного исторического архива СССР, Центрального государственного архива военно-морского флота СССР и Архива внешней политики России.

ЗАГРАНИЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 1858-го ГОДА

Октябрь

8 октября 1858. День отправления. Грустное раздирающее прощание с детьми, особенно с маленьким Костей[1], которому 8 недель и который так ужасно мил. Жинка[2] много плакала, но молодец. Прежде заезжали с ней в крепость[3] к могилам Папа[4] и Адини[5]. Потом в Зимний Дворец, осмотрели комнаты для детей, в старых комнатах Папа наверху. Потом помолились в его маленькой комнате внизу, где он скончался.

На «Александрии»[6] в Кронштадт. Саша[7] нас провожает. На пристани прощание с моряками и финляндцами. «Гремящий» и «Олаф» ждут на восточном рейде. Саша нас перевез сам на «Гремящий» и там окончательное прощание. Он в высшей степени мил. На пароходе прощание с кронштадтскими моряками. Снялись около 4 часов. Очень свежий W и большая зыбь. Пароход сильно клюет, и ходу только 4 узла. Жинка долго держалась молодцом, и ее только вечером укачало. Все остальные больны. Никола[8] тоже молодец. В 11 часов увидели Сескар, который отлично горел.

9 октября 1858. С утра ветер начал постепенно стихать и погода вышла хотя холодная, но чудесная, с солнцем. Но тепла не было больше 5°. Мы шли от 9 до 10 узлов. Утром около 8 часов прошли по N сторону Гогланда, в 5 были у Наргена, а около полуночи прошли меридиан Дегерорта и вступили в Балтийское море. Жена оставалась в постели до 4 часов, тогда встала и была молодцом. После обеда сидел с ней вдвоем на диване подле штурвала. Тут и взгрустнулось при воспоминании о детях, особенно о Костюшке. Но потом она развеселилась. Имели тут длинный разговор с Гауровицем[9] про путешествие вообще и про его смысл. Я много хожу, много курю, много читаю, а именно «Notre Dame de Paris».

10 октября. Такая ясная, хорошая погода при высоком барометре. Ветер W весьма умеренный. Утром чуть-чуть покачивало, и жинку не понимаю от чего укачивало, хотя не рвало. Весь день проходили мимо бесконечного Готланда, часов в 9 прошли Гоборг.

11 октября. Погода еще удивительнее. Штиль, солнце и просто тепло, так что я ходил в расстегнутом сюртуке, и музыка играла наверху. Около полудня проходили

ЗАХАРОВА Лариса Георгиевна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета.

Борнгольм во всей его красоте. Вечером сделалось пасмурно и несколько туманно по горизонту, так что Дагеррорт долго не открывался. Но мы его прошли прекрасно, курс был отлично верен, ходу $11^1/_2$ узлов.

12 октября. Ночью должны были дать малый ход и ворочить С вперед и назад, (так в тексте.— **Л. З.**), чтобы не подойти ночью к Килю. В седьмом часу дали наконец полный ход, пошли прямо в Кильскую бухту, приняли лоцмана и пристали к городской набережной в 9 часов утра. На рейде стоят «Громобой» и «Рюрик», которые благополучно пришли в среду и в четверг. Все у них хорошо, но «Громобой» под парами не будет ходок. В 11 часов отправились с женою слушать обедню на «Громобое». Церковь только что перед тем освятили. Фрегат очень понравился жене. Его каюты ее восхищают, также и моя рубка. Да оно в самом деле прелесть как хорошо. В 3 часа у нас обедали Истомин [10] и командиры.

После обеда переоделись все во фраки, очень хохотали и отправились по железной дороге в Гамбург, куда приехали в 8 часов вечера. Тотчас отправились пешком: жинка, Гауровиц и я в погреб Вилькенса ужинать. Было ужасно весело. Потом походили пешком по Jungfernstieg, что ужасно забавляло жинку.

13 октября. Утром после моего кофе отправился пешком таскаться по улицам. Встретил Лихачева [11], и ходили вместе. Купил одну книгу об Японии. После завтрака опять пешком с Лихачевым в гавань. Наняли ялик и проездились между судами. Особенно хорошего ничего нет. Были на одном, который отвозит немецких переселенцев в Южную Америку. Ужасная теснота, воздух и смрад. Потом были на огромном трансатлантическом винтовом пароходе «Feutonia», 338 фут длины. Принадлежал обществу Бразильской линии, которое обанкротилось, и продан за $^1/_3$ цены обществу Нью-Йоркской линии.

После обеда с Гауровицем и Кудрявским [12] отправились посмотреть известные улицы. Ужасное зрелище и ужасное впечатление. Потом немного походили пешком с жинкой. Очень устал.

14 октября. Утром курил и читал. Потом принимал старика генерала Пальмшерна. Потом немного походил пешком с жинкой и с Николой и купили два платья и одну мантилью. В 11 часов отправились в экипажах через один остров и два перевоза на левый берег Эльбы в Гарбург. Там встреча ганноверцев. Оттуда по железной дороге в Ганновер. По дороге два почетных караула в Люнебурге и в Целле. По дороге разговоры с Персиани [13] и Катакази [14] про скверные статьи, которые появились в последнее время в ганноверской газете [15]. В Ганновере опять почетный караул и встреча самого короля [16]. После поцелуев и обниманий отправились в Гернгаузен. Там страшный холод в комнатах. Обедали и вечер провели все вместе. Так устал, что на вечере заснул на кресле.

15 октября. Ужаснейший холод в комнатах, и я жестоко зябну. Утро сидел дома и читал. Приходил ко мне Персиани и показывал депешу Платена, в которой он отказывается от всякой ответственности от здешней газеты. Читал статью о Виллафранке, нахожу, что она глупа, не стоит сердиться. С жинкой ездили в город с визитом к принцессе Луизе Гессенской Декен. Обед семейный с детьми. Потом тотчас в театр. Давали «Tannhäuser». По-моему, кроме двух-трех штук, ужасная дичь и шум, так что не могу назвать музыкой.

16 октября. Один день как другой. Бо́льшую часть времени сижу дома и читаю, завтракаю вверху у королевы. У меня был Граф Платен Министр Иностранных Дел, и извинялся об здешней газете. С женою делали визиты Mme Decken [17] и Графине Groote. Погода ужасная, холодно и дождь. Обед семейный, потом театр. Премиленькая пьеса «Die Grille». Молодая актриса Зебах. Удивительный талант.

17 октября. Ходил два раза пешком по Гернгаузенской аллее. Король показывал нам комнаты курфюрстши Софии Матери Георга I Английского, в которых он теперь живет и работает. В 2 часа был у меня наш прежний саксонский посланник Зеебах [18], и мы с ним долго толковали про наши железные дороги и про затруднения между Чевкиным [19] и французами. Он в декабре месяце будет сам в Петербурге, чтоб постараться усмирить страсти и уладить затруднения. Вечером после семейного обеда опять в театр, где давали несколько смешных пьес, и мы хохотали до упаду. Особенно смешил Леман.

18 октября. Ночью мороз, и в комнатах еще холоднее. Переехали в город в маленький Дворец короля. Я не переехал, а сделал всю дорогу пешком с Николой. В городе комнаты маленькие, но очень хорошие, теплые и на солнце. Обед как всегда семейный. Вечером театра нет, ради субботы, зато собрание у короля. Актриса Зебах декламировала с удивительным талантом. Потом была музыка. Некто Stahlknecht играл на виолончели с удивительным талантом.

19 октября. Был с жинкой, с королевской семьей в Дворцовой протестантской церкви. Это богослужение делает на меня всегда ужасное впечатление, и я всегда после этого вдвойне благодарен Господу Богу, что родился в Православной Церкви. После службы несколько человек приобщались. Это впечатление было еще ужаснее. Какое право имеют здешние пасторы подавать святые таинства, они, которые не получили наследство Духа Святого через рукоположение. Разве одного экзамена для этого довольно. По-моему, ни один протестант никогда не вкусил Тела и Крови Господней, а просто хлеб и вино. Это ужасно!

После завтрака ездили с женою кататься в Гернгаузенском саду. Вечером в театре «Гугеноты». Nieman хороша, остальные очень плохи.

20 октября. Ходил утром пешком с Гауровицем по маленьким городским улицам. Заходили в книжный магазин и купил «Фауста». С жинкой ездили в коляске и сами правили подаренной ей парочкой Mausefalben. За обедом ужасно хохотали над русским языком камердинера Кастена. В театре «Фауст». Вижу его в первый раз. Зебах удивительно хороша.

21 октября. Утром приехал Головнин [20] с премилым письмом от Саши [21] и известиями от детей. Во весь день не было ничего особенного. Вечером приехал отец Санни с Терезой и Елисаветой [22]. Встретили их на железной дороге. Большая радость. Потом ужин у тестя.

22 октября. Все утро провел в здешнем маленьком кадетском корпусе. Сперва учение, потом здание, потом классы, потом гимнастика и фехтование, потом обед. Вечером в театре «Figarro's Hochzeit». Потом приехал Петр Ольденбургский, муж Елисаветы [23]. Получил известие по телеграфу, что «Штандарт» пришел в Киль, а «Светлану» видели в Категате, и я решился завтра ехать в Гамбург.

23 октября. Утром осматривал здешний Цейхгауз, то есть Арсенал, казарму Гвардейских Егерей и маленькую модельную камеру. Потом ходили пешком со всеми четырьмя сестрами. В $^1/_2$ 5 по железной дороге в Гамбург. Там прямо к Вилькенсу в погреб ужинать.

24 октября. Утром в 7 часов по железной дороге в Киль. Там сперва позавтракали, потом на «Штандарт». Прелесть, но не совсем кончен. Покуда его осматривали, пришел «Светлана». Чудный фрегат. Осматривал его в самых больших подробностях. Потом воротились в Гамбург к обеду. Взял Лисянского [24] с собою. Он хочет со «Светланой» зимовать в Киле. Написал Саше письмо со «Штандартом» [25].

25 октября. В 11 часов уехали из Гамбурга, в $^1/_2$ 6 воротились в Ганновер. Вечером маленький концерт у короля, который был довольно хорош, но продолжался слишком долго. Devrient декламировал пресмешную штуку про Дрезденское сражение.

26 октября. В церковь не ходил, а у меня сидел князь Львов [26] и отдавал мне отчет про 2-летнюю его работу во Франции. Он собрал огромную массу материалов по комиссариатской части и по морской записи. Потом был у меня барон Гакстгаузен [27]. Много с ним говорил про крестьянский вопрос. Потом с жинкой делал визит Персиани. Вечером в театре опера Маршнера «Der Templer und die Judin». Прескучная и препустая. После этого взял ванную. Начал читать с большим интересом книгу «Das Leben des Meeres».

27 октября. Холод, мороз, метель, снег, одним словом, такая гадость, что и собаки на воздух не выпустишь. Продолжал работу с кн. Львовым. После завтрака был Пещуров [28]. Долго с ним разговаривал про все наши заказы в Англии и про новости в Английском флоте. Весь день сидел дома и читал «Das Leben des Meeres». В театре «Robert und Bertram». Видели 2 акта и смеялись. Потом бал у короля. Сперва его водил под руку и говорил с народом. Вообще скучно, но жинка ужасно мила.

28 октября. Очень холодно, мороз и все в снегу. Делал только с женой прощальный визит принцессе Луизе Гессенской Декен, а то оставался все дома и читал «Das

Leben des Meeres». Писал письмо матушке[29]. В театре «Lohengrin». Лучше, чем «Tannhäuser».

29 октября. Все утро прощание. Отец жены очень стар и хвор. Бог знает, увидим ли его еще когда-нибудь. Жинка очень плакала. В 11 часов отправились с экстренным поездом в Альтенбург, куда приехали около 1/2 7-го. Мориц нас встретил в Лейпциге. В Альтенбурге очень дружественная встреча. Тотчас обед со всем двором. После во дворе ein Fakkelzug * всего полка и музыка. Очень устал.

30 октября. Утром визиты во Дворце. После завтрака бургомистр подал нам диплом на здешнее почетное гражданство. Потом принимал князя Волконского[30] и здешнего министра Лариш. С ним длинный разговор, особенно про новое министерство в Пруссии[31]. Потом с жинкой на гробницу ее матери. Большой обед со всем двором. Вечером между собой. Мориц рассказывал про свое большое путешествие по Востоку.

31 октября. Был у меня дрезденский ученый Тишендорф[32], который по поручению нашего правительства отправляется на Восток для собирания старинных греческих рукописей и особенно евангелий. Интересный разговор об этом. Обед семейный. Вечером собрание со всем двором. Я с Герцогом играю в карты.

Ноябрь

1 ноября. Утром в 9 часов отправились с Герцогом на охоту, а воротились в 4 часа. 5° морозу. Охота очень неудачная. Я ранил одну лисицу и пропуделил одного зайца, а больше ничего не видел. Но все-таки было очень приятно ради чудного воздуха и прелестного леса. Но у меня жестоко разболелась голова. Вечер между нами. Была только die Pröbstin Графиня Цедлиц, которая читала чудную поэму своего сочинения о Святой Елисавете Тюрингской. Чудная вещь. Она вообще очень образованна и умна, и мы чрезвычайно приятно проболтали до 11 часов.

2 ноября. 8° морозу, даже у нас редкость в эту пору. Были в дворцовой церкви. Старик Сакс проповедовал очень хорошо. Прогулка до Ehrenberg и через Paditz назад. Обед семейный, вечером собрание и я с Эрнстом[33] играл в карты.

3 ноября. Мориц нас водил кругом замка по стенам. Ездили в деревню Косма, к богатому мужику Heinke. Показывал нам все свое хозяйство и дом. Удивительное богатство и зажиточность. К обеду приехал Дессауский Наследный Принц Фридрих с своей хорошенькой женой Антуанеттой, которая двоюродная сестра жинке. Вечер провели вместе.

4 ноября. Сделали большую прогулку по окрестностям, но так холодно и морозно, что должны были закрыть карету. Обед семейный. Вечером собрание. Я играл в карты с Эрнстом.

5 ноября. В 11 часов по железной дороге со всей здешней семьей в Лейпциг. Там простились и сами поехали дальше в Веймар. Приехали в 1/2 4-го. Никого нет на станции. Карл[34] встретил на дороге, остальные во дворце. Вскоре после приехал Стефан Австрийский[35]. После обеда Карл сидел у меня и мы много толковали. Ужинали у Марии Павловны[36].

6 ноября. Утром были и много толковали у Марии Павловны. Потом большая прогулка. Карл с жинкой в санях, а София, Стефан и я сзади в карете. Большой обед, потом в театре опера Глюка «Alceste». Получил известие, что «Светлана» спустилась в Копенгаген, а «Ретвизан» пришел в Виллафранка.

7 ноября. Ездил с королем по мастерским. Нет ничего особенного. Вечером концерт у Марии Павловны. У жинки Отелло[37].

8 ноября. Мороз 10°. Ездил в санях с Карлом, но холодно и озяб потому что нет зимнего партикулярного платья. Каждый день длинные разговоры с Марией Павловной и с Карлом. Они для нас удивительно милы. В театре трагедия Гёте «Клавиго». По-моему ужасная гадость. В ночь уехал Эрц-Герцог Стефан. Утром было молебство по случаю рождения Костюшки.

9 ноября. Мороз 12°. Пора на юг, холодно, гадко. Я весь день сидел дома и читал японские бумаги Путятина[38], которые получил вчера вечером. Утром обедня.

* Факельное шествие (нем.).

Здешние певчие чересчур кричат. Обед маленький у тетушки. Вечером сидели все вместе у жинки.

10 ноября. Мороз 16° — просто ужасть. Несмотря на то ходил с Карлом пешком. Доходили почти до Бельведера и ужасно вспотел. Вечером в Театре Лукерья Борзая[39]. Довольно плохо. Решились ради Отелло жинки остаться еще завтрашний день здесь.

11 ноября. Утром опять −18°, но днем от солнца теплее, и вечером осталось только −5°. Опять ходил пешком с Карлом.

12 ноября. Только —2°. В 11 часов по чугунке в дорогу. Завтрак в Günthershausen. Все холоднее и холоднее, так что когда в 1/2 9-го приехали в Франкфурт, было —15°. Утомительный день. Остановились в «Hotel de Russie». Нашел Стеценку[40] с бумагами.

13 ноября. В 10 часов в дорогу по чугунке в Дармштадт. Семья встретила на станции. Прямо во Дворец и завтрак. У жинки ужасно разболелись зубы. Послали за зубным врачом и во время нашего завтрака вынули дурную пломбу, от которой происходила вся боль. Потом курили, смотрели рисунки, скучали и уставали. Потом на одну минуту визит к Принцу Карлу и оттуда на чугунку и по экстре в Штутгарт. Приехали в 7 часов. Карл[41] встретил, прямо к Оли[42]. Большая радость. На минуту к королеве. Потом сидели одни у Оли и толковали.

14 ноября. Нашел здесь в Штутгарте Путятина, воротившегося из Японии и Китая, и потому весь день с ним сидел и толковал, и соображал. С жинкой делали визиты здешней семье. Обед у Оли с королевой. Вечером вечернее собрание у королевы.

15 ноября. Опять весь день работал с Путятиным и писал письма в Питер. Г. Севастьянов показывал снимки икон и рукописей с Афона[43]. Вечером бал у Титова[44], жинка ужасно мила.

16 ноября. Слушали обедню в прелестной Церкви у Оли. Потом с ней ездили гулять около Канштата и заходили к Вильгельму[45], где видели знаменитое собрание голых картин короля. Большой обед в вице-мундирах и лентах у королевы. Вечером сидели одни у Оли с Матвеем Виельгорским[46], который из Парижа возвращается в Питер. Я смотрел новые и старые альбомы Оли и вспоминали нашу детскую старину и былые времена.

17 ноября. В 9 1/2 по экстре в Карлсруе. Вся семья встретила на станции. Во дворец. Учтиво, но très raide *, короткий визит Тетке жены Маркграфине Елисавете, а после завтрака во дворце, Матери Гроссгерцога. Она нас любит за нашу любовь к Ольге Мишиной[47]. В 2 часа дальше по чугунке и в 7 на ночлег в Базель. У меня страшно голова разболелась.

18 ноября. В 11 часов по чугунке в Ольтен, оттуда жинка, Никола, я и Гауровиц одни в Цюрих. Чудные швейцарские виды по дороге и на Одере. В Цюрихе пешком визит к старушке Вольф, старой гувернантке жинки. В 9 часов по чугунке на ночлег в Берн.

19 ноября. В 3/4 9 на колесах в Ивердон. Дурно везли, и мы опоздали к 5-часовому поезду. Чудные виды Нейшательского озера. Много ходил пешком. Из Ивердона в 8 часов по экстре в Женеву. Там нашли Сардинского Генерала Актиса, который к нам назначен.

20 ноября. Все утро остались в Женеве. Визит к старушке Анне Федоровне[48] и ее к нам. Также визит у нас 15-летнего двоюродного брата жены Альберта, который учится в Лозанне. Ему хочется поступить к нам в моряки. С ним пообедали в 2 часа. В 3 по чугунке в Савойю. Чудные места. Маленький кусок через Францию. Встреча сардинцев. Чудные виды. La vallée du Rhône, le lac du Bourgê **. В St Jean de Maurienne ужин, и потом на колесах в Lanslebourg и на Mont Cenis.

21 ноября. Проснулся с рассветом на верхушке Mont Cenis. Чудные виды при спуске. Благополучно приехали в Сузу, где отдохнули, переоделись и позавтракали. В 3/4 12 по чугунке в Турин. Кариньян[49] встретил на станции, король[50] с дочерьми внизу на подъезде Дворца. Люблю короля. После официального приема я отправился с визитами ко всем и сперва к королю. Прикинулся незнающим ничего про известное

* Очень чопорно *(фр.)*.
** Долина Роны, озеро Бурже, город Сен-Жан-де-Морьен *(фр.)*.

дело, но он сам мне высказался, рассказал про посылку Принца Наполеона в Варшаву, про их надежды и предположения и что вероятно начнется в апреле или мае [51]. Обед с семьей короля, потом в театр Carignan. Великолепный прием.

22 ноября. Принимал много народа. Главный длинный разговор с Графом Кавуром [52]. Заставил его высказаться, рассказав про разговор с королем. Много разговаривал про вероятную роль Англии и Немеччины [53]. Показывал жене весь дворец и сделали с принцессами большую прогулку по городу. Большой обед с дипломатами, вечером большой бал. Жинка чудо хороша и делает большой эффект.

23 ноября. Прощание с королем. В ½ 10-го по чугунке в Геную. Наша эскадра в гавани: «Ретвизан», «Полкан» и «Баян». Тотчас съездил на них и назначил каюты. Большой обед у нас со здешними властями, после тотчас на корабль. Съемка с якоря продолжалась почти до 11 часов ночи. Очень свежий N с дождем, но в море потише и качки нет никакой. Пошли по 8 узлов с половиной.

24 ноября. Утро очень хорошее, и вид берегов прекрасный. В 10 часов встали на якорь в Виллафранке. Тотчас пошел дождь. Приехали власти и Георг Мекленбургский [54]. Отказался от приема. В 12 на берег и прямо в Villa de Ovestis к имениннице Кате [55]. У нее конец молебна и завтрак. Потом визит к королю Вюртембергскому и длинный разговор. Обедали одни, вечер у Кати.

25 ноября. Утром король Вюртембергский нам отдал визит. Ездил с женою гулять в Виллафранку и там пешком по скалам сзади города, где чудный вид на залив и корабли. Потом воротились пешком к пристани. Народ меня узнавал и спрашивал про Мама [56]. За обедом здешние власти. Вечером депеша от Саши [57]. J'approuve complètement projet de voyage *.

26 ноября. Утром ходил пешком один на Raubo Capeo. Чудная погода, просто жарко на солнце. За завтраком сидел у меня поэт Майков, который сидит на «Баяне» и в восхищении от него. Он читал чудные отрывки из его новой поэмы «Сны». Я ему рассказывал «das Märchen von den sieben Katern» **. Ездил с женой в St André. Хотели дойти до пещеры, но было слишком грязно и скользко. Обед с Вяземскими [58]. Вечером в Опере «La Favorite». Весьма посредственно. Я теперь читаю мемуары Императрицы Екатерины, которые издал Герцен [59].

27 ноября. Утром приехал фельдъегерь из Петербурга с письмами и огромной массой бумаг. Ездил со Штакельбергом [60] в Виллафранку, осматривать здание, уступленное нам Сардинским правительством и которое наделало столько шума в газетах. Оно будет очень хорошо для нашей цели. Можно будет устроить 1) лазарет, 2) кузницу, 3) мелкие мастерские, 4) склад разных запасов и угля. Весь вечер до 11 часов писал длинное письмо Саше, со всеми подробностями разговоров с королем и Кавуром. Это меня ужасно утомило [61].

28 ноября. Утром написал еще письмо Мама. Отправили все эти письма с Хитровым, нашим чиновником, который изучал за границей двойную бухгалтерию [62]. Возил жинку за Вар во Францию, мимо Кан в Villeneuve. Не знали, что замок обитаем. Нас встретил le fils de la maison Mr de Panisse-Passis ***. Водил кругом террас, показывал все хорошие виды и рассказывал истории замка, был очень мил и любезен. Вечером было собрание у Кати. Играли в «secretaire» и очень смеялись. Сегодня приехал Winterhalter [63].

29 ноября. Винтергалтер начал портрет жены и с первых ударов кисти схватил сходство. Но долго возились с выбором места и освещением. От этого выехали гулять очень поздно и успели быть только на vieux chateau и sur la chemin du lazaret ****, но виды при заходящем солнце были чудные. Вечером было большое музыкальное собрание у Кати. La Baronne Vigier бывшая Cruvelli *****, пела превосходно, Mr Cesobles играл на скрипке прескверно. Воротившись домой, нашли телеграфическую депешу с ужасным известием о тяжелой болезни Матушки. Ужасно, тяжелое предчувствие у жены и у меня. Жинка вся в слезах.

* Я полностью одобряю проект путешествия *(фр.)*.
** «Сказка о семи котах» *(нем.)*.
*** Мосье де Панис-Пасси младший *(фр.)*.
**** ...на старом замке и по дороге к карантинной гавани *(фр.)*.
***** Баронесса Вижье, бывшая Крювелли *(фр.)*.

30 ноября. Чуднейшая погода. На солнце просто жарко. Весь день открытые окна. Ездили к обедне на «Ретвизан». Было там множество русских. Принимали их после богослужения. Мой разговор с Безобразным [64], где я ему высказал мое мнение об нем. Воротившись домой, Винтергальтер продолжал писать жену. В это время я первый увидел на горизонте дым и по одному рангоуту стал догадываться, что это «Рюрик». Так и вышло. В сумерки потерял его из виду перед Виллафранкой. Вечером Баженов [65] приезжал ко мне с рапортом и рассказывал свое бурное и неприятное плавание. Жинка брала ванную.

Декабрь

1 декабря. Утром ездил в Виллафранку навестить «Рюрик». Он имел ужасно бурный переход, и его порядком порастрепало, но серьезных повреждений у него нет. Воротился на моем катере в Ниццу в 27 минут. Винтергалтер весь день писал портрет жинки, который выходит удивительно похож. Обедали и сидели вечером дома одни.

2 декабря. Утром была закладка нашей здешней православной церкви. Вся церемония прекрасно удалась. В это время пришел «Громобой». Истомин ко мне приехал после большого завтрака, который был у нас по случаю закладки. Переход «Громобоя» тоже был весьма бурный, но он хорошо все выдержал, без повреждений. Винтергалтер начал писать мой портрет.

3 декабря. Утром ездил в Виллафранку навестить «Громобой». Удивительно как он хорош. Потом с Истоминым осматривали наше здание и с ним и с здешним инженером решили необходимые работы. Воротился в Ниццу на катере. Винтергалтер продолжал мой портрет. Кажется он будет тоже хорош. Обедали у Кати, а вечером оставались одни дома.

4 декабря. Винтергалтер писал утром жинку, после завтрака меня. Обедали вдвоем с жинкой. Вечером простились очень грустно и я отправился в Виллафранку на «Громобой». Снялись с якоря и пошли все вместе. Чудная ночь. Я в первый раз поместился в моей рубке, но винт очень сильно стучит, и я боюсь, что жинка не вытерпит.

5 декабря. Чудное утро. В 11 часов вошли на Тулонский рейд. Там стояли la «Bretagne» (Romain Dufossé), l'«Algésiras» (Jurien de la Gravière), l'«Eylan», le «Napoléon», le «Redoutable» и фрегаты l' «Isly» и l' «Impétueuse». Мы встали как продолжение линий. Тотчас ко мне приехало все начальство. В 1 час я поехал на берег с визитом к Префекту Jaquinot и к вдове бедного Dubourdieu, которая очень постарела и переменилась. В 3 часа на «Bretagne» к Адмиралу. Там представление всех капитанов и осматривал весь корабль. Оттуда на пароход нашего Черноморского Общества [66] «Колхиду». В 6 часов у меня большой морской обед. На ночь пересел на «Рюрик».

6 декабря. Снялись с якоря с рассветом, в 7 часов утра, и пошли в Марсель вдоль берега, и пришли в ½ 12-го. Это ужасно скорый переход. Там встали в старой купеческой гавани. Тотчас визиты всего начальства. Потом молебен ради Николина дня. Потом осматривал огромные работы новой гавани и фабрику больших бетонных кусков. В 6 часов обед со здешними властями. В ½ 10-го вечера отправились по железной дороге в Париж.

7 декабря. Ехали весь день по чугунке, пили кофе в Lyon, завтракали в Dijon. В ½ 6-го приехали в Fontainebleau и Bellefontaine, дачу князя Трубецкого, тестя Орленка [67]. Тут Орленок и сам Граф Киселев [68]. Лучшие вести от Матушки.

8 декабря. Утро остались в Bellefontaine. Граф Киселев читал мне свои депеши об Compiègne [69]. В ½ 1-го по чугунке в Париж и прямо в Тюильри. Наполеон [70] встретил в сенях и поцеловал. Довольно длинный разговор. Потом наверх к Императрице [71]. Так же мила как всегда. Разговор про Биарицкий гульяльный костюм, и про желание жинки заказать его. Императрица вызвалась показаться мне в нем на другой день. Потом опять вниз к Императору и он мне показывал своего сына. Прелестный ребенок. Потом в Palais Royal к Принцу Жерому [72]. Ужасно постарел и опустился. Потом к Принцу Наполеону [73]. Потом к Принцессе Матильде [74], но не застал ее дома. Потом домой, переоделся и с визитами к русским дамам. Бутиру не застал дома, Бутурлина

ужасно переменилась[75]. У Лазаревых Таня неприятно кашляет. В 7 часов обед в Тюильри. Сижу как всегда подле Императрицы. Ужасно мила и разговорчива. После обеда в соседней комнате длинный разговор с Императором. Потом «Гугеноты», а оттуда к Орленку. Познакомился с его милой женою.

9 декабря. Все утро принимал разные визиты. В 12 часов приезжал Император. Длинный и интересный разговор с ним. Его план об Англии. Как к этому должна вести Итальянщина ради ослабления Австрии[76]. В 2 часа к Императрице. Она меня встретила в Биарицском костюме, который к ней очень пристал и вызвалась сама заказать платье для жинки. Потом с ней сидел и толковал. Потом к кн. Трубецкой, теще Орленка. Потом с Головниным пошел flâner dans les rues* и сделал разные покупки. Большой обед у Киселева. Все знакомый народ и разговор очень легок. Потом в Театр les Bouffes Parisiens. Давали «Orphé aux enfers». Вздор. Потом сидел у Орленка.

10 декабря. Все утро писал письмо Саше[77] и принимал визиты. Это продолжалось до 4 часов. В 5 в Тюильри проститься. Наполеон с Императрицей принимали меня внизу и очень милы. Он мне подарил сигарочницу. Воротился пешком и делал разные покупки. Домашний обед у Киселева, а потом на чугунку.

11 декабря. Ехали всю ночь и пол дня. Тяжело. Пили кофе в Лионе, завтракали в Авиньоне, приехали в Марсель в 1/2 4-го. Прямо на «Рюрик». В 5 снялись с якоря, в 1/2 12-го пришли в Тулон.

12 декабря. Смотрел в Мурильоне постройку двух фрегатов, которые должны быть окованы. В чертежной показывали его чертеж и модель. Потом смотрел постройки в Castigneau. Много подвинулись вперед. В 6 большой обед у Префекта. Все мило.

13 декабря. Снялись с якоря после полуночи. В море довольно сильная зыбь, так что идем только 5 узлов, но потом зыбь улеглась и мы пошли до 7 узлов. Пришли в Виллафранку в 5 часов, когда начинало уже смеркаться. Жинка меня там ждала и приезжала туда еще утром по приходе «Рюрика», воображая, что я на нем пришел. Воротились домой к обеду и вечер сидели дома.

14 декабря. К обедне ездили на «Громобой». Жинке очень трудно подниматься на трап. Писал длинное письмо Мише[78]. Обедали у Кати и Жоржа. Вечер дома. Читаю Ellen Midleton.

15 декабря. Очень сильный ветер и низкий барометр. На берегу NW, а в море SW и валит огромное волнение и чудный прибой. Приехал из Турина Принц Кариньян. Разговор с ним. Известия об Венгрии[79]. Je jette un peu d'eau froide sur la fougue de Cavour**[80]. Потом отдал ему визит. Был у меня тоже чучело Принц Монако. Возил жинку на Raubo Capeo смотреть чудный прибой. Писал письма. Саше о разговоре с Кариньяном, Мама и Елене Павловне[81]. Вечером большой концерт для бедных. Главное пела весьма хорошо la Baronne Vigier (Cruvelli). Отправил «Баян» с Головниным в Неаполь и в Палермо передовым.

16 декабря. Делал визит Королю Вюртембергскому. Потом рассматривал с Истоминым и здешним инженером окончательные проекты и сметы о Виллафранке. Внутренние переделки будут стоит 3 т, а морские (пристань и мол) 40 т франков. Ездили кататься с жинкой, но неприятный сильный мистраль. Поэтому поехали на Villa Bermont и очень сожалели, что не в ней жили. У нас большой обед для Кариньяна. В числе гостей Граф Salmour[82]. Очень умен и приятен. Вечером в Театре «Il Trovatore» идет недурно, но нахожу его очень скучным.

17 декабря. С утра начали все перевозить на фрегат. Оттого дома ничто не осталось, нечего делать и скучно. Ездили прощаться с Королем Вюртембергским, потом у Кати завтракали, простились и с Жоржем отправились в Виллафранку. Там на катере переправились на противный берег и показывали жинке St Jean и Beaulieu. Чудная прогулка пешком. У Gros seuil сели снова на катер и воротились на «Громобой». Скоро пришел Сардинский пароход «Il Mosambano», и с него Кариньян приехал к нам обедать. Часов в 9 снялись с якоря и пошли в Геную. Чудная ночь. Кариньян на «Mozambano» нас провожает.

18 декабря. У мыса delle Melle встретили сильную трамонтану, но без зыби. Ход спадает иногда до 4 1/2 узлов. Триселя только редко можем прикидывать. Наконец,

---

* Бродить по улицам *(фр.)*.

** «Я несколько остудил пыл Кавура» *(фр.)*

в 5 часов только что солнце село встали фертоинг в Генуэзской гавани рядом с Американским фрегатом «Wabash». Тотчас приехал Кариньян со свитой. Хотели чтобы мы переехали во дворец. Мы отказались и задержали их у нас обедать. Вечером Григорович читал первую главу описания путешествия для Сборника[83].

19 декабря. Очень холодно. 6° и свежий N. Утром был у меня с визитом Американский Адмирал La Valette. В 11 часов отвез жинку на берег, а сам отправился смотреть Сардинский винтовой фрегат «Виктор-Эммануил». Он одних размеров с «Громобоем», только 3 фута длиннее (216), но зато имеет машину Пенна в 500 сил и ходит по 11 узлов. Прекрасный фрегат, отлично выстроен и устроен внутри. Оттуда на американский фрегат «Wabash». Он, кажется, сколько помню, 260 фут длины, но имеет машину только в 400 сил и оттого больше 8 узлов не ходит. Имеет 9 дюймовую артиллерию Дальгрена. Он тоже прекрасный фрегат, но особенно нового ничего нет, «Генерал-Адмирал» будет ему не чета. Оттуда на берег в королевский дворец. Там большой завтрак с сардинскими господами. Оттуда в загородное Адмиралтейство La Foce. Там на стапеле два фрегата, которые я уже в тот раз видел «Il Duca di Genova» et «La Regina Maria Adelaide». Последний будет спущен весною. Они превосходно строятся из чудного материала и будут иметь машины в 600 сил. В 4 часа назад на «Громобой» и начали сниматься с якоря. В 5 снялись, благополучно вышли из гавани и пошли вдоль берега. Чудная ночь.

20 декабря. Идем все держась вдоль итальянского берега, чтобы по возможности укрыться от волнения, от очень сильного NO, который иногда близок к шторму, но и чудесной, ясной погодой. Прошли между Эльбой и материком, проливом Piombino. Жинка утром держалась, но потом ее укачало и она ужасно страдала, но все-таки она молодец.

21 декабря. Утром были в виду [острова] Palmarola, взяли его отшедшим пунктом и пошли прямо на Устику. Была обедница вместо полной обедни, потому что качка слишком велика. Жинку перевел ко мне в рубку, в мою спальню, потому что там винт менее слышен и качка легче. Погода чудная. Ветер попутный, но мы не держим более 9 узлов хода, что не выходит из винта. Машина делает до 56 оборотов и работает прекрасно. Ночь звездная, отличная, но впереди мгла и ничего не видать. Потому в 1/2 12-го мы привели и пошли по параллели, и тут пошло очень порядочно качать. Жинка осталась ночевать у меня в рубке, потому я не раздевался, а спал просто на диване.

22 декабря. В 3 часа утра спустились и взяли курс прямо на Палермо. Я встал в 6 часов и в сумерках первый увидал Monte Pellegrino, Capo di Gallo и Monte Zaffarano. Все знакомые места. Радость их помаленьку узнавать. Жаль, что погода серая, и впечатление не то, что я бы желал. Когда начали приближаться к городу, жинка вышла наверх и села на мостике. Несмотря на порядочную зыбь, ее нисколько не укачивало. Выехал лоцман и поставил нас в гавани тотчас фертоинг подле «Баяна». Но очень тесно, так что мы прямо против маяка. Тотчас приехали все власти и наш консул Чевкин[84]. На фрегате позавтракали и в 12 часов съехали на берег. Повез жинку кругом рыбацкой гавани, по Марине до Колонетты, потом по кассаро до Дворцовой площади, потом по Масдиеда в Оливуццу. Там новые пристройки. Жинка поместилась в них, а я в своих старых комнатках. Отправился тотчас в сад, по всем любимым местам. Он удивительно улучшился. Поводил по нему жинку. Она очень довольна. Очень устал и спал до обеда. Обед со всеми вместе. Скоро потом легли спать.

23 декабря. Утро хорошо, но потом посерело и часто дождь. Ходил утром пешком с Головниным. Показывал ему La Lisa и гротту Denissini, где рандеву всех прачек. В 12 принимал Вице-короля Il Duca di Castelcicalla[85]. После завтрака с жинкой в коляске до Porta Nuova. Оттуда пешком по кассаро до Quattro Cantoni. Заходили в Собор и в Церковь Екатерины. Потом с Головниным в коляске до Quattro Cantoni и пешком до Марины. Порядком устал. За обедом жена Чевкина, очень умна и приятна, и старик Terra di falco*, который глух и глуп. Вечером маленькое собрание. Но мы очень устали и скоро разошлись.

24 декабря. Погода серая и холодная и беспрерывный дождь. Ездили к обедне на «Громобой». Пел с певчими. Люблю службу сочельника и Христаславления. Делал

---

* Буквально: Соколиная земля *(итал.)*.

визит Вице-королю и не застал его дома. С жинкой по мраморным лавкам и пешком по Марине. Обед с нашими. Вечером елка. Мало подарков, но мило. Никола очень доволен.

25 декабря. Холодно, хотя ясно и солнце. Были за обедней с молебном на «Громобое». Все глядело весьма празднично. После завтрака отправились гулять всей компанией. Сперва к дому Belmonte, что под Пеллирино. Но в это время солнце закрылось облаками и чудный вид потерял свою главную прелесть, то есть освещение. Оттуда в морскую пещеру, что около Ринелли. Но море не было довольно спокойно, и эффект был далеко не тот, которого я ожидал. Оттуда кругом рыбацкого порта на Марину, и там пошли пешком, но за нами следила огромная толпа. Обед был большой, с Вице-королем, командирами и старшими лейтенантами. Вечером сидели одни.

26 декабря. Утром погода чудная, солнце и тепло. Начал с Головниным работу трехгодичного отчета[86]. В 11 часов ходил с нашим молодым обществом и показывал им Denissini. Григорович особенно в восхищении. После завтрака поехали с жинкой сперва в Цезу и лазили на крышу смотреть чудный вид. В это время солнце начало скрываться и покрываться тучами. Оттуда в Королевский Дворец. Осмотрели чудную дворцовую Церковь, Норманские комнаты и Сиракузского бронзового барана. Ходили на террасы на Porta Nuova смотреть вид. Потом поехали в коляске кругом городских стен. В это время пошел проливной дождь и сделалось скверно.

27 декабря. Чудная погода, солнце и тепло. После утренней работы с Головниным отправился с Бойе[87] пешком на гавань и сели на моле за нашими судами. Нас скоро узнали и выслали катер. Очень смеялись. Переехали к Porta Felice и воротились пешком по Cassaro. Эта прогулка взяла у меня 2 часа. После завтрака с жинкой и всем обществом через сад Фавориты в Mondello. Там пешком до башни, что на скале. Чудо, чудо. Вечером играл на виолончели.

28 декабря. Барометр очень низок и с утра дождь. Поехали с жинкой к обедне на «Громобой». На банках ходит сильный бурун, но еще ветра нет. За обедней вдруг стало свежить, так что пришлось спустить брамстеньги. Задние швартовы вытягиваются в струнку, и повалили комель у люка. С трудом воротились на берег. Тогда заревел шторм. В 2 часа ездил на гавань. Судам плохо стоять. На «Громобое» уже одна цепь лопнула, 2 пала на берегу свалились. Волнение на моле начало разрушать стенку. Я весь остаток дня в большом беспокойстве.

29 декабря. Шторм продолжается с той же силой, но суда наши покуда еще на местах. В 2 часа дождь немного улегся и я отправился снова на гавань. Все у нас благополучно, хотя ночь была ужасная. Еще несколько швартовов лопнуло и палов выворотило, а у одного берегового якоря оторвало веретено. В гавани сорвало одно Австрийское судно и стало разбивать в бурунах на банке. Команду спасли с «Ретвизана» на катере, на котором выезжал Фесун[88]. Во время шторма вошел в гавань великолепно Неаполитанский военный корвет. Стенку на моле еще больше разрушило. Оттуда поехал на Марину. Там прибой ходит через всю набережную и во многих местах ее испортил. После обеда с жинкой занимались музыкой. Я играл на виолончели, а она аккомпанировала на фортепианах. Играли «Lieder ohne Worte» Мендельсона и для первого раза шло недурно.

30 декабря. Слава Богу, ночью шторм прекратился и это страшное время прошло. Сегодня тихо и чудная теплая погода с солнцем. Утром был у меня Истомин с донесением об этих двух днях. Все обошлось благополучно. Ездил снова на гавань, в La Cala и на Марину до Колонетты. По местам ужасные разрушения, особенно в La Cala. После завтрака ездили с жинкой в Santa Maria de Gesù. Любовались этим чудным видом. Я его срисовал в альбом, так же фонтан, что во дворе. Покуда рисовал — разные смешные разговоры с монахами. Вечером снова играл с жинкой на виолончели и уже шло гораздо лучше.

31 декабря. День рождения здешнего короля, потому наши суда расцветились флагами и салютовали. Погода чудная, теплая и солнце. Возил жену в La Baida через Bocca di Falco. Чудные виды с удивительным освещением и цветом неба. Потом ездили немного в jardin Anglais*. Обедали одни ради бала.

---

* Английский сад *(фр.)*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великий князь Константин Константинович (1858—1915), сын великого князя Константина Николаевича (далее — К. Н.), впоследствии генерал-инспектор военно-учебных заведений, с 1889 г. президент Петербургской Академии наук, поэт (литературный псевдоним К. Р.), автор многих романсов; в 1913—1915 гг. вышел трехтомник его стихотворений.

[2] Великая княгиня Александра Иосифовна (Санни) (1830—1911), дочь герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа. В 1848 г. вышла замуж за К. Н.

[3] Петропавловская крепость — усыпальница русских императоров и членов императорской фамилии.

[4] Николай I (1796—1855), император с 1825 года.

[5] Великая княгиня Александра Николаевна (1825—1844), сестра К. Н., в замужестве принцесса Гессенская.

[6] Название парохода. Далее иностранные названия морских судов, географических пунктов, а также художественных произведений даются в тексте, как правило, без перевода.

[7] Александр II (1818—1881), император с 1855 г., брат К. Н.

[8] Великий князь Николай Константинович (1850—1918), сын К. Н., впоследствии историк, собиратель документов по истории России.

[9] Гауровиц Иван Самойлович, лейб-хирург при дворе К. Н., главный инспектор медицинской части Морского министерства.

[10] Контр-адмирал Истомин Константин Иванович (1807—1876), в 1858—1859 гг. начальник эскадры Средиземного моря, состоял в свите К. Н.

[11] Лихачев Иван Федорович, капитан I ранга, адъютант К. Н. В 1859 г. плавал на фрегате «Громобой» в Средиземном море.

[12] Кудрявский Христиан Емельянович (1815—1878), в 1855—1864 гг. поверенный в делах при Ганзейских вольных городах.

[13] Персиани Иван Эммануилович, в 1857—1866 гг. посланник в Ганновере и при Ольденбургском дворе.

[14] Катакази Константин Гаврилович (1830—1890), дипломат.

[15] Очевидно, речь идет о статьях, в которых выражалось недовольство тем, что Сардинское правительство предоставило России в итальянском городке Виллафранка несколько зданий и участок земли под базу для русского флота в Средиземном море. 27 ноября К. Н. писал Александру II из Ниццы: «Сегодня я ездил в Виллафранку с Штакельбергом осмотреть здание, уступленное нам сардинцами и которое было поводом ко всей крикотне в журналах». В назревавшем конфликте между Францией и Италией, с одной стороны, и Австрией — с другой, Франция и Сардинское королевство были заинтересованы в активной антиавстрийской позиции и поддержке со стороны России. Во время одной из бесед с К. Н. Наполеон III заявил, что ему «приятно присутствие нашей эскадры в Средиземном море и история Виллафранка, которую я ему рассказал во всей подробности» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 185об.—186, 191). О работах по устройству базы К. Н. писал из Палермо 12(24) января 1859 г. Н. Ф. Метлину (там же, ф. 722, оп. 1, д. 187, лл. 137—138).

[16] Георг V (1819—1878), король Ганноверский, вступил на престол в 1851 году.

[17] Графиня фон-дер-Декен, обер-гофмейстерина Ганноверского двора.

[18] Барон Зеебах (Зебах), Лев, был посланником при французском и российском дворах, долгое время жил в России, был женат на дочери канцлера графа К. В. Нессельроде, член Парижского комитета русских железных дорог. После встречи с Зеебахом К. Н. писал К. В. Чевкину, что барон едет в Россию по «делу железных дорог» и ему нужно оказать содействие и вручить ценный подарок. Зеебах должен был убедить Чевкина не противодействовать, а сотрудничать с французским Обществом железных дорог, с французскими инженерами (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 863, лл. 20—21; д. 936, лл. 196—197).

[19] Чевкин Константин Владимирович (1802—1875), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, с 1853 по 1862 г. — главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями. В 1863—1872 гг. председатель департамента экономии Государственного Совета, с 1872 г. председатель комитета по делам Царства Польского. В конце 50-х годов Чевкин был занят постройкой железных дорог в России. К. Н. писал ему 10(22) декабря 1858 г.: «Вся Европа смотрит на Вас и с окончанием железных дорог наших поставит Россию и в военном и в промышленном отношении еще на высшую степень политического значения» (там же, д. 863, л. 20 об.). Головнин писал, что у Чевкина вследствие его недоверчивого, подозрительного характера часто возникали недоразумения с Обществом железных дорог, иностранными инженерами. К. Н. был в курсе этих осложнений и часто сам вступал в переговоры, «побуждая Чевкина к справедливым уступкам» (там же, д. 936, лл. 36—37).

[20] Головнин Александр Васильевич (1821—1886), в звании камергера состоял при дворе К. Н., был его ближайшим помощником, подготовил его жизнеописание. Впоследствии министр народного просвещения (1861—1866), член Государственного Совета.

[21] Речь идет о письме Александра II от 13(25) октября 1858 г. сугубо личного характера (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 95—95об.).

[22] Герцог Саксен Альтенбургский Иосиф и сестры жены К. Н. Александры Иосифовны.

[23] Ольденбургский Николай-Фридрих-Петр (1827—1900) — генерал прусской службы, шеф русского Тарутинского полка, с 1853 г. великий герцог Ольденбургский. С 1852 г. женат на принцессе Елизавете-Паулине-Александрине (1826—1896), дочери герцога Саксен-Альтенбургского Иосифа, сестре великой княгини Александры Иосифовны, жены К. Н.

[24] Лисянский Платон Юрьевич, капитан I ранга, адъютант К. Н. для особо важных поручений, непременный член Ученого комитета Морского министерства.

[25] К. Н. писал Александру II о прибытии в Киль и впечатлении, которое произвели на него «три лучших русских судна», приобретенных Россией за последние два года: яхта «Штандарт», построенная специально для императора, фрегат «Светлана», корвет «Баян» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 176—177 об.).

[26] Князь Львов Георгий Владимирович (1821—1873) с 1855 г. по поручению К. Н. участвовал в работах по преобразованию морского управления, был приглашен великим князем на службу в Морское министерство.

[27] Барон Гакстгаузен Август (1792—1866) приехал в Россию в 1843 г., исследовал аграрные отношения в Пруссии и России, писал о русской общине. Летом 1857 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков подал Александру II записку Гакстгаузена об отмене крепостного права, в которой высказывалась мысль о возможности предотвратить назревающие революционные потрясения с помощью своевременно проведенной реформы (см. Зайончковский П. А. К вопросу о деятельности секретного комитета по крестьянскому делу в 1857 г.— Исторические записки. Т. 58, с. 338).

[28] Пещуров Алексей Алексеевич (ум. 1891 г.), капитан-лейтенант 16-го флотского экипажа, в 1856 г. был командирован в Англию для «заведования постройкой судов и исполнения других поручений». Впоследствии командовал построенным в Англии клипером «Гайдамак», а затем флотами Черного и Каспийского морей.

[29] Александра Федоровна (1798—1860), императрица, вдова Николая I, урожденная принцесса Прусская Фредерика-Луиза-Шарлотта, дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

[30] Князь Волконский Александр Никитич, в 1858—1860 гг. посланник в Саксонии и Саксен-Альтенбурге.

[31] 7 октября 1858 г. прусский наследный принц Вильгельм был назначен регентом. На смену министерства Мантейфеля пришло новое, которое возглавил принц Карл-Антон Гогенцоллерн-Зигмарингенский. В Германии чувствовалось ожидание «новой эры». Новые министры в большинстве своем были сторонниками расширения конституционных прав и влияния прусского ландтага. Одним из первых в новом министерстве был поставлен вопрос о реорганизации армии.

[32] Профессор Лейпцигского университета Константин фон Тишендорф (1815—1874), богослов, собиратель древних рукописей. Свое третье путешествие на Восток предпринял на счет русского правительства. Из этой экспедиции привез в 1859 г. в Петербург греческую рукопись Библии Codex Sinaiticus (изд. в 1862 г. к 1000-летию Русского государства). В 1869 г. получил российское дворянство.

[33] Эрнст, правящий герцог Саксен-Альтенбургский (р. 1826 г.), двоюродный брат жены К. Н., наследовал престол в 1853 году.

[34] Карл-Александр, с 1853 г. великий герцог Саксен-Веймар-Эйзенахский, сын дочери Павла I Марии Павловны. Неоднократно посещал Петербург.

[35] Стефан, эрцгерцог Австрийский (1817—1867). В 1847—1848 г. был палатином Венгрии; после 1848 г. жил в своих владениях в Нассау.

[36] Великая княгиня Мария Павловна (1786—1859), дочь Павла I, тетка К. Н., в замужестве великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, жена великого герцога Карла-Фридриха.

[37] Так К. Н. обозначал дни, когда Александре Иосифовне нездоровилось.

[38] Граф Путятин Ефим Васильевич (1803—1883), вице-адмирал, дипломат. В 1858 г. был причислен к Главному морскому штабу. В 1861 г. назначен министром народного просвещения, член Государственного Совета. При его участии был заключен 26 января 1855 г. договор между Россией и Японией в Симоде; для России было открыто три порта. В 1857 г. посещал Китай. В декабре 1857 г. назначен начальником эскадры Тихого океана. 1(13) июня 1858 г. в Тяньцзине при его участии был подписан договор между Россией и Китаем, 7(19) августа 1858 г.— договор с Японией в Эдо, который в основном распространял на Россию преимущества, уже полученные в 1857—1858 гг. США (см. донесение Путятина от 4(16) октября 1858 г. (Архив внешней политики России, фонд Главного архива, т. 9, 1858, № 16, лл. 5—7). 24 ноября 1858 г. был направлен в Англию и Францию для сбора сведений о новейших изобретениях по морскому делу, получил должность военно-морского агента в Лондоне.

[39] Очевидно, имеется в виду опера Доницетти «Лукреция Борджиа».

[40] Стеценко (Стеценков) Василий Александрович (р. 1822 г.), капитан II ранга, адъютант К. Н. В 1858—1859 гг. командовал фрегатом «Полкан», совершил плавание по Средиземному морю.

[41] Карл-Фридрих-Александр (1823—1891), принц, с 1864 г. король Вюртембергский.

[42] Великая княгиня Ольга Николаевна (1822—1892), дочь Николая I, с 1846 г. принцесса, с 1864 г. королева Вюртембергская.

[43] Севастьянов Петр Иванович (1811—1866), археолог. Путешествуя по странам Востока, в том числе Палестине и Афону, собрал большую коллекцию христианских древностей; в 1858 г. эта коллекция демонстрировалась в Париже.

[44] Титов Владимир Павлович (ум. 1891 г.), посланник в Штутгарте.

[45] Вильгельм I (1781—1864), король Вюртембергский, вступил на престол в 1816 году.

[46] Граф Виельгорский Матвей Юрьевич, обер-гофмейстер двора К. Н.

[47] Великая княгиня Ольга Федоровна (1839—1891), урожд. принцесса Баденская, жена великого князя Михаила Николаевича, брата К. Н.

[48] Великая княгиня Анна Федоровна, урожд. герцогиня Саксен-Кобургская, первая жена великого князя Константина Павловича (сына Павла I, дяди К. Н.), с которым развелась в 1820 году.

[49] Принц Кариньянский Евгений-Эммануил (1816—1888), родственник Сардинского короля Виктора-Эммануила, занимал высшие посты в администрации Сардинского королевства и объединенного Итальянского королевства.

[50] Король Сардинский Виктор-Эммануил (1820—1878), с 1861 г. итальянский король Виктор-Эммануил II. При встрече король был весьма откровенен с К. Н., говорил ему о готовящихся «великих» событиях в Италии и о сильном недовольстве в Венгрии (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 936, л. 176).

[51] Речь идет о секретной миссии двоюродного брата Наполеона III, принца Наполеона (сына Жерома Бонапарта) в Варшаву, где он встретился с Александром II за несколько месяцев до начала австро-франко-итальянской войны 1859 года. Александр II обещал свой дружественный нейтралитет в предстоящей войне, выразил готовность помогать Франции дипломатическим путем в подготовке разгрома Австрии. Позднее, 3 марта 1859 г., было заключено тайное соглашение между Францией и Россией: царь обязался не препятствовать расширению Сардинского королевства, если другие итальянские государи останутся на своих престолах. Устно он пообещал также придвинуть к границам Австрии несколько корпусов, чтобы сковать часть австрийской армии на востоке (История дипломатии. Т. 1. М. 1959, с. 696; ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 936, л. 177об.). О своей встрече с королем К. Н. более подробно известил Александра II в письме от 27 ноября (9 декабря) 1858 г. из Ниццы. Во время этой беседы К. Н. еще раз подтвердил, что Россия не будет поддерживать Австрию в предстоящем вооруженном конфликте. Из беседы было видно, что король боится революции в Италии, он «не хочет упираться на революцию, напротив того, видит в ней гибель и несчастие всей Италии и хочет, напротив, чтобы борьба против Австрии за независимость Италии была борьба чисто политическая. Что для начала войны у него всегда найдется достаточно политических споров и распрей с Австрией, дабы не прибегать к революции» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 184—185об.).

[52] Граф Кавур Камилло Бензо (1810—1861), итальянский государственный деятель. Будучи первым министром Сардинского королевства, вместе с королем Виктором-Эммануилом выступал за изгнание из Италии австрийцев и создание независимого объединенного итальянского государства. Он рассчитывал на союз с Наполеоном III. О беседе с К. Н. Кавур сообщил сардинскому посланнику в Париже К. Нигра 9 декабря 1858 г. (К. Н — Александру II, 27 ноября 1858 г.; ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, л. 185об.; Il carteggio Cavour — Nigra. Vol. 1. Bologna. 1926, p. 237.).

[53] В упомянутом письме к Александру II из Ниццы К. Н. пишет о беседе с Кавуром: «Я у него, главное, хотел знать что-нибудь наверное про вероятную роль Англии и Германии. Он надеется, что Англия не будет им мешать, хотя уверен, что она и помогать не будет. Но им и этого достаточно. От Германии он тоже ожидает нейтралитета, хотя не так в нем уверен со времени перемен в Пруссии. Постоянное пребывание нашей эскадры в Средиземном море было бы ему весьма желательно для нравственного влияния, как знак сочувствия». Далее К. Н. пишет, что Кавур добивался более активного участия России в предстоящей войне. По выражению К. Н., Кавур будет стараться «заварить общую кашу... Чего он тут не приплетал, и Венгрию, которая в удобную минуту готова восстать, и славянские народы, которые ждут минуты своего возрождения, и недоконченный восточный вопрос, который в Париже на конференциях только замазан, а далеко не разрешен». На это К. Н. отвечал, что «России для зачинающихся в ней преобразований нужен во-первых и во всяком случае покой» (там же).

[54] Герцог-Август, герцог Мекленбург-Стрелицкий (1824—1876), генерал-адъютант, генерал-инспектор стрелковых батальонов, муж великой княгини Екатерины Михайловны.

[55] Великая княгиня Екатерина Михайловна (1827—1894), в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, дочь великого князя Михаила Павловича, брата Николая I.

[56] В 1857 г. вдовствующая императрица Александра Федоровна посещала Италию.

[57] В письме от 16(28) ноября 1858 г. царь затрагивает не только внутреннее положение в стране, ход работы по подготовке крестьянской реформы, но и наставляет К. Н., как ему вести себя на переговорах в Италии и Франции с тем, чтобы избежать

вовлечения России в общую европейскую войну (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 97—98об.).

[58] Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), поэт, критик. При Александре I выполнял дипломатические поручения, при Николае I служил в Министерстве финансов, с 1855 по 1858 г. был товарищем министра народного просвещения. После ухода в отставку жил в основном за границей.

[59] Записки Екатерины II были впервые опубликованы в конце 1858 г. А. И. Герценом на французском языке по рукописи, доставленной П. И. Бартеневым.

[60] Граф Штакельберг (Стакельберг) Эрнест Густавович (1813—1870), дипломат, генерал-майор, с 1856 до 1860 г. и в 1862—1864 гг. был посланником России при дворе короля Сардинии (в промежутке — в Мадриде). Позднее находился на дипломатической службе в Вене, Париже.

[61] Упоминаемое письмо см.: ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 182—186об.

[62] Хитров (Хитрово) Василий Николаевич (1834—1903), в 1858 г. чиновник Комиссариатского департамента Морского министерства. Ездил за границу изучать «двойную бухгалтерию». В 1860 г. в «Морском сборнике» №№ 1—3 опубликовал статью «Бухгалтерия в применении к государственным оборотам».

[63] Винтергалтер Франц-Ксаверий (1806—1873), литограф, живописец. Известный портретист, пользовался успехом у знати. Автор портретов императриц Александры Федоровны и Марии Александровны.

[64] Возможно, речь идет о сенаторе А. М. Безобразове или его сыновьях Михаиле или Николае, выступавших против правительственного курса на отмену крепостного права и выдвигавших конституционно-олигархические требования. В фонде К. Н. хранится направленная ему в августе 1858 г. Н. А. Безобразовым записка «Обсуждение вопроса об улучшении быта помещичьих крестьян» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 279).

[65] Баженов Александр Иванович, капитан-лейтенант, командир пароходо-фрегата «Рюрик»; в 1858—1859 гг. участвовал в походе в Средиземное и Адриатическое моря. В 1886 г. произведен в вице-адмиралы.

[66] Российское общество пароходства и торговли, созданное в 1856 г. для развития русского коммерческого судоходства на Черном и Средиземном морях; пользовалось покровительством К. Н.

[67] Князь Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, сын А. Ф. Орлова. В юности слушал вместе с К. Н. курс законоведения, который читал им М. А. Корф. В 1846, 1848 г. состоял при К. Н., принимал вместе с ним участие в подавлении Венгерской революции. Впоследствии находился на дипломатической службе. Большую известность получила его записка «Об отмене телесных наказаний в России и в Царстве Польском».

[68] Граф Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, видный государственный деятель в царствование Николая I, в 1837—1841 гг. провел реформу государственной деревни. В 1856—1862 гг. посол России во Франции, член Государственного Совета.

[69] О пребывании в Компьене и переговорах с министром иностранных дел Франции графом Валевским о судоходстве по Дунаю и о спорных статьях конвенции о Дунайских княжествах Киселев сообщал Горчакову в депешах от 14(26) ноября, 20 ноября (2 декабря), 25 ноября (7 декабря) 1858 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1858, д. 118, лл. 254—256, 274—280, 282—288). 25 ноября (7 декабря) 1858 г. Киселев писал Горчакову, что в беседе с ним Наполеон III намекнул, что Франция и Россия не могут долго находиться под игом таких унизительных трактатов, как Венский 1815 г. и Парижский 1856 г. (там же, лл. 587об.— 588).

[70] Наполеон III (1808—1873), император Франции с 1852 по 1870 год.

[71] Монтихо Евгения-Мария (1826—1920), испанская графиня, жена Наполеона III, императрица, считалась законодательницей мод.

[72] Бонапарт Жером (1784—1860), младший брат Наполеона I, декретом 24 декабря 1852 г. провозглашен наследником французского престола с титулом принца крови и императорского высочества.

[73] Принц Наполеон (Жозеф-Шарль-Поль Бонапарт) (1822—1891), сын Жерома Бонапарта. Во время беседы с К. Н. рассказывал о встрече с царем в Варшаве (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, л. 189об.).

[74] Матильда (Летиция-Вильгельмина) (р. 1820), дочь Жерома Бонапарта и Фридерики, принцессы Вюртембергской. С 1841 по 1845 г. была замужем за Анатолием Демидовым-Сан-Донато. Занимала видное место в высшем парижском обществе. После восстановления империи во Франции была включена в состав императорской фамилии. Ее дом был одним из литературных центров Парижа.

[75] Речь идет о семействе статс-дамы Е. М. Бутурлиной, гофмейстерины при дворе великой княгини Александры Иосифовны.

[76] О переговорах с императором Франции К. Н. сообщает в письме к Александру II от 10(22) декабря 1858 года. В частности, К. Н. стало ясно, что в предстоящей войне с Австрией Наполеону III недостаточно нейтралитета России, а «нужна наша действительная помощь, наша война с Австрией в ту минуту, когда он с ней будет драться в Италии... По крестьянскому вопросу (о котором он расспрашивал с большим интересом), по состоянию наших финансов он ясно видит, что война для нас не только нежелательна, но была бы для нас почти несчастьем. Все это доказывает ему ясно, что ему придется или отложить борьбу до тех пор, пока ты захочешь в ней принять действительное участие, или предпринять ее одному. Во всем этом виновата прошедшая война (Крымская война.— *Л. З.*), и выходит, что он об ней сожалеет. Он на этот предмет возвращался очень часто и высказал даже мысль, что ве будет ли полезна у нас война, для того чтобы дать другое направление народным страстям, будто бы возбужденным у нас крестьянским вопросом. Мне нетрудно было его в этом разуверить... Англия крепко ему надоедает... Но главным оружием в его мысли против Англии должна служить итальянская история. Мне кажется, что он в первый раз высказал весь этот обширный план, разумеется, с тем, чтоб он был передан тебе». Суть предложений Наполеона III сводилась к необходимости противопоставить Англии континент единый и неразделный, а для этого надо «уничтожить силу Австрии», чтобы «материк состоял 1) из сильной России, 2) из сильной Франции по краям материка и 3) из полусильной Пруссии и слабой Немеччины посередине, которую мы и вдвоем с Францией всегда можем заставить быть с нами заодно. Тогда, но только тогда Европа будет независима от Англии», но для этого необходима борьба Франции и России с Австрией, в результате которой Франция распространит свое влияние на юге в Италии, а «Россия возвратит себе старое свое историческое достояние — Галицию». Далее Наполеон III заявил, что Франция и Россия должны стремиться освободиться от трактатов, которые их связывают. Для Франции это договоры 1814 и 1815 гг., для России — Парижский договор 1856 г. (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 189об.— 192).

[77] См. прим. 76.

[78] Великий князь Михаил Николаевич (1832—1909), сын Николая I, брат К. Н., генерал-фельдцейхмейстер. Письма К. Н. к Михаилу Николаевичу за 1859—1861 гг. см.: ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1801-в.

[79] В письме Александру II от 15(27) декабря 1858 г. из Ниццы К. Н. писал, что, по словам Кариньяна, Сардинский король получил подтверждение известия о том, «что Венгрия, в высшей степени недовольная австрийским владычеством и помнящая виселицы 1849 года, готова восстать и ждет только удобного для того случая. Что в ней существует правильно учрежденный заговор, проходящий сквозь все сословия» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 193—193об.).

[80] В беседе с Кариньяном К. Н. пытался ему доказать, что горячка и торопливость, которой подвержен Кавур, может «все испортить» (там же, л. 194).

[81] Великая княгиня Елена Павловна (1806—1873), урожд. принцесса Фредерика-Шарлотта-Мария Вюртембергская, жена великого князя Михаила Павловича, одна из основательниц Крестовоздвиженской общины сестер милосердия и Русского музыкального общества. Покровительствовала либеральным деятелям Редакционных комиссий Н. А. Милютину, Ю. Ф. Самарину, В. А. Черкасскому и др., принимала их в своем салоне в Михайловском дворце. Выступила с инициативой освобождения крестьян в своем имении Карловке Полтавской губернии в 1856 г., по ее просьбе Н. А. Милютин со своими единомышленниками составил сначала записку, а затем и проект освобождения крестьян Карловки с наделением полевой землей за выкуп, утвержденный Главным комитетом по крестьянскому делу и подписанный Александром II 1 февраля 1859 г. и ставший моделью реформы 1861 года. В ее взглядах и отношении к реформам было много общего с К. Н., хотя официально она не принимала участия в государственной деятельности. Известна также своим покровительством писателям, художникам, музыкантам.

[82] Граф Сальмур, друг Кавура, в 1855—1858 гг. генеральный секретарь МИД Сардинии.

[83] Писатель Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1900) подготовил для публикации в «Морском сборнике» свои путевые очерки «Корабль «Ретвизан» (чч. 1—2, 1859—1863).

[84] Чевкин Александр Владимирович, в 1858 г. генеральный консул в Палермо. Брат К. В. Чевкина.

[85] Князь Руффо Паоло ди Кастельчикалла (1791—1866), в 1855—1860 гг. генеральный наместник Сицилии.

[86] Речь идет о подготовке трехгодичного отчета о деятельности морского ведомства.

[87] Бойе Аксель (Алексей) Иванович, капитан-лейтенант, адъютант К. Н. В 1858 г. был командирован в Англию, наблюдал за прокладкой телеграфного кабеля в океане из Англии в Америку, о чем докладывал К. Н. Участвовал в плавании русских кораблей в Средиземном море. В 1881 г. произведен в контр-адмиралы.

[88] Фесун Николай Алексеевич (р. 1835), лейтенант.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

Глава XI. *Власть: Дума, Временное правительство, командование, Совет рабочих и солдатских депутатов*

То исключительное положение, в котором оказалась русская держава,— мировой войны и революции — повелительно требовало установления в ней сильной власти.

Государственная Дума, которая, как я уже говорил, пользовалась несомненным авторитетом в стране, после долгих и горячих обсуждений, от возглавления собою революционной власти отказалась. Временно распущенная Высочайшим указом 27 февраля, она сохранила лояльность и «не пыталась открыть формальное заседание», исходя из взгляда на себя как на «законодательное учреждение старого порядка, координированное основными законами с остатками самодержавной власти, явно обреченной теперь на слом» *. Последующие акты исходили уже от «частного совещания членов Государственной Думы». Это же частное заседание избрало Временный Комитет Государственной Думы, осуществлявший первые дни верховную власть. При Комитете существовала еще военная комиссия комитета Государственной Думы, возглавляемая генералом Потаповым **. Она пыталась оказать влияние на управление армией, но встретила решительный отпор со стороны Ставки. Сам генерал Потапов так претенциозно определял ее значение: «я состоял председателем военной комиссии, в которой, с арестом членов царского правительства, сосредоточивалась вся власть в стране... Я настаивал на скорейшем принятии от меня всех функций образовавшимся Временным правительством». Это оригинальное самодовлеющее учреждение, находившееся в оживленной связи с Советом раб. и солд. деп., «являясь посредником между совдепом, комитетом и правительством», существовало, однако, до 17 мая, когда на запрос Родзянко военный министр Керенский уведомил его, что «военная комиссия блестяще исполнила все поручения и задачи в первые два месяца после переворота», но что «в продолжении деятельности комиссии надобности нет».

С передачей власти Временному правительству, Гос. Дума и Комитет ушли в сторону, но не прекращали своего существования, пытаясь давать моральное обоснование и поддержку первым трем составам правительства. Но если 2 мая, во время первого правительственного кризиса, Комитет боролся еще за право назначать членов правительства, то поздиее он ограничивался уже только требованием участия в составлении правительства. Так, 7 июля Комитет Гос. Думы протестовал против устранения своего от участия в образовании Керенским нового состава Временного правительства [1], считая это явление «юридически недопустимым и политически пагубным». Между тем, Гос. Дума имела неотъемлемое право на участие в руководстве жизнью страны, ибо даже в лагере ее противников признавалась огромная услуга, оказанная революции Думой, «покорившей ей сразу весь фронт и все офицерство» *. Несомненно, революция, возглавленная Советом, встретила бы кровавое противодействие и была бы раздавлена. И может быть, дав тогда победу либеральной демократии, привела бы страну к нормальному эволюционному развитию? Кто знает тайны бытия!

Сами члены Гос. Думы, тяготясь своим вначале добровольным, потом вынужденным бездействием, начали проявлять некоторый абсентеизм, с которым пришлось бороться председателю. Тем не менее и Дума и Комитет горячо отзывались на все выдающиеся события русской жизни, выносили постановления осуждающие, предостерегающие, взывающие к разуму, сердцу и патриотизму народа, армии и правительства. Но Дума была отметена уже революционной стихией. Ее обращения, полные ясного сознания грядущей опасности и несомненно государственные, не пользовались уже никаким влиянием в стране и игнорировались правительством. Впрочем, и такая мирная, не борющаяся за власть Дума вызывала опасения в среде революционной демократии, и советы вели яростный поход за упразднение Гос. Думы и Гос. Совета. В августе декларативная деятельность Гос. Думы стала замирать, и когда 6 октября Керенский, по требованию Совета, распустил Гос. Думу **, это известие не произвело уже в стране сколько-нибудь заметного впечатления.

Потом долго еще идею 4-ой Гос. Думы или собрания Дум всех созывов как опоры власти гальванизировал М. В. Родзянко, пронеся ее через Кубанские походы и «Екатеринодарский добровольческий» период антибольшевистской борьбы... Но Дума умерла.

Трудно сказать, был ли неизбежным отказ от власти Гос. Думы в мартовские дни, вызывался ли он реальным соотношением сил, боровшихся за власть, могла ли «цензовая» Дума удержать социалистические элементы, в нее входившие, и сохранить то влияние в стране, которое она приобрела в результате борьбы с самодержавием?.. Одно несомненно, что в годы русского безвременья, когда невозможно было нормальное народное представительство, во все периоды и все правительства чувствовали потребность в каком-либо суррогате его, хотя бы для создания себе трибуны, для выхода накопившимся настроениям, для опоры и разделения нравственной ответственности. Таковы «Временный совет Российской республики»—в Петрограде (октябрь 1917 г.), инициатива которого исходила, впрочем, от революционной демократии, видевшей в нем противовес предположенному большевиками второму съезду советов; осколок учредительного собрания 1917 г.— на Волге (лето 1918 г.); подготовлявшийся созыв Высшего совета и Земского собора — на юге России и в Сибири (1919 г.). Даже наивысшее проявление коллективной диктатуры, каким является «совет народных комиссаров», дойдя до небывалого еще в истории деспотизма и подавления общественности и всех живых сил страны, обратив ее в кладбище, все же считает необходимым создать театральный декорум такого

Продолжение. См.: Вопросы истории, 1990, №№ 3—4.

* Милюков. История второй русской революции.

** Впоследствии жил в Японии, противодействовал адмиралу Колчаку. В 1921 г. поступил на службу к советскому правительству.

* Станкевич. «Воспоминания».

** Законный 5-летний срок оканчивался 25 октября.

представительства, периодически собирая «всероссийский съезд советов».

Власть Временного правительства в самой себе носила признаки бессилия. Эта власть, как говорил Милюков, не имела привычного для масс «символа». Власть подчинилась давлению Совета, систематически искажавшего и подчинявшего все государственные начинания классовым и партийным интересам.

В составе ее находился и «заложник демократии» — Керенский, который так определял свою роль: «я являюсь представителем демократии, и Временное правительство должно смотреть на меня как на выразителя требований демократии и должно особенно считаться с теми мнениями, которые я буду отстаивать»...* Наконец, что едва ли не самое главное, в состав правительства входили элементы русской передовой интеллигенции, разделявшие всецело ее хорошие и дурные свойства, и в том числе полное отсутствие волевых импульсов — той безграничной в своем дерзании, жестокой в устранении противодействий и настойчивой в достижении силы, которая дает победу в борьбе за самосохранение — классу, сословию, нации. Все четыре года смуты для русской интеллигенции и буржуазии прошли под знаком бессилия, непротивления и потери всех позиций, мало того — физического истребления и вымирания. По-видимому, только на двух крайних флангах общественного строя была настоящая сильная воля; к сожалению, воля к разрушению, а не к созиданию. Один фланг дал уже Ленина, Бронштейна, Апфельбаума (Зиновьева.— *Ред.*), Урицкого, Дзержинского, Петерса... Другой, разбитый в февральские дни, быть может, не сказал еще последнего слова...

Русская революция, в своем зарождении и начале, была явлением, без сомнения, национальным, как результат всеобщего протеста против старого строя. Но, когда пришло время нового строительства, столкнулись две силы, вступившие в борьбу, две силы, возглавлявшие различные течения общественной мысли, различное мировоззрение. По установившейся терминологии — это была борьба буржуазии с демократией, хотя правильнее было бы назвать борьбой буржуазной демократии с социалистической. Обе стороны черпали свои руководящие силы из одного источника — немногочисленной русской интеллигенции, различаясь между собою не столько классовыми, корпоративными, имущественными особенностями, сколько политической идеологией и приемами борьбы. Обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили, и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки инертный ранее народ, в частности армия, обратились «в стихию расплавленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм» **. Не соглашаться с этим взаимодействием, значит, по толстовскому учению, отрицать всякое влияние вождей на жизнь народов — теория, в корне опровергнутая большевизмом, покорившим надолго чуждую ему и враждебную народную стихию.

В результате борьбы, с первых же недель правления новой власти, обнаружилось то явление, которое позднее, в середине июля, комитет Гос. Думы, в своем обращении к правительству, охарактеризовал следующими словами: «захват безответственными организациями прав государственной власти, создание ими двоевластия в центре и безвластия в стране».

---

* Речь в Совете.

** Слова Керенского.

* * *

Власть Совета была также весьма условна. Невзирая на ряд кризисов правительства, на возможность взять при этом власть в свои руки безраздельно и безотказно *, революционная демократия, представленная Советом, категорически уклонилась от этой роли, прекрасно сознавая, что в ней недостаточно ни силы, ни знания, ни умения вести страну, ни надлежащей в ней опоры.

Устами одного из своих вождей — Церетели, она говорила: «не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач... Мы поняли, что совершается буржуазная революция... И не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы,.. не захотели взять на себя ответственность за крушение движения, если бы в отчаянной попытке решились навязать событиям свою волю в данный момент. Они предпочитали путем постоянного организованного давления заставлять правительство исполнять их требования» (Нахамкес).

Член исполнительного комитета Станкевич в своих «Воспоминаниях», отражающих неисправимую идеологию сбившегося с пути социалиста, дошедшего ныне до оправдания большевизма, но вместе с тем производящих впечатление искренности, дает такую характеристику Совету: «Совет — это собрание полуграмотных солдат — оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие»... Две тысячи тыловых солдат и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое «представительство» России. Мало-помалу в кругах интеллигенции, демократической буржуазии, в офицерской среде накипала глухая и бессильная злоба против Совета; на нем сосредоточивался весь одиум, его поносили в этих кругах самыми грубыми, унизительными словами. Эту ненависть против Совета, проявлявшуюся зачастую открыто, революционная демократия совершенно неправильно относила к самой идее демократического представительства.

С течением времени приоритет Петроградского совета, приписывавшего выдвинувшей его среде исключительную заслугу свержения старой власти, стал заметно падать. Огромная сеть комитетов, советов, наводнивших страну и армию, требовала участия в правительственной работе. В результате в апреле состоялся съезд делегатов советов рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет реорганизован на началах более равномерного представительства, а в июне открылся Всероссийский съезд представителей советов рабочих и солдатских депутатов. Интересен состав этого уже более полного демократического представительства (у автора таблица.— *Ред.*): соц.-революционеров — 285, соц.-дем. меньшевиков — 248, соц.-дем. большевиков — 105, интернационалистов — 32, внефракц. социалистов — 73, объединен. соц.-демократов — 10, бундовцев — 10, группы «Единства» — 3, народн. социалистов — 3, трудовиков — 5, анархо-коммунистов — 1.

Таким образом, подавляющие массы несоциалистической России не были представлены ни одним человеком. Даже те, чуждые политике или принадлежавшие к более правым группировкам элементы, которые прошли от советов и армейских комитетов под рубрикой «внепартийных», по побуждениям далеко не государственным, поспешили наце-

---

* Я говорю только о несопротивлении этому со стороны Временного правительства.

пить на себя социалистический ярлык и растворились в партийном составе. Чисто социалистическими были и все составы исполнительного комитета совета. При этих условиях невозможно было рассчитывать на самоограничение революционной демократии и надеяться на удержание народного движения в рамках буржуазной революции. Фактически у полусгнившего кормила власти стал блок из социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков с явным преобладанием вначале первых, потом последних. В сущности этот узкопартийный блок, тяготевший над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции.

Состав Совета был крайне разнороден: интеллигенты, мелкая буржуазия, рабочие, солдаты, много дезертиров... По существу Совет и съезды, в особенности первый, представляли из себя довольно аморфную массу, совершенно невоспитанную в политическом отношении: центр тяжести всей работы руководства и влияния перешел поэтому в исполнительные комитеты, представленные почти исключительно социалистическим интеллигентским элементом. Самую уничтожающую критику Исполнительного комитета Совета вынес из недр самого учреждения член его, В. Б. Станкевич: хаотичность заседаний, политическая дезорганизованность, неопределенность, торопливость и случайность в решении вопросов, полное отсутствие административного опыта и, наконец, демагогия членов комитета: один призывает в «Известиях» к анархии, другой рассылает разрешительные грамоты на экспроприацию помещичьих земель, третий разъясняет пришедшей военной делегации, пожаловавшейся на военное начальство, что необходимо его сместить, арестовать и т. д.

«Поражающей чертой в личном составе комитета является значительное количество инородческого элемента — пишет Станкевич.— Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности и в Петрограде, и в стране». Я приведу список первого президиума Всерос. центр. комит. советов р. и с. д.: Чхеидзе — грузин; Гурвич (Дан), Гольдман (Либер), Гоц, Гендельман, Розенфельд (Каменев) — евреи; Саакян — армянин; Крушинский — поляк; Никольский — если не псевдоним, то, вероятно, русский (у автора таблица.— *Ред.*). Это исключительное преобладание инородческого элемента, чуждого русской национальной идее, не могло, конечно, не повлиять, в свою очередь, на все направление деятельности Совета в духе гибельном для русской государственности.

Правительство с первых же шагов своих попало в плен к Совету, которого значение, влияние и силу оно переоценивало и которому само не могло противопоставить ни силы, ни твердой воли к сопротивлению и борьбе. Правительство не надеялось на успех этой борьбы, так как, охраняя русскую государственность, оно не могло провозглашать такие пленительные для взбаламученного народного моря лозунги, какие выходили из Совета. Правительство говорило больше об обязанностях, Совет — о правах. Первое «запрещало», второй «позволял». Правительство было связано со старой властью преемственностью всей государственной идеологии, организации, даже внешних приемов управления, тогда как Совет, рожденный из бунта и подполья, являлся прямым отрицанием всего старого строя.

Если до сих пор еще среди небольшой части умеренной демократии сохранилось убеждение в «сдерживающей народную стихию» роли Совета, то это результат прямого недоразумения. Совет, в действительности, не прямо разрушал русскую государственность — он ее расшатывал и расшатал до крушения армии и приятия большевизма. Отсюда двойственность и неискренность направления его деятельности.

Не желая и не имея возможности принять власть, Совет, вместе с тем, не допускал укрепления этой власти в руках правительства. Наряду с призывом революционной демократии «оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений», недоверием и прямой угрозой звучит дальнейший призыв: «организуясь и сплачивая свои силы вокруг советов р. и с. д., быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя обязательств» (Резолюция первого съезда 4 апр. 17 г.).

Но, помимо декларативных выступлений, в повседневной жизни Совета и Исполнительного комитета все речи, все разговоры, разъяснения, выступления — устные, печатные — пленума, отдельных групп, отдельных лиц, рассылаемых по стране и фронту,— клонились к разрушению авторитета правительства. «Не нарочно, но постоянно,— говорит Станкевич,— комитет наносил смертельные удары правительству».

Сознательно разрушая дисциплину в армии приказом № 1, декларацией прав солдата и постоянным воздействием на военное законодательство и войсковые организации, унизив и обезличив командный состав, Совет одновременно возвещал, что «армия сильна лишь союзом солдат и офицерства», что «командному составу должна быть предоставлена полная самостоятельность в области оперативной и боевой деятельности, решающее значение в области строевой и боевой подготовки».

Любопытно, кто же направлял военное законодательство по пути демократизации, ломая все устои армии, вдохновляя Поливаиовскую комиссию, связывая по рукам двух военных министров? Состав лиц, выбранных в начале апреля от солдатской части Совета в исполнительный комитет, определяется так*: офицеров военного времени — 1; чиновников — 2; юнкеров — 2; солдат: тылов. частей — 9; писарей и нестроевых — 5 (у автора таблица.— *Ред.*).

Характеристику же их предоставляю Станкевичу: «вначале попали истерические, крикливые и неуравновешеные натуры, которые в результате ничего не давали комитету»... Потом вошли новые с «Завадьей и Бинасиком во главе. Последние добросовестно, насколько в силах, старались справиться с морем военных дел. Но оба были, кажется, мирными писарями в запасных батальонах, никогда не интересовавшимися ни войной, ни армией, ни политическим переворотом»...

Наиболее ярко двойственность и неискренность Совета выражались в вопросе о войне. Левые интеллигентские круги и революционная демократия в большей части своей исповедовали идеи Циммервальда и интернационализма. Естественно, поэтому, что первое слово, с которым Совет обратился «к народам всего мира» (14 марта 1917 года), было: Мир!

Но мировые проблемы, бесконечно сложные в сплетении национальных, политических, экономических интересов народов, расходящихся в понимании предвечной мировой правды, не могли быть разрешены таким элементарным путем. Бетман-Гольвег[2] ответил презрительным молчанием. Рейхстаг 17 марта 1917 года большинством всех голосов против голосов обеих социал-демократических фракций отклонил предложение о заключении мира без аннексий. Немецкая демократия устами Носке[3] сказала: «Нам из-за границы предлагают устроить революцию; если мы последуем этому совету, то рабочие классы постигнет несчастье»; в стане союзников и среди союзной демократии советский

* Ранее состояло в комитете три офицера военного времени и несколько солдат.

манифест вызвал лишь недоумение, тревогу и неудовольствие, особенно ярко выраженные в речах прибывших в Россию Тома, Гендерсона, Вандервельде и даже нынешнего французского большевика Кашэна[4].

В дальнейшем к слову «мир» Совет прибавил новое определение «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Теоретичность этой формулы немедленно же столкнулась с реальным вопросом об оккупированной немцами западной и южной России, о Польше, о разоренных немцами странах — Румынии, Бельгии и Сербии, об Эльзас-Лотарингии и Познани, наконец, о том рабстве, экспроприациях и принудительном труде для войны, которым были подвергнуты немцами все страны, подпавшие под их власть. Ибо, согласно программе немецких социал-демократов, опубликованной наконец в Стокгольме,— для французов в Эльзасе и Лотарингии, поляков в Познани и датчан в Шлезвиге предназначалась только культурно-национальная автономия под скипетром германского императора.

В то же время всемерно поощрялась идея самостоятельности Финляндии, русской Польши, Ирландии. Требование возвращения немецких колоний находилось в каком-то трогательном единении с обещаниями самостоятельности Индии, Сиаму, Корее... Chanteclair не вызвал солнца. Протянутая рука стыдливо повисла в воздухе. Совет вынужден был признать, что «нужно время, чтобы народы всех стран восстали и железною рукою принудили своих царей и капиталистов к миру»... А пока «товарищи-солдаты, поклявшись защищать русскую свободу», не должны «отказываться от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка»... В среде революционной демократии наступила растерянность, ярко выраженная в словах Чхеидзе: «мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолжению войны, к стоянию на фронте!» *

Но слова «война» и «наступление» были все-таки произнесены. Они разделили советских социалистов на два лагеря — «оборонцев» и «пораженцев». Теоретически к первым принадлежали только правые группы соц.-революционеров, народные социалисты, «Единство» и трудовики. Прочие социалисты исповедовали немедленную ликвидацию войны и углубление революции путем внутренней классовой борьбы. Практически же при голосовании вопроса о войне к оборонцам присоединялась большая часть соц.-рев. и соц.-дем. меньшевиков. Но выносимые формулы носили на себе печать этой двойственности — ни мира, ни войны. Церетели призывал «пробудить движение против войны во всех странах, как союзных, так и враждебных». Съезд делегатов советов р. и с. депутатов в конце марта вынес не совсем определенное постановление, в котором после требования отказа от «аннексий и контрибуций», предъявленного всем воюющим державам, указывалось все же, что «пока война продолжается, крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны». В начале июня второй съезд вынес новую резолюцию, которая наряду с определенным заявлением, что «вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто военных и стратегических соображений», вместе с тем внушала явно пораженческую идею: «окончание войны путем разгрома одной из групп воюющих сторон послужило бы источником новых войн, еще более усилило бы рознь между народами и довело бы их до полного истощения, голода и гибели». Революционная демократия, очевидно, смешала два понятия: стратегическую победу, знаменующую окончание войны, и условия мирного договора, которые могут быть человечны и бесчеловечны, справедливы и несправедливы, дальновидны и близоруки.

* Станкевич. «Воспоминания».

Итак, следовательно,— война, наступление, но без победы. Небезынтересно указать, что такую же формулу произнес еще в 1915 году прусский депутат и редактор «Vorwärtsa» Стребель[5]: «Я исповедую открыто, что полная победа империи не послужит на пользу социал-демократии»...

Не было той области государственного управления, в которую бы не вмешивался Совет и Исполнительный комитет с той же двойственностью и той же неискренностью, которые вызывались, с одной стороны, боязнью нарушить основные догмы своих учений, и с другой — явной невозможностью претворения их в жизнь. В государственном строительстве творческой работы его не было и не могло быть. В области экономической жизни страны, в аграрном и рабочем вопросе эта деятельность ограничивалась опубликованием широковещательных партийных социалистических программ, осуществление которых даже в глазах министров-социалистов в обстановке анархии, войны и экономической разрухи было невыполнимо. Тем не менее эти резолюции и воззвания принимались в народе, на фабрике и в деревне как «разрешение», возбуждали страсти, вызывали желание к немедленному и самочинному проведению их в жизнь. А вслед за такой подготовкой народных стремлений тут же следовали сдерживающие воззвания: «Потребовать немедленного и беспрекословного исполнения всех предписаний Временного правительства, которые оно сочтет необходимым издать в интересах революции и внешней безопасности страны...» *. Но декларативная литература далеко еще не определяет характер деятельности Совета.

Главною чертою Совета и Комитета было полное отсутствие дисциплины среди их членов. Говоря о взаимоотношениях особой делегации Комитета (контактной) с Временным правительством, Станкевич прибавляет: «но что могла сделать эта делегация, если в то время как она беседовала и приходила к полному единодушию с министрами, десятки Александровских ** рассылали письма, печатали статьи в «Известиях», разъезжали от имени Комитета делегатами по провинции и в армии, принимали ходоков в Таврическом дворце, каждый выступая по-своему, не считаясь ни с какими разговорами, инструкциями или постановлениями и решениями»...

Обладал ли действительной властью Совет (Центральный Комитет)? Я отвечу словами обращения организационного комитета рабочей социал-демократической партии (июль 1917 года): «И тот лозунг, за которым идут многие рабочие — «вся власть советам» — есть опасный лозунг. Ибо за советами идет меньшинство населения, и мы должны всеми силами добиваться, чтобы те буржуазные элементы, которые еще могут и хотят вместе с нами отстаивать завоевания революции, вместе с нами взяли на себя и то тяжкое наследство, какое досталось нам от старого режима, и ту огромную ответственность за исход революции, какая ложится на нас перед лицом всего народа».

Но Совет (позднее и Всерос. Центр. Комитет), в силу своего состава и политической идеологии, не мог и не хотел оказывать в полной мере хотя бы сдерживающего влияния на народную стихию, вырвавшуюся из оков, мятущуюся и бушующую, ибо члены его были вдохновителями этого движения, и все значение, влияние и авторитет Совета находились в строгой зависимости от степени потворствования инстинктам народных масс. А эти массы, как говорит даже сторонний наблюдатель из марксистского лагеря, Карл Каутский[6], «как только революция втянула их в свое движение, знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях и плевали на то, осуществимы ли и общественно полезны или нет их требования» ***. И сколько-нибудь твердое и решительное

* Кронштадтцам 26 мая 1917 года.
** Член комитета, выдававший разрешения на захваты земель.
*** Терроризм и коммунизм.

противодействие их давлению грозило смести бытие Совета. К тому же день за днем, шаг за шагом Совет подпадал все больше и больше под влияние анархо-большевистских идей.

Глава XII. *Власть: борьба за власть большевиков, власть армии, идея диктатуры*

Первый период деятельности большевиков — от начала революции до октябрьского переворота — заключался в борьбе за власть путем упразднения всего буржуазного строя страны и дезорганизации армии, подготовляя тем почву для пришествия большевизма (L'avénement, как торжественно называет Бронштейн-Троцкий).

На другой день после своего приезда в Россию Ленин опубликовал свои «тезисы», которые я привожу в извлечении:

1. Война, веденная «капиталистическим правительством», остается грабительской, империалистской, и потому недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству». Представителям революционного оборончества и действующей армии разъяснять, что кончить войну истинным демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала. Братанье.

2. Переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму, который должен дать власть пролетариату и беднейшим слоям крестьянства.

3. Никакой поддержки Временному правительству; разъяснение полной лживости его обещаний.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов партия большевиков — в меньшинстве, и поэтому пока нужно вести работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Совету рабочих депутатов.

5. Россия — не парламентарная республика — это было бы шагом назад, а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху. Устранение полиции (милиции?), армии, чиновничества.

6. В аграрной программе — перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов. Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране; распоряжение землею местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советских депутатов от беднейших крестьян.

7. Немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов.

8. Пока — не введение социализма, а только переход к контролю со стороны Совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Требование государства-коммуны и перемена названия партии социал-демократов большевиков на коммунистическую партию.

Я не буду останавливаться над этой программой, проведение которой в жизнь началось с конца октября, с известными отступлениями. Для первого периода деятельности большевиков важнее тактика их, исходившая из следующих конкретных положений: 1) свержение правительства и разложение армии; 2) возбуждение классовой борьбы в стране и даже внутриклассовой — в деревне; 3) отрицание демократических форм государственного строя и переход власти к меньшинству (партии с.-д. большевиков) — «меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному» (Ленин).

Но идеология партии была недоступна пониманию не только темных масс русского народа, но и второстепенных работников большевизма, которые были рассеяны по стране. Массам нужны были лозунги простые, ясные, немедленно проводимые в жизнь и отвечающие их желаниям и требованиям, чрезмерно возросшим в бурной атмосфере революции. Этот упрощенный большевизм — с типичными чертами русского бунта — проводить было тем легче, что он отрешился от всяких сдерживающих моральных начал, поставив целью первоначальной своей деятельности одно чистое разрушение, не останавливаясь при этом перед угрозой военного разгрома и разорения страны.

Первым объектом борьбы было Временное правительство. Во всей большевистской печати, в словесной агитации, в выступлениях советов, съездов, даже в дискуссиях с членами Временного правительства главари большевиков проводили резко и настойчиво идею его устранения как «орудия контрреволюции и международной реакции».

Но переходить к решительным действиям большевики все же воздерживались, опасаясь «отсталой в политическом отношении провинции». Начался ряд действий, имевших, по военной терминологии, характер усиленной разведки: захват особняков в Петрограде * и демонстрация 20—21 апреля. Это был первый «смотр» пролетариату и подсчет большевистских сил. Демонстрация, в которой приняли участие рабочие и войска, имела внешним ** поводом ноту Милюкова по международной политике и следствием — волнение в столице и вооруженное столкновение, с убитыми и ранеными. Толпа носила плакаты с надписями «Долой захватную политику Милюкова», «Долой Временное правительство». «Смотр» не удался. И хотя в прениях по этому поводу в Совете большевики требовали свержения правительства, в речах их звучала, однако, нота некоторой неуверенности: «...но прежде чем пойти на это, пролетариат должен обсудить существующее положение и подсчитать свои силы». Совет вынес осуждение и захватной политике правительства и выступлению большевиков, и, вместе с тем, «горячо приветствовал революционную демократию Петрограда, своими митингами, резолюциями и демонстрациями засвидетельствовавшую свое напряженное внимание к вопросам внешней политики!..» (Из воззвания Совета).

10-го июня, во время съезда Советов, Ленин готовил новую крупную вооруженную демонстрацию, но, ввиду совершенно отрицательного отношения к ней огромного большинства съезда, ее пришлось отменить. Демонстрация имела своей целью также переход власти к советам. Весьма оригинальна была эта борьба внутри самой революционной демократии, между двумя ее крылами, ставшими в непримиримые отношения друг к другу. Левое крыло всеми силами предлагало оборонческому блоку — так как за ним было большинство — порвать с буржуазией и взять в свои руки власть. Блок также всеми силами открещивался от этой власти. В среде советов шла некоторая дифференциация, выражавшаяся в сближении по частным вопросам с большевиками левых социалистов-революционеров и социал-демократов интернационалистов; но, тем не менее, до сентября большевики не имели еще абсолютного большинства как в Петроградском совете, так и во многих провинциальных. Только 25-го сентября место председателя в Петроградском совете занял Бронштейн (Троцкий), сменивший Чхеидзе. Формула «вся власть Советам» казалась поэтому в их устах или самопожертвованием или провокацией. Бронштейн (Троцкий) разъясняет это недоразумение. По его словам ***, «благодаря постоянным перевыборам, механизм советов мог отражать правильное (?) настроение рабочих и сол-

---

* Дача Дурново, дача Кшесинской и т. д.

** Внутренние причины лежали, несомненно, в том основном расхождении двух течений, о котором я говорил раньше. Все остальное — только поводы.

*** «L'avénement du bolchevisme».

датских масс, все время уклоняющееся влево; а после порыва с буржуазией крайние тенденции должны были возобладать в советах».

По мере выяснения истинной физиономии большевизма это расхождение принимало более глубокие формы, не ограничиваясь рамками социал-демократической программы (максимум и минимум) и партийной тактики. Это была борьба демократии с пролетариатом; большинства с меньшинством, интеллектуально наиболее отсталым, но сильным своим бунтарским дерзанием и возглавляемым людьми сильными и абсолютно беспринципными; демократических принципов — всеобщего избирательного права, политических свобод, равенства и т. д.— с диктатурой привилегированного класса, с безумием и грядущим рабством.

2-го июля произошел второй министерский кризис по внешнему поводу несогласия либеральных министров с актом об украинской автономии. А 3—5-го июля большевики подняли опять мятеж в столице, произведенный вооруженными толпами рабочих, солдат и матросов — на этот раз в широких размерах, вызвавший грабежи, убийства, много жертв и поставивший правительство в тяжелое положение. Керенский был в это время у меня на Западном фронте, и переговоры его по прямому проводу с Петроградом свидетельствовали о крайне подавленном состоянии председателя кн. Львова и членов правительства. Кн. Львов вызывал Керенского немедленно в Петроград, но предупреждал, что не ручается за безопасность его жизни.

Восставшие требовали от Совета рабочих и солдатских депутатов и Центрального комитета съезда — взять власть в свои руки. Органы революционной демократии вновь категорически отказались.

Провинция не поддержала. Восстание было подавлено, главным образом благодаря Владимирскому военному училищу и казачьим полкам; приняли участие на стороне правительства и несколько рот гарнизона. Бронштейн (Троцкий) пишет по этому поводу, что выступление оказалось явно преждевременным, в гарнизоне было слишком еще много элементов пассивных и нерешительных. Но что оно доказало все же, что «за исключением юнкеров никто не был расположен сражаться против большевиков за правительство или за руководящие партии Совета».

В этом заключался весь трагизм положения правительства Керенского и Совета. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и к родине, и к революции, и к интернационалу и не собиралась ни за одну из этих ценностей проливать свою кровь и жертвовать своею жизнью. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам.

* * *

Исследуя понятие «власть» по отношению ко всему дооктябрьскому периоду русской революции, мы в сущности говорим лишь о внешних формах ее. Ибо в исключительных условиях мировой войны небывалого в истории масштаба, когда 12% всего мужского населения было под ружьем, вся власть находилась в руках — Армии.

Армии, сбитой с толку, развращенной ложными учениями, потерявшей сознание долга и страх перед силой принуждения. А главное — потерявшей «вождя»... Ни правительство, ни Керенский, ни командный состав, ни Совет, ни войсковые комитеты, по причинам весьма разнообразным и взаимно исключающим друг друга, не могли претендовать на эту роль. Их взаимоотношения и столкновения, болезненно преломлявшиеся в сознании солдатской массы, еще более усиливали ее развал. Бесполезно делать предположения, которые нельзя обосновать воплощением их в жизнь, тем более при отсутствии исторической перспективы. Но вопрос этот настолько жгучий и мучительный, что невольно будет привлекать к себе внимание всегда: можно ли было поставить плотину, которая в состоянии была бы сдержать напор народной стихии и удержать в повиновении армию? Я думаю, что можно было. Вначале могло и верховное командование, и правительство — настолько решительное, чтобы раздавить советы, или настолько сильное и мудрое, чтобы привлечь их в орбиту государственности и истинно демократического строительства.

С другой стороны, армия представляла из себя плоть от плоти и кровь от крови русского народа. А этот народ в течение многих веков того режима, который не давал ему ни просвещения, ни свободного политического и социального развития, не сумел воспитать в себе чувства государственности и не мог создать лучшего демократического правительства, чем то, которое говорило от его имени в дни революции.

* * *

В начале революции Временное правительство несомненно пользовалось широким признанием всех здоровых слоев населения. Весь старший командный состав, все офицерство, многие войсковые части, буржуазия и демократические элементы, не сбитые с толку воинствующим социализмом, были на стороне правительства. Газеты того времени полны огромным количеством телеграмм, адресов, обращений, поступавших со всех концов России от самых разнообразных общественных, сословных, военных групп, организаций, учреждений, конечно, и таких, демократизм которых был вне всякого сомнения. Это доверие, по мере обезличения, обессиления правительства и перехода его последовательно к двум коалициям, в этих кругах все более падало и взамен не компенсировалось большим признанием революционной демократии, ибо в ее среде все более росли течения анархического характера, отрицавшие всякую власть.

К началу мая, после вооруженного выступления на улицах Петрограда, происшедшего без ведома Совета, но при участии его членов, после ухода Гучкова и Милюкова, полное бессилие Временного правительства стало настолько очевидным, что князь Львов[7], в согласии с комитетом Государственной Думы и кадетской партией, обратился к Совету, приглашая «к непосредственному участию в управлении государством... те активные творческие силы страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного в нем участия». Совет после некоторой борьбы счел вынужденным согласиться на вступление в состав правительства своих членов * и тем возложить на себя прямую ответственность за судьбы революции. Совет не пожелал взять всю власть, так как переход «всей власти к Советам р. и с. д. в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции» **. Легко можно представить себе то впечатление, которое производили подобные резолюции на буржуазию и ее «заложников» в коалиционном министерстве.

И хотя Совет выражал новому правительству свое полное доверие и призывал демократию оказать ему деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти» ***, но эта «власть» была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна. Социалистическая среда, давшая своих представителей в правительство, нисколько не изменила и не усилила этим его интеллектуальных качеств. Наоборот — ослабила еще более, увеличив эту зияющую трещину, которая

* Вошли: Скобелев (м[инистр] труда), Чернов (м[инистр] землед.), Пешехонов[8] (м[инистр] продов.), Церетели (почт и телегр.).

** Резолюция Всер. съезда; июнь 17 года.

*** Резолюция Совета 5 мая.

образовалась между двумя политическими группировками, представленными в нем. Совет, выражая официально доверие правительству, продолжал фактически расшатывать его власть, охладев вместе с тем к министрам-социалистам, вынужденным несколько уклониться от прямолинейного выполнения партийных социалистических программ под влиянием реальных условий жизни. А народ и армия отнеслись к факту совершенно равнодушно, утрачивая постепенно сознание существования власти, не проявлявшейся сколько-нибудь заметно в области их повседневной жизни.

Кровавое восстание в Петрограде, поднятое 3—5-го июля левым крылом Совета (анархо-большевистское), уход князя Львова и новое коалиционное министерство, в котором представители социалистических партий, проведенные Советом, получили окончательное преобладание *, явились не более как этапами, приближающими к окончательному падению государственной власти. Поводы, вызвавшие и первый и второй правительственные кризисы (декларация прав солдата, международная политика Совета, отделение Украины, аграрные реформы Чернова и т. д.), при всей их государственной важности, были все же только поводами. Коалиция, в которой демократической буржуазии представлялась пассивная роль, когда ее «временное» участие требовалось только для разделения ответственности, а все дела решались за кулисами правительства, в кругах, близких к Совету, такая коалиция не была жизненной и не могла примирить с революционной демократией даже наиболее оппортунистически настроенную буржуазию.

В соотношении сил, независимо от политических и социальных признаков, несомненно играли большую роль факты чисто объективные: неудовлетворенность широких народных масс, в силу общего положения страны, деятельностью правительства. Народные массы воспринимали революцию не как тяжкий переходный этап, связанный тысячью нитей с прошлым и настоящим русского и мирового государственного развития, а как самодовлеющее реальное явление сегодняшнего дня, с такими же реальными бедствиями — войны, бандитизма, бесправия, бессудности, бестоварья, холода и голода. Народные массы не разбирались вовсе в чрезвычайно сложной обстановке происходящих событий, не отделяли причин, непредотвратимых, космических, неизбежно сопровождавших пришествие революции, от доброй или злой воли тех или других органов власти, организаций и лиц. Они ощущали ясно и напряженно невыносимость создавшегося положения и искали выхода. В результате всеобщего признания несостоятельности установившейся власти, в общественном сознании возникла мысль о — Диктатуре.

Я категорически утверждаю, что в известных мне общественных и военных кругах, в которых возникло течение в пользу диктатуры, оно было вызвано высоким патриотизмом и ясным, жгучим сознанием той бездонной пропасти, в которую бешено катился русский народ. Но ни в малейшей степени не вызывалось стремлением к реакции и контрреволюции. Несомненно, к этому движению примыкали люди и этого направления и просто авантюристы, но они составляли привходящий, наносный элемент. Керенский так объясняет начало движения или, как он выражается, «заговорщической волны»: «военный разгром (Тарнополь) создал на почве оскорбленного национального самолюбия сочувствующую заговорам среду, а большевистское восстание (3—5 июля) вскрыло для непосвященных глубину распада демократии, бессилие революции против анархии и силу меньшинства, действующего организованно и внезапно» *. Вряд ли можно дать лучшее оправдание начавшемуся движению. Действительно, в обстановке глубокого разочарования народных масс, всеобщего развала и надвигавшейся анархии, в силу неизбежного исторического и психологического процесса, жизнь должна была создать попытки диктатуры; и русская жизнь действительно создала их — как мучительное искание сильной национальной, демократической власти, но не реакции.

Вообще революционная демократия жила в атмосфере, отравленной беспокойным ожиданием контрреволюции. Начиная с разрушения армии и кончая упразднением сельской полиции, все ее заботы, мероприятия, резолюции, воззвания так или иначе клонились к борьбе с этим воображаемым врагом, грозившим якобы завоеваниям революции. Насколько искренне было это убеждение среди сознательных руководителей Совета и не было ли разжигание беспричинного опасения просто тактическим приемом, оправдывавшим разрушительный характер деятельности его? Я склонен остановиться на последнем выводе — до того ясно, очевидно не только для меня, но и для Совета должен был, казалось, определиться оппозиционный, а не контрреволюционный характер действий демократической буржуазии. Тем не менее, и в русской партийной литературе и в широких зарубежных кругах, именно в этом последнем освещении представляют себе дооктябрьский период революции.

Временное правительство, в первые дни своего создания объявившее широкодемократическую программу **, даже в правых кругах встречало критику этой программы и неудовольствие, но не активное противодействие ***. В первые четыре-пять месяцев после начала революции во всей стране не было ни одной, хоть сколько-нибудь серьезной контрреволюционной организации. Оживление деятельности одних и появление других тайных кружков, преимущественно офицерских, относится к июлю, в связи с предположениями о диктатуре. В состав этих кружков входило, несомненно, не мало лиц и с ярко выраженными реставрационными тенденциями, но целью своею и они ставили по преимуществу борьбу с фактом существования классового неофициального правительства и с личным составом Совета и Исполнительного комитета, членам которых действительно грозило бы физическое истребление, если бы эти кружки не распались преждевременно, благодаря своей слабости, малочисленности и неорганизованности.

А наряду с постоянным противодействием такой контрреволюции справа, Совет обеспечивал полную возможность подготовки подлинной контрреволюции, исходившей из недр его, со стороны большевиков.

Помню, что первые разговоры на тему о диктатуре, в виде легкого зондирования почвы, начали со мной различные лица, приезжавшие в Ставку, приблизительно в начале июня. Все эти разговоры настолько стереотипны, что я могу кратко обобщить их: «Россия идет неизбежно к гибели. Правительство совершенно бессильно. Необходима твердая власть. Раньше или позже нам нужно перейти к диктатуре». Но никто не говорил о реставрации или о перемене политического курса в сторону реакции. Называли имена Корнилова, Брусилова.

Я предостерегал от поспешного решения этого вопроса. Должен сознаться, что тогда была еще некоторая иллюзорная надежда, что правительство путем внутренней эволюции, под влиянием нового вооруженного выступления опекаемых им крайних антигосударственных элементов или в сознании бесцельности и безнадежности своего дальнейшего управления страной, само придет к необходимости создания единоличной власти, придав известную закономерность ее появлению. Вне этой

* Керенский (с.-р.), Некрасов (р.-д.), Авксентьев (с.-р.), Терещенко (бесп.), Скобелев (с.-д.), Пешехонов (н.-с.), Чернов (с.-р.), Ольденбург (к.-д.), Зарудный (с.-р.), Ефремов (р.-д.), Юренев (к.-д.), Прокопович (с.-д.), Никитин (с.-д.), Кокошкин (к.-д.), Карташов (к.-д.).

* Керенский. «Дело Корнилова».

** См. гл. IV.

*** Неприемлемым был лишь пункт, предрешавший декларацию прав солдата.

закономерности будущее представлялось чреватым грозными потрясениями. Я указывал, что в данное время нет военных вождей, которые пользовались бы достаточным авторитетом среди развращенной солдатской массы, но что, если назреет государственная необходимость и возможность проведения военной диктатуры, то Корнилов и теперь уже пользуется большим удельным весом, по крайней мере в глазах офицерства, тогда как репутация Брусилова сильно подорвана его оппортунизмом.

Интересно, что и в самом правительстве однажды возник вопрос о диктатуре. По сведениям «Русского слова», министр путей сообщения Некрасов[9] в Киеве, на кадетском заседании, рассказал следующее: «Вы не знаете, как того не знает и вся Россия, какая колоссальная опасность грозила России! В ночь на 3 мая, когда было достигнуто соглашение о коалиционном министерстве *, вдруг оказалось, что... на одно место (портфель) предъявлено два ультимативных требования. Мы, желая сохранить преемственность у власти, остановились на возможном исходе — создать личную диктатуру. Мы решили передать всю власть в руки одного человека. Были даже созваны знатоки государственного права, чтобы оформить новый порядок правления в виде указа Временного правительства сенату. Но... удалось достигнуть полного соглашения».

Сам Керенский в своей книге говорит, что ему неоднократно делали предложения заменить бессильное правительство личной диктатурой «казачьи круги и некоторые общественные деятели» **. И только когда «общественность» разочаровалась в нем «как в возможном организаторе и главном деятеле изменения системы управления в сторону сильной власти», тогда уже «начались поиски другого человека».

Нет никакого сомнения, что те лица и общественные круги, которые обращались к Керенскому по вопросу о диктатуре, не были его апологетами и не принадлежали к составу «революционной демократии». Но одно уже это обращение именно к нему доказывает, что они не могли руководствоваться стремлениями к реакции, отражая лишь патриотическое желание всей русской общественности видеть у руля русского государственного корабля, отданного на произвол стихии, сильную власть.

Впрочем, может быть, и другой мотив побуждал их к этому обращению... Был несомненно такой краткий, но довольно яркий период в жизни Керенского — военного министра — я его отношу приблизительно к июню — когда не только широкие круги населения, но и русское офицерство подчинилось обаянию его экзальтированной фразы, его истерического пафоса. Русское офицерство, преданное на заклание, тогда все забыло, все простило и мучительно ждало от него спасения армии. И уже не фразой звучало их обещание — умереть в первых рядах. И больно становилось много раз, во время объездов Керенского, когда у этих обреченных разгорались глаза, а в сердце светлая надежда, скоро, очень скоро безжалостно и грубо растоптанная.

Замечательно, что несколько раньше в той же книге Керенский, оправдывая временную «концентрацию власти», перешедшей 27 августа *** единолично к нему, говорит: «В борьбе с заговором, руководимым единоличной волей, государство должно противопоставить этой воле власть, способную к быстрым и решительным действиям. Такой властью не может быть никакая коллегия, тем более коалиционная».

Полагаю, что внутреннее состояние русской державы перед лицом чудовищного коллективного заговора немецкого генерального штаба

---

* Первое коалиционное министерство Львова.

** Керенский. «Дело Корнилова».

*** День Корниловского выступления.

и антигосударственных и антинациональных элементов русской демократии было в достаточной степени грозно и давно уже требовало власти, «способной к быстрым и решительным действиям».

Глава XIII. *Деятельность Временного правительства: внутренняя политика, гражданское управление; город и деревня, аграрный вопрос*

В этой и следующей главах я приведу краткий схематический очерк внутреннего состояния России в первый период революции лишь в той мере, в какой оно отражалось на ведении мировой войны.

Я уже говорил о двоевластии в верховном управлении страной и о непрестанном давлении Совета на Временное правительство, взаимоотношения которых метко охарактеризовал на совещании Думы В. Шульгин: «старая власть сидит в Петропавловской крепости, а новая — под домашним арестом». Но и помимо этого в характере деятельности правительства были некоторые, в обычном понимании положительные и отрицательные черты, которые в исключительной обстановке смуты одинаково приводили к бессилию и обреченности.

Временное правительство, являясь представительством далеко не всенародным, не хотело и не могло предрешать воли Учредительного собрания путем проведения реформ, в корне ломающих политический и социальный строй государства. Оно поневоле должно было ограничиваться временными законами, полумерами, в то время как возбужденная народная стихия проявляла огромное нетерпение и требовала немедленного осуществления капитальной перестройки всего государственного здания. Правда, и Совет и отдельные представители его в коалиционных министерствах в теории зачастую признавали идею исключительного права в этом отношении Учредительного собрания. Но только в теории. Ибо на практике все они предрешали, предвосхищали эти права путем широкой проповеди социального переворота, словесного и письменного ведомственного разъяснения и, наконец, на местах — прямыми действиями явочного и захватного порядка.

Временное правительство «в основу государственного управления полагало не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Ни одной капли крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственных преград»...* Это непротивление в тот момент, когда шла жестокая и не стеснявшаяся нравственными и патриотическими побуждениями борьба за самосохранение одних групп населения и за осуществление захватным путем неограниченных домогательств других, являлось несомненным признаком своего бессилия. В позднейших декларациях второго и третьего коалиционных министерств мы читаем уже о «самых решительных мерах» против дезорганизующих страну сил. Слова — не претворившиеся в дело.

Идею «не предрешения» воли Учредительного собрания соблюсти правительству не удалось, в особенности в области национального самоопределения. Правительство объявило акт о самостоятельности Польши, поставив, однако, в полную зависимость от Всероссийского Учредительного собрания «согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши». Акт этот, юридически спорный, находился, однако, в полном соответствии с общественным правосознанием. В отношении Финляндии правительство, не изменяя юридических отношений ее к России, подтвердило права и привилегии страны, отменило все ограничения финляндской конституции и созывало сейм, которому должны были быть переданы проекты новой формы правления великого княжества. В

---

* Из правительственной декларации 25 апреля 1917 года.

дальнейшем правительство самым широким образом шло навстречу всем справедливым стремлениям финляндцев к местному строительству. Тем не менее, на почве общего стремления к немедленному и наиболее полному осуществлению частных национальных интересов, между Временным правительством и Финляндией возникла длительная борьба за власть. 6 июля сейм большинством голосов социал-демократов принял закон о переходе к нему, после отречения «великого князя финляндского», верховной власти, предоставив Временному правительству лишь внешние сношения, военное законодательство и военное управление. Это постановление находилось в известном соответствии с резолюцией Съезда советов рабочих и солдатских депутатов, требовавшей, чтобы финляндцам еще до решения Учредительного собрания дана была полная независимость, с приведенными выше ограничениями. На это по существу фактическое отторжение Финляндии от России правительство ответило роспуском сейма, который, впрочем, в сентябре самовольно собрался вновь.

В этой борьбе, которая то принимала острые формы, то затихала, сообразно политическому барометру Петрограда (правительственные кризисы), финляндские деятели, не считаясь ни в малейшей степени с общегосударственными интересами и не имея опоры в вооруженной силе, играли исключительно на лояльности или вернее слабости Временного правительства. На почве этой создалась серьезная угроза финляндскому театру, с некоторых пор привлекавшему к себе усиленное внимание: как фланг армий Северного фронта, база Балтийского флота, прикрытие столицы и Мурманской железной дороги — театр этот, связанный с центральной Россией одним лишь железнодорожным путем, который нетрудно было прервать, стал вызывать большие опасения; этому способствовал развал Балтийского флота и 42-го армейского корпуса и нараставший шовинизм финляндцев.

Финляндская социал-демократия прежде всего начала с отрицания войны, опираясь на «компетентное мнение» своих русских товарищей в Совете рабочих и солдатских депутатов. Затем губернаторы, городские и сельские управы одни за другими потребовали вывода со своей территории русских войск, присутствие которых «нарушало — якобы — конституцию страны». Создавались серьезные затруднения по расквартированию, питанию и снабжению войск. Русский рубль был обесценен, что создавало тяжелое экономическое положение для военного и служилого элемента, а Финляндия отказала в валютном займе 350 миллионов марок Временному правительству* на содержание войск финляндского фронта, невзирая на то, что в течение всей войны получала с России замаскированную контрибуцию и на разнице курса, и на вывозных ценах произведений своей промышленности, и на ввозимом дешевом, по твердым ценам русском хлебе... До открытого восстания дело не дошло: благоразумная часть населения, если не из побуждений лояльности, то учитывая последствия междоусобной борьбы, в особенности теми методами действий, которых можно было ожидать от распущенной солдатской и матросской вольницы, удержала край в известных границах.

Весь май и июнь протекали в борьбе за власть между правительством и самочинно возникшей на Украине Центральной Радой, причем собравшийся без разрешения 8 июня Всеукраинский военный съезд потребовал от правительства, чтобы оно немедленно признало все требования, предъявляемые Центральной Радой и съездами, а Раде предложил не обращаться более к правительству, а немедленно приступить к созданию автономного строя Украины. 11 июня объявлен универсал

* Любопытно, что убеждать финляндцев в необходимости поддержки метрополии ездил в числе других и грузинский шовинист Гегечкори [10].

об автономии Украины и образован секретариат (совет министров) во главе с Винниченко [11]. В результате переговоров послов правительства, министров Керенского, Терещенко [12] и Церетели с Радой, явилась декларация Временного правительства 2 июля, которая, предрешая постановление Учредительного собрания, признавала с некоторыми оговорками автономию Украины. Центральная Рада и секретариат, захватывая постепенно в свои руки управление, создавали на местах двоевластие, дискредитировали общерусскую власть, вызывали междоусобную рознь и давали моральное обоснование всяким проявлениям отказа от исполнения гражданского и военного долга перед общей родиной. Мало того, с самого начала своего существования Центральная Рада таила в себе немцефильские симпатии и имела несомненную связь через «Союз освобождения Украины» с генеральными штабами центральных держав. Учитывая обширный материал, собранный Ставкой, полупризнание Винниченко французскому корреспонденту о немцефильских течениях в кругах Рады и, наконец, доклад прокурора Киевской судебной палаты в конце августа 1917 года, я нисколько не сомневаюсь в оценке той преступной роли, которую играла Рада. Прокурор жаловался, что полное разрушение аппарата контрразведки и уголовного сыска не дают прокурорскому надзору возможности разобраться надлежаще в обстановке, но что все нити немецкого шпионажа и пропаганды, бунтов украинских войск и течения темных сумм — несомненно австро-германского происхождения... ведут и обрываются возле Центральной Рады.

Правительство не считало возможным до Учредительного собрания установить автономные начала и в сфере областного управления *. Правда, были созданы Туркестанский и Закавказский комитеты в целях устроения и гражданского управления этих областей. Первый — с правами генерал-губернатора, второй даже «с правами Временного правительства». О деятельности их у меня мало данных. Во всяком случае, полная неопределенность прав и обязанностей этих областных комитетов и вторжение их в область власти военной, особенно вредной на Кавказском фронте, с одной стороны, засилие над ними Советов рабочих и солдатских депутатов, с другой — все это отнюдь не способствовало нормальной их деятельности. По крайней мере Туркестанский комитет через месяц после своего назначения обратился уже с воззванием к населению области, что, ввиду трений с Ташкентским советом и Сыр-Дарьинским комитетом, он просит Временное правительство об увольнении. Дальнейшая жизнь области представляет длительное состояние беспорядков и мятежа.

Правительство, как я уже говорил, проявляло полнейшее игнорирование Верховного главнокомандующего даже в таких вопросах, которые непосредственно затрагивали его компетенцию, как управление областями театра войны. О создании, например, Закавказского комитета и назначении генерала Аверьянова, с совершенно неопределенными функциями, военным комиссаром на Кавказ Ставка узнала только из газет. Генерал Алексеев 10 мая, по жалобе генерала Юденича [13], вынужден был телеграфировать министру-председателю, «прося поставить его в известность о положении, выработанном и утвержденном, правах и обязанностях особого Закавказского комитета **; устранить всякое вмешательство комитета в оперативные и внутренние дела армии со всеми ее учреждениями, предоставить надлежащую власть войсковым начальникам». «Без (соблюдения) этого условия — заканчивалась телеграмма — нужно уничтожить войсковых начальников и их дело передать комитетам». Точно так же без ведома Верховного главнокомандующего состоя-

* В декларации 2-го коалиционного министерства от 8 июля имеется, впрочем, обещание «привлечь местных представителей к образованию коллегиальных органов областного управления, объединяющего ряд губерний».

** К концу августа «Положение» еще не вышло.

лось назначение комиссаром Галиции и Буковины Дорошенко и без всякого участия Ставки разрабатывалась «схема управления» этими областями, хотя комиссар в военном отношении был подчинен главнокомандующему Юго-западного фронта. Такое игнорирование верховного командования вызвало подражание со стороны второстепенных агентов правительства: тот же Дорошенко, вызванный генералом Алексеевым в Могилев, отказался приехать за недосугом и проследовал непосредственно в Киев для согласования своих действий с украинскими кругами.

* * *

Министерство внутренних дел — некогда фактически державшее в своих руках самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть — ударилось в другую крайность: оно по существу самоупразднилось. Функции ведомства фактически перешли в распыленном виде к местным самозваным организациям. История органов министерства внутренних дел имеет большое сходство с судьбой военного командования. 5-го марта министр-председатель отдал распоряжение о повсеместном устранении губернаторов и исправников и замене их, в качестве правительственных комиссаров, председателями губернских и уездных управ, а также о замене полиции милицией, организуемой общественными учреждениями. Эта мера, вызванная общим ненавистным отношением к агентам прежней власти, в сущности была единственным реальным волеизъявлением правительства, потому что до сентября месяца не было установлено в законодательном порядке положение комиссаров, а инструкции и распоряжения правительства имели в общем лишь академический характер, так как жизнь шла своим путем, регулируемая или, вернее, разрушаемая местным революционным правотворчеством.

Должность правительственных комиссаров с первых же дней стала пустым местом. Не имея в своем распоряжении ни силы, ни авторитета, они были обезличены совершенно и попали в полную зависимость от революционных организаций. Вынесенное «неодобрение» прекращало фактически деятельность комиссара. Организации избирали нового, и утверждение со стороны Временного правительства являлось простою формальностью. В течение первых шести недель таким путем было устранено 17 губернских комиссаров и множество уездных. Позднее, в июле, управляющий министерством внутренних дел Церетели* оформил этот порядок, приглашая циркуляром местные советы и комитеты указывать ему желаемых кандидатов вместо несоответствующих своему назначению комиссаров. Таким образом, представителей центральной власти на местах не стало.

Если в начале революции так называемые «общественные комитеты» или «советы общественных организаций» представляли из себя начало действительно общественное — представительство союза городов и земств, думы, профессиональных союзов, кооперативов, магистратуры и т. д., то обстановка значительно ухудшилась, когда эти общественные комитеты распались на организации классовые и партийные. Власть на местах перешла к советам р. и с. депутатов и местами к насильственно, до введения закона, «демократизованным» социалистическим думам, мало чем отличавшимся от полубольшевистских советов.

Бытописатель русской смуты едва ли почерпнет поучительные примеры из лоскутной деятельности этих учреждений, где невежество, бесхозяйственность, провинциальный эгоизм, вопиющее нарушение самых элементарных свобод и права прикрывались «волею революционной демократии». Местные советы рабочих и солдатских депутатов усвоили себе все навыки ушедшего абсолютизма, с той только разницей, что

* Церетели занимал этот пост с **10-го по 24 июля.**

худшие представители прежней власти все же чувствовали над собой иногда карающую десницу, тогда как советы были абсолютно безответственны. Эта коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд и преступления людей злой воли. При этом советы распространяли свою компетенцию на все области управления и жизни, даже на церковную*.

Страна, как и правительство, как и армия, попала под власть советов. Прав был комиссар Москвы Н. Кишкин [14], который считал совершенно безнадежным строительство местной власти, пока власть самого Временного правительства не станет национальной, единой и независимой от каких-либо партийных и классовых организаций. В дальнейшем предполагалось все функции активного управления передать демократизованным земским и городским управлениям, а за комиссарами сохранить только правительственный надзор за законностью действий указанных органов.

Изданное 15 апреля постановление правительства об устройстве городского самоуправления заключало в себе следующие главные положения: 1) пассивным и активным правом выбора пользуются все граждане города обоего пола, достигшие 20-летнего возраста; 2) ценз проживания не введен; 3) пропорциональная система выборов; 4) воинские чины пользуются правом выборов по месту нахождения гарнизона. Я не буду входить в обсуждение этих норм, едва ли не наиболее демократичных из всех, которые знает муниципальное право, ввиду отсутствия опытных данных их применения. Отмечу лишь одно явление извращенной русской действительности, сопровождавшее введение в жизнь положения осенью 1917 года. Свобода выборов во многих местах оказалась злой насмешкой. Как явление широко распространенное по России — все несоциалистические, даже политически нейтральные группы, взятые под подозрение, подверглись гонению. Агитация их не допускалась, собрания срывались; в выборном делопроизводстве практиковались вопиющие злоупотребления; нередко в отношении их представителей применялось и прямое насилие — избиение и уничтожение избирательных списков. А в то же время солдатская масса многочисленных гарнизонов, буйных и распропагандированных — случайных гостей города, быть может, только вчера появившихся в нем — повалила к урнам, заполняя их списками крайних противогосударственных партий. Были случаи, что войсковые части, пришедшие после выборов, требовали переизбрания, подкрепляя это требование угрозами, иногда убийствами. Несомненно, среди других причин, наличие в Петрограде огромного разложившегося гарнизона не осталось без влияния на выборы в августе в столичную думу, в которой большевики получили 67 мест из 200.

Власть безмолвствовала, ибо ее не было. Мелкая буржуазия, трудовая интеллигенция, словом, городская демократия — в самом широком смысле слова — в этой революционной борьбе являлась стороной наиболее слабой и неизменно побеждаемой. Все предтечи кровавого советского правления — мятежи, восстания, «отложения республик» — отзывались наиболее тяжко на ее жизни. «Самоопределение» солдат вносило страх и зависимость от грубой уничтожающей силы и до крайности затрудняло или даже лишало возможности передвижения по стране, так как дороги попали во власть к дезертирам. «Самоопределение» рабочих привело к невозможности, ввиду страшного повышения цен, удовлетворения предметами первой необходимости. «Самоопределение» деревни остановило подвоз припасов и обрекало ее на недоедание. Я не говорю уже о моральных переживаниях класса, обреченного на поношение и унижение. Революция всем дала надежды на улучшение условий жизни, только не буржуазной демократии. Ибо даже те мораль-

* Циркуляр министра-председателя в половине мая.

иные завоевания, которые возвещены были новой революционной властью — свобода слова, печати, собраний и т. д., — скоро стали достоянием одной лишь революционной демократии. И если крупная (интеллектуально, конечно) буржуазия имела известную организацию в лице органов конст.-демократ. партии (кадетов), то вся мелкая буржуазия (буржуазная демократия) была лишена всякой организации и всяких организованных средств борьбы. Демократические городские самоуправления — не в результате нового муниципального закона, а в силу революционной практики — теряли свою общедемократическую форму и получали характер классовых органов пролетариата или представительства оторванных от массы чисто социалистических партий.

* * *

Приблизительно такой же характер имело самоуправление уезда и деревни в первый период революции. К осени оно должно было принять формы демократической системы земского управления, в основу которого были положены приблизительно те же начала, что и в городском, причем компетенции мелкой единицы — волостного земства — предоставлялось все местное хозяйство, народное просвещение и охрана общественного порядка и безопасности. Фактически деревня управлялась, если только можно применить это слово к состоянию анархии, чрезвычайно пестрым сплетением революционных и бытовых организаций, в виде крестьянских съездов, продовольственных и земельных комитетов, «народных советов», сельских сходов и т. д. А над всеми ними доминировала зачастую еще одна самобытная организация — дезертиров. По крайней мере Всероссийский крестьянский союз согласился с заявлением, шедшим слева и поэтому достаточно компетентным: «вся наша работа по созданию различных комитетов не будет иметь никакого значения, если эти общественные органы будут постоянно находиться под угрозой воздействия со стороны случайно организовавшихся вооруженных шаек».

Главный, более того — единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собою все прочие явления и события, — вымученный, выстраданный веками: вопрос о земле. Необыкновенно сложный и запутанный, он вспыхивал много раз в безрезультатных попытках бунта и насилия, подавлявшихся кроваво и беспощадно. Уже в годы первой революции (1905—1906 гг.) волна аграрных беспорядков, пронесшаяся над Россией и оставившая за собою след пожаров и разгромов помещичьих имений, указывала на то, какие последствия будут сопровождать свершившийся в 1917 году государственный переворот. Вопрос весьма сложный, какими мотивами руководствовался класс земельных собственников (помещиков), охраняя с такой страстностью и силой свои права: атавизмом, природным ли тяготением к земле, соображениями государственными о повышении культурности землепользования, стремлением сохранить непосредственное влияние на народ или, наконец, просто своекорыстием... Одно бесспорно, что аграрная реформа запоздала. Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения.

То спокойствие, с которым народ ждал некогда «освобождения» в дни работ «Главного» и «губернских» комитетов, невзирая на их резко классовый, сословный характер (1857—1861), теперь оказалось не под силу. Крестьянство пожелало немедленной передачи ему всей земли, не дожидаясь ни выработки основных норм демократическим главным земельным комитетом, ни решения всенародного Учредительного Собрания. Нет никакого сомнения, что такое нетерпение обусловливалось в

значительной мере слабостью власти и сторонними влияниями, о которых говорится ниже.

В основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство совершенно определенно говорили о «переходе земли в руки трудящихся». Точно так же единодушно все эти элементы ставили вопрос о порядке законодательного разрешения земельного переустройства, предоставляя его Учредительному Собранию. Расхождение, притом непримиримое, возникло в определении самого существа земельной реформы. Либеральные круги русской общественности отстаивали частную собственность на землю * — идея все больше и больше захватывавшая крестьянство — и требовали наделения крестьян, а не общего передела; революционная же демократия во всех партийных, классовых и профессиональных организациях отстаивала положение, проведенное Всероссийским крестьянским съездом (25 мая) при участии министра Чернова о «переходе всех земель... в общее народное достояние для уравнительного пользования, без всякого выкупа». Эта резолюция социал-революционерского происхождения вносила смуту. Ее крестьяне не понимали или не хотели понять. По натуре — собственники, они не признавали национализации. Уравнительное же пользование, принимая во внимание огромное число безземельных крестьян, наличие 20 миллионов крестьянских дворов и размеры не крестьянской пахотной земли, определяемые всего лишь в 45 миллионов десятин, грозило отнятием земли у многомиллионного крестьянства, владеющего сверх трудовой или даже сверх «потребительной» нормой, и обращением общего земельного передела в нескончаемую междоусобную кровавую распрю. Это обстоятельство впоследствии было учтено даже и социал-демократами, которые в резолюции по аграрному вопросу, относящейся к концу августа, допускали сохранение мелкоземельной собственности, ограничивая, однако, возможность перехода ее лишь к органам самоуправления и государству **.

Временное правительство, не считая себя вправе разрешить основные вопросы земельного устройства и, вместе с тем, испытывая стихийный напор снизу, переложило свои права отчасти на министерство земледелия, отчасти на созданный на началах широкого демократического представительства Главный земельный комитет; на него кроме сбора сведений и подготовки земельной реформы возложено было урегулирование существовавших земельных отношений ***. Фактическое заведование всеми землями — в смысле использования, отчуждения их, арендных отношений, условий найма рабочих рук — перешло в волостные земельные комитеты **** — органы, состоявшие зачастую из людей темных (интеллигенция обычно была устранена), слишком заинтересованных и не имевших никакого представления о существе и пределах своей компетенции. В то же время центральные представительные учреждения и министерство Чернова наряду с воззваниями правительства о недопустимости самоуправства и о сохранении в неприкосновенности всего земельного фонда до Учредительного Собрания, явно поощряли «вре-

* Партия к.-д допускала национализацию недр и лесов.

** В отчете о состоянии Советской России, представленном VIII Всероссийскому съезду, история землевладения представляется в следующих цифрах: в помещичьем владении земли имелось: до 1861 г.— 105, после 1861 г.— 71, в 1877 г.—64, в 1905 г.— 53, в 1917 г.—42, в 1918 г.—0 мнл. десятин. Перемещение крестьянской земельной собственности при советском режиме выражается для Великороссии следующими сравнительными цифрами в %%: безземельных хозяйств в 1917 г.— 11,4, в 1919 г.— 6,5; мелких, соответственно — 29,6 и 41,5; средних — 51,1 и 45,9; выше средних — 7,1 и 3,0; крупных крестьянских — 0,9 и 0,1 (у автора таблица.— *Ред.*).

*** Официально на комитет возлагалось вносить в правительство проекты временных норм земельных отношений.

**** Под наблюдением — обычно фиктивным — уездных и губернских комитетов.

менное пользование землями», как назывались тогда захваты, объясняя эти действия «государственной необходимостью» полного использования земли под посев. Агитация — в самых широких размерах, веденная в деревне безответственными представителями социалистических и анархических кругов, дополняла работу Чернова.

Результаты такой политики не замедлили сказаться. Управлявший министерством внутренних дел Церетели в одном из циркуляров губернским комиссарам * констатировал явление полной деревенской анархии: «захваты, запашки чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяев экономических требований; племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубаются, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасеянными, а посевы и сенокосы неубранными». Министр обвинял местные комитеты и крестьянские съезды в организации самочинных захватов и приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств «грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства». Если к этой картине прибавить местами пожары, убийства, самосуды, разрушение усадеб, представлявших из себя иногда хранилища предметов огромной исторической ценности, то получим истинную картину тогдашнего деревенского быта.

Вопрос о помещичьем землевладении вышел таким образом далеко из рамок эгоистических классовых интересов. Тем более, что насилиям подвергались не только помещики, но и крестьяне — хуторяне, отрубники. По постановлениям комитетов и помимо них. Подымалось не раз и село на село. Дело шло теперь вовсе не о перемещении богатств из одних рук в другие, от одного сословия к другому, а об истреблении ценностей, разрушении земельной культуры и экономическом потрясении государства.

Стихия бушевала. «Учредительные» функции оказались не по плечу волостному комитету. Следственные власти не смели появляться в деревне. Суд бездействовал, ибо все равно приговоры его не нашли бы исполнителей. И деревня, предоставленная самой себе и агитации крайних элементов, кипела в котле страстей, давно назревших и никем, ничем не сдерживаемых. Жизнь мстила за попрание своих требований.

Вместе с захватами и разделами росли неудержимо собственнические инстинкты крестьянства. Его идеология опрокидывала все планы революционной демократии и, обращая крестьянство в класс мелкой буржуазии, грозила надолго отдалить торжество социализма. Деревня замкнулась в узкий круг своего быта и, поглощенная «черным переделом», совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни социальными вопросами, выходящими за пределы ее интересов. Война отнимала и калечила ее работников, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельным захватам и стесняла монополией и твердыми ценами сбыт хлеба — и деревня не взлюбила власть. Город перестал давать произведения промышленности и товары — и деревня отгородилась от города, уменьшая и временами прекращая подвоз туда хлеба. Единственное вполне реальное «завоевание революции» было в известной мере осуществлено, и те, кто воспользовался им, с некоторым смущением и неуверенностью ждали, как отнесется к самочинному разрешению ими земельного вопроса грядущая власть.

При таких настроениях пролетарский большевизм оказался чужим и ненужным в деревне. Предвидя необходимость в будущем борьбы с такими «мелкобуржуазными стремлениями» крестьянской массы, Ленин и включил в свою программу «перенесение центра тяжести на советы батрацких депутатов» и «выделение советов депутатов от беднейших крестьян»... Однако с этим лозунгом, вносившим начала раскола и борьбы в крестьянскую среду и осуществленным позднее, летом 1918 г., большевики не посмели явиться открыто в деревню в 1917 г. И деятельная работа их поэтому вылилась в поддержание деревенской анархии, оправдание захватов и подрыв авторитета Временного правительства. Этим путем они стремились создать в лице крестьянской массы сторону, если не сочувствующую, то, по крайней мере, нейтральную в предстоящей решительной борьбе своей за власть.

* Циркуляр 17 июля.

* * *

Одним из правительственных актов, вносивших крайние осложнения в нормальное течение народной жизни, явилось упразднение постановлением от 17 апреля общей полиции. В сущности акт подтвердил лишь то положение, которое создалось почти повсеместно с первых же дней революции и которое явилось результатом народного гнева в отношении исполнительных органов старой власти, в особенности же результатом озлобления со стороны тех лиц, которые подвергались наибольшему угнетению и произволу полиции и теперь вдруг поднялись на гребень народной волны. Защищать русский полицейский институт — дело безнадежное. Отрицательная репутация его несколько поколебалась лишь под влиянием сравнения с милицией и чрезвычайками... Точно так же напрасно было бы в то время противиться его упразднению — оно вызывалось психологической необходимостью. Но так же несомненно, что старый полицейский институт в своих действиях руководствовался не столько личными политическими убеждениями, сколько требованиями хлебодателя и собственными интересами. Неудивительно, что жандармы и чины полиции — гонимые, оскорбляемые, затравленные, поступив принудительно в армию, составили там элемент весьма отрицательный. Революционная демократия в самооправдание до крайности преувеличивала «контрреволюционную» роль их в армии; тем не менее безусловная правда, что многие бывшие жандармские и полицейские чины избрали себе, быть может, из чувства самосохранения, ремесло, ставшее тогда наиболее выгодным — демагога-агитатора.

Станем на почву фактов. Упразднение полиции в самый разгар народных волнений, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантии, обеспечивающие общественную и имущественную безопасность граждан, являлось прямым бедствием. Но этого мало: с давних пор функции русской полиции незаконно расширялись путем передачи ей части своих обязанностей как всеми правительственными учреждениями, так и органами самоуправления, даже ведомствами православного и инославных вероисповеданий. На полицию возлагалось таким путем взыскание всяких сборов и недоимок, исполнение обязанностей судебных приставов и участие в следственном производстве, наблюдение за выполнением санитарного, технического, пожарного уставов, собирание всевозможных статистических данных, призрение сирот и лиц, впавших в болезнь вне жилищ, и проч., проч. Достаточно сказать, что проект реорганизации полиции, внесенный в Государственную думу в конце 1913 года, предусматривал 317 отдельных обязанностей, незаконно возложенных на полицию и подлежащих сложению.

Весь этот аппарат и сопряженная с ним деятельность — охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты из жизни и оставили в ней пустое место. Созданная взамен милиция была даже не суррогатом полиции, а ее карикатурой. В то время как в западных государствах проводится принцип объединения полиции под властью правительственного центрального органа, Временное правительство поставило милицию в ведение и подчинение земских и город-

ских управлений. Правительственные комиссары в отношении милиции имели лишь право пользоваться ею для исполнения законных поручений.

Кадры милиции стали заполняться людьми, совершенно неподготовленными, без всякого технического опыта, или же заведомо преступным элементом. Отчасти этому способствовал новый закон, допускавший в милицию лиц, даже подвергшихся заключению в исправительных арестантских отделениях, с соответственным поражением прав, отчасти же благодаря системе набора их, практиковавшейся многими городскими и земскими учреждениями, насильственно «демократизированными». По компетентному заявлению начальника главного управления по делам милиции, при этих выборах в состав милиции даже в ее начальники попадали нередко уголовные преступники, только что сбежавшие с каторги... Волость зачастую вовсе не организовывала милиции, предоставляя деревне управляться, как ей заблагорассудится.

В послании к народу 25 апреля Временное правительство весьма удачно определило положение страны, в которой «рост новых социальных связей, ее скрепляющих, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя». Это несоответствие проявлялось роковым образом во всех областях народной жизни.

Глава XIV. *Деятельность Временного правительства: продовольствие, промышленность, транспорт и финансы*

С начала весны 1917 года усилился значительно недостаток продовольствия в армии и в городах. Теперь, после опытов советского режима, когда безграничным терпением и выносливостью русского человека превзойдены как будто все минимумы, когда-либо существовавшие для человеческого питания, кажутся не слишком тягостными те официальные нормы, которые были установлены к лету 1917-го года — $1^1/_2$ фунта хлеба для армии * и $^3/_4$ фунта для населения. Эти теоретические цифры, впрочем, далеко не выполнялись. Города голодали. Фронтам, за исключением Юго-западного, не раз угрожал кризис, предотвращаемый обыкновенно дружными усилиями всех органов правительственной власти и советов, самопомощью тыловых частей и... дезертирством. Тем не менее, армия недоедала, в особенности на Кавказском фронте. А конский состав армии весною, при теоретической норме в 6—7 фунтов зернового фуража **, фактически падал от бескормицы в угрожающих размерах, ослабляя подвижность армии и делая бесполезным комплектование ее лошадьми, которым грозила та же участь.

В одном из воззваний Совета к крестьянам говорилось: «враги свободы, сторонники свергнутого царя пользуются недостатком хлеба в городах, ими же созданным, чтобы вести подкоп под нашу и вашу свободу. Они говорят, будто революция оставила страну без хлеба»... Это элементарное объяснение, которое революционная демократия выдвигала во всех случаях тяжкого неустройства народной жизни, грешило большой односторонностью. Помимо наследия старого режима и неизбежных последствий трехлетней войны, вызвавшей почти полное прекращение ввоза сельскохозяйственных машин, отвлечение рабочих рук и — как результат — сокращение посевной площади, причины продовольственного кризиса в богатейшей хлебом стране, кризиса, который к осени правительство считало катастрофическим, слишком многообразны: продовольственная политика Временного правительства и колебание твердых цен; обсценение рубля и непомерное, не эквивалентное твердым ценам на хлеб вздорожание предметов первой необходимости, вызванное,

---

* Весною 1917 г. 2 фунта.

** Армия поглощала 390 миллионов пудов сухого фуража в год!

кроме общих экономических условий, и неудержимым ростом фабричной заработной платы; аграрная политика правительства, недосев полей и деревенская смута; расстроенный транспорт; полное устранение торгового аппарата * и передача всего дела продовольствия продовольственным комитетам — органам, до основания демократическим, но, за исключением, быть может, представителей кооперации, недостаточно опытным и во всяком случае не проявившим никакого творчества. И много можно бы привести еще больших и малых причин, которые, при полной объективности и беспристрастии, можно объединить в короткой формуле: старый режим, война и революция.

29-го марта Временное правительство ввело хлебную монополию. Весь излишек запаса хлеба, за исключением норм продовольственной, на обсеменение и на корм скота, поступал государству. Вместе с тем правительство вновь увеличило твердые цены на хлеб и обещало установить их и на все предметы первой необходимости, как то: железо, ткани, кожи, керосин и т. п. Это последнее мероприятие, справедливость которого чувствовалась всеми и которому министр продовольствия Пешехонов придавал огромное психологическое значение, среди той общей разрухи, в которую была ввергнута страна, оказалось провести невозможно.

Страну покрыла огромная сеть продовольственной организации, стоимость которой определялась в 500 миллионов рублей в год, но которая оказалась бессильной справиться со своим делом.

Деревня, прекратившая внесение податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за них никакого товарного эквивалента, задерживала подвоз хлеба. Агитация и воззвания не действовали, приходилось местами применять силу.

Если кампания 16 года (1 августа 1916 года — 1 июля 1917 г.) дала 39,7%, то июль 1917 года дал 74%, а август 60—90% невыполнения наряда продовольственных заготовок **. Только на фронте, в ущерб питанию городов, ко второй половине июня удалось сосредоточить некоторый запас хлеба.

Положение становилось грозным. Правительство, министры земледелия и продовольствия — Шингарев [15] и Пешехонов беспомощно взывали «к разуму и совести» земледельцев. Петроградский и Московский советы рабочих и солдатских депутатов, видя, что продовольственные органы бессильны справиться с надвигающимся бедствием, каждый порознь решили послать своих эмиссаров во все хлебородные губернии, поручив им выяснить наличные запасы на местах и самыми решительными мерами организовать подвоз к станциям и пристаням. В свою очередь, армейские войсковые комитеты с согласия министерства и Ставки организовали свои комиссии для той же цели. Все эти обособленные не раз самочинные действия, нисколько не усиливая интенсивности поступления хлебных грузов, вносили еще большую путаницу в план заготовок и подвоза.

В конечном результате, воззванием, обнародованным 29 августа, правительство констатировало чрезвычайно тяжелое положение страны: правительственные запасы беспрерывно уменьшаются; «города, целые губернии и даже фронт терпят острую нужду в хлебе, хотя его в стране достаточно» ***; многие не сдали даже прошлогоднего урожая, многие агитируют, запрещают другим выполнять свой долг... Правительство, с целью «предотвратить грозящую родине смертельную опасность»,

---

* В августе в декларации революционной демократии уже находим требование привлечения торгового аппарата к продовольствию страны, не отказываясь, однако, от монополии.

** Эти месяцы, впрочем, всегда наименее благоприятные.

*** Вывоз хлеба из России за границу до войны составлял в среднем ежегодно (1909—1914) — 870 мил. пуд.

вновь увеличило твердые цены, угрожало применением крайних мер воздействия против ослушников и вновь обещало принять меры к нормировке цен и распределению предметов, нужных деревне. Но заколдованный круг переплетающихся между собой политических, социальных, классовых интересов затягивал все более тугую петлю на шее правительства и парализовал его волю и деятельность.

* * *

Не менее тяжелым было положение промышленности, которая быстрыми шагами шла к разрушению. И здесь, как и в вопросе продовольствия, нельзя искать причин бедствия в одной серии явлений, как это имело место в односторонних обвинениях друг друга торгово-промышленниками и рабочими: одних — в хищнической сверхприбыли и саботаже в целях провала революции, других — в бездельничаньи и непомерной корысти в целях использования в личных интересах революции.

Причины можно свести в три категории. Еще до войны, в силу разнообразных политических и экономических условий, в том числе и недостаточного внимания власти к развитию производительных сил страны, промышленность наша находилась в состоянии неустойчивом и в большой зависимости от иностранных рынков даже в отношении таких материалов, которые, казалось бы, можно добывать дома. Так, в 1912 году в русской промышленности ощущался сильный недостаток чугуна, а в 1913 — серьезный топливный кризис; заграничный ввоз металла возрастал с 1908 по 1913 г. с 29% до 34%; хлопка до войны мы получали извне 48%; при общем производстве 5 миллионов пудов пряжи требовалось 2,75 миллионов пудов иностранной шерсти * и т. д.

Война оказала, несомненно, глубокое влияние на состояние промышленности: прекращение нормального ввоза и потеря Домбровских копей; ослабление транспорта в силу стратегических перевозок и, следовательно, уменьшение подвоза топлива и сырья; переход большей части фабрик и заводов на работу по обороне, уменьшение и ослабление рабочего состава мобилизациями и т. д. В экономическом отношении эта милитаризация промышленности легла тяжким бременем на население, ибо, по исчислениям министра Покровского, армия поглощала 40—50% всех материальных ценностей, которые создает страна **. Наконец, в социальном отношении война углубила рознь между двумя классами — торгово-промышленным и рабочим, доведя до чудовищных размеров прибыли и обогащение первых *** и ухудшив положение вторых: приостановкой некоторых профессиональных гарантий ввиду военного положения, прикреплением военнообязанных к определенным предприятиям и более тяжелыми условиями жизни ввиду общего поднятия цен и ухудшения питания.

Но если при всех этих ненормальных условиях русская промышленность кое-как справлялась с возлагаемыми на нее задачами, то революция нанесла ей последний удар, приведший к постепенному замиранию и ликвидации. Временное правительство в своей законодательной деятельности исходило из двух положений: с одной стороны, необходимости правительственного контроля и регулирования хозяйственной жизни страны путем сурового обложения доходов и «военной» сверхприбыли промышленников, а также правительственного распределения топлива, сырья,

* Статистические данные для этой главы взяты из доклада проф. Г-ра 1920 г.; заявлений Кутлера, Шингарева, Покровского, Скобелева и др. в 1917 году.

** В частности 75% вырабатываемых тканей шло на армию.

*** В конце ноября 1916 г. с кафедры Государственной Думы были оглашены некоторые «военные прибыли» за отчетный 1915—1916 год: Товарищество Рябушинских — 75% чистой прибыли; Тверская мануфактура — 111%; Товарищество меднопрокатного завода Кольчугина — 12,2 мил. руб., при основном капитале 10 миллионов.

продовольствия; последняя мера вызвала фактическое устранение из хозяйственной жизни страны торгового класса и замену его демократическими организациями; исчезли ли при этом сверхприбыли или произошло простое «классовое» перемещение их, учесть трудно. С другой стороны, правительство всемерно заботилось об охране труда, проводя и разрабатывая законопроекты о свободе коалиций, биржах труда, примирительных камерах, социальном страховании и т. д.

К сожалению, то нетерпение и то стремление к самостоятельному «правотворчеству», которое охватило деревню, в равной мере повторилось на фабриках и заводах. С первых же дней революции рабочие захватным порядком провели 8-часовой рабочий день, фабрично-заводские комитеты и примирительные камеры; позднее — рабочий контроль. Но комитеты не могли возвыситься до понимания общенародных интересов, а примирительные камеры приобрести должный авторитет. Агитация, находившая благодарную почву в эгоистических устремлениях и торгово-промышленников и рабочей массы, шла полным ходом, применяя те же приемы, что и в армии. Началась полнейшая разруха. Власть против нее принимала только одно средство — воззвания.

Во-первых, повторилась история с командным составом армии: организационно-технический аппарат был разрушен. Началось массовое изгнание лиц, стоящих во главе предприятий *, массовое смещение технического и административного персонала. Устранение сопровождалось оскорблениями, иногда физическим насилием, как месть за прошлые фактические и мнимые обиды. Часть персонала уходила добровольно, не будучи в состоянии переносить того тяжелого нравственного положения, в которое ее поставила рабочая среда. При нашей бедности в технически образованных людях, эти методы грозили непоправимыми последствиями. Как и в армии, комитеты избирали и ставили на места ушедшего персонала зачастую совершенно неподготовленных и невежественных людей. Местами рабочие захватывали всецело в свои руки промышленные предприятия — без знания, без оборотных средств,— ведя их к гибели и себя к безработице и обнищанию.

В промышленных предприятиях пала совершенно трудовая дисциплина и изъяты все способы нравственного, материального и, в необходимых случаях, судебного воздействия и принуждения. Одной «сознательности» оказалось совершенно недостаточно. Тот технический и административный персонал, который остался или был избран, не имел уже ни возможности руководить делом, ни авторитета, будучи всецело терроризован рабочими. В результате — фактическое сокращение 8-часового рабочего дня, крайняя небрежность в работе и страшное падение производительности. Московская металлообрабатывающая промышленность уже в апреле пала на 32%, производительность петроградских фабрик и заводов — на 20—40%, добыча угля и общая производительность Донецкого бассейна к июлю — на 30% и т. д. Расстроилась также добыча нефти на бакинских и грозненских промыслах.

Но особенно разрушительное влияние на промышленность оказали чудовищные требования повышения заработной платы, не сообразованные ни с ценою жизни, ни с продуктивностью труда, ни с реальными платежными способностями предприятий — требования, значительно превосходившие всякие сверхприбыли. В докладе Кутлера [16] Временному правительству приводятся такие, например, цифры: на 18 предприятиях Донецкого бассейна с общей валовой прибылью за последний год в 75 миллионов рублей рабочие потребовали повышения заработной платы в 240 миллионов рублей в год. Общая сумма повышенной платы на всех горнопромышленных и металлургических заводах Юга — 800

* В уральской промышленности, например, из 20 руководителей предприятий к середине 1917 г. осталось 4.

миллионов рублей в год; на Урале — 300 миллионов рублей при общем обороте 200 миллионов; добавочная плата одного Путиловского завода до конца 1917 года простиралась до 90 миллионов рублей. При этом ставки рабочей платы возросли на 200—300 процентов, а прядильщикам московской текстильной промышленности и на 500% в сравнении с 1914 годом. Конечно, ставки эти перекладывались в значительной мере на казну, так как большинство предприятий работало на оборону.

Сообразно с таким направлением промышленной деятельности и психологии рабочих масс, предприятия стали гибнуть, в стране появился громадный недостаток предметов первой необходимости, и цена на них возросла до крайних пределов. Как один из результатов такого расстройства хозяйственной жизни страны — поднятие цен на хлеб и нежелание деревни давать городу продовольствие.

В результате — к июню месяцу было закрыто 20% петроградских промышленных заведений. Вообще, за первые месяцы революции зарегистрированный и, конечно, неполный мартиролог промышленности выражался в следующих цифрах (у автора таблица.— *Ред.*): март — число закрытых заведений — 74, число уволенных рабочих — 6644; апрель — (соответственно) — 55 и 2816; май — 108 и 8701; июнь — 125 и 38 755; июль — 206 и 47 754. Итого — 568 и 104 670. Кроме того, стали 72 мельницы — за недостатком зерна.

Было бы ошибочно считать, что классовые организации в лице советов рабочих депутатов и профессиональных союзов, наконец, членов правительства — социалистов не боролись с разрухой. Но борьба была неискренняя. Неискренняя по существу — со стороны людей, видящих идеал и конечную цель в национализации или социализации промышленности; неискренняя и по форме, ибо осуждение и назидание по адресу рабочих, по установившемуся демократическому ритуалу, требовало вящего опорочения буржуазного элемента предприятий. В то же время большевизм внес в рабочую среду постоянное бродящее начало, потворствуя низменным инстинктам, разжигая ненависть против имущих классов, поддерживая самые неумеренные требования, парализуя всякие попытки власти и умеренных демократических организаций локализовать распад промышленности. «Все для пролетариата и все через пролетариат»... Большевизм рисовал рабочему классу широчайшие и заманчивые перспективы политического господства и экономического благосостояния путем сокрушения капиталистического строя и перехода в руки рабочих власти, предприятий, орудий производства и ценностей. И притом не в порядке длительного социально-экономического процесса и длительной организованной борьбы, а сейчас, немедленно. Разгоряченное воображение, не сдерживаемое ни знанием, ни авторитетом руководящих профессиональных органов, морально разрушаемых большевиками и все более падавших, рисовало соблазнительные возможности отмщения за свою тяжелую, нудную, трудовую жизнь, возможности приобщения к благам, ненавидимой всеми фибрами души и столь же страстно желанной жизни буржуазии. Теперь или никогда. Все или ничего. А когда жизнь разбивала иллюзии, когда беспощадный экономический закон мстил дороговизной, голодом, безработицей, то большевизм с еще большей убедительностью настаивал на необходимости восстания, указывая и причины народного бедствия и способы его устранения. Причины — политика Временного правительства, «отстанвающего восстановление буржуазной кабалы», саботаж предпринимателей и попустительство революционной демократии, до меньшевиков включительно «продавшейся буржуазии». Средство — переход власти к пролетариату. Все эти обстоятельства мало-помалу убивали русскую промышленность.

Что касается боевого снабжения, то, невзирая на все эти потрясения, ввиду крайнего напряжения и концентрации его за счет всех самых насущных потребностей страны, а также длившегося несколько месяцев затишья, расстройство промышленности непосредственно армией не ощущалось в таких значительных размерах, и к июню 1917 года мы обладали не богатыми, но достаточными материальными средствами для серьезного наступления. Ввоз военного материала через Архангельск, Мурман и в незначительной степени через Владивосток несколько оживился; но, в силу трудных естественных условий морских путей и малой провозоспособности сибирской магистрали и мурманской дороги, не получил надлежащего развития, достигая всего лишь 16% общей военной потребности. Для военного управления было, однако, очевидным, что мы живем лишь старыми запасами, созданными патриотическим подъемом и напряжением страны в 1916 году. Ибо уже к августу 1917 года важнейшие производства военных материалов понизились: орудийное на 60%, снарядное на 60%, авиационное на 80%. Впрочем, возможность продления войны при худших условиях в материальном отношении с наибольшей очевидностью доказало впоследствии советское правительство, в течение более чем трех лет питающее войну в большей мере запасами, оставшимися от 1917 года, частью же обломками русской промышленности; но, конечно, путем такого чудовищного сжатия потребительского рынка, которое возвращает нас к первобытным формам человеческого бытия.

* * *

Разрушался и транспорт. Еще в мае 1917-го года на очередном съезде железнодорожных представителей в Ставке я услышал мотивированный доклад г. Шуберского, подтвержденный многими специалистами, что наш транспорт, если не изменятся общие условия, через полгода станет. Практика посмеялась над теорией: три с лишним года в невероятных условиях междоусобной борьбы и большевистского режима железные дороги продолжают работать, правда, не обслуживая почти вовсе нужд населения, но удовлетворяя все же стратегические потребности. Нет сомнения, однако, что эта работа идет уже не на разрушение, а на полное истребление русской железнодорожной сети.

История железнодорожной разрухи повторяет в подробностях те моменты, которые я отметил, касаясь армии, деревни и в особенности промышленности: наследие нерациональной железнодорожной политики прошлого; необыкновенно возросшие требования войны, изнашивание подвижного состава и солдатская анархия на дорогах; общие экономические условия страны, отсутствие рельсов, недостаток металла и топлива; «демократизация» железнодорожного строя, выразившаяся возникновением в нем коллегиальных организаций, захватывавших власть, дезорганизацией административного и технического состава, подвергнувшегося гонению, сильнейшим понижением производительности труда и неуклонным ростом экономических требований железнодорожных служащих и рабочих.

Но эта история имеет и некоторые особенности. Во-первых, рядом лет нерациональной экономии, без достаточной заботливости об улучшении положения служащих, власть создала среди некоторых категорий их то явление «побочных доходов», которое было почти узаконено жизнью и которое впоследствии в антибольшевистских образованиях приобрело характер народного бедствия... Железнодорожники, надо отдать им справедливость, позже рабочих промышленных предприятий и не в таких необузданных размерах предъявляли свои требования *.

* В марте, например, путевой сторож получал 24 рубля в месяц; начальник депо (при готовой квартире) 100 рублей, а его слесарь 300 руб.; начальник участка службы пути 120 рублей, а его рабочие более 200 и т. д.

Тем не менее, прибавка железнодорожникам потребовала 350 миллионов рублей.

Вторая особенность: тот систематический захват государственной власти частными организациями, который во всех других областях встречал хоть некоторое противодействие правительства, в министерстве путей сообщения насаждался самим правительством, в лице министра Некрасова.

Друг и вдохновитель Керенского, последовательно министр путей сообщения, финансов, товарищ и заместитель председателя, финляндский генерал-губернатор, октябрист, кадет и радикал-демократ, балансировавший между правительством и Советом, Некрасов наиболее темная и роковая фигура среди правивших кругов, оставлявшая яркую печать злобного разрушения на всем, к чему он ни прикасался: будь то создание «Викжеля» *, украинская автономия или Корниловское выступление...

Общего плана — экономического и технического — министерство не имело, да и трудно было осуществить какой-либо план. Ибо в железнодорожную организацию, сильную некогда своей дисциплиной, Некрасов решил ввести «на место старых лозунгов принуждения и страха (?) — новые начала демократической организации» путем насаждения во всех отраслях железнодорожного дела выборных советов и комитетов. На создание их министр отпустил крупное ассигнование и знаменитым циркуляром 27 мая определил организациям широчайший круг ведения в области общественного контроля, наблюдения за работой железных дорог и «указаний» ответственным лицам администрации. Впоследствии железнодорожным организациям была обещана и передача распорядительных функций... «Пока же министерство путей сообщения и подведомственные ему местные установления должны и будут строго согласовывать свою работу со взглядами и пожеланиями объединенных железнодорожных тружеников». Таким образом, г. Некрасов важнейшие государственные интересы — направление железнодорожной политики, судьбу обороны, промышленности и всех других отраслей народной жизни, сопряженных с использованием путей сообщения, отдал в руки частной организации. Мера, которая была бы вполне правильной, как выразился один из современных критиков, если бы все русское население состояло из одних железнодорожников. В этой, не имевшей еще примера нигде в мире, реорганизации, проведенной господином Некрасовым, приходится поневоле видеть нечто худшее, чем простая ошибка или заблуждение. Общее направление министерской политики было усвоено надлежаще. В начале августа на московском съезде, ставшем орудием левых социалистических партий, один из главных руководителей заявил, что «железнодорожный союз должен быть вполне автономным, и никакая решительно власть, никто кроме железнодорожников не может вмешиваться в их жизнь»... Словом, отложение от государства. Начался развал. В строгий и точный механизм железнодорожной службы и в центре и на местах был введен небывалый элемент произвола случайного состава организаций, основанных по принципу большинства, а не знания и опыта. Я понимаю демократизацию, открывающую широкий доступ народным массам к науке, технике, искусству, но не понимаю демократизации этих достижений человеческого разума. Началось безвластие и падение трудовой дисциплины. Уже в июле правительство считало положение железных дорог катастрофическим.

Замечательно, что еще в конце марта на кадетском съезде Некрасов выражал притворное изумление перед таким «парадоксальным явлением», что с появлением комитетов появились чрезмерные требования, устранение начальников, неуклонное падение продуктивности труда и

* Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза.

т. д. При этом он утешал аплодировавшее ему собрание тем, что это явление вполне закономерное и неизбежное, как следствие старого режима, но что «в этой организации лежит залог высшего развития железнодорожного дела».

Некрасов, после такого четырехмесячного управления ведомством, ушел, взяв в свои руки неведомые ему финансы страны, а преемник его Юренев [17] начал бороться против захвата железнодорожниками власти, считая «вмешательство в распорядительную деятельность ведомства частных лиц и организаций государственным преступлением». Борьба велась обычными методами Временного правительства и уже не могла вернуть потерянного. И на московском совещании председатель железнодорожного союза, в сознании силы и влияния его, говорил, что предпринятая борьба с демократическими организациями есть проявление контрреволюции и против этого союз будет бороться абсолютно всеми средствами «и найдет силы задушить эту гидру контрреволюции».

В дальнейшем, как известно, «Викжель», став организацией всецело политической, предал Корнилова — Керенскому, Керенского — Ленину, с рвением бывшего охранного отделения «ловил» бежавших Быховских узников [18] и наконец погиб бесславно в тисках большевистской централизации. В 1919 г. в «Правде» был опубликован приказ советского комиссара путей сообщения Красина [19], похоронивший окончательно некрасовские упражнения в области самоуправства: «Существующая система железнодорожного управления... привела транспорт к полному развалу... Всем завоеваниям революции грозит опасность уничтожения... На место коллегиального, в действительности безответственного управления вводятся принципы единоличного управления и повышенной ответственности: все — от стрелочника до члена коллегии — должны точно и беспрекословно исполнять все мои предписания. Реформы приостановить всюду, где только можно, восстановить старые должности и старый технический аппарат в центральном управлении и на линиях».

В результате всех этих явлений, т. е. старого режима, войны и революции, явилось то положение транспорта, которое характеризуется, хотя и очень поверхностно, скудными цифровыми данными, которые находятся в моем распоряжении; относятся они к московскому узлу, а некоторые — ко всей сети (под чертой) (у автора таблица.— *Ред.*): 1) наличность товарных вагонов: январь — 82 375, июль — 89 718, декабрь — 98 881; 2) % в ремонте (соответственно): 6, 8,6 и 7,8; 3) наличность паровозов: $\frac{3060}{17000}$, $\frac{3170}{15700}$ и $\frac{3333}{15800}$; 4) % в ремонте: $\frac{17,5}{16,5}$, $\frac{28,5}{24,7}$ и $\frac{34,4}{29,4}$*; 5) средний суточный пробег вагона в верстах: 60,2, 56,1 и 35; 6) средняя суточная погрузка вагонов для всей казенной сети железных дорог: 31 307, 27 615 и 19 000 **.

Если к этому прибавить увеличение числа рабочих, приходившихся на 1 в. пути, по сравнению с 1914 г., от двух (Москов.-Каз. и Москов.-Курск.) до восьми раз (Северные) и увеличение средней оплаты одного человека с 310 на 1107 руб., то станет ясным, что причины социального и политического характера (2, 4, 5, 6) имели в общей железнодорожной разрухе большее значение, чем технические условия (1, 3). Явление совершенно обратное дореволюционному периоду, когда работа железных дорог доходила до крайнего напряжения, когда личный состав их проявлял высокую энергию и самоотвержение. Мы не забудем, что сосредото-

* К 1-му июля бездействовало на всей сети русских железных дорог 1800 паровозов.

** В первые семь месяцев 1917 г. на всей сети недогружено в сравнении с 1916 г. 980 000 вагонов, при этом недогружено угля на 106 мил. пудов.

чение русских армий летом 1914 года, возбуждавшее всегда самые тревожные опасения в составителях плана кампании, прошло не только блестяще, но войска не раз прибывали на фронт ранее сроков, положенных по плану мобилизации и сосредоточения. Такова же работа железнодорожников и в течение войны. И если бывали случаи роковой медленности стратегических перевозок, как, например, в 1916 году, лишившие нас успеха летом на Волынском театре и осенью в Румынии, то это обстоятельство нужно отнести к слабо развитой сети и непосильному заданию, а никак не к недостатку доброй воли и сознания долга железнодорожников.

* * *

Наконец, еще один элемент государственного хозяйства — финансы. Если имеет значение нормальный финансовый план, то он находится в полной и абсолютной зависимости от целого ряда существенных факторов: общих политических условий, дающих уверенность извне и внутри в прочности государственного строя и устойчивости внутреннего положения страны; стратегических условий, определяющих степень надежности государственной обороны; экономических условий, как то: состояние производительности страны и взаимоотношения производства ее с потреблением, условия труда, транспорта и т. д. Власть, фронт, деревня, завод, транспорт не давали соответственных гарантий, и потому ведомство могло принимать лишь меры паллиативные, чтобы задержать процесс распада всей денежной системы и в корне нарушенного бюджетного равновесия до тех пор, пока в стране не восстановится относительный порядок.

Главными недостатками нашего довоенного бюджета считаются базирование его на доходах от винной монополии (800 милл. рубл.) и почти полное отсутствие прямого обложения. Перед войной бюджет России простирался до $3^1/_2$ миллиардов рублей, государственный долг — около $8^1/_2$ миллиардов; одних процентов мы платили до 400 миллионов; почти половина этой суммы шла за границу, погашаясь частью $1^1/_2$ миллиардного нашего вывоза.

Война и запрещение во время ее продажи спиртных напитков вывели совершенно наш бюджет из равновесия. Государственные расходы за время войны выразились в следующих цифрах (у автора таблица.— *Ред.*): $^1/_2$ 1914 г.— 5; 1915 г.— 12; 1916 г.— 18; семь месяцев 1917 г.— 18 миллиардов рублей *. Огромный дефицит покрывался частью займами, частью выпуском кредитных билетов. Расходы на войну производились из так называемого «Военного фонда». В Ставке расходование его находилось в полном и бесконтрольном (по вопросу целесообразности) ведении начальника штаба Верховного главнокомандующего, который устанавливал отправные данные своими приказами и утверждением смет и штатов.

Революция нанесла окончательный удар нашим финансам. «Она,— как говорил министр финансов Шингарев,— вызывала у всех сильное стремление к расширению своих прав и притупила сознание обязанностей. Все требовали повышения оплаты своего труда, но никто не думал вносить в казну налоги, поставив тем финансы в положение, близкое к катастрофе». Началась положительно вакханалия, соединившая всех в безудержном стремлении под флагом демократизации брать, рвать, хватать, сколько возможно, из государственной казны, словно боясь упустить время безвластия и не встречая противодействия со стороны правительства. Даже сам г. Некрасов на Московском совещании решился заявить, что «ни один период русской истории, ни одно царское правительство не были столь щедрыми, столь расточительными в своих расходах,

* За весь 1917 год ожидался расход в 27—30 миллиардов рублей.

как правительство революционной России», и что «новый революционный строй обходится гораздо дороже, чем старый».

Достаточно привести несколько «астрономических цифр» для определения непреодолимых бюджетных затруднений. Уменьшение выработки и чрезмерное повышение заработной платы выявило необходимость громадных расходов частью на субсидирование замиравших предприятий, частью на переплату за предметы производства. Эта переплата для одного только Донецкого бассейна дала 1200 миллионов рублей. Прибавка солдатского жалования —500 миллионов рублей, железнодорожная прибавка — 350 миллионов рублей; почтовым чиновникам — 60 миллионов рублей, причем через месяц потребовали еще 105 миллионов, в то время, как весь доход от почтово-телеграфного ведомства —60 миллионов. На пайки солдатским женам Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал 11 миллиардов рублей, т. е. почти полный годовой бюджет 1915 года, тогда как за время до 1917 года было израсходовано на это дело 4 миллиарда. Содержание продовольственных комитетов обошлось в 500 миллионов рублей в год, земельных —140 миллионов и т. д., и т. д.

Параллельно с таким ростом расходов наблюдалось сильное понижение поступлений. Так, например, в первые же месяцы революции поступление поземельного налога упало на 32%, городских недвижимых имуществ на 41%, квартирного налога на 43% и т. д. Как результат внутренних нестроений наших, явились вместе с тем падение курса рубля и понижение русских ценностей за границей *.

Временное правительство в основу своей финансовой деятельности положило «переустройство финансовой системы на демократических началах, путем прямого обложения имущих классов» (обложение наследственное, военных сверхприбылей, поимущественное, подоходное и т. д.). Правительство не решалось только прибегнуть к средству, рекомендованному революционной демократией,— принудительному займу или установлению «высокого единовременного поимущественного налога» — средству, имевшему некоторый привкус большевизма. Все эти справедливые налоги, проведенные в жизнь или проектированные, при всем их крайне высоком напряжении, не могли и в малой степени удовлетворить все возраставших требований. Министерство Бернацкого ** в начале августа сочло себя вынужденным обратиться к усилению косвенного обложения и к некоторым монополиям (на чай, сахар, спички) — мерам, накладывающим платежные тяготы на массу населения и потому до крайности непопулярным.

Тем временем расходы росли чудовищно, доходы не поступали, «заем свободы» шел не совсем удачно, на внешние займы, ввиду общего состояния русского фронта, рассчитывать не приходилось. Кредитные операции (внутр., внешн. займы, краткосрочн. обяз. казначейства) дали за первую половину 1917 г. $9^1/_2$ миллиарда; обыкновенные доходы предположены не более 5800 миллион. Оставалось одно, освященное историческими традициями всех революционных эпох средство — печатный станок.

Выпуск кредитных билетов достиг размеров исключительных (у автора таблица.— *Ред.*): $^1/_2$ 1914 г.— 1425; 1915 г.— 2612; 1916 г.— 3488; $^1/_2$ 1917 г.— 3990 миллион. рублей.

По балансу к июлю месяцу 1917 года сумма находившихся в обращении кредитных билетов достигала цифры в 13 916 миллионов рубл. (при обеспечении золотом в 1293 миллиона) против 2 миллиардов, бывших до войны. Четыре сменявшихся один за другим министра финансов **

* 28 июля фунт стерлингов стоил 21 руб., французский франк 77 коп.; 28 августа фунт стерлингов стоил уже 37 р. 50 коп., французский франк 1 р. 10 к.

** Некрасов возглавлял фиктивно министерство, управляющим которого был М. В. Бернацкий.

** Терещенко, Шингарев, Некрасов, Бернацкий.

не могли ничего сделать, чтобы вывести страну из финансового тупика. Ибо для этого нужно было или пробуждение чувства государственности в народной массе, или такая мудрая и сильная власть, которая нанесла бы сокрушительный удар гибельным безгосударственным, эгоистичным стремлениям и той части буржуазии, которая строила свое благополучие на войне, разорении и крови народной, и той демократии, которая, по выражению Шингарева, «с такой суровостью, устами своих представителей в Государственной Думе, осуждала тот самый яд бумажных денег, который теперь полными чашами стала пить сама — в момент, когда явилась почти хозяином своей судьбы».

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеется в виду третий состав Временного правительства (второе коалиционное) — 24 июля (6 августа) — 26 августа (8 сентября), председателем которого, так же как и четвертого — 25 сентября (8 октября) — 26 октября (7 ноября), свергнутого Октябрьской революцией, был А. Ф. Керенский (1881—1970) — адвокат, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе, с марта 1917 г.— эсер. Во Временном правительстве был министром юстиции (март — май), военным и морским министром (май — сентябрь), с 8(21) июля — министром-председателем, с 30 августа (12 сентября) — верховным главнокомандующим. После Октябрьской революции эмигрировал.

[2] Бетман-Гольвег Теобальд (1856—1921) — германский рейхсканцлер и прусский министр-президент в 1909—1917 годах.

[3] Носке Густав (1868—1946) — германский правый социал-демократ, член Совета народных уполномоченных во время Ноябрьской революции 1918 г., в феврале 1919 — марте 1920 г.— военный министр.

[4] Гендерсон Артур (1863—1935) — один из лидеров лейбористской партии Великобритании, в 1911—1934 гг. ее секретарь, в 1917 г. министр без портфеля, позже министр внутренних дел, иностранных дел; Вандервельде Эмиль (1866—1938) — бельгийский социалист, реформист. С 1900 г. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Член парламента с 1894 г., с 1914 г. входил в правительство (до 1937 г.), неоднократно занимал пост министра; Кашен Марсель (1869—1958) — деятель французского и международного коммунистического движения. В 1905—1920 гг. входил в руководство Французской социалистической партии. Один из основателей Французской коммунистической партии, член ее ЦК и Политбюро. В 1918—1958 гг. директор «L'Humanité».

[5] «Vorwärts» — центральный орган Социал-демократической партии Германии в 1876—1933 гг. (кроме 1878—1890 гг.).

[6] Каутский Карл (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала.

[7] Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, крупный помещик, земский деятель. Депутат I Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора» — объединенного комитета Земского и Городского союзов, созданного в 1915 г. для помощи правительству в организации снабжения армии. В марте — июле 1917 г. глава Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал.

[8] Скобелев Матвей Иванович (1885—1938) — в социал-демократическом движении с 1903 г., меньшевик. Депутат IV Государственной думы. После Февральской революции — заместитель председателя Петросовета и ВЦИК Советов. Министр труда Временного правительства (до корниловщины). После Октябрьской революции отошел от меньшевизма, работал в системе кооперации, Наркомвнешторге; в 1922 г. вступил в РКП(б). Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик. В 1917 г.— министр земледелия Временного правительства, председатель Учредительного собрания. Проживая во Франции в годы второй мировой войны, участвовал в движении Сопротивления. Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — публицист, политический деятель. Один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В мае — августе 1917 г.— министр продовольствия Временного правительства. В 1922 г. выслан из страны.

[9] Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940) — инженер-технолог, профессор, один из лидеров левых кадетов, затем радикальный демократ. Депутат III и IV Государственных дум. Один из руководителей «Земгора». В 1917 г.— министр путей сообщения, заместитель председателя Совета Министров, министр финансов Временного правительства, генерал-губернатор Финляндии (сентябрь — октябрь). С 1921 г. работал в «Центросоюзе» РСФСР и СССР, член правления. Затем — на преподавательской работе.

[10] Гегечкори Евгений Петрович (1881—1954) — один из руководителей грузинских меньшевиков. Депутат III Государственной думы. С 1917 г.— член Особого Закавказского комитета Временного правительства и член ВЦИК, председатель Закавказского комиссариата, министр меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г.— в эмиграции.

[11] Винниченко Владимир Кириллович (1880—1951) — писатель, автор мемуарно-публицистических и других произведений, глава Директории. В 1920 г. эмигрировал.

[12] Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — капиталист-сахарозаводчик. Был близок к партии прогрессистов. Министр финансов, министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции эмигрировал.

[13] Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал, в 1915—1916 гг. командовал Кавказской армией, в 1917 г.— главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В 1919 г.— главнокомандующий белогвардейской Северо-Западной армией, затем находился в эмиграции.

[14] Кишкин Николай Михайлович (1864—1930) — врач, один из лидеров партии кадетов, министр призрения во Временном правительстве. После Октябрьской революции арестован. После амнистии работал в Наркомздраве РСФСР.

[15] Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — врач, публицист, земский деятель, один из лидеров партии кадетов. Депутат II—IV Государственных дум, министр земледелия Временного правительства. Убит в Москве анархистами.

[16] Кутлер Николай Николаевич (1859—1924) — юрист, политический деятель, один из лидеров партии кадетов. В 1905—1906 гг.— главноуправляющий землеустройством, автор либерального проекта по земельному вопросу. После Октябрьской революции — на хозяйственной работе.

[17] Юренев П. П.— кадет, министр путей сообщения Временного правительства.

[18] После отстранения от должности верховного главнокомандующего за невыполнение распоряжения Советского правительства генерал-лейтенант Н. Н. Духонин (1876—1917) перед занятием Ставки советскими войсками 19 ноября (2 декабря) 1917 г. освободил содержавшихся под стражей в г. Быхове генералов А. И. Деникина, Л. Г. Корнилова и других «быховских узников». Сам же Духонин на следующий день был убит толпой солдат на вокзале в Могилеве.

[19] Красин Леонид Борисович (1870—1926) — инженер, советский партийный и государственный деятель. В 1918 г.— член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности, в 1919 г.— нарком путей сообщения, с 1920 г.— внешней торговли и одновременно полпред и торгпред в Англии, а с 1924 г.— во Франции.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

КОНЕЦ МУССОЛИНИ

А. Виноградов

Северная Италия, Милан — столица Ломбардии, предрассветные часы воскресного утра 29 апреля 1945 года... Возле бензозаправочной станции на площади Лорето начали появляться люди. Одеты они были по-разному: одни — в поношенной форме итальянской королевской армии, другие — в штатском, третьи щеголяли в пятнистых комбинезонах парашютистов, у некоторых на шее — красные платки, повязанные на манер галстука. Почти все вооружены: поблескивают стволы итальянских карабинов, немецких трофейных винтовок и автоматов, у многих за поясом пистолеты и ручные гранаты. По мере того как становилось светлее, приглушенный говор смолкал. В наступившей тишине все, словно по команде, повернули головы, устремив взгляд на навес бензозаправки. Там, привязанные за ноги к его верхним металлическим опорам, висели тела десятка людей, казненных накануне по приговору Комитета национального освобождения Северной Италии. Среди них — тело человека среднего роста, плотного, широкоплечего, лет 60-ти, в черной рубашке и серо-зеленых галифе с черными генеральскими лампасами. Его крупная, наголо бритая голова, круглая и гладкая, как бильярдный шар, с надменным серым лицом и презрительно выпяченной массивной нижней челюстью почти касалась земли. Вся Италия, от мала до велика, знала этого человека. Его характерный профиль чеканился на монетах, выбивался на юбилейных значках и медалях. Его портреты, бюсты и фотографии украшали общественные места, государственные учреждения и жилые здания даже в самых заброшенных уголках итальянского захолустья. Имя этого человека, набиравшееся специальным шрифтом во всех газетах Италии, звучало в передачах национального радио десятки раз в день. Кадры кинохроники запечатлели его в экзотических мундирах на военных парадах, спортивных соревнованиях и массовых митингах. Его «великие героические деяния во славу и на благо Италии» без устали воспевались в стихах, песнях, кинофильмах, на страницах книг и журналов. Это был он, Бенито Муссолини, основатель итальянского фашизма и его признанный дуче, безраздельно правивший Италией с октября 1922 по июль 1943 года.

Возмездие настигло этого величайшего в итальянской истории авантюриста, обладавшего несомненными организаторскими и административными способностями, цепкой хваткой, острым политическим чутьем и даром оратора-демагога, умело производившего на аудиторию впечатление обаятельного и полного недюжинной энергии лидера, выходца из народа. Действительно, Муссолини родился в 1883 г. в семье деревенского кузнеца, в местечке Предаппио провинции Форли́ области Эмилия-Романья. Этот факт обыгрывался правительственной пропагандой в течение всех 20 лет «фашистской эры». Вместе с дуче, навек запятнавшим себя кровавыми преступлениями против собственного и других народов, бесславно окончило свои дни и созданное им в 1943 г. при непосредственной и активной поддержке гитлеровской Германии марионеточное государство, пресловутая Итальянская социальная республика — Республика Сало́[1], опиравшаяся на штыки немецких оккупантов и оставившая о себе у подавляющего большинства итальянцев трагическую память.

Член Итальянской компартии с 1931 г. В. Аудизио, известный в партизанском движении Сопротивления под кличкой «полковник Валерио», удостоенный высшей военной награды Итальянской республики — Золотой медали за воинскую доблесть, непосредственный организатор и исполнитель казни Муссолини, впоследствии вспоминал: «Выбор места не был импровизацией той ночи. Я хорошо помнил угол этой площади вечером 14 августа 1944 г., когда на ней лежали трупы 15 замученных партизан, а вокруг них стояли чернорубашечники... Эта площадь стала символом для всего народа — нетленной памятью о 76 000 патриотов, павших в войне за освобождение»[2].

Что же представляла собой республика Сало? Была ли она и впрямь последним отчаянным усилием Муссолини и его приспешников, во что бы то ни стало стремившихся гальванизировать фашистское движение в Италии в тесном союзе с Гитлером и «спасти лицо» итальянского фашизма, возродив его возвращением к «истокам»? То есть была ли она истинной попыткой хотя бы частично реализовать некоторые из реанимированных идей «революционной, народной и республиканской программы» раннего фашизма первой половины 20-х годов? Или вся эта кровавая буффонада организовывалась по берлинскому сценарию для того, чтобы, компенсируя потери вследствие перехода короля Виктора-Эммануила III и правительства маршала П. Бадольо на сторону США и Великобритании в сентябре 1943 г., воспрепятствовать учреждением «буфера Сало» продвижению англо-американских войск по Апеннинскому полуострову на север, не отвлекая главные силы вермахта с Советского фронта? И почему десятки тысяч молодых итальянцев, в том числе выходцев из трудящихся слоев, вновь позволили одурманить себя демагогическими призывами к «восстановлению поруганной чести, достоинства и величия Италии», лозунгами о необходимости «хранить верность обязательствам» и «смыть кровью позор капитуляции»?

Официальная дата рождения Республики Сало — 18 сентября 1943 года. Но ее появлению на свет предшествовали некоторые события. 3 сентября в Кассибиле (о. Сицилия) представители правительства Бадольо во главе с генералом Д. А. Кастеллано и англо-американского союзного военного командования во главе с генералом У. Б. Смитом подписали «краткое перемирие» («пространное перемирие» было оформлено Бадольо и Д. Эйзенхауэром на Мальте 29 сентября 1943 г.) о безоговорочной капитуляции Италии на суше, море и в воздухе и немедленном прекращении боевых действий против Объединенных Наций. 8 сентября вечером о вступлении перемирия в силу объявил по радио американский генерал Эйзенхауэр. 12 сентября любимчик Гитлера штурмбанфюрер СС О. Скорцени, организовав похищение Муссолини из отеля «Кампо императоре» в высокогорном массиве Гран Сассо (обл. Абруццо), вывез его в Вену, откуда переправил в Мюнхен, а затем в Растенбург — ставку германского верховного командования в Восточной Пруссии. Там состоялось несколько пространных бесед Муссолини с Гитлером.

С первых же минут фюрер понял, что низложенный дуче был лишь бледной тенью прежнего Муссолини[3]. «Поражение и переживания изменили его,.. он постарел за эти недели,.. стал крайне апатичным»[4]. Гитлер принялся усиленно обрабатывать «собрата». Его главный довод сводился к следующему: Германия остро нуждается в скорейшем возобновлении союза с Италией, но это возможно только при условии восстановления фашизма, причем возрожденный в любой форме режим без Муссолини уже не будет фашистским. В таком случае руководство рейха будет рассматривать Италию как врага и поступит с ней соответствующим образом. Исходившие от фюрера щедрые посулы, неприкрытые угрозы и весомые предостережения возымели свое действие — Муссолини согласился. К тому же он знал, что имеется несколько претендентов на пост будущего главы нового фашистского правительства из числа «иерархов» прежнего режима, наперебой предлагавших немцам свои услуги и готовых сотрудничать с ними. Нацистские лидеры имели «про запас» сразу несколько козырных карт, которые они

ВИНОГРАДОВ А.— кандидат исторических наук (Москва).

[1] Ее столицей являлся небольшой курортный городок Сало́ у оз. Гарда в Ломбардии.

[2] Unità, 28.III.1947.

[3] По свидетельству осмотревшего его доктора Захарие, Муссолини был «развалиной, стоявшей на краю могилы» (Zacharie G. Mussolini si confessa. Milano, 1966, p. 11).

[4] Tamaro A. Due anni di storia: 1943—1945. Vol. 1. R. 1948, p. 560.

собирались разыграть, предвидя возможный отказ Муссолини: Й. П. Геббельс, например, поддерживал кандидатуру Р. Фариначчи, Г. Буффарини-Гуиди был ставленником Г. Гиммлера, Д. Прецьози — А. Розенберга[5].

Придя в себя, Муссолини через официальное германское агентство «ДНБ» обнародовал в сентябре 1943 г. несколько декретов: о принятии им вновь верховного руководства фашистским движением в Италии, об учреждении фашистской республиканской партии и назначении ее секретарем «крестного отца» террористических черных бригад А. Паволини, о воссоздании Добровольческой милиции по защите государства (военных формирований фашистской партии — чернорубашечников), об освобождении офицеров итальянских вооруженных сил от присяги Виктору-Эммануилу III. 18 сентября Муссолини выступил по мюнхенскому радио. Обрушившись с нападками на Савойскую династию, дуче обвинил монархию и Бадольо в пораженчестве, пропаганде антинемецких настроений, измене и организации государственного переворота. Он заявил о «желании создать национальное и социальное государство в самом высшем смысле слова, при котором фашизм вернется к своим истокам». Подчеркнув необходимость возобновления боевых действий бок о бок с Германией и Японией и скорейшей реорганизации итальянских вооруженных сил на базе соединений милиции, Муссолини обещал «ликвидировать предателей, уничтожить паразитическую плутократию и сделать труд... неколебимой основой государства»[6].

23 сентября был объявлен новый состав правительства, в котором Муссолини помимо обязанностей главы государства и премьер-министра взял на себя функции министра иностранных дел. 28 сентября в телеграмме на имя Муссолини Гитлер сообщил о признании третьим рейхом Итальянской социальной республики де-юре. Спустя сутки его примеру последовали германские союзники — Япония, Румыния, Болгария, Хорватия и Словакия. Так совершился военно-политический раскол Италии по меридиану Неаполя. Портфель министра национальной обороны был предложен маршалу Р. Грациани, ранее впавшему в немилость из-за поражений в Северной Африке. 25 сентября Грациани произнес по римскому радио пылкую речь, в которой смешались страстные филиппики в адрес предателей — короля и Бадольо, боль за участь Италии, наигранный пафос и приглашение вступать добровольцами в ряды армии Республики Сало. Это выступление ускорило вербовку, особенно в профашистски настроенных офицерских кругах и мелкобуржуазной молодежной среде, оказавшихся активом нового правительства Муссолини. Однако Грациани не тешил себя чрезмерными иллюзиями: он знал о враждебном отношении верховного военного командования Германии к его намерениям. Генерал-фельдмаршал В. Кейтель, например, утверждал в те дни, что «единственной итальянской армией, не способной на предательство, отныне может стать лишь та, которой не будет вообще»[7].

Существенную роль в становлении новой армии сыграло соглашение, подписанное Грациани в октябре 1943 г. во время его визита в Германию. Вермахт обязывался оснастить всем необходимым, вооружить и обучить четыре дивизии (альпийскую «Монтероза», морской пехоты «Сан-Марко», мотопехотные «Италия» и «Литторио») общей численностью 52 тыс. человек, рекрутированных в Италии, и 3 тыс. офицеров из интернированных в Германии. Предполагалось сформировать в немецком тылу дополнительно еще четыре пехотные и одну танковую дивизии. Итальянская сторона обещала создать части береговой и противовоздушной обороны (30 тыс. человек). Большие сложности возникли с флотом и авиацией, где Муссолини надо было начинать с нуля: почти все лучшие корабли итальянских ВМС, получив после 8 сентября 1943 г. приказ морского министра Бадольо адмирала Р. де Куртена, сконцентрировались на Мальте; небольшая их часть, добравшись до портов Таранто, Бриндизи и Палермо, стала там на якорь. США и Англия квалифицировали их как военные трофеи и «временно одолжили» их прежнему владельцу после объявления Италии «совместно воюющей стороной». На долю Сало остались несколько миноносцев и подводных лодок в Венеции, Специи и Генуе, полтора десятка противолодочных катеров-охотников X флотилии МАС в Ливорно и Гаэте, батальон морской пехоты «Сан-Марко». Планы создания «мощного

[5] Bocca G. La Repubblica di Mussolini. Bari. 1977, p. 17.
[6] Deakin F. W. The Brutal Friendship. Lnd. 1962, p. 557.
[7] Bellotti F. La repubblica di Mussolini. Milano. 1951, p. 84.

флота» Сало оказались нереализованными. Аналогично обстояло дело в авиации[8]. Кроме авиагруппы торпедоносцев «Бускалья», периодически нападавшей на союзнические конвои в Средиземноморье, от нее остались лишь воспоминания.

Что касается сухопутной армии, то Берлин использовал на фронтах свыше 100 тыс. итальянских военнослужащих, влившихся добровольно в немецкие войска и присягнувших на верность новому режиму. На Балканах находилось 36 тыс. чернорубашечников. В Италии костяк новой армии составили вышеупомянутые дивизии, прибывшие из Германии к осени 1944 года. Они именовались армией «Лигурия», которой командовал Р. Грациани. Необходимо отметить растущее число дезертиров, достигавшее 15% личного состава[9]. Властям Сало пришлось делать ставку на добровольческие подразделения «национальной республиканской гвардии» (150 тыс. человек) и «черные бригады» (30 тыс. человек). Последние превратились в орудие террора.

В ноябре 1943 г. был созван съезд партии в Вероне, на котором Муссолини не присутствовал, ограничившись приветственным посланием. Съезд принял в качестве «мини-программы» Веронскую хартию, у истоков которой стояли Муссолини и Паволини, социалист-ренегат Н. Бомбаччи, фашистский философ Д. Джентиле и германский посол в Италии Р. Ран, взявший на себя по поручению Гитлера обязанности главного редактора. Он отрапортовал в Берлин: «Партийный манифест составлялся при моем активном и непосредственном участии: я был вынужден смягчить его некоторые первоначальные тезисы, имевшие ярко выраженную социалистическую окраску, ради обеспечения неприкосновенности частных предприятий и военной промышленности, а также вычеркнуть внесенный дуче пункт относительно сохранения территориальной целостности Италии»[10]. Веронская хартия извещала о предстоящем созыве Учредительного собрания, призванного ликвидировать монархию и создать «социальную республику». Римско-католическая религия объявлялась государственной. Говорилось о необходимости обеспечить «жизненное пространство» для 34 млн. итальянцев. Заявлялось о необходимости образования федеративного «европейского сообщества». Фашистская партия называлась единственной организацией, ответственной за политическое воспитание народных масс. В социально-экономических разделах даже не упоминались корпорации, ранее официально считавшиеся основой фашистского государства, а новоиспеченная Конфедерация труда, техники и искусств квалифицировалась как «представительница интересов единого класса трудящихся». Социальной базой Сало объявлялся «физический, технический, умственный труд в любом его проявлении». Провозглашалось «примирение с демократическим социализмом»[11]. В феврале 1944 г. совет министров Сало одобрил «декрет о социализации», согласно которому предприятия Северной и Центральной Италии подразделялись на три группы: государственные, частные с капиталом коммерческого общества и частные с личным капиталом. На них вводилась «социализация» руководства путем учреждения советов управления из представителей рабочих, служащих и членов советов.

Широкие массы первоначально отнеслись к идее «социализации» с интересом, а в деловых кругах воцарилась растерянность. Гитлер приказал Рану и главному инспектору оборонной промышленности Италии О. Лейерсу сделать все возможное, чтобы реформа не затронула поставки для вермахта. Германия продолжала получать из Италии сырье, вооружение и товары первой необходимости[12]. Банкиры же и промышленники «играли на трех столах» одновременно: помимо Сало и нацистов, они в течение всей войны не порывали связей и с монополиями США и Англии, чтобы, сменив фронт, без ощутимых потерь восстановить сотрудничество с Савойской монархией. Узнав об этом, Муссолини и Паволини распорядились арестовать и предать показательному суду нескольких представителей итальянского бизнеса. Среди них оказались неаполитанский судовладелец-миллионер А. Лауро, хозяева крупнейшей римской газеты «Messaggero» братья Перроне, глава известной фирмы по производству готовой одежды

[8] Rivista Militare, gennaio 1945, pp. 52—58.
[9] Perticone G. La repubblica di Salò. R. 1947, p. 209.
[10] Deakin F. W. Op. cit., p. 616.
[11] Silvestri C. Contro la Vendetta. Milano. 1947, p. III; Manunta C. La caduta de gli angeli. R. 1947, p. 73.
[12] Colotti E. L'amministrazione tedesca dell'Italia occupata. Milano. 1963, pp. 150, 169, 176.

Г. Мардзотто, текстильный «король» сенатор М. Креспи, собственник миланской общенациональной газеты № 1 «Corriere della Sera» и биржевой воротила В. Чини, магнат целлюлозно-бумажной промышленности Л. Бурго. Паволини потребовал казни вышеназванных лиц, чтобы «устроить обществу социальную профилактику путем его радикального избавления от антинационального паразитического слоя»[13]. Эти заявления и попытки ограничить власть монополий обеспокоили ближайшее окружение Муссолини и Берлин, расценивший их как посягательство на его прерогативы. После демаршей Кессельринга и Рана почти все вышеупомянутые лица вскоре оказались на свободе. Тогда был инсценирован еще один громкий фарс — «Веронский процесс». Он проходил в январе 1944 г. в старинном дворце Скалигеров, где ранее созывался I съезд новой фашистской партии и была принята Веронская хартия.

В мрачном средневековом палаццо судили «предателей нации». Из 19 «преступников» схватили шестерых, остальные «рассеялись» подобно квадрумвиру[14] де Векки или перекрасились в партизан, «верных королю»; некоторые скрылись за границей; другие предпочли отсидеться на Юге под крылом американцев либо уйти в подполье. Их судили заочно. В шестерке обвиненных в «государственной измене и заговоре в целях насильственного свержения фашизма» фигурировали бывшие соратники Муссолини: его зять Г. Чиано, квадрумвир и маршал Италии Э. Де Боно, административный секретарь партии Д. Мариннелли, министр корпораций Т. Чианетти, министр сельского хозяйства К. Парески, председатель Конфедерации трудящихся промышленности Л. Готтарди. Избежал казни только Чианетти, приговоренный к 30 годам тюрьмы. Остальные были расстреляны на полигоне старого форта Сан-Проколо взводом добровольцев, подстрахованных эсэсовцами. Подпольная коммунистическая газета комментировала: «Фашизм... хотел возродиться, и не только как кинжал или ручной пулемет, но и как идея... Отвратительная банда, ни за что не желающая убраться восвояси! Зная свою безнаказанность, они умели лишь разрушать и убивать — только этой гнусной наукой они обладали, наукой жалких безумцев и подлых трусов»[15].

Весной и летом 1944 г. политическое и военно-стратегическое положение Республики Сало заметно ухудшилось. В середине мая 8-я английская и 5-я американская армии начали наступление. 4 июня 1944 г. американцы вступили в Рим, в августе союзные войска овладели Флоренцией и стали продвигаться на север. Боевые действия союзников облегчались нараставшим размахом партизанского движения: к весне 1944 г. численность полевых сил итальянского Сопротивления, ядро которых составляли сформированные коммунистами гарибальдийские бригады, превысила 30 тыс. человек. Кессельринг признавался, что «партизанская война превратилась для немецкого командования в реальную и грозную опасность»[16]. Многие высшие чины «социальной республики» подумывали об отправке своих семей и личного имущества в Швейцарию. Но в октябре 1944 г. англо-американские войска, подойдя к проходившей по Апеннинскому хребту «готской линии» гитлеровской обороны, затоптались на месте, сворачивая масштабы и интенсивность боев. Ноябрьское затишье было прервано в начале декабря, когда англо-американцы, возобновив атаки, без особых потерь захватили Равенну, но вскоре фронт окончательно стабилизировался.

Заправилы «социальной республики» попытались использовать эту передышку. Осенью 1944 г. появился законспирированный «план Грациани», целью которого было обеспечить выживание фашизма в новых условиях, в случае поражения государств «оси». На секретном совещании в Милане представителей наиболее непримиримого крыла республиканского фашизма — командиров «черных бригад», подразделений «национальной республиканской гвардии» и некоторых квесторов (начальников городских управлений внутренних дел) решили «перебросить мост» на противоположную сторону, апеллируя к национальному примирению и принципам социального сосуществования,

[13] Melograni P. Gli industriali e Mussolini. R. 1980, p. 413.

[14] Член квадрумвирата — руководящего органа фашистской партии кануна захвата власти в октябре 1922 года. Состоял из 4 человек, подчинявшихся непосредственно Муссолини и считавшихся признанными главарями фашизма: Ч. М. де Векки, Э. Де Боно, И. Бальбо, М. Бьянки.

[15] La nostra lotta, 15.II.1944.

[16] Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М. 1984, s. 150; Kesselring A. Soldat bis zum letzten. Bonn. 1953, S. 324.

одновременно закладывая фундамент подрывной стратегии против тех, кто придет на смену Сало. «Нет необходимости,— говорил маршал Грациани,—в военной победе в войне, так как фашизм и фашисты могут спастись, хотя бы и под другими знаменами. Достаточно сделать невозможной жизнь любому правительству, которое станет нашим преемником»; нужно «внедрять наибольшее число фашистских элементов в подпольные организации и партизанские отряды Сопротивления, расстраивая их планы путем изоляции и шельмования подлинных антифашистов,.. создавать повсеместно тайные склады оружия и боеприпасов, обзаводиться крупными суммами денег, а затем, после краха режима,.. вступать в массовом порядке в левые демократические партии, разжигая и стимулируя в них наиболее экстремистские тенденции»[17]. Но в начале 1945 г. развитие получила только социально-экономическая сторона этого плана. Тем же целям отвечало учрежденное 15 января Министерство труда во главе с рабочим-типографом Спинелли. В марте совет министров Сало постановил «социализировать» к 21 апреля предприятия с капиталом не менее 1 млн. лир и насчитывавшие более 100 рабочих. В начале апреля директорат фашистской республиканской партии обнародовал Социальную декларацию с требованием «преодолеть коммунизм и капитализм»[18]: ограничивались право собственности, частная инициатива, использование капитала; «социализировались» все отрасли экономики.

Это были самые мрачные и жестокие месяцы в истории Республики Сало. Кровавая вакханалия безжалостных расправ с инакомыслящими достигла апогея. Тогда же наметился перелом в итало-германских отношениях. В феврале был уволен министр внутренних дел Г. Буффарини-Гуиди, верный ставленник немцев и, как признавал Муссолини, «ненавидимый еще больше, чем я»[19]. Этот жест, вызвавший взрыв ярости у К. Вольфа и сменившего Кессельринга генерал-полковника фон Фитингофа, уже ничего не мог изменить. Части антифашистского Сопротивления, объединенные в Корпус добровольцев свободы генерала Р. Кадорны (250 тыс. человек)[20], все теснее сжимали кольцо. 23 апреля англо-американские войска захватили Парму.

Муссолини созвал в Милане экстренное совещание руководителей Сало для обсуждения положения. Паволини выдвигал идею отступления в горную долину Вальтеллину (провинция Сондрио) на границе с Швейцарией, превращенную в «последний редут обороны». Шеф полиции Тамбурини предложил руководству отбыть в Латинскую Америку, Японию или Полинезию на океанской подводной лодке. Грациани призывал «покончить с фантастическими химерами и идиотским самообманом»[21] и потребовал начать переговоры о почетной капитуляции с Комитетом национального освобождения Северной Италии или англо-американскими представителями, используя Ватикан, поскольку архиепископ Ломбардии и Милана И. Шустер и папа Пий XII содействовали компромиссной сделке, чтобы осуществить эвакуацию германских войск и обеспечить неприкосновенность вождей Социальной республики. За реализацию этого плана ратовали У. Черчилль, британский фельдмаршал Г. Александер и возглавлявший Союзную контрольную комиссию американский адмирал Э. Стоун. В марте 1945 г. Шустер передал последним от Муссолини проект перемирия, согласно которому не подлежащие демобилизации вооруженные силы Сало совместно с англо-американскими войсками должны были взять на себя выполнение функций по поддержанию порядка во время «серьезных социальных волнений, которые будут спровоцированы коммунистами вследствие их неизбежных попыток захватить власть»[22]; после этого армия и гражданские власти «Южного королевства» займут территорию Сало; будет объявлена всеобщая амнистия; фашистская партия самораспускается; формируется коалиционное правительство для подготовки созыва Учредительного собрания.

Муссолини рассчитывал на устойчивые антикоммунистические взгляды англо-американского командования и Савойской династии. Но этот замысел потерпел неудачу вследствие твердой позиции СССР, потребовавшего от англо-американского командования прекратить любые сепаратные переговоры с противником. 9 апреля, использовав

[17] Panorama, № 1020, 3.XI.1985, pp. 159, 161.

[18] Tamaro A. Op. cit. Vol. III. R. 1950, p. 530.

[19] Pini G. La tragedia di Salò.— Momento, 4, 5.II.1949.

[20] Лонго Л. Народ Италии в борьбе. М. 1951, с. 375.

[21] Domenica del Corriere, № 39, 24.IX.1983, p. 43.

[22] Schuster I. Gli ultimtempi di un regime. Milano. 1960, p. 105.

активизацию боевых действий отрядов Сопротивления, англо-американцы возобновили наступление. Тогда Муссолини, напомнив о своем социалистическом прошлом, попытался договориться с представителями Итальянской социалистической партии путем передачи ей власти, поскольку только она «вправе и в состоянии подхватить знамя социальной революции, начатой республиканским фашизмом, укрепляя тем самым свои позиции по отношению к коммунистам и приобретая дополнительные возможности для отпора коварным планам Москвы» [23]. 22 апреля его эмиссар К. Сильвестри вручил послание Муссолини членам руководства соцпартии. Однако последние отвергли это предложение. А 21 апреля англо-американские войска заняли Болонью. 23 апреля находившиеся в Швейцарии Вольф, полковник фон Швейниц и майор СС Венер, уполномоченные германского военного командования в Италии, были извещены А. Даллесом о прекращении тайных переговоров. Вольф был вынужден вернуться в Италию. В беседе с Шустером, заявив о готовности без малейших задержек подписать акт о капитуляции на условиях Комитета национального освобождения (КНО), он попросил о содействии Ватикан, но не получил исчерпывающего ответа. В резиденции архиепископа состоялась встреча руководства Сало с делегацией КНО Северной Италии. Муссолини сопровождали Грациани, новый министр внутренних дел П. Дзербино, префект Ломбардии Д. Басси и заместитель государственного министра Ф. М. Барраку. КНО представляли генерал Кадорна, адвокат Марацца от Христианско-демократической партии и Р. Ломбарди от Партии действия (впоследствии виднейший деятель социалистов). В разгар переговоров миланский промышленник Челла, связанный с Ватиканом, шепнул Грациани об утренней беседе Шустера с Вольфом и скором появлении германских представителей для подписания капитуляции. Потрясенный маршал заорал на Шустера, чтобы тот подтвердил или опроверг данное сообщение. Кардинал сказал, что это сущая правда. Его слова произвели на заправил Сало впечатление разорвавшейся бомбы. Муссолини лишился дара речи, потом закричал: «Немцы всегда обращались с нами, как со слугами, а теперь предали меня!» [24]. Переговоры прервались.

Вечером 25 апреля Муссолини прибыл в г. Комо. Встретивший его секретарь местной партийной федерации Л. Порта предложил перебраться в Каденаббию под защиту его «черной бригады». Буффарини-Гуиди рекомендовал поскорее укрыться в Швейцарии, но дуче отверг эту идею, поскольку знал о нежелании швейцарского правительства предоставить ему политическое убежище. Решение отложили до утра, а 26 апреля дуче распорядился перебазироваться в Менаджо у оз. Комо, где надеялся получить в помощь трехтысячную колонну чернорубашечников, обещанную Паволини [25]. Он перебрался в горную гостиницу местечка Грандола и там ожидал появления Паволини. Но тот пришел лишь с 15 юнцами. Рухнула последняя надежда. Утром 27 апреля главари Сало присоединились к колонне немецких грузовиков, направлявшейся в Мерано и пытавшейся прорваться на север.

В полдень у поселка Муссо они наткнулись на пикет 52-й гарибальдийской бригады, командиром которой был Педро (граф П. Беллини делле Стелле), а комиссаром — Билл (У. Лаццаро, таможенный служащий). После перестрелки последовали переговоры, в ходе которых партизаны согласились пропустить дальше только немцев при условии выдачи примкнувших к ним итальянцев. Лейтенант войск СС, приставленный к дуче, уговорил Муссолини пересесть в немецкий грузовик и натянул на него форму унтер-офицера «Люфтваффе». Но партизан-коммунист Д. Негри и Билл опознали дуче и арестовали его, препроводив в казарму погранохраны селения Джермазино. Лаццаро вспоминал, что в момент пленения Муссолини его поразило то состояние прострации, в котором находился бывший диктатор: «Он неподвижно стоял, грузно привалившись спиной к борту грузовика, устремив на меня свинцово тяжелый, безмолвный, отсутствующий взгляд. Его лицо было мертвенного цвета, а глаза казались стеклянными. В его застывшем, как у истукана, взоре я прочитал крайнюю усталость, но не страх. Казалось, на него напал столбняк, а чувства притупились настолько, что, не понимая смысла происходящего, он в глубине души уже считал себя мертвецом» [26].

---

[23] Silvestri C. Mussolini, Graziani e l'antifascismo. R. 1948, p. 324.
[24] Tamaro A. Op. cit. Vol. III, p. 598.
[25] Bianchi G., Mezzetti F. Mussolini, aprile 1945: l'epilogo. R. 1979, p. 77.
[26] Bellini delle Stelle P. L., Lazzaro U. Dongo — ultima azione. Verona. 1962, p. 165.

Узнавшие о судьбе дуче фашисты организовали особую «группу освобождения» и помчались под вечер 27 апреля в Менаджо. Однако в Каденаббии их задержали партизаны-коммунисты. Верховное англо-американское командование бомбардировало КНО Северной Италии просьбами передать ему Муссолини, а начальник погранотряда в Джермазино и давний агент даллесовского Управления стратегических служб полковник Мальджери добивался согласия Педро на отправку фашистских главарей в Милан под конвоем своих людей, ссылаясь на якобы полученный приказ из Корпуса добровольцев свободы. Не получив согласия, он, введя в заблуждение охрану, попытался самовольно вывезти Муссолини, но вновь встретил отпор. Педро перевел ночью своего подопечного в Джулино ди Меццегра. Эта заброшенная в горах глухая деревенька стала последним пристанищем Муссолини. 28 апреля в селение Донго прибыл полковник Валерио (В. Аудизио) в сопровождении убежденных антифашистов. Наделенный чрезвычайными полномочиями, он имел задание привести в исполнение смертный приговор в отношении «иерархов» Социальной республики, вынесенный накануне КНО и облеченный в форму специального декрета, в ст. 5 которого говорилось: «Члены фашистского правительства и фашистские главари, виновные в отмене конституционных гарантий, в ликвидации народных свобод, в создании фашизма, в том, что они поставили под угрозу судьбу родины, предав ее и приведя к краху, наказываются смертной казнью или, в менее серьезных случаях, пожизненной каторгой» [27].

В Джулино ди Меццегра, в доме крестьянина, в условиях строгой конспирации находился дуче вместе со своей любовницей Кларой Петаччи. И вот два легковых автомобиля остановились у крутого поворота извилистого горного шоссе, змейкой сбегавшего вниз. На этом уединенном отрезке дороги стояла обнесенная каменным забором и казавшаяся необитаемой вилла Бельмонте. К ее стальным воротам приблизились трое мужчин и женщина. Жестом руки Аудизио указал Петаччи отойти в сторону, но та, отрицательно мотнув головой, встала рядом с дуче, а потом вцепилась в рукав его шинели, увидев, как Аудизио и Моретти сдернули автоматы с плеч. Валерио зачитал текст приговора, и тут же дробной россыпью прозвучали автоматные очереди. Так заслуженная кара постигла того, кто своей политикой ввергнул Италию в национальную катастрофу.

29 апреля увидело свет коммюнике: «Комитет национального освобождения Северной Италии заявляет, что расстрел Муссолини и его приспешников... представляет собой необходимое завершение исторического этапа... Это — итог повстанческой борьбы, создавшей предпосылки возрождения и восстановления нашей страны. Итальянский народ не смог бы начать свободной и нормальной жизни, в которой фашизм отказывал ему 20 лет, если бы КНО своевременно не продемонстрировал свою железную волю, приведя в исполнение приговор, уже вынесенный историей. Только такая цена — полный разрыв с позорным и преступным прошлым — сможет убедить итальянский народ в том, что КНО полон решимости твердо идти по пути демократического обновления страны» [28]. К этим словам ничего не нужно добавлять.

---

[27] Unità, 28.III.1947.
[28] Unità, 19.III.1947.

ПЕРСИДСКИЙ ПУТЬ «ИСКРЫ»

Н. К. Белова

Зарубежные пути доставки первой общерусской марксистской газеты «Искра» в Россию изучены недостаточно. В этой связи хотим рассказать о ее транспортировке через Иран. Существует мнение, что она имела место только в 1901 г., по маршруту Бер-

---

БЕЛОВА Ниниель Кузьминична — кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки при Московском университете.

лин — Вена — Тебриз — Баку [1]. Но это не совсем так. Начнем с тех, кто занимался этой транспортировкой через Иран. Среди них называли Л. Е. Гальперина, А. С. Енукидзе, В. З. Кецховели, Л. М. Книпович, Н. К. Козеренко, Л. Б. Красина [2]. Однако подтвердить ссылками на источник факт причастности каждого из данных лиц к такой работе не удалось, за исключением Гальперина и Книпович. Письма той поры позволяют утверждать, что путь через Иран и Баку был организован в апреле 1901 г. и что его организатором являлся именно Гальперин. К моменту выхода № 1 «Искры» 24 декабря 1900 г. у редакции имелись в России три группы содействия: в Пскове, Полтаве и Уфе. В Астрахани находилась тогда Книпович, побывавшая ранее в Уфе у В. И. Ленина и Н. К. Крупской; там они договорились об основных направлениях содействия будущей газете, и астраханская группа содействия «Искре» сложилась весной 1901 года. В нее вошли Книпович, Гальперин (отбывал в Астрахани ссылку), С. К. Вржосек, А. М. Рунина, А. А. Балуев, некоторые другие лица. Когда приехали из Астрахани в Баку Книпович и Гальперин, нам неизвестно. Вржосек служил юрисконсультом в пароходной компании «Восточное общество», и его жена Рунина имела поэтому возможность иногда пользоваться на пароходе свободной каютой директора Общества в рейсах между Астраханью и Баку. «Молодой привлекательной женщине неудобно путешествовать одной. С ней поэтому ездила ее подруга — молчаливая, несколько замкнутая Л. М. Книпович. Разумеется, в директорскую каюту никто не заглядывал, получалось конспиративно, дешево, комфортабельно» [3].

«Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд» занималось страховыми и транспортными операциями в Иране по соглашению с «Персидским страховым и транспортным обществом», открытым в 1892 г. концессионером Л. С. Поляковым [4]. 9 апреля 1901 г., когда вышел № 2 «Искры», Крупская как секретарь редакции написала в Полтаву А. И. Штесселю, чтобы сторонники «Искры» указали полтавский адрес, по которому им можно было бы получать постоянную литературу «посылками или багажом с Кавказа», то есть из Баку, поскольку тогда это был единственный пункт приемки «Искры» на Кавказе. Мы считаем письмо Крупской наиболее ранним свидетельством о налаживании персидского пути газеты в Россию.

В письме от редакции из Мюнхена в Берлин М. Г. Вечеслову, отправленном Ю. О. Мартовым после 27 апреля 1901 г., говорилось: «А для Персии 4 кило пришлем еще на днях с оказией. Итак, в Персию вам придется послать: 1) «Искру», 2) «Зарю», 3) «Записку Витте», 4) сборную посылку, для которой литературу вам привезут»; затем 15 мая 1901 г. Ленин и Крупская подтвердили в письме из Мюнхена в Астрахань ко Книпович: «В Персию послана литература (из Берлина) 4-мя посылками, все так, как было писано (послано: 3-й номер «Искры», «Заря», «Записка Витте», «Женщина-работница», «Майские дни»), теперь уже послано, верно, все. Сообщи, так ли все сделано? Как скоро может быть доставлена литература? Это все важно знать, чтобы выяснить, годен ли этот путь для доставки №№ «Искры» или только для брошюр и т. п.? Напиши, что знаешь Из (Баку) полученную литературу лучше всего будет отправлять в Полтаву... Поехал ли человек (в Персию?)» [5]. Эти письма свидетельствуют, что из Мюнхена в Иран отправляли почтой уже не только «Искру», но и другую литературу. Первые отправления являлись пробными, в них «Искру» паковали бандеролями отдельно от брошюр, указывая «печатное», а на бандеролях с литературой писали по-немецки «Книги», согласно правилам. Посылки формировали по 4 кг, так как в Иран можно было направлять такие маловесные посылки, и, в соответствии с тарифом, они обходились наиболее дешево. Эти разные виды отправлений отсылались в определенные дни с интервалами, о которых заранее сообщалось в письмах.

---

[1] Агахи А. Г. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране (до второй мировой войны). Баку. 1961, с. 53.

[2] Там же.

[3] Тариовский К. Н. 24 декабря 1900 г. М. 1977, с. 71.

[4] Архив внешней политики России, ф. Персидский стол, оп. 1, д. 4020, л. 119; Шитов Г. В. Персия под властью последних Каджаров. Л. 1933, с. 180; Очерки новой истории Ирана (XIX — начало XX в.). М. 1978, с. 140.

[5] Ленинский сборник VIII, с. 136; Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России в 1900—1903 гг. (далее — Переписка). Т. I. М. 1969, с. 81, 94, 95.

Из Мюнхена «Искра» доставлялась в чемодане с оказией в Берлин, затем из Берлина (чаще из Вены) Вечеслов и члены берлинской группы искровцев направляли почтовые отправления в Тебриз (международная почта следовала поездом, пароходом, вьючным транспортом), далее получатель переправлял «Искру» через русско-иранскую границу в Баку, по Ирану ее везли на лошадях Российского транспортного общества, почему персидский путь и получил конспиративное название «лошадиный», Гальперин именовался «коняга», а все, кто был занят этой транспортировкой (в том числе в 1902 г. из Батума),— «лошади». Основной колесный путь шел из Тебриза на Джульфу, но, вероятно, использовался другой маршрут: Тебриз — Ардебиль — Астара [6].

Ленину были точно известны фамилия получателя и адрес в Тебризе, по которому отправлялась литература из Мюнхена. Для приема этих грузов в Иран выезжал человек из России. В июне 1901 г. редакция получила от Гальперина сообщение, что первую попытку перевозки через Иран он считает неудавшейся: «Причина та, что за дело взялся армянин без связей в Персии и легкомысленно относящийся к делу. До сих пор о Вашей посылке никаких известий не получено. Но этот путь можно использовать при более основательной постановке дела. Мне обещала свою помощь армянская организация, которая имеет комитеты в Персии и своих людей на русской и персидской границах... А пока пошлите пробную посылку (максимум веса, принимаемого по почте) по почте, адрес... (Персия)... и сообщите мне о времени и весе посылки (также о первой)». В комментарии к этому документу высказано утверждение, что Гальперин рассчитывал на помощь со стороны «армянских социал-демократов» [7].

Ленин пометил на данном письме, что оно шло почти две недели. Поскольку самым важным было устройство «транспортов», Ленин написал Гальперину в Баку лично (между 5 и 9 июня 1901 г.), ободрив его: «В Персию только недавно еще послано через Вену, так что о неудаче судить рано. Может быть, и удастся. Известите адресата в Таврисе, что он должен получить из Берлина книги, и напишите нам, когда получатся»; а из дальнейшей переписки становится ясно, что все почтовые отправления были получены, после чего данный путь широко использовался как надежный: 5 августа 1901 г. Крупская сообщала в Баку, что были посылки и из Мюнхена, прямо на Тебриз; «мы пошлем по указанному адресу только 3 пуда, будем посылать, начиная с 10-го числа в продолжение 10-ти дней (начинаем так поздно, чтобы в транспорт вошел 1 пуд 7-го номера, который еще не вышел). Телеграмму давать не будем, но пошлем наверняка» [8].

Затем Крупская дала знать Вечеслову в Берлин: «Пожалуйста, начинайте с 10-го числа посылать по почте заказные бандероли по 3 пакета в день (каждый пакет по 1 кило) литературы по адресу, писать по-французски в продолжение 7 дней без перерыва. Исполните, пожалуйста, это точно, и именно с 23-го числа, иначе все пойдет вничью. Первые посылки получены» [9]. Значит, первые посылки с марксистской литературой через Иран были получены в Баку в середине 1901 г., и с августа редакция стала направлять от трети до половины тиража «Искры» на Баку по трем маршрутам: Мюнхен — Берлин — Тебриз, Мюнхен — Вена — Тебриз и Мюнхен — Тебриз. Далее редакция посылала через Тебриз уже и матрицы марксистских изданий для типографии «Нина» в Баку. Адресат Ленина в Тебризе имел фамилию на «К» [10], а фамилия, как видно из вышесказанного, была армянской. Документы свидетельствуют, что транспорт через Тебриз действовал не только в 1901-м, как обычно указывается в литературе, но и в 1902 году. Он прервался только из-за начавшихся летом арестов и перерыва в работе «Нины».

Летом 1902 г. предпринимались попытки оживить персидский путь, и 2 июня 1902 г. Книпович оповещала редакцию «Искры». «Письма могут быть и из Персии. О транспорте я тоже говорила, и мне обещали съездить в Персию и поставить дело образцово» [11]. Правда, ни одного письма из Ирана в редакцию «Искры» не сохран-

---

[6] Тариовский К. Н. Ук. соч., с. 72; Переписка. Т. III. М. 1970, с. 680, 693; Шамиде А. Ленин и Иран. Б. м. 1970, с. 8 (на азерб. яз.).

[7] Переписка. Т. 1, с. 116, 557. Это утверждение нуждается в более точном обосновании, так как Гальперин мог иметь в виду представителей «Дашнакцутюн» или «Гнчак».

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46, с. 118; Переписка. Т. I, с. 127, 195.

[9] Переписка. Т. 1, с. 196.

[10] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46, с. 123.

[11] Переписка. Т. I, с. 184, 246; т. II. М. 1969, с. 24.

лось. Затем Книпович писала Крупской из Самары 15 июня 1902 г., что типография в Баку возобновит работу через месяц и что она надеется на персидский путь: «Обещали наладить транспорт через Персию, когда напишут вам о нем, запроси, нельзя ли через них переслать матрицы, пока здесь наладятся адреса. Я тоже напишу об этом. Нужно это только на сей раз, чтобы не задерживать их и послать побольше сразу, затем адреса будут вам присланы». С этим связан ответ Крупской от 28 июня 1902 г. на имя Книпович: «Оба твои письма получила... Очень рада была особенно последнему, и потому, что все наладилось... О матрицах позаботимся... Писем от арабских лошадей еще не было». Отсюда видно, что не все письма, где упоминается о «лошадях», имели отношение к персидскому пути, так как имелся еще путь через Александрию в Египте [12].

Вскоре основным для доставки матриц в Баку стал путь Марсель — Батум, а персидский использовался как временный. Теперь — о получателе посылок в Тебризе и отправителе их в Баку. Вот адрес: «Тавриз (Персия), К° транспорт «Надежда», г-ну Иосифу Карахаияну». Последний назван в письме от 15 сентября 1905 г., написанном И. Карахаияном Плехаиову [13], с просьбой прислать литературу в Тебриз для кружка из нескольких человек, причем автор обещал оплатить стоимость книг через комитет армянских социал-демократов «Гнчак». В обоснованности нашей гипотезы убеждает то, что фамилия получателя в Тебризе должна была начинаться на «К» и иметь армянское окончание. Кроме того, вышесказанному соответствует адрес, написанный по-французски, с названием страны, данным в скобках; наконец, как раз в период издания «Искры» в Иране появились агентства компании «Надежда». От последней сохранились некоторые документы [14].

Первыми открылись агентства «Надежды» в Тебризе и Джульфе, затем в Урмии и Мешхеде (с 1902 г.), Тегеране и Реште (с 1903 г.). Они осуществляли перевозки из Тебриза товаров, посылок, других грузов до Баку, где у Общества имелись мастерские. Новые попытки использования этого пути делались в июне — сентябре 1902 г., но положительных результатов не дали, так как у редакции открылись другие, более быстрые и дешевые пути транспортировки. Впрочем, связь «Искры» «с Персией» на этом не прервалась и длилась, как минимум, до 1905 года [15]. Установленные тогда контакты оказались надежными и использовались и много лет спустя.

---

[12] Переписка. Т. II, с. 50, 62—63; Горячкин Г. В. Египетский путь искровских материалов в Россию в 1902 г.— Вестник МГУ, серия востоковедение, 1987, № 1, с. 3—11; Френкель М. Ленинская «Искра» в Египте.— Азия и Африка сегодня, 1988, № 1, с. 8—10.

[13] Курбатова И. Н. Письма социал-демократов Ирана и Японии Г. В. Плеханову. В кн.: Восточный сборник. Вып. 3. М. 1972, с. 15.

[14] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 23, оп. 8, ед. хр. 11, л. 9; Центральный государственный исторический архив АзССР, ф. 410, оп. 4, ед. хр. 52, л. 1; ф. 252, оп. 2, ед. хр. 37, лл. 1—2.

[15] Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1903—1905 гг. Т. III. М. 1977, с. 411; Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг. Т. 1, кн. 1. М. 1979, с. 72, 73; Коммунист (Баку), 9.VI.1920, № 57; 12.VII.1920, № 59.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ. *Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры.* Новосибирск. Наука. Сибирское отделение. 1989. 386 с.

Член-корреспондент АН СССР Н. Н. Покровский в строгой временной последовательности описывает события 16-месячного восстания в Томске, начавшегося в апреле 1648 года. Автор анализирует его социальную сущность, раскрывает особенности общественного сознания народных масс, участвовавших в восстании.

Использован большой массив различных документов из архивов Томска и других городов Сибири. Автору удалось восстановить первоначальный порядок листов в текущей переписке Сибирского приказа о восстании, что позволило свести эти документы в хронологические комплексы, доступные изучению. Обширную информацию автор выявил и из документов самих повстанцев. Стало очевидным, что, свергнув ненавистного воеводу князя О. И. Щербатова и поставив на этот пост И. Н. Бунакова, они считали свои действия угодными царю и правительству.

Автор уточнил ряд событий томского восстания. Анализ социального состава движения позволил ему прийти к выводу об отсутствии в нем столь острых социальных контрастов, как в Москве, Пскове и даже в Устюге, что, в частности, выразилось и в активном участии служилой массы (детей боярских, казаков) в восстании.

Томское восстание, как и другие городские выступления в России XVII в., вспыхнуло стихийно. Оно было ответом на социальное угнетение, очевидным носителем которого для восставших являлся корыстолюбивый и продажный административный аппарат. Воеводу и его сторонников в Томске не убили, как в Москве, но отстранили от власти. В своих челобитных томичи писали, что воевода был «государев изменник», что он «государился», насильничал ради наживы и в ущерб царским интересам, что он был и «мирской изменник». Как видно из исследованных автором материалов, мысль о единстве интересов «мира» и «праведного царя» пронизывала все обращения восставших к правительству. Даже через полгода (в феврале 1649 г.), когда пришли царские грамоты, осуждавшие восстание и требовавшие вернуть воеводу Щербатого на его пост, они были повстанцами объявлены подложными. А когда правительство арестовало в Москве посланцев из Томска, то бунтовщики были убеждены, что до царя правда так и не дошла. Царистские настроения в томском восстании проявились с очень большой силой.

На основе анализа челобитных, составленных представителями разных сословий, автор сделал вывод, что требования разных групп восставших «носили в той или иной мере антифеодальный характер» (с. 125). Оговорка «в той или иной мере» здесь вполне оправдана, поскольку лейтмотивом всех челобитных был протест против бюрократии, против воеводских злоупотреблений в торговле и промыслах, своекорыстно-грабительского отношения к исполнению государственных обязанностей (сбор налогов, ясака, требования служб, отработка повоза и т. д.). Восставшие, следовательно, выступали против крайностей феодального управления и, как заключает автор, не ставили вопрос «об отмене существующего порядка общественных отношений, свержения всего феодального строя» (с. 121). Некоторые требования (например, служилых людей) вполне вписываются в рамки феодальных порядков. Даже в жалобах пашенных крестьян или ясачных людей не было отказа от установленной нормы десятинной пашни или ясачных платежей, а высказывался протест против неоправданно завышенных повинностей и платежей и грабительских мер местной власти, против попыток томского воеводы завести частновотчинное землевладение, что, кстати говоря, соответствовало и политике правительства, запрещавшего образование вотчин в Сибири.

Сторонники теории государственного феодализма, согласно которой государство как верховный собственник земли эксплуатировало крестьян посредством взимания поземельной ренты в виде налогов и отработочных повинностей, могут видеть в факте запрета частновотчинного землевладения в Сибири подтверждение этой теории. Сибирь представляется им своеобразным Эльдорадо государственного феодализма — вотчиной государя как собственника всей земли. Отдал дань этой теории и автор книги. Для него налоги, отработки, строительство укреплений, служба в целовальниках у государственных статей — все это рента, которая взималась государством именно потому, что оно являлось верховным собственником земли.

В этой связи можно было бы заметить, что государство — это политическая организация; налоги и повинности населения входят в структуру власти как важнейший ее элемент. Государство не только перераспределяло средства («ренту», как утверждают сторонники государственного феодализма) среди господствующего класса, но и осуществляло важные меры, соответствующие интересам всего народа (строительство городов-крепостей, прокладка дорог, ямская служба, оборона государства и наблюдение полицейского порядка и т. д.). Государство, как орган господствующего класса, выполняло важнейшие организаторские задачи и, конечно, не на вотчинной основе.

Покровский прослеживает основные этапы развития Томского восстания, показывает, как происходило складывание и укрепление демократического мирского управления, которому фактически был подчинен избранный воевода. При этом он отмечает как характерную особенность гражданского сознания членов томской общины признание законными повинностей в пользу государства. Это нашло свое выражение и в борьбе за законную десятину, и в строительстве укреплений, возведенных во время восстания, и в безотказной казачьей службе во всевозможных посылках, в том числе и военного характера — для защиты ясачных людей от недружелюбных соседей. Для укрепления военной организации повстанческий воевода проводил учения, добывал боевой запас, требовал от правительства хлебного и денежного жалованья служилым людям. «Вся система снабжения продолжала привычно функционировать»,— подчеркивает автор (с. 179). Таможни, мельницы, погреба, учреждения, обеспечивающие различные статьи государственной монополии и т. п., под присмотром новых властей работали вполне нормально. Сумели восставшие установить дружественные связи и с ясачным населением (с. 199).

Во второй половине 1648 г. и в начале 1649 г. (этот период автором назван: «В ожидании милостивой грамоты») в Томске развернулась ожесточенная борьба между свергнутым воеводой и Бунаковым. В это время отмечались случаи отхода некоторых представителей посадской верхушки от восстания (с. 237—239). Дошедшие до томичей в конце декабря 1648 г. известия о московском восстании (с. 261) «были восприняты восставшими как важный аргумент, подтверждающий их собственную правоту» (с. 262). Их окрылило также сообщение, что царь милостиво принял делегацию из Томска, одарил ее и обещал жаловать (с. 263—265). Однако решение томского дела, присланное из Сибирского приказа, было половинчатым и встретило, с одной стороны, протест казачьего круга, а с другой — попытку соглашательства, в том числе и со стороны Бунакова. Царские грамоты 15 февраля 1649 г., требовавшие вернуть свергнутого воеводу, освободить арестованных его сторонников, нанесли томичам тяжелый удар. Казаки открыто выступили против царских грамот (с. 279). Служилая часть горожан уже не поддерживала Бунакова, началось расслоение в стане восставших. В этих условиях возникла идея послать вторую делегацию в Москву. На казачьем круге обсуждалась челобитная, в которой повторялись прежние обвинения против Щербатова. 15 июля 1649 г. делегация отправилась в Москву, где ее ждала тюрьма. 8 августа 1649 г. в Томск прибыли два новых воеводы. 19 августа они приняли город от старых воевод, чем, по мнению автора книги, и окончилось восстание в Томске. Началось следствие, которое велось в Томске и в Москве. Покровский тщательно исследует его материалы.

Таким образом, книга Покровского дает богатый материал для характеристики форм, хода и целей классовой борьбы в российских городах в середине XVII века. Необходимо отметить и многообразие источниковедческих приемов, использованных автором, благодаря чему его книга может также служить своеобразным практическим руководством для специалистов, занимающихся делопроизводством и документацией, относящейся к XVII веку.

А. И. Копанев

Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. М. Международные отношения. 1989. 239 с.

«Светильник тела есть око» (Лука, 11; 34). Именно это евангельское изречение подразумевал выдающийся дипломат XVII в. А. Л. Ордин-Нащокин, когда назвал Посольский приказ «оком всей великой России», подчеркивая высокую степень его ответственности за судьбы страны. «Аще око темно бывает,— говорится в одном русском дипломатическом документе той эпохи,— все тело всуе шествует и в стремнинах разбивается и погибает». А если вспомнить, что в публицистике Древней Руси с «оком державы» сравнивался обычно сам государь, то известные слова Ордина-Нащокина есть не просто метафора, но и своеобразная декларация руководителя внешнеполитического ведомства России, роль которого и в политике внутренней, и в идеологии, и в культуре при последних Рюриковичах и первых Романовых все более возрастала. Истории Посольского приказа, рассмотренной через образы возглавлявших его конкретных людей, и посвящена рецензируемая монография.

Авторы[1] не относятся к числу тех историков, кого французский писатель А. Стиль остроумно уподобил глубоководным рыбам, которые светят, но сами ничего не видят. И материал, и цели исследования предполагают внимание не только к дипломатии как определенному роду деятельности, но и как форме жизни — в ее идеологическом, социально-психологическом и бытовом проявлении. Отсюда интерес к биографическим деталям, чертам характера, оттенкам мировоззрения, наконец, к подробностям жизни в придворной и приказной среде, атмосфера которой оказывала немалое влияние на международные связи государства. Можно, скажем, делать какие угодно выводы о роли Боярской думы во внешней политике России, но все они будут относительны, если предварительно не воссоздать ту чисто житейскую обстановку, в которой проходили ее заседания. Точно так же резкая антианглийская направленность политики правительства Федора Ивановича не может быть объяснена без учета того обстоятельства, что могущественный и славившийся своим корыстолюбием дьяк А. Я. Щелкалов получал от голландских купцов, основных конкурентов английской «Московской компании», по 5 тыс. марок ежегодно. И никакой анализ дипломатической деятельности, например, И. М. Висковатого, не будет полным без оценки ее современниками, которую в духе времени выразил Иван Грозный — не в слове, а завещав на поминовение души им же казненного дьяка огромный вклад: 223 рубля деньгами и на 23 рубля вещей. Такой подход к истории Посольского приказа и русской дипломатии XVI—XVII вв. можно назвать описательным, или популяризаторским, но он, во всяком случае, гарантирует от отстраненно-аналитического восприятия давно минувшей эпохи как иной, внутренне чуждой, дающей простор на первый взгляд концептуальным, а фактически произвольным комбинациям идей. Ценность подобного авторского подхода к теме определяется еще и тем, что исследование базируется на источнике, до сих пор не полностью освоенном исторической наукой. Речь идет о посольских книгах, уникальном своде разнообразнейшей информации, касающейся не только дипломатии, но и практически всех сторон жизни русского общества. Написанные отчасти деловым, а отчасти разговорным, обиходным языком, они дают исследователю ничем не заменимое чувство сопричастности той эпохе (всего за два столетия сохранилось свыше 750 посольских книг; из 93, относящихся к XVI в., опубликовано к настоящему времени немногим более трети, а книги XVII в. изданы в гораздо меньшей степени).

Сильная сторона рецензируемой книги состоит как раз в том, что история здесь прослеживается через деятельность конкретных личностей. К тому же и сами авторы не скрывают своего личного отношения к героям книги. Так, Н. М. Рогожин высоко ценит деятельность Висковатого, проявляя известную антипатию к его врагам, беспринципным бюрократам братьям Щелкаловым, М. П. Лукичев сочувствует Алмазу Иванову, талантливому выходцу из купеческого сословия, вынужденному уступить руководство Посольским приказом боярину Ордину-Нащокину. А. П. Богданов в блестяще написанном очерке о В. В. Голицыне уже переходит ту границу, за которой анализ превращается в апологию, причем трагичность образа этого неординарного, недооцененного современниками и потомками

[1] А. П. Богданов, И. В. Галактионов, М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин (составитель). Отв. редактор Е. В. Чистякова.

государственного деятеля, легендарного любовника царевны Софьи, трактуется как его непонятость, что, видимо, вообще свойственно сколько-нибудь выдающимся людям переходных эпох. Но субъективизм автора в данном случае вполне понятен. Русско-турецким и русско-крымским войнам конца XVII в. не повезло в советской историографии: они были заслонены последующими бурными событиями петровского времени. А. П. Богданов стремится восстановить справедливость, вернуть Голицыну, вдохновителю восточной политики России, его заслуженное место в истории.

Персоналиям, принадлежащим перу разных авторов, предшествуют написанные Н. М. Рогожиным главы о самом институте Посольского приказа и об особенностях отразивших его деятельность дипломатических документов. Думается, что эти главы, имеющие самостоятельное научное значение, не снимают все же необходимости неких объединяющих и завершающих книгу выводов о характере русской дипломатии XVI—XVII вв. (именно дипломатии, а не внешней политики!), о ее эволюции за два столетия, что ничуть не противоречило бы той задаче, которую поставили перед собой авторы. Иначе возникают многие вопросы. Почему, например, в XVII в. представители дьячества все реже возглавляют Посольский приказ? Почему из всех его руководителей при Иване Грозном, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове лишь Висковатый, да и то один-единственный раз выезжал с посольством за рубеж (в Данию в 1562 г.), а в XVII в., при Романовых, положение меняется? Как соотносятся между собой методы русской и западноевропейской дипломатии? Ведь если московская дипломатия многим обязана грекам, выехавшим в Италию после падения Константинополя в 1453 г. и попавшим в Россию в свите Софии Палеолог, жены Ивана III (на Западе считали, что своим уловкам и хитростям при ведении переговоров «московиты» научились у византийцев), то и венецианцы, признанные основоположники западной школы дипломатического искусства, были не менее прилежными учениками «ромеев», имевших в этой области тысячелетний опыт. В чем сходство и различие между этими двумя ветвями одного древа?

Впрочем, сам факт возникновения у читателя подобных вопросов — это не только недостаток, но и достоинство книги, которая реконструирует живую жизнь эпохи, а жизнь всегда рождает вопросы, если она воссоздана ярко и зримо.

Л. А. Юзефович

Д. А. АВДУСИН. *Основы археологии.* Высшая школа. М. 1989. 335 с.

Выход в свет учебника «Основы археологии», соответствующего программе высших учебных заведений по специальности «История», сам по себе заслуживает быть отмеченным. Книга доктора исторических наук, профессора МГУ Д. А. Авдусина отвечает современному уровню развития археологической науки, отражает новейшие ее достижения, теоретически их осмысливает, содержит анализ концепций, подчас противоречивых, но имеющих хождение в науке, и, наконец, объективно раскрывает основные проблемы археологической науки и перспективы ее дальнейшего развития. Учитывает автор и опыт преподавания данной дисциплины, а также и значительный интерес к ней общественности, многих работников просвещения, культуры, всех, кого волнует прошлое нашей Родины.

Учебник невелик по объему и структурно построен достаточно четко. Название — «Основы археологии» — правильнее отражает содержание изучаемого предмета, чем ранее изданные пособия, выходившие под заголовком «Археология СССР». Здесь вполне можно согласиться с автором, что данный учебник «только вводит студентов в науку, в ее методы и проблематику, сообщает им основные теоретические установки дисциплины и ограниченное количество фактов» (с. 3), используя, естественно, преимущественно материалы, полученные в пределах СССР. Этим обусловливается выбор источников и подбор фактов. Тем самым отпадает необходимость отражать все многообразие археологических культур по всем эпохам, изученным к настоящему времени в границах СССР. В учебнике, написанном одним автором, достигнуто единство изложения, подхода к археологическим проблемам, органическая согласованность глав и разделов.

Серьезным достоинством пособия следует считать включение в текст большого количества картосхем, иллюстрирующих расположение археологических культур, таблиц и изображений вещественных источников. Синхронистическая таблица культур неолита, энеолита и бронзы (с. 137) облегчает сопоставление уровней развития племен и смены культур на отдельных территориях СССР.

Фактический материал по ряду периодов и культур излагается проблемно, с учетом различных точек зрения по спорным вопросам. Объем нового материала, введенного автором, весьма значителен, что позволяет составить более полное представление о рассматриваемых культурах.

К числу недостатков пособия следует отнести отсутствие историографического очерка и списка рекомендуемой литературы. Можно было бы без особого ущерба опустить некоторые детали в описаниях археологических культур. В тексте допущены некоторые хронологические неточности. Так, например, на с. 46 говорится, что время 8500—5500 гг. до н. э. в основном соответствует мезолиту, на с. 49 мезолитические стоянки Урала датируются VII—IV тыс. до н. э., а в Прибалтике кундская культура VIII—IV тыс. до н. э. (с. 50). Да и из текста самого учебника вытекает, что мезолит кончается не в VI тыс. до н. э. Хотелось бы обратить внимание на ошибки, встречающиеся в подписях к рисункам: на рис. 79—1 височное кольцо с привесками названо головным венчиком; на рис. 83—12 серпом названо орудие, у которого лезвие не вогнутое, а выпуклое при прямом черенке; на рис. 3—5 скребком названа пластина, у которой конец не имеет ретуши, на этой же таблице рис. 3—6 изображено «острие с затупленной спинкой», которое выглядит как простая пластинка. На карте распространения культуры пражского типа (рис. 82) почему-то отмечено только верхнее течение Днестра, хотя в тексте (на с. 242) сказано, что памятники пражского типа больше всего распространены и на Среднем Днестре. На рис. 94—6 лунница названа колтом.

К сожалению, автор не всегда последователен в своем стремлении излагать разные точки зрения по актуальным проблемам археологической науки. В связи с вопросами, относящимися к так называемой норманской теории, Д. А. Авдусин на с. 258 утверждает, что в IX в. присутствие скандинавов на Руси археологически не подтверждается: «Находок скандинавских вещей этого столетия (ни в комплексах, ни единичных) от Новгорода до Киева практически нет... Лишь через сто лет появляется более или менее значительное количество варяжских древностей на территории Руси». Но в археологической литературе есть и другое мнение, представители которого считают, что скандинавские вещи второй половины IX в. на этих пространствах встречаются[1]. Наличие таких вещей, попавших на Русь в результате торговли или другими путями, ни в коем случае не является, как мы полагаем, аргументом ни в пользу призвания варягов, ни в пользу «норманской теории» происхождения государства в восточнославянских землях в любом ее варианте. На с. 283 при характеристике топографии древнерусских городов утверждается, что «иногда не было в городе детинца, например в Смоленске». Но эту точку зрения не разделяют Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт, Л. В. Алексеев, считающие, что Смоленск имел детинец и его топография в древнерусское время не была исключением из общего правила[2].

Отмеченные недостатки носят частный характер. В целом же высшая школа получила хороший учебник, которому суждена долгая жизнь.

Е. А. Шмидт

---

[1] Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате Гнездовского могильника.— Краткие сообщения Института археологии АН СССР, 1971, вып. 125, с. 13—16; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л. 1978, с. 36—40; Stalsberg A. The Scandinavian Viking Age Finds in Rus. In: Oldenburg — Wolin — Staraja Ladoga — Novgorod — Kiev.— Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1988, № 69. Mainz a. Rhein, S. 453—455.

[2] Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Древний Смоленск.— Советская археология, 1979, № 1, с. 77 сл.; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М. 1980, с. 146 сл.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. Педагогика. 1989. 480 с.

Рецензируемая монография, подготовленная лабораторией истории школы и педагогики дореволюционной России НИИ общей педагогики АПН СССР при участии большого коллектива сотрудников других научных учреждений и преподавателей вузов, представителей различных гуманитарных наук — историков, педагогов, археологов, филологов, философов,— входит в серию очерков по истории школы и педагогической мысли народов СССР.

Педагогика эпохи средневековья мало изучена. В значительной степени это связано с объективными трудностями постижения далеких и непривычных, с точки зрения сегодняшнего дня, реалий. Авторскому коллективу во многом удалось преодолеть сложившиеся в этой области исследований стереотипы.

Первые два раздела посвящены просвещению, воспитанию, школе, педагогической мысли Древней Руси, третий — педагогике древнего и средневекового периода в истории народов СССР. Сразу же отметим, что этот раздел в отличие от первых двух представляет собой лишь сжатые очерки, в ряде случаев удачные, а некоторые достаточно поверхностные. Представляется, что проблематика эта заслуживала большего объема, а материал следовало бы излагать не по современным республикам, а по исторически сложившимся регионам, что более соответствовало бы исторической логике и устранило многие повторы.

Во введении к книге авторы констатируют, что «при обращении к педагогическому наследию древнейшего периода традиционные формы подхода к историко-педагогическому материалу оказываются недостаточными или малопригодными... Привычные нам развитые формы педагогической реальности здесь практически не существуют. Историко-педагогический процесс еще не выделяется в самостоятельную ветвь историко-культурного процесса. Он идет внутри этого более широкого потока, подчиняясь его закономерностям и одновременно отчетливо окрашивая его в просветительные тона. В то же время сама культура, во всех ее проявлениях, имеет широкий учительный, то есть в большей или меньшей мере «педагогический» характер» (с. 8). Этим подходом рецензируемая монография выгодно отличается от прежних трудов по истории педагогики Древней Руси.

Авторы считают, что создавшиеся в Киевской Руси школы существенно отличались от системы обучения, существовавшей в Византии и Западной Европе (с. 29). На Руси просвещение развивалось по оригинальному пути, обусловленному историческим своеобразием Русского государства.

Эволюция педагогической мысли рассматривается авторами в общеисторическом контексте. Показано влияние на ее развитие государства и церкви, характера вероисповедания, образа мышления средневекового человека, народных традиций и особенностей экономического развития. Анализируя большой комплекс источников, авторы показывают рост общественной потребности в грамотных людях в связи с развитием государственного и церковного аппаратов, вотчинного и ремесленного производства (см. гл. 2, § 2, гл. 3, § 1). При этом справедливо подчеркивается, что тяга к постижению письменности возникала «по природной склонности у людей самой различной сословной и профессиональной принадлежности» (с. 40). Авторы обоснованно считают, что книжное, письменное обучение органически сочеталось со специальным профессиональным и охватывало практически все подрастающее поколение. В главе о профессиональном обучении, пожалуй, впервые в историко-педагогическом исследовании используется археологический материал, который позволяет наглядно представить, как передавались от поколения к поколению ремесленные навыки. Документы, обнаруженные в архивах, свидетельствуют о существовании школ профессионального обучения при московских приказах, о чем историки до сих пор не имели представления (с. 103—119).

Изложение истории педагогической мысли Древней Руси (разд. II) не сводится авторами к изложению педагогических взглядов Епифания Премудрого, Максима Грека, Ивана Федорова, Симеона Полоцкого, Николая Спафария, Кариона Истомина и Дмитрия Ростовского (к сожалению, среди них не нашлось места Андрею Курбскому и Сильвестру Медведеву), но содержит характеристику общих тенденций развития этой отрасли обществознания в рассматриваемый период. В книге отмечается, что «педагогическая мысль Древней Руси дошла до нас в памятниках литературы и письменности, не носящих собственно педагогического характера» (с. 120). На наш взгляд, это утверждение не вполне корректно, поскольку к собственно педагогической следует отнести и учебную литературу, которой посвящена специальная глава (гл. III). Авторы справедливо указывают, что в историко-педагогическом исследовании необходимо не только вычленять педагогические воззрения «из самых разнообразных источников», но и учитывать способы и средства «выражения педагогических идей в памятниках древнерусской культуры» (с. 121). Необходимо, с нашей точки зрения, учитывать и то, что, хотя педагогическая мысль и не выделялась в особую отрасль знания, вся литература носила поучительный, воспитательный, дидактический характер, вопросы воспитания затрагивались в официальной церковной идеологии, действовали и сильные народные традиции.

Авторы исследуют литературные памятники, народный фольклор и, что заслуживает быть особо отмеченным, такую давно замалчиваемую важную часть средневековой дидактической литературы, как церковно-поучительную. Современный читатель с большой заинтересованностью отнесется ко многим имеющим непреходящую ценность нравственным наставлениям древних авторов: митрополита Даниила (XVI в.) (с. 152), составителей Степенной книги (XVI в.) (с. 153). и др.

Новая книга открывает нам совершенно неожиданные страницы из истории обучения и воспитания. Они проникнуты гуманистической моралью, мудрыми вековыми традициями разных народов.

В. Г. Безрогов

Robert U. ALLEN. *Russia Looks at America. The View to 1917.* Library of Congress. Washington. 1988. VII+ 322 pp.

Роберт В. АЛЛЕН. *Представления об Америке и России до 1917 г.*

Роберт В. Аллен — известный американский специалист по истории России и Советского Союза. За его плечами три десятка лет работы в славянском отделе Библиотеки Конгресса, где только русский фонд насчитывает более 800 тыс. томов. Библиография по избранной Р. Алленом теме превышает 5 тысяч названий. Она заложена в память компьютера и используется при анализе и сравнении первоисточников с помощью быстродействующей современной техники.

В рецензируемой монографии автор рассматривает только одну сторону российско-американских отношений, а именно: как воспринимались в России те или иные американские события или процессы, протекавшие в сельском хозяйстве, технологии, образовании, литературе, кинематографии и дипломатии.

Книга начинается с достаточно беглого обзора опыта русско-американских отношений, накопившегося до 1865 года. Затем идут главы, посвященные отдельным аспектам формирования американского имиджа в сознании просвещенных русских людей. Несколько нарушает структуру книги глава седьмая, в которой разбирается несколько статей В. И. Ленина о США, написанных до 1917 г. (сама же эта глава почему-то озаглавлена «После 1917— беглый взгляд»). Главу, в которой значительное место уделено утопической коммуне В. Фрея в Канзасе и переписке Л. Н. Толстого с американцами, автор скромно рассматривает как предварительный поиск «для дальнейшего выявления всех случаев подобных взглядов в России на Америку и объяснения степени их влияния» (с. 72). Проанализировав размышления Л. Толстого по религиозным, философским и общественным проблемам, содержащиеся в его письмах ко многим американцам, Р. Аллен делает вывод: «Было бы неверно считать, что американский фактор занимал первейшее место в его думах» (с. 71).

Значительное место в книге занимает вопрос о том, как русские воспринимали американскую художественную литературу. Показано, что большое влияние на вкусы русской читающей публики и издателей оказывали отзывы таких крупнейших мастеров, как И. С. Тургенев и Л. Н. Толстой. Первый положительно отзывался о творчестве Н. Готорна, У. Уитмена и У. Д. Хоуэллса. Последний пришелся по душе и Л. Толсто-

му, хотя с годами он все более и более начал ценить поэзию Уитмена. Л. Толстой внимательно знакомился с творениями Р. У. Эмерсона, Д. Г. Уитьера, Г. Торо, Г. Джорджа, Э. Беллами. В конце XIX — начале XX в. большую популярность завоевали Г. Лонгфелло, Брет Гарт, Джек Лондон, Э. Синклер, Марк Твен. После выхода в 1874 г. перевода романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» на русский язык популярность этого автора в России быстро возросла.

Почти четверть объема рецензируемой книги занимает оценка состояния и проблем американского сельского хозяйства в русской литературе конца XIX — начала XX века. Эту, как, впрочем, и другие главы, автор сам расценивает как предварительный обзор и путеводитель к имеющейся огромной литературе по теме. Как известно, в течение нескольких десятилетий середины XIX в. Россия сохраняла ведущее положение среди стран—экспортеров зерна. Но уже к 1880-м годам купцы и хлебные дельцы России почувствовали за собой дыхание американского соперника. Успехи Америки вызвали глубокое беспокойство в правящих кругах России и особенно среди русских помещиков и хлебных торговцев. Российские экономические обозреватели констатировали, что быстрый рост производства зерновых в США (сбор которых как абсолютно, так и с десятины посева был гораздо больше, чем в России) дал возможность американской республике занять первое место на мировом рынке, потеснив Россию. Среди факторов, которые способствовали этому, назывались дешевизна земли в западных штатах, достаточные для ведения прибыльного хозяйства размеры земельных участков, плодородие невозделанных земель, умеренное податное обложение американского фермера по сравнению с русским крестьянином, значительное распространение земледельческих машин и более высокий уровень технических знаний в сельском хозяйстве. Р. Аллен считает, что среди разнообразных факторов, влиявших на развитие русско-американских отношений, самым важным был именно сельскохозяйственный.

Автор исследует и такой вопрос, как восприятие в России в конце XIX—начале XX в. американской технологии, использование американского опыта в организации промышленности и образования. Большое внимание уделено работам таких русских ученых, как академик И. И. Янжул, профессор Е. П. Ковалевский, И. Х. Озеров, П. Г. Мижуев, Н. А. Бородин.

Автор отдает себе отчет, что в России существовали различные мнения о Соединенных Штатах того времени: одни рассматривали хозяйственное и общественное устройство США как пример прогресса и справедливости (это мнение, как считает Аллен, задавало тон и преобладало в большинстве дискуссий об Америке на страницах российских книг, журналов и газет), другие же — как неудавшийся и вредный эксперимент.

После разбора некоторых акций русской дипломатии в отношении США в 1866—1917 гг. автор приходит к весьма важному выводу: «До 1917 г. Россия знала Америку лучше, чем Америка — Россию; это знание продолжает оказывать влияние на сегодняшний Советский Союз, и, несмотря на все различия в стиле и содержании информации, ознакомление Советов с Америкой продолжает оставаться намного шире такого же познания Советского Союза Америкой» (с. 278).

Книга заканчивается своеобразным призывом Аллена к американским историкам использовать в своих исследованиях богатейший фактический материал русских источников и литературы, изданных до 1917 года, Аллен уверен, что, пока не будут изучены и поняты взгляды России на Америку, мало шансов на достижение американцами реального понимания Советского Союза. Аналогичный призыв можно, конечно, направить и нашим молодым исследователям, тем более что в наших книгохранилищах количество материалов именно по данной теме, безусловно, превосходит богатую коллекцию Библиотеки Конгресса США.

Г. П. Куропятник

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

КАКИМ БУДЕТ НОВОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА?

В журнале «Известия ЦК КПСС» (1989, № 11), отвечая на вопрос читателя, А. М. Совокин (Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) рассказал о работе этого института над проспектом будущего нового издания Сочинений В. И. Ленина. Выпуск каждого издания ленинского наследия — событие чрезвычайное. Сегодня в большинстве библиотек СССР и многих личных собраниях занимают заметное место 55 книг в темно-синих переплетах — 5-е собрание Сочинений В. И. Ленина. 6-е издание составит предположительно 70 томов. Возникает вопрос, только ли количество документов и объем нового собрания будут отличать его от предыдущего? Ведь возможен и «ресурсосберегающий» вариант: к существующему 55-томному изданию допечатать 10—15 томов с текстами новых ленинских документов, а также заново подготовленные справочные тома. Новое же издание может обрести смысл только в том случае, если оно окажется в чем-то иным в своей научной основе, отличаясь от предыдущего и приблизившись к академическому.

Еще в 20-е годы в связи с началом деятельности Института Ленина и выпуском 1-го издания Сочинений В. И. Ленина конкретно ставился вопрос об академическом издании его трудов. Крупнейший археограф С. Н. Валк подготовил «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Но объективных возможностей для осуществления этой идеи тогда не было, и ее воплощение осталось задачей будущего. Вместе с тем начиная с декабря 1925 г. выпускалось 2-е я, позднее, идентичное ему по содержанию 3-е издание Сочинений В. И. Ленина. Они отличались от первого более полным составом и более квалифицированной подготовкой томов, снабженных обширным научно-справочным аппаратом и приложениями, содержащими важнейшие партийные документы (не только большевистские, но и меньшевистские). Для составления примечаний широко привлекались архивные материалы, мемуарные источники и важные свидетельства еще здравствовавших участников событий.

Вот характерный пример. Подготовителю т. VIII Г. И. Крамольникову при работе над примечанием к ленинской резолюции, принятой на Первой конференции РСДРП в Таммерфорсе, пришлось провести настоящее научное исследование. Он подробно рассмотрел мемуарные публикации, опросил еще живших участников конференции, обратился к архивным источникам и впервые ввел в научный оборот некоторые агентурные документы Департамента полиции с частичной расшифровкой имен участников заседаний. Эти материалы послужили затем Крамольникову основой для доклада на I Всесоюзной конференции историков-марксистов. Таким образом, примечание было подготовлено фундаментально. Доныне раздел примечаний 2-го и 3-го изданий служит в ряде случаев незаменимым источником для исследователей. В целом научно-справочный аппарат всех томов составил приблизительно 300 печ. листов.

В 1938 г. эти издания подверглись несправедливой критике. В постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» научно-справочный аппарат вызвал особое неодобрение: отмечались «грубейшие политические ошибки, содержавшиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина»[1]. Однако идея академического издания не пропала. Подводя итоги проделанной к началу 30-х годов работы, один из руководителей тех изданий Сочинений Ленина В. Г. Сорин определял сразу две очередные главные задачи: выпуск изданий академического и четвертого[2]. Первые тома 4-го издания увидели свет в начале 1941 г., завершить его выпуск удалось уже после Великой Отечественной войны. Это издание было полнее предшествующих, в него вошли вновь обнаруженные ленинские произведения. Но его ориентировали на широкие читательские массы, поэтому научно-справочный аппарат не шел ни в какое сравнение с аппаратом 2-го и 3-го изданий. Комментарии ограничивались фактическими сведениями, не выходящими за рамки книги «История ВКП(б). Краткий курс». Раздел приложений с документами отсутствовал.

В начале 1957 г. ЦК КПСС вынес постановление о необходимости «собрать воедино все литературное наследие и выпустить в свет полное собрание произведений

[1] В помощь изучающим историю ВКП(б). Л. 1939, с. 16.

[2] Сорин Вл. Об издании работ Ленина.— Пролетарская революция, 1933, № 1, с. 312.

В. И. Ленина»[3]. Статус «полного собрания» был тогда более провозглашенным, чем возможным. Ведь «полное» по отношению к произведениям Ленина есть понятие относительное для каждого отрезка исторического времени. Для редколлегии и составителей 55-томного издания не было секретом, что по различным соображениям, включая конъюнктурные, за пределами «полного собрания» останется много ленинских документов. Уже в 1970 г. в Ленинский сборник XXXVII вошло 507 не публиковавшихся ранее документов. В 1975 г., когда появился Ленинский сборник XXXVIII, к ним прибавилось еще 487 (за 1900—1922 годы). Часть этих работ была известна и ранее и не являлась результатом новых разысканий. Скорее речь могла идти о новом отношении к источникам. Например, доклад и заключительное слово Ленина на IV конференции РСДРП (III общероссийской) в ноябре 1907 г. были опубликованы в Ленинском сборнике XXXVIII по рукописи протокольной записи, хранившейся в фондах Центрального партийного архива с 1933 года. Они могли давно увидеть свет, но не включались в собрание сочинений.

При подготовке полного собрания сочинений Ленина конкретных действий по выпуску академического издания не возникало. 5-е же издание явилось действительно самым полным собранием сочинений Ленина к моменту его выхода в свет, причем в него впервые вошло около 9 тыс. произведений и документов. Однако оно уступает 4-му по масштабам научно-справочного аппарата, тем более — 2-му и 3-му. Возвращаясь к проблеме 6-го издания, следует выяснить, отвечает ли полное собрание сочинений Ленина современным научным требованиям и какие при этом возникают пожелания и конструктивные предложения. Если прежде о полном собрании сочинений Ленина принято было говорить только в превосходной степени, не допуская никаких публичных критических замечаний (даже с самыми благими намерениями), то ныне особенно важно рассмотреть на конкретных примерах некоторые аспекты проблемы.

Согласно сложившейся текстологической традиции, научная публикация ленинских сочинений держится на «трех китах»: выявление и анализ источников, проникновение в историю текста, вопросы самого издания. Начнем с источников. Один из самых сложных вопросов — обоснование ленинского авторства. Множество ленинских работ публиковалось в легальной и нелегальной дореволюционной прессе без подписи. В статье «Литературное наследство и собрание сочинений Ильича» редактор 1-го издания, первый директор Института Ленина Л. Б. Каменев показал, сколь огромную предварительную работу пришлось проделать для сбора написанного и напечатанного Лениным. Как подарок Владимиру Ильичу к его 50-летию Каменев составил и выпустил «Перечень напечатанных работ В. И. Ленина». Хотя в «Перечне» имелись серьезные пробелы, это был первый научный свод ленинских произведений, причем его можно считать авторизованным, ибо Ленин внимательно просмотрел «Перечень», как показывают его замечания на отдельных страницах[4]. Затем за короткий срок в процессе подготовки 1-го издания Каменев дополнительно нашел и обследовал комплекты ряда газет и внес соответствующие изменения. За год с небольшим — от выхода «Перечня» до сдачи в производство т. VII — Каменеву с сотрудниками удалось сделать удивительно много: если в «Перечень» за петербургский период (1905—1907 гг.) было включено 116 ленинских работ, то в относящиеся к тому времени тт. VII и VIII вошло 172 ленинских документа, причем 41 из 56 был выявлен в газете «Пролетарий». Все они не имели подписей, авторство же было доказано исследовательским путем.

Как это делалось? «Статьи неподписанные или подписанные псевдонимами,— объяснял Каменев,— установлены по авторитетным указаниям ближайших сотрудников Владимира Ильича»[5]. При сомнении ставился знак вопроса. Надежность такого метода, конечно, не безупречна. Даже более квалифицированная подготовка 2-го и 3-го изданий не гарантировала от ошибок. Редакция подвела некоторые итоги многолетней работы: «Как известно,— отмечалось в заметке «От редакции»,— огромное большинство вновь найденных произведений печаталось в свое время без подписи автора. Поэтому распознавание статей, принадлежащих перу Ленина, при отсутствии рукописей, представляло нередко значительные трудности. В отдельных случаях были возможны ошибки при определении автора той или иной неподписанной статьи»[6]. Это открытое признание делало честь редакции, хотя, возможно, подобное высказывание явилось откликом на дискуссию в журнале «Пролетарская революция», начатую статьей М. С. Ольминского «Ленин или не Ленин»[7]. Издатели и редакторы последующих изданий сочинений Ленина никаких сомнений насчет авторства ленинских произведений публично уже не высказывали. Рассмотрим поэтому отдельные характерные с точки зрения достаточности аргументации при атрибуции ленинских документов примеры.

Ноябрь 1905 года. Принято постановление Исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов о мерах борьбы с локаутом. Оно было включено в состав соответствующего тома на основании воспоминаний Д. Сверчкова. Составители не сочли возможным искать другие подтверждения

[3] Справочник партийного работника. М. 1957, с. 371—372.

[4] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. VIII, с. 481.

[5] Перечень напечатанных работ В. И. Ленина. Вып. 1. 1894—1914 гг. М. 1920, с. 1.

[6] Ленин В. И. Соч. Изд. 2-е — 3-е. Т. XXX, с. VIII.

[7] Пролетарская революция, 1931, № 1, с. 148—168.

событию, доверились мемуаристу и ошиблись. Данное постановление было написано Л. Д. Троцким (перу которого вообще принадлежало большинство резолюций Совета)[8]. Далее, отмечая новации т. VIII, скажем, что по сравнению с 1-м изданием появились не только пополнения, но и изъятия. Так, из двух ленинских резолюций на конференции «большинства» в Таммерфорсе во 2-м и 3-м изданиях осталась только одна — по аграрному вопросу. Сомнения в принадлежности Ленину другой резолюции («О государственной думе») составители выразили в ремарке: «Резолюция о бойкоте Думы была выработана «Комиссией из пяти лиц» — Ленина, Красина, Мельситова, Сталина, Ярославского». Так напечатано в листовке по итогам конференции. Но почти полностью та же резолюция приведена в брошюре Ленина «Государственная Дума и социал-демократическая тактика»[9]. В других подобных же случаях такое использование документа Лениным являлось достаточным для установления его авторства. Значит, этот документ нуждается в дополнительном источниковедческом исследовании.

Удалось значительно пополнить ленинские работы за счет материалов ежедневной газеты большевиков «Эхо», легально выходившей в Петербурге с 5 мая 1906 года. Ее выпускали вместо закрытой газеты «Вперед» без изменения состава сотрудников. Удалось напечатать 14 номеров. В 1-е издание из «Эхо» вошло 14 статей Ленина, и все без авторской подписи. Во 2-е и 3-е издания включили еще семь статей, исключив одну — «Толки об измене». Кроме того, в «Список статей и заметок, автором которых, возможно, является В. И. Ленин» вошли четыре документа из той же газеты. Однако никаких данных о предварительной источниковедческой работе и экспертизе дополнительно выявленных статей не было приведено.

Обратимся сами к газете «Эхо» и увидим, что все ленинские статьи во всех 14 номерах опубликованы без подписи. Не найдем даже псевдонимов или инициалов. Отчего? Может быть, дело заключалось в конспирации? А почему же только статьи Ленина шли без подписи? Другие материалы во всех номерах газеты имеют авторские подписи с полным или сокращенным вариантом фамилий: Г. Ал-ский (Г. А. Алексинский), А Л-й (А. В. Луначарский), Дм Л-о (Д. И. Лещенко), Ю. Кам-нев (Л. Б. Каменев), И. Г. (И. П. Гольденберг-Мешковский). Есть и псевдонимы: Угрюмый (Н А. Алексеев), Сергей Петров (В. С. Войтинский), А. Деснянец (А. И. Свидерский). В. Калинин (В. А. Карпинский). Разве редакция беспокоилась только о безопасности Ленина, а для остальных это не имело значения? Поищем разгадку в иной плоскости. Ленинские статьи, как правило, носили общередакционный характер, выражая позицию большевистской фракции в целом. Не случайно в 10 из 14 номеров «Эхо» передовые написаны именно Владимиром Ильичем. Еще две передовые принадлежали перу Луначарского, одна — Алексинского. 14-я из № 9, с заголовком «Толки об измене», опубликованная без подписи, была включена в VII т. 1-го издания Сочинений Ленина. Правда, сомнения в принадлежности ее Владимиру Ильичу имелись. Еще в 1920 г. в «Перечне» Каменева рядом с названием этой статьи появился знак вопроса. Во 2-е и 3-е издания эта статья уже не вошла и была изъята как «не принадлежащая Ленину»[10]. Кто же ее автор? В заметке «От редакции» об этом ничего не говорится. Предварительный анализ позволяет предположить, что она написана Луначарским, хотя и данная версия нуждается в дополнительном исследовании.

Определенное место в большевистской прессе занимал полемический и оперативный раздел «Среди книг и журналов». Его вели во всех легальных большевистских газетах весны — лета 1906 г. («Волна», «Вперед», «Эхо»). В небольших заметках там давались анализ и критическая оценка материалов текущей периодики. Как сообщалось в примечаниях к сочинениям Ленина, «отделом руководил и в нем наиболее активно сотрудничал А. В. Луначарский. Кроме него, в отдел писали: В. В. Воровский (Орловский), Л. Б. Каменев и др. Некоторые статьи этого отдела написаны Лениным»; в т. IX 2-го — 3-го изданий были включены пять новых заметок из этого раздела, которые «при тщательном изучении признаны принадлежавшими Ленину»[11]. Количество таких заметок из газеты «Эхо» увеличивалось от издания к изданию: в 1-м издании — одна заметка, во 2-м и 3-м — пять, а четыре включены в «Список статей и заметок, автором которых, возможно, является В. И. Ленин». В полное собрание Сочинений вошли еще пять, всего же — 11 заметок из семи номеров «Эхо». К сожалению, нельзя узнать, кому принадлежали другие заметки. Исследователей данный вопрос пока не заинтересовал.

Подготовители полного собрания Сочинений Ленина (сотрудники ИМЛ И. М. Бутулова и В. В. Горбунов) раскрыли технологию обоснования ленинского авторства в этом случае[12], но не сочли нужным объяснить тот факт, что четыре из пяти вновь обнаруженных заметок были включены в т. IX 2-го и 3-го изданий условно.

Дело в том, что здесь не прямая находка рукописей, а косвенные доказательства позволили перевести документы из «возможно принадлежавших» в основной корпус. Где реальная грань между определениями «Ленин», «не Ленин», «возможно, Ленин»? Обратимся к «Инструкции», написанной в связи с подготовкой полного собрания

[8] Вопросы истории. 1989. № 4, с. 28—31.

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 165.

[10] Ленин В. И. Соч. Изд. 2-е — 3-е. Т. IX, с. VIII.

[11] Там же, с. 535.

[12] Научно-информационный бюллетень сектора произведений В. И. Ленина ИМЛ при ЦК КПСС, 1961, № 2, с. 3—15.

сочинений Ленина. В ней оговариваются произведения, «относительно которых есть доводы, что они могли быть написаны Лениным, однако эти доводы недостаточны, чтобы сделать вывод о принадлежности данных работ Ленину»[13]. Как руководствоваться столь неопределенной формулировкой? В ней нет главного — четкой градации доказательности доводов, в каких случаях они веские, а в каких — наоборот. Отчего при прочих равных условнях одни документы будут считаться безусловно написанными Лениным, а другие — «возможно, принадлежат»?

Полагаем, что любая новая ленинская публикация, основанная только на исследовательских доказательствах, требует подтверждения и проверки с учетом редакционного окружения Ленина, литературного творчества его товарищей и других коллег по перу. Хотелось бы поэтому предложить при подготовке 6-го издания сочинений Ленина пересмотреть его литературное наследие в случаях, когда произведение не было подписано автором. Сегодня существует возможность применить более совершенное исследование не только самих ленинских произведений, но и их взаимосвязей, выявление скрытой информации на основе системного, целостного подхода и структурного анализа, включая его машинный метод. Еще в 60-е годы мысль В. В. Горбунова о применении электронно-математических машин для изучения ленинского авторства казалась гипотетичной. Но сейчас такая задача выполнима. В Институте русского языка АН СССР создана генеральная картотека из 2,5 млн. карточек с выписками и цитатами из произведений Ленина. На ее основе выпущен тиражом в 100 экз. «Словарь языка В. И. Ленина» с подзаголовком: алфавитно-частотный словоуказатель к полному собранию сочинений. Этот банк данных, заложенных в компьютер, поможет решать проблему атрибуции. Подобный опыт статистического анализа словарного состава и устойчивых словосочетаний был успешно проделан, в частности, над текстами У. Шекспира, и компьютер безошибочно определил авторство.

Источниковедческий аспект атрибуции работ Ленина — лишь один из аспектов проблемы. Серьезного отношения требует также новый подход к истории ленинских текстов и отбору их для публикации. 6-е издание явится всенародным делом, принять участие в его предварительном обсуждении должно как можно больше заинтересованных лиц.

Г. С. Усыскин,
кандидат исторических наук,
Ленинград

[13] Инструкция по подготовке к печати Полного собрания сочинений В. И. Ленина. М. 1960, с. 47.

ЗАТЕРЯННАЯ ЗАПИСКА

Предлагаемая читателю «Записка» известного ленинградского ученого-кавказоведа Л. И. Лаврова не предназначалась для печати, ибо составлена в порядке «служебного долга» по поручению «вышестоящих инстанций» как отзыв на «Справку-обоснование празднования 200-летнего юбилея вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», да еще в пору, которую сейчас принято называть застойным периодом,— в феврале 1979 года. Первый экземпляр записки затерялся и при решении вопроса «праздновать» или «не праздновать» 200-летний «юбилей» не был принят во внимание (вернее, был принят во внимание, а потому, видимо, и затерялся); второй, посланный мне Лавровым с припиской «На всякий случай (а вдруг еще понадобится?)» уцелел в моем домашнем архиве. Содержание «Записки» нисколько не утратило своей злободневности; напротив, в изменившейся обстановке, когда проблемы межнациональных взаимоотношений, истолкования исторических судеб народов Средней Азии, Прибалтики, Молдавии, Кавказа, других регионов страны раскалены почти повсюду, она приобрела черты глубоко поучительного документа.

Ее публикация вслед за «Письмами А. М. Панкратовой (вступительная статья Ю. Ф. Иванова)» в «Вопросах истории» (1988, № 11) продолжит усилия приподнять завесу и над своеобразными «белыми пятнами» в истории самой советской исторической науки, в частности касательно тенденции некоторых историков брать на себя ответственность за колониальную политику царизма, искажать историю национально-освободительных движений на окраинах и т. п. и в то же время обходить стороной первые контакты трудовых масс разных наций и народностей, истоки их совместной с русским крестьянством и казачеством борьбы против феодального гнета.

О «Справке-обосновании празднования
200-летнего юбилея вхождения
Чечено-Ингушетии в состав России».

Кавказские горцы всегда нуждались в непосредственных связях с населением Предкавказья, так как в степях находились необходимые горцам рынки и зимние пастбища. Степь нужна была горцам гораздо больше, нежели степнякам горы, поэтому горцы обычно попадали в зависимость от тех, кто владел соседней степью. Противоположных фактов история не знает. Так было во времена Хазарского каганата, Золотой орды, господства в степях Кабарды и неизбежно должно было то же произойти после включения Предкавказья в состав России. То был неотвратимый процесс, но протекал он далеко не гладко.

Присяги царскому правительству, принесенные депутатами от отдельных чечено-ингушских обществ в XVIII в., остались известными только по краткому упоминанию их в печати. Розыски этих документов в архивах и последующая их публикация должны предшествовать ответственному решению о праздновании даты присоединения Чечено-Ингушетии к России. Пока это не сделано, остаются неясными и подходящая дата этого события и условия, лежавшие в основе присяг. Ведь мы пока знаем лишь, что в XVIII в. не все общества Чечено-Ингушетии приносили помянутые присяги и что присяги эти не приводили к фактическому вхождению края в состав Российской империи, так как в нем и после присяг не появлялись чиновники царской администрации, не смели появляться там и частные лица из России, если их не сопровождала охрана из кунаков или русского вооруженного отряда. Известно также, что в течение более полувека после присяг не упраздняли систему пограничных укреплений («Кордонная линия») между Россией и Чечено-Ингушетией, оставшейся такой же, как и на других государственных границах.

Сказанное не согласуется с утверждением «Справки-обоснования», будто после 1781 г. Чечено-Ингушетия «стала органической частью России» (с. 3) и будто последующие кровопролитные войны царских войск с населением Чечено-Ингушетии, не прекращавшиеся в течение многих десятилетий, были вроде лишь эпизодом «уже внутри Российского государства» (с. 2).

Несмотря на понятное стремление царского правительства приписать своей политике мнимовысокие цели, оно, как и официальная историография царского времени, не решалось утверждать добровольный характер подчинения царизму горцев Закубанья, горного Дагестана и Чечено-Ингушетии. И правительство и дореволюционные историки писали в этом случае о покорении. Вспомним хотя бы только заголовки изданных тогда сочинений: «Утверждение русского владычества на Кавказе», «История войны и владычества русских на Кавказе», «Кавказская война», «Завоевание Кавказа Россией», «Погром Чечни» и т. д. и т. п. Когда ген. Ермолов, пройдя с боями в глубь Чечни, в 1818 г. заложил там крепость, то назвал ее Грозной, имея в виду, что имя ее будет наводить страх на чеченцев. У меня на столе лежит подлинная серебряная медаль времен Александра II. На ней выгравировано: «За покорение Чечни и Дагестана в 1857, 1858 и 1859 гг.».

Предлагаемый авторами «Справки-обоснования» новый анализ событий XVIII в. много теряет из-за отсутствия в нем ссылок на движущие силы в этих событиях. В «Справке-обосновании» даже не упоминаются совершенно разные классовые интересы горского крестьянства, феодалов, духовенства и представителей царского правительства, и заявление о существовании в XVIII в. «единой общекавказской прогрессивной тенденции» (с. 1) остается без доказательств. Напомню, например, что чечено-ингушское крестьянство стремилось защищать свои права от посягательств со стороны кабардинских и кумыкских феодалов, а также от своих феодализирующихся социальных слоев и от царских военачальников. Своим эксплуататорам крестьяне пытались противопоставлять преимущественно внутриобщинную организацию, против соседних феодалов искали защиты у царских военачальников, а завоевательные планы царского правительства толкали горские массы на союз с любыми антироссийскими силами. Поэтому не могу разделить убеждения составителей «Справки-обоснования» и о «длительном пути добровольного и мирного вхождения чеченцев и ингушей в состав России» (с. 1). Этот гораздо более сложный путь в общих чертах правильно был освещен с марксистских позиций в 1-м томе «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР», изданном в 1967 г. Вряд ли назрела необходимость для его радикального пересмотра!

Я далек от обвинения авторов «Справки-обоснования» в немарксистском подходе к историческим фактам. Очевидно, лишь по условиям полемики не отметили диалектику русско-чечено-ингушских отношений в прошлом и упустили из виду классовую подоснову этих отношений. В результате получилось, что «Справка-обоснование» дает повод думать, будто все социальные слои Чечни и Ингушетии, забыв о классовых противоречиях, единодушно жаждали стать царскими верноподданными, чтобы взвалить на свои плечи бремя колониального гнета.

Намечаемое празднование юбилея в свете сказанного представляется исторически неоправданным, а практически таящим в себе и нежелательные последствия, так как может вызвать у определенной части чеченцев и ингушей реакцию, обратную той, на которую рассчитывают составители «Справки-обоснования».

Вместо юбилейных торжеств следует приветствовать полезную инициативу Института истории СССР АН СССР, решившего созвать конференцию по вопросу о прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Это как раз то, что действительно нужно! В рамках этой проблемы историки могут показать многовековые обоюдополезные связи горцев с русским народом, плодотворное влияние на горцев русской культуры и, несмотря на отдельные отрицательные последствия присоединения их к России (карательные экспедиции царских войск, дореволюционная экспроприация земель, выселение части горцев в Турцию в XIX в., несправедливость, допущенная Берией в отношении некоторых горских народов), бесспорное преобладание в этом событии большого прогрессивного начала. Научная разработка и популяризация проблем прогрессивного характера присоединения горских областей к России явятся практическим вкладом историков

в важное дело укрепления на Кавказе принципов интернационализма (Л. Лавров. Февраль, 1979 г.).

Приписка Л. И. Лаврова на записке, адресованной мне: «Последующие печатные и устные проповеди потерявших чувство меры миссионеров псевдоистории также не выдерживают критики! (Л. Январь, 1981 г.)».

Итак, случайно или «не без умысла» (поскольку всем своим содержанием «Записка» Лаврова противостояла затее творцов «новой концепции») был затерян этот документ в дирекции Института истории СССР АН СССР — решать читателю.

От себя же засвидетельствую, что впоследствии ученый мучительно переживал и терзался, что не послал ее «прямо в ЦК», а незадолго до смерти говорил в кругу друзей, что тогда не пришлось бы, как он полагал, праздновать «200-летие добровольного вхождения Чечено-Ингушетии» и резать для гостей столько баранов.

В. П. Крикунов,
доктор исторических наук,
г. Грозный

О ПРАКТИКЕ ИЗДАНИЯ РУССКОГО АКТОВОГО МАТЕРИАЛА

Послевоенная история актовой археографии дает основания утверждать, что число и длительность обсуждений принципов, кладущихся в основу изданий, обратно пропорциональны количеству изданных актов.

Еще в начале 50-х годов в Ленинградском отделении Института истории АН СССР (ЛОИИ) приступили к подготовке «Законодательных актов Русского государства второй половины XVI в.— первой половины XVII в.», входящих в серию задуманных акад. Б. Д. Грековым публикаций «Законодательных памятников Русского централизованного государства XV—XVII вв.»[1]. Тексты указов были подготовлены Р. Б. Мюллер в соответствии с правилами, выработанными в результате ряда совещаний в ЛОИИ при участии А. И. Андреева, С. Н. Валка, А. И. Копанева, Б. А. Романова, И. И. Смирнова.

Однако при обсуждении этих правил в Институте истории АН СССР другая группа не менее авторитетных ученых (А. А. Зимин, Е. Н. Кушева, Л. В. Черепнин) выступила с критикой этих принципов, в результате чего работа была отложена на неопределенный срок. Теперь это издание вышло в свет[2]. Само собой разумеется, что поскольку составители этой публикации в основном остались прежними, она основывается именно на тех правилах, которые были приняты ими ранее. Иначе и быть не могло. Ведь это был не каприз, а убеждение в правильности своей позиции, которая была обоснована в печати[3]. Но споры о принципах задержали нужное издание на 25 лет.

Второй пример касается «Актов Русского государства XVI — начала XVII в.». Первый том вышел из печати 15 лет тому назад. Готовы к изданию еще несколько томов. И в течение всего этого времени ведутся споры о том, какими принципами надо руководствоваться при публикации следующих томов. Проникли они и на страницы печати[4]. С методической стороны подобное столкновение мнений представляет большой интерес, так как способствует совершенствованию актовой археографии. Но в практическом приложении применительно к данному изданию оно оказалось бесплодным и даже вредным, поскольку задержало публикацию уже готовых сборников в лучшем случае лет на 20. А тем временем археографы, не втянутые в теоретические дискуссии и не считавшие нужным дожидаться их завершения, успешно издают русские акты[5].

Из приведенных примеров следует: а) нельзя чтобы практическое дело, каким является издание источников, заменялось теоретическими рассуждениями, имеющими отрицательный практический результат — прекращение или значительное замедление издания актов; б) необходимо учитывать, что вырабатываемыми унифицированными правилами публикации источников будут пользоваться археографы, имеющие собственный взгляд на проблему. Следовательно, субъективный фактор, принимаемый во внимание в научной работе (личность исследователя), не следует сбрасывать со счетов и в археографии (личность публикатора). Поэтому излишняя формализация правил издания источников, в том числе и актов, может не принести ожидаемой пользы, так как ограничит творческие начала в деятельности археографа.

Среди факторов, с которыми в немалой степени необходимо считаться при выработке правил издания источников, не последнее место занимают условия полиграфического производства. Часто приходится сталкиваться с мнением, что типография должна приспосабливаться к требованиям науки, а не наоборот. Но это нереалистический взгляд на логику взаимоотношений науки и полиграфии. Всякий прогресс техники помимо того, что он имеет могучий стимулирующий импульс, связан, как известно, с некоторыми издержками. Коснулись они и нашей сферы. И действительно ушел в прошлое ручной набор, позволявший при издании, например, грамот Коллегии экономии держать по семь корректур. Линотип интенсивно вытесняется фотонабором. Игнорировать эти изменения невозможно. Рассчитывать приходится теперь всего только на две корректуры, причем вносить правку разрешается только в первую.

В этих условиях следует вернуться к рассмотрению вопроса о том, целесообразно ли совмещать в изданиях актов XVI в. требования историков, с одной стороны, и филологов и лингвистов — с другой, то есть применять правила, действующие для рукописей, датируемых временем до XVI века. Даже лучшие из недавних изданий актов, такие, как «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», грешат ошибками при пользовании буквами, набранными курсивом, и буквами, заключенными в скобки. При нынешних особенностях полиграфического обеспечения число таких ошибок неизбежно умножится. Не следует игнорировать и такие факторы, как удорожание изданий и удлинение сроков их выпуска в свет.

Возражения против так называемых усложненных правил высказывались и раньше по мотивам принципиального, а отнюдь не только полиграфического характера. Теперь к тем мотивам, которыми руководствовались сторонники издания актов XVI в. по так называемым упрощенным правилам, прибавляются мотивы, связанные с необходимостью учитывать особенности современного полиграфического производства.

Это тем более относится к изданиям методом безнаборной печати, при котором отсутствует возможность применять различные шрифты. А ведь число подобных публикаций растет. Но, к сожалению, они-то оказались вне всякой, даже самой минимальной археографической регламентации. В ротапринтных изданиях нет единой системы передачи в подстрочных примечаниях разночтений (у одних — кавычки, у других — подчеркивание, у третьих — ни того, ни другого), в результате чего текст источника часто сливается с комментариями публикатора, нередко отсутствуют указатели и т. д. Не пора ли выработать общие правила издания источников специально для безнаборной печати? Кроме того, явно ощущается отсутствие в таких публикациях издательского редактора: в предисловиях имеют место стилистические шероховатости, не унифицированы сноски, которые кроме того делаются с нарушением ГОСТа. Наконец, ротапринтные издания, как правило, не рецензируются в научной периодике. Это также не способствует их археографическому совершенствованию. Быть может, для начала следует позаботиться о публикациях обзорных статей о такого рода ротапринтных изданиях.

В. М. Панеях

---

[1] Первый выпуск этой серии: Судебники XV—XVI веков. М.-Л. 1952.

[2] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л. 1986; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Комментарии. Л. 1987.

[3] Мюллер Р. Б. Некоторые замечания об издании законодательных актов второй половины XVI в. В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. 9. М. 1961; ее же. Законодательные акты второй половины XVI — первой половины XVII в. и принципы их издания. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 8. Л. 1976.

[4] Каштанов С. М. Из опыта актовой археографии. В кн.: Археографический ежегодник за 1982 год. М. 1983; Правила издания «Актов Русского государства XVI— начала XVII в.». Составитель И. А. Булыгин. М. 1984.

[5] Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Составитель Л. И. Ивина. Л. 1983; Акты социально-экономической истории Севера России конца XV— XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. Составитель И. З. Либерзон. Л.

SUMARIO

SOMMAIRE

CONTENTS

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 29.03.90. Подписано к печати 27.04.90. А 09445. Формат 70×108[1]/[16]. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08. Тираж 105 000 экз. Заказ № 2164. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781, ГСП Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

НОВЫЕ КНИГИ

GAXOTTE P. La Revolution française. Nouv. éd. établie par Jean Tulard. Bruxelles. Éd. Complexe. 1988. XIII, 456 p.

GUILHAUMOU J. 1793, la mort de Marat. Bruxelles. Éd. Complexe. 1989. 169 p.

TOBIAS J. A. Historia das idéias no Brasil. Sao Paulo. EPU. 1987. X, 189 p.

LYNCH A. The Soviet Study of International Relations. Cambridge etc. Cambridge Univ. Press. 1987. XII, 197 p.

WEIGALL D. Britain and the World, 1815—1986. A Dictionary of International Relations. With ed. Assist. from Christopher Catherwood. London. Batsford. 1987. 240 p. (7) l. map.

ROMERO A. La miseria del populismo. Mitos y realidades de la democracia en Venezuela. 2. ed. Caracas. Centauro. 1987. 349 p.

PETKOFF T. Del optimismo de la voluntad. Escritos polit. Caracas. Centauro. 1987. 272 (6) p.

GUPTA R. Soviet Policies in the Eighties. New Delhi. Patriot Publ. 1987. XI, 188 p.

IBARRA GÜELL P. El movimiento obrero en Vizcaya, 1967—1977. Ideología, organización y conflictividad. Prol. de Manuel Tuñón de Lara. Bilbao. Servicio Ed. (de la) Univ. del Pais Vasco. 1987. 583 p.

La América española en la época de las Luces. Tradición, innovación, representaciones. Coloquio francoesp. Maison des Pays Ibériques, Burdeos, 18—20 sept. 1986. Madrid. Ed. de Cultura Hisp., ICI. 1988. 423p.

La Guerra Civil en el Pais Vasco. 50 años después. Manuel Tuñón le Lara, Juan Pablo Fusi Aizpurua, José Luis de la Granja et al. Al cuidado de Carmelo Garitaonandia y José Luis de la Granja. 2. ed. Bilbao. Servicio·Ed. (de la) Univ. de Pais Vasco. 1987. 481 p.

PÉREZ MURILLO M. D. Aspectos demográficos y sociales de la Isla de Cuba en la primera mitad del siglo XIX. Cádiz (España). Servicio de Publ. de la Univ. de Cádix. 1988. 308 p.

ANDREOTTI G. L'URSS vista da vicino. Dalla guerra fredda a Corbaciov. 2. ed. Milano. Rizzoli. 1988. 339 p.

ROBINSON H. B. Diefenbaker's World. A Populist in Foreign Affairs. Toronto etc. Univ. of Toronto Press. 1989. XVII, 352 p. (7) l. ill., Portr.

GÓMEZ L. Obras completas. T. I. Critica sobre literatura, arte y teatro. XIX, 192 (5) p. T. 2. Critica de historia. 324 p. T. 3. Panegiricos y ensayos biográficos. 280 p. Comp. y notas de Ricardo Ruiz Santos. Bogotá. Inst. Caro y Cuervo. 1984—1989.

ALMOG Sh. Zionism and History. The Rise of a New Jewish Consciousness. New York. St. Martin's Press. Jerusalem. The Magnes Press. The Hebrew Univ. 1987. 330 p.

BROWER D. R. The World in the Twentieth Century. The Age of Global War and Revolution. Englewood Cliffs (N. J) Prentice Hall. 1988. XVII, 363 p.

CASPER D. E. Richard M. Nixon. A Bibliographic Exploration. New York. London. Garland Publ. 1988. IX, 221 p.

JENKINS P. Mrs. Thatcher's Revolution. The Ending of the Socialist Era. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press. 1988. XXXVI, 417 p., (8) l. Ill., Portr.

The American Revolution. Its Character and Limits. Ed. by Jack P. Greene. New York. London. New York Univ. Press. 1987. X, 422 p.

HAUG W. F. Vom hilflosen Antifaschismus zur Gnade der späten Geburt. Hamburg. Berlin. Argument. 1987. 336 S.

HOFMANN G. Willy Brandt. Portr. eines Aufklärers aus Deutschland. Orig.-Ausg. Hamburg. Rowohlt. 1988. 127 S.

MEYER-LANDRUT N. Frankreich und die deutsche Einheit. Die Haltung der franz. Regierung u. Öffentlichkeit zu den Stalin-Not. 1952. München. Oldenbourg. Schr.-R. der Vierteljahreshefte. für Zeitgeschichte. 1988. 162 S.

Finns and Hungarians Between East and West. European Nationalism and Nations in Crisis during the 19th and 20th Centuries. The Proceedings of the III Conference of Finnish-Hungarians in 1988. Tenho Takato (ed.). Helsinki. SHS. 1989. 188 p.

HEIKKILÄ H. The Question of European Reparations in Allied Policy, 1943—1947. Helsinki. SHS. 1988. 150 p.

NAAKKA-KORHONEN M., KEYNÄS M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki. Suomalaisen kirjallisuuden seura. 1988. 294 s.

CHAMARD M., MACÉ-SCARON J. La galaxie Barre. Paris. La Table ronde. 1987. 332 p.

Chronique de la Révolution, 1788—1799. Sous la dir. de Jean Favier et al. Paris. Larousse. 1988. 704 p.

ROTHSCHILD R. Les chemins de Munich. Une nuit de sept ans 1932—1939. Paris. Perrin. 1988. 496 p.

SCHURZ C. Lebenserinnerungen. Vom dt. Freiheitskämpfer zum amer. Staatsmann. Bearb. von Sigismund von Radecki. Mit einem Vorw. von Theodor Heuss. Zürich. Manesse. 1988. 533 S.

Solidarität, Widerspruch, Bewegung. 100 J. Sozialdem. Partei der Schweiz. Hrsg. von der Sozialdem. Partei der Schweiz durch Karl Lang et al. Zürich. Limmat. 1988. 404 S.